ОЧЕРКИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЭТНОГРАФІИ И КУЛЬТУРЫ.

М. И. КУЛИШЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 39).
1887.

ОЧЕРКИ
СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЭТНОГРАФІИ
И
КУЛЬТУРЫ.

М. И. КУЛИШЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 39).
1887.

Посвящается

жене моей.

ЭТНОГРАФІИ

РЫ.

ОЧЕРКИ
СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЭТНОГРАФІИ
И
КУЛЬТУРЫ.

М. И. КУЛИШЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 39).
1887.

ОЧЕРКИ
СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЭТНОГРАФІИ
И
КУЛЬТУРЫ.

М. И. КУЛИШЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 39).
1887.

Посвящается

жене моей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ друзья мои настоятельно совѣтуютъ мнѣ собрать мои статьи, составить изъ нихъ книгу, во-первыхъ, потому, что, разсѣянныя въ книжкахъ журналовъ, они представляютъ собою матеріалъ, которымъ трудно пользоваться, во-вторыхъ, потому, что отдѣльныя мои статьи, проникнутыя единствомъ плана и мысли, составляютъ собою части цѣлаго, о которомъ трудно составить себѣ ясное представленіе по разбросаннымъ частямъ. Это послѣднее обстоятельство—единство плана моихъ работъ—въ сущности значительно облегчаетъ соединеніе ихъ. Онѣ вызывались не случайными причинами, а заранѣе предназначались въ видѣ кирпичей для цѣлаго зданія и сообразно съ этою цѣлью разрабатывались. Объединяя въ одну книгу эти membra disjecta, я установляю этимъ путемъ не механическую связь между ними, но возстановляю присущее имъ внутреннее единство. Кромѣ совѣтовъ моихъ друзей, у меня были и еще нѣкоторыя основанія для того, чтобы приступить возможно скорѣе къ собранію и изданію моихъ статей. Вслѣдствіе недоступности моихъ работъ, многое изъ того, что было уже сдѣлано мною въ области этнографіи и сравнительной исторіи культуры, дѣлалось предметомъ изслѣдованій другихъ лицъ, и они вновь доказывали то, что доказательствъ уже не требовало и на что можно было бы прямо сослаться. Вслѣдствіе той же недоступности моихъ работъ для большинства, нѣ-

которые изслѣдователи заимствовали сгруппированные мною факты и сдѣланные мною выводы, не указывая источника заимствованій.

Въ виду того, что первенство въ области научныхъ изысканій не имѣетъ еще у насъ такого значенія, какое оно имѣетъ въ Европѣ, я ограничился бы сказаннымъ и счелъ бы излишнимъ указывать здѣсь на факты, подтверждающіе мое заявленіе, если бы меня не побуждало къ этому слѣдующее соображеніе. Мнѣ приходится перепечатать здѣсь цѣликомъ, хотя и съ дополненіями, статью объ обращеніи съ дѣтьми, которою въ значительной мѣрѣ воспользовался г. Покровскій во II и XXVI гл. своего сочиненія «О физическомъ воспитаніи дѣтей у разныхъ народовъ» *),—сочиненіи, къ слову сказать, безграмотно-написанномъ и плохо составленномъ, не смотря на богатство матеріала, доставленнаго автору изъ разныхъ мѣстъ. Если я не предостерегу читателя, имѣвшаго возможность познакомиться съ сочиненіемъ г. Покровскаго, что послѣдній заимствовалъ большую часть II-й главы своего сочиненія у меня, то читатель будетъ въ правѣ обвинять меня въ присвоеніи литературной собственности г. Покровскаго. Я долженъ, впрочемъ, оговориться, что тотъ же г. Покровскій, дѣлая изъ той же статьи объ обращеніи съ дѣтьми весьма обильныя заимствованія въ XXIX главѣ **) своего сочиненія, счелъ нужнымъ сдѣлать въ этой главѣ ссылку на мою работу.

Я указалъ до сихъ поръ на соображенія, говорящія въ пользу предпринятаго мною изданія статей, конечно, въ дополненномъ видѣ. Но кто знаетъ, какъ трудно исправлять и перерабатывать уже разъ напечатанное, тотъ пойметъ, какъ нелегко мнѣ было приступить къ подведенію итога девятилѣтнихъ трудовъ ***). Условія моей личной жизни являлись

*) Стр. 29, 30, 31, 32, 33, 34, 293.

**) Стр. 342, 343, 344, 345, 346.

***) Сюда, впрочемъ, не вошли кромѣ статей, неподходящихъ къ плану этого сочиненія, статьи на нѣмецкомъ языкѣ по исторіи формъ брака и одна статья о томъ же предметѣ на русскомъ языкѣ.

еще болѣе отягчающимъ обстоятельствомъ въ этомъ отношеніи. Незначительный досугъ, остававшійся отъ утомительной ежедневной литературной работы, желательно было посвящать разработкѣ еще нетронутыхъ отдѣловъ той же въ значительной мѣрѣ новой науки.

Мнѣ кажется, что внимательный читатель найдетъ въ моей книгѣ подтвержденіе слѣдующихъ основныхъ положеній: 1) Самыя сложныя явленія современности составляютъ результаты развитія простѣйшихъ зародышей этихъ же явленій у первобытныхъ народовъ и у отдаленнѣйшихъ предковъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ. 2) Между различными сторонами и явленіями жизни въ процессѣ ихъ развитія существуетъ то, что можетъ быть названо соотношеніемъ роста: измѣненіе однихъ явленій вызываетъ соотвѣтствующее измѣненіе другихъ явленій жизни. Это не исключаетъ однако возможности сохраненія остатковъ болѣе раннихъ періодовъ жизни и въ новѣйшія времена среди тѣхъ слоевъ общества, формы жизни и воззрѣнія которыхъ весьма мало измѣнились въ теченіе вѣковъ. Этимъ нарушается симметрія въ физіономіи даннаго времени, но въ извѣстной только мѣрѣ. Соотношеніе роста различныхъ сторонъ жизни все-таки существуетъ, и разнообразныя явленія жизни исподволь сводятся къ одному знаменателю. 3) Исторія культуры есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія развитія общественной нравственности и нравственныхъ воззрѣній. Вотъ почему, намѣтивъ въ одной изъ первыхъ главъ моей книги исходные пункты нравственности, или, иначе говоря, дуализмъ этики, господствующей на первобытныхъ ступеняхъ культуры,— благожелательныя отношенія къ «своимъ» и враждебныя отношенія къ «чужимъ», я въ дальнѣйшихъ главахъ слѣжу за тѣми постепенными измѣненіями, которыя происходятъ въ первобытной дуалистической этикѣ вслѣдствіе сліянія и смѣшенія «своихъ» съ «чужими». Читатели, надѣюсь, убѣдятся вмѣстѣ со мною, что на самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры нравственныя чувства наиболѣе глубоки, прояв-

ляются въ самой искренней и рѣшительной формѣ, словомъ, весьма интенсивны, но зато кругъ лицъ, по отношенію къ которымъ дѣйствуетъ этотъ нравственный кодексъ, весьма ограниченъ. Съ развитіемъ культуры кругъ этотъ все болѣе и болѣе расширяется, объемлетъ все большее и большее число племенъ и даже народностей. Но зато все то, что нравственныя понятія выигрываютъ въ экстенсивности, онѣ теряютъ въ интенсивности. «Свой» смѣшивается съ «чужимъ», но въ то же время «свой» и становится въ концѣ концовъ «чужимъ», и только на высшихъ ступеняхъ интеллектуальнаго развитія устанавливается не только одинаково равнодушное отношеніе къ «своимъ» и «чужимъ», но и одинаково благожелательное отношеніе ко всѣмъ людямъ, одинаковое сочувствіе къ положенію человѣка, къ какому бы племени, національности (исповѣданію), или расѣ онъ ни принадлежалъ. Само собою разумѣется, что развитіе нравственныхъ чувствъ не совершается одновременно въ различныхъ слояхъ одного и того же общества и что низшіе слои народной массы во многихъ странахъ доднесь остаются вѣрными первобытной дуалистической этикѣ, относясь съ любовью только къ кучкѣ «своихъ» и расправляясь при всякомъ удобномъ случаѣ съ «чужими», какъ съ врагами.

Въ моей книгѣ мнѣ не приходилось касаться одного вопроса, который, однако, не можетъ быть оставленъ безъ вниманія въ сочиненіи, посвященномъ сравнительной этнографіи и сравнительной исторіи культуры. Я разумѣю вопросъ о заимствованіяхъ, совершаемыхъ народами другъ у друга. Мнѣ кажется, что роль заимствованій въ исторіи развитія какой либо общественной группы, какой либо національности можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ: разъ заимствованіе произошло и успѣло утвердиться, то это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ данной общественной группѣ существовало предрасположеніе къ воспринятію заимствованныхъ идей или образа дѣйствія. Иначе говоря: то, что заимствовано, явилось бы само собою, безъ чужаго воздѣйствія,

такъ какъ склонность къ нему уже существовала. Стоитъ только вспомнить, какая масса идей, находящихся въ оборотѣ у сосѣднихъ народовъ, и учрежденій, существующихъ у нихъ, оставляется безъ вниманія въ теченіе даннаго періода извѣстнымъ народомъ, живущимъ въ общеніи съ ними, какъ будто бы этихъ идей и учрежденій вовсе не существовало и какъ вдругъ тѣ же идеи и учрежденія, при наступленіи извѣстнаго историческаго момента, съ непреодолимой силой вторгаются въ жизнь и умы этого народа, — стоитъ, говорю я, вспомнить лишь это явленіе, чтобы убѣдиться въ необходимости предшествующаго предрасположенія къ воспринятію новыхъ идей и учрежденій. Лишь тогда, когда среди извѣстныхъ круговъ даннаго общества образовалась воспріимчивость къ новымъ идеямъ и учрежденіямъ, однородныя учрежденія, существующія у другихъ народовъ и выработанныя ими идеи производятъ впечатлѣніе и оказываютъ воздѣйствіе.

Такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, между самостоятельнымъ развитіемъ и усвоеніемъ чужаго, по существу дѣла, нѣтъ разницы. Развитіе въ данномъ направленіи произошло бы, хотя бы не было готоваго образца, который можно было бы заимствовать и усвоить.

Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать значенія заимствованій въ томъ отношеніи, что онѣ значительно сокращаютъ нормальный ходъ развитія или, вѣрнѣе, время, необходимое для самостоятельной выработки данныхъ учрежденій. Если бы не было готовыхъ образцовъ, выработанныхъ другими народами, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, потребовалось бы гораздо больше времени для формулированія извѣстныхъ идей или для организаціи извѣстныхъ учрежденій безъ чужой помощи. Иначе говоря: извѣстные фазисы развитія могутъ быть пройдены даннымъ народомъ скорѣе съ помощью заимствованій. Къ сожалѣнію, однако, *то, что выигрывается въ скорости, теряется въ силѣ развитія, въ глубинѣ поступательнаго движенія*.

Для того, чтобы какія либо новыя идеи или учрежденія прочно водворились въ данной общественной средѣ, необходимо, чтобы въ сознаніи и чувствѣ разныхъ круговъ общества, разныхъ слоевъ населенія выработалась привязанность къ нимъ, чтобы эти круги общества внутренно приноровились къ нимъ. Вполнѣ понятно, что процессъ приспособленія къ новымъ учрежденіямъ различныхъ круговъ общества не можетъ происходить такъ же быстро, какъ перенесеніе чужихъ учрежденій на новую почву. Для перенесенія, для заимствованія необходимо предрасположеніе, — это вѣрно, но заимствованіе можетъ произойти не смотря на то, что предрасположеніе неглубоко, поверхностно, что оно охватываетъ сравнительно меньшій кругъ людей, чѣмъ необходимо для окончательнаго упроченія того, что заимствовано. Вотъ почему мы весьма часто встрѣчаемъ среди народовъ, позже вступившихъ въ кругъ цивилизованныхъ народовъ, попятныя движенія, возвратъ въ дѣлѣ развитія,—то, что называется реверсіей. Долго приходится бороться передовымъ англичанамъ съ инертностью массы, прежде чѣмъ имъ удается пробить брешь въ старинной организаціи общества и сообразно новымъ идеямъ измѣнить характеръ стараго учрежденія, его отправленія и формы; но разъ это имъ удалось, — у нихъ существуетъ полная увѣренность, что сдѣланное ими пріобрѣтеніе прочно. Консерватизмъ общества преодоленъ въ данномъ отношеніи, и вновь созданное получило право гражданства. Возможно ли расчитывать на подобную же прочность учрежденій въ Японіи, въ обиліи заимствовавшей ихъ изъ Европы? Законность и неизбѣжность тѣхъ заимствованій, которыя сдѣланы японцами, не подлежитъ, конечно, сомнѣнію. Это показываетъ самый фактъ заимствованія, который былъ бы немыслимъ безъ внутренняго предрасположенія. Но столь же неизбѣжны колебанія и, пожалуй, попятныя движенія вслѣдствіе того, что народныя массы въ этой странѣ не успѣли еще приспособиться къ заимствованіямъ, что на стражѣ новыхъ учрежденій стоитъ тамъ меньшинство, ко-

торое съ теченіемъ времени можетъ ослабѣть и количественно, и качественно; что, наконецъ, вмѣстѣ съ заимствованіями, оказывающими благотворное вліяніе на народную жизнь, несомнѣнно проникли и такія, которыя составляютъ изнанку цивилизаціи, и что такимъ образомъ у искреннихъ и корыстныхъ хвалителей прошлаго въ Японіи есть достаточно основаній для нападокъ на новшества. Какъ бы, впрочемъ, ни были сильны и часты попятныя движенія, несомнѣнно, однако, что онѣ могутъ быть только временными, что общая схема движенія одна и та же для всѣхъ народовъ и что развитіе есть неизбѣжный удѣлъ каждаго народа, несошедшаго со сцены исторіи.

ГЛАВА I.

Сравнительный методъ и общность законовъ развитія.

Задача сравнительной исторіи культуры.—Возраженія противъ возможности такой исторіи культуры.—Взглядъ Рейло.—Племенныя отличія.—Измѣненіе флоры и фауны различныхъ странъ, а также климата вслѣдствіе вліянія культуры.—Измѣненіе типическихъ расовыхъ чертъ.—Процессъ гуманизированія бытовыхъ формъ.

Одна только сравнительная исторія культуры въ самомъ обширномъ смыслѣ можетъ дать ясное понятіе о развитіи человѣчества. Отдѣльный случай, отдѣльное явленіе изъ жизни одного какого-либо народа разъясняется и дополняется соотвѣтствующими явленіями соціальной жизни другихъ народовъ. Извѣстія о какомъ либо явленіи изъ жизни одного какого либо народа могутъ быть слишкомъ односторонни. Сопоставивъ ихъ съ извѣстіями о соотвѣтствующихъ явленіяхъ у многихъ другихъ народовъ, мы даемъ возможность приблизиться къ объективному пониманію явленія. Не этимъ однимъ, впрочемъ, можетъ и должна заниматься сравнительная исторія культуры. Не этимъ однимъ она и занимается. Сложныя явленія современной жизни могутъ быть сведены къ болѣе простымъ явленіямъ прошлаго. Сравнительная исторія культуры должна такимъ образомъ прослѣдить историческое развитіе этихъ явленій и разсмотрѣть, когда и въ какой мѣрѣ они осложнялись новыми элементами, комбинировались и получали ту физіономію, какую они представляютъ въ настоящее время.

Задача сравнительной исторіи культуры слѣдовательно двоякая. Она, во-первыхъ, сопоставляетъ однородныя явленія у различныхъ народовъ, указываетъ, въ какихъ мѣстахъ то или другое явленіе совершалось, разсматриваетъ, словомъ, явленія по пространству ихъ распространенія; во-вторыхъ, она разсматриваетъ тѣ видоизмѣненія, которымъ подвергалось явленіе въ различныя вре-

мена, тѣ новыя сочетанія, въ которыя оно входило во время своего историческаго развитія.

Такое сопоставленіе явленій по пространству ихъ распространенія и времени ихъ продолженія, или, проще, сопоставленіе явленій въ *пространствѣ и времени* только одно и даетъ возможность находить *законы* образованія и развитія явленій.

Не отрицая важности и необходимости изученія явленій соціальной жизни одного какого либо народа въ данное опредѣленное время, мы утверждаемъ, однако, что конечные выводы, къ которымъ можетъ и должна придти общественная наука, не могутъ быть сдѣланы безъ широкаго сравнительнаго изученія явленій во времени и пространствѣ. Много явленій въ жизни отдѣльныхъ народовъ остаются необслѣдованными до настоящаго времени, тѣмъ не менѣе накопившійся матеріалъ весьма достаточенъ уже для сравнительной исторіи культуры. Недостающее въ одномъ мѣстѣ восполняется обиліемъ въ другомъ, и выводы могутъ быть сдѣланы, не смотря на нѣкоторые фактическіе пробѣлы.

Противъ сравнительной исторіи культуры слышатся возраженія изъ того лагеря, который видитъ въ развитіи явленій соціальной жизни у различныхъ народовъ не сходства, а отличія, который не допускаетъ поэтому и возможности существованія общихъ законовъ развитія человѣчества. Пути, которыми идутъ отдѣльные народы, совершенно отличны другъ отъ друга. Незачѣмъ, слѣдовательно, сравнивать и сопоставлять ихъ, и выводы, дѣлаемые изъ такихъ сравненій и сопоставленій, могутъ быть только праздными.

Мнѣ кажется, что міровоззрѣніе объ искони предопредѣленной, изъ вѣка установленной національной исключительности, имѣющее массу приверженцевъ среди людей науки и въ особенности среди публицистовъ, — что это воззрѣніе вскормлено и воспитано односторонностью и недостаточною полнотою научныхъ изслѣдованій. Лица, которымъ случалось у насъ встрѣтить какую-либо неизвѣстную имъ дотолѣ черту народной жизни въ лѣтописяхъ или актахъ, или при живомъ общеніи съ народною массою, принимали эту черту,—при незнакомствѣ съ археологіей или этнографіей другихъ европейскихъ народовъ, — за особенность, присущую исключительно русскому народу, и на этихъ мнимыхъ особенностяхъ сооружали цѣлыя зданія, цѣлыя научныя теоріи, довольно крѣпко держащіяся еще въ настоящее время во многихъ умахъ, не смотря на отсутствіе научнаго фундамента, на полную шаткость ихъ.

Если люди, отстаивающіе отличія въ развитіи явленій общественной жизни у различныхъ народовъ, способны убѣдиться въ чемъ-либо, то сдѣланныя до сихъ поръ работы въ области срав-

нительной исторіи культуры уже могли бы убѣдить ихъ въ противоположномъ—въ томъ, что очень многія явленія вполнѣ аналогичны. Всякій дальнѣйшій шагъ въ этой области все болѣе и болѣе подкрѣпляетъ воззрѣніе, что существуетъ общій законъ развитія для всѣхъ народовъ безъ различія, къ какой бы расѣ эти народы ни принадлежали, и что только отсутствіе сравнительныхъ изслѣдованій по тѣмъ или другимъ областямъ общественной жизни заставляетъ думать, что въ данномъ отношеніи различные народы рѣзко отличаются другъ отъ друга.

Въ изслѣдованіи объ „историческомъ развитіи машины" извѣстный ученый технологъ, проф. Рейло (Reulaux) говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Все болѣе и болѣе научныя изслѣдованія приводятъ къ убѣжденію, что родъ человѣческій на одинаковой ступени культуры дѣйствуетъ въ общихъ чертахъ одинаково и производитъ сходное" [1]).

Данныя изъ тѣхъ областей общественной жизни, которымъ посвящены нижеслѣдующіе очерки, надѣемся, въ свою очередь подтвердятъ этотъ выводъ.

Но если допустить, что этотъ выводъ вѣренъ, если признать, что отдѣльныя человѣческія общества развиваются по однимъ и тѣмъ же законамъ, то спрашивается, въ чемъ же различіе между ними? Различіе вѣдь несомнѣнно существуетъ? Разница климатовъ, почвы, естественныхъ условій, которыми окружены народы, несомнѣнно оказываютъ вѣдь на нихъ вліяніе, несомнѣнно отражаются на ихъ образѣ жизни, на ихъ нравахъ, обычаяхъ, умственномъ и нравственномъ развитіи и т. д.

Ни одинъ изъ той маленькой группы людей науки, которые въ послѣдніе годы пользовались историко-сравнительнымъ методомъ для доказательства сходства различныхъ институтовъ у разныхъ народовъ и общности законовъ, по которымъ совершается индивидуальное и общественное развитіе этихъ народовъ,—никто изъ нихъ, говорю я, не упускалъ изъ вида, что, не смотря на родовое сходство, существуютъ и видовыя отличія. Эти отличія несомнѣнно существуютъ, но не тамъ, гдѣ ихъ обыкновенно находятъ, и не въ томъ, гдѣ ихъ обыкновенно ищутъ.

Для того, чтобы объяснить себѣ различіе между туземными расами на Явѣ, жители этого острова разсказываютъ слѣдующее: когда кающійся грѣшникъ Хитра Багаръ (Chitra Bahar) принуждалъ отданную подъ его защиту принцессу Сукези-Девои къ супружескому сожительству съ нимъ, принцесса въ первый разъ нанесла

---

[1]) Reuleaux. Entwickelungsgeschichte der Maschine. Verhandlungen des Vereins zur Beförderung des Gewerbefleisses. 1872. S. 304.

ему девять ударовъ по головѣ, благодаря чему родился мальчикъ съ девятью наростами на головѣ (племя Аасса-еука), что значитъ десятиличный. При второй попыткѣ, она дернула его за ухо, вслѣдствіе чего на свѣтъ Божій появился ребенокъ съ длинными ушами (племя Амба-карна—длинноухій). При третьей попыткѣ, она оцарапала его, и родилась дѣвушка съ длинными ногтями (племя Сарна-канака—змѣиные ногти). При четвертой попыткѣ, сопротивленія не было—и родился прекрасный мальчикъ съ женственной физіономіей (племя Бобисана) [1]). Что же?—объясненіе, какъ объясненіе. И причинная связь найдена, и соотвѣтствіе съ значеніемъ племенныхъ названій, и мало ли что. Во всякомъ случаѣ, это объясненіе не хуже многихъ другихъ, объясняющихъ вліяніе климата, почвы и естественныхъ условій страны на образъ жизни, нравы и ходъ развитія обитающихъ въ нихъ народовъ.

Но тѣмъ, которые приписываютъ естественнымъ условіямъ мѣстностей, въ которыхъ жили и живутъ народы, преобладающее, исключительное вліяніе на формы ихъ быта, вѣроятно, совсѣмъ неизвѣстны факты, значительно ослабляющіе значеніе этого фактора. „Растительный и животный міръ—говоритъ Генъ,—а слѣдовательно, и вся народно-хозяйственная и внѣшняя физіономія страны можетъ быть измѣнена въ теченіе столѣтій подъ вліяніемъ рукъ человѣческихъ,—это неизбѣжный выводъ изъ опыта, въ особенности со времени открытія Америки. На новооткрытыхъ островахъ, а также на тѣхъ частяхъ континента въ западномъ полушаріи, которые заселены европейскими поселенцами, туземная флора и фауна вытѣснена европейскою въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, т. е. во время вполнѣ историческое, послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, и на глазахъ всего цивилизованнаго міра. Такъ, напримѣръ, на островѣ Св. Елены первоначальная дикая растительность ушла въ горы внутрь страны, окруженная новою, концентрически надвигающейся флорой, пришедшей изъ-за океана, вмѣстѣ съ европейцами. Точно также и въ пампасахъ, возлѣ Буэносъ-Айреса, глазъ на цѣлыя мили не видитъ вовсе почти туземныхъ растеній: ихъ мѣсто узурпировано ввезенною туда европейскою растительностью» [2]). Какъ неопровержимымъ образомъ доказалъ Генъ въ своемъ классическомъ сочиненіи, такія явленія совершались въ области внѣшней природы не только въ періоды новѣйшей исторіи и не только въ Америкѣ, но и въ другіе историческіе періоды и въ другихъ странахъ. «И Греція, и Италія, являются въ настоящее время результатомъ продолжительнаго куль-

[1]) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III, S 326. Anm.
[2]) Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere. Berlin, 1876 (Aufl. 2) S. 1.

турнаго процесса, и безконечно далеки отъ того состоянія, въ которомъ находились въ первобытныя времена, благодаря самодѣятельности природы. Почти все, что поражаетъ путешественника, переходящаго чрезъ Альпы, какъ новый міръ, пластичность и вѣющая миромъ красота растительности, характеристическія черты мѣстностей, животнаго міра и даже геологической структуры, насколько она зависитъ и обусловлена измѣненіями органическаго покрова земли,—все это продуктъ цивилизаціи, вызванный измѣненіями и преобразованіями, происходившими въ теченіе длинныхъ періодовъ. Каждый взглядъ съ высоты на какой-либо клочокъ Италіи, это взглядъ, брошенный на прежніе и позднѣйшіе вѣка ея исторіи. Природа дала: полярную высоту, форму мѣстности, географическое положеніе; все остальное, *это—произведеніе культуры*, воздѣлывающей, сѣющей, привозящей новое, истребляющей старое, упорядочивающей и облагороживающей» [1]).

Предводитель паніевъ, оного изъ индійскихъ племенъ, въ рѣчи, обращенной къ президенту Соединенныхъ Штатовъ, въ 1821 году, слѣдующимъ образомъ отстаивалъ и доказывалъ своеобразность соціальной жизни краснокожихъ: «Великій Духъ, говорилъ онъ, создалъ насъ всѣхъ; онъ сотворилъ мою кожу красною, и вашу — бѣлою; онъ поселилъ насъ на этой землѣ и хотѣлъ, чтобы мы отличались отъ бѣлыхъ въ образѣ жизни. Онъ опредѣлилъ, чтобы бѣлые воздѣлывали землю и питались продуктами, доставляемыми домашними животными; а насъ, краснокожихъ, онъ предназначилъ для того, чтобы рыскать по лѣсамъ и степямъ, питаться мясомъ хищныхъ животныхъ и одѣваться въ ихъ шкуру. Онъ опредѣлилъ, чтобы мы шли на войну для добыванія скальповъ, похищали лошадей и торжествовали надъ нашими врагами, а дома жили бы въ мирѣ, чтобы содѣйствовать нашему общему благосостоянію. Вы любите свою страну, свой народъ, свой образъ жизни, и считаете свой народъ храбрымъ, — я люблю мою страну и мой народъ, и считаю нашихъ воиновъ храбрыми. Дай же мнѣ, мой отецъ, закончилъ онъ, жить по-своему, дай мнѣ нарадоваться моей землей и охотиться за *буйволами* и другими охотничьими звѣрьми» [2]). Предводитель этотъ, конечно, не зналъ, что если бы даже янки не мѣшалъ ему и его народу вести тотъ образъ жизни, который они унаслѣдовали отъ предковъ, то краснокожіе тѣмъ не менѣе, съ теченіемъ времени, все-таки вынуждены были бы измѣнить его — просто потому, что буйволы въ концѣ-концовъ перевелись бы. Мы увидимъ ниже, что такое сознаніе стало даже проявляться среди

---

[1]) Ibid. S. 1—2.
[2]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker. III. S. 241.

краснокожаго населенія. Ясно слѣдовательно, что природа, естественныя условія какой бы то ни было страны не суть нѣчто разъ данное, точно опредѣленное, неизмѣнное. Условія эти не на вѣки вѣковъ установленыя, они вовсе не естественны въ томъ смыслѣ, какъ это понимаютъ, а, напротивъ, искусственны, созданы дѣятельностью человѣка, измѣнялись и измѣняются вмѣстѣ съ культурнымъ развитіемъ обитающаго среди нихъ населенія. Если говорятъ, слѣдовательно, о вліяніи естественныхъ условій страны на бытъ людей, то слѣдуетъ помнить, что эти условія не могутъ дѣйствовать всегда и постоянно въ одномъ неизмѣнномъ направленіи, такъ какъ и сами они претерпѣваютъ измѣненія повсюду, гдѣ живутъ люди.

Обратимъ также вниманіе и на то, какъ въ теченіе исторической жизни народовъ измѣняются не только типическія черты окружающей ихъ внѣшней природы, но и собственный ихъ типъ, ихъ внѣшній обликъ, ихъ своеобразныя физіономіи. Приведемъ мѣсто изъ того же Гена: «Кто, говоритъ онъ, можетъ узнать въ нервныхъ, жилистыхъ, коричневыхъ, ловкихъ малорослыхъ жителяхъ нынѣшней Франціи, высокія ширококостныя, альбиносовыя натуры древнихъ кельтовъ, презиравшихъ, по разсказамъ Цезаря, римлянъ за ихъ малорослость. Населеніе южной Германіи и странъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Альповъ, возлѣ Дуная, верхняго Рейна и даже у Майна, отличается каштановымъ цвѣтомъ волосъ и родственно романскому типу; въ сѣверной Германіи, на берегахъ Сѣвернаго моря и въ остзейскихъ провинціяхъ только отдѣльныя личности, но отнюдь не вся масса населенія, сходны съ типомъ, нарисованнымъ нѣкогда римлянами» [1]).

Что бытовыя учрежденія и соціальная жизнь народовъ измѣняются въ теченіе исторической жизни ихъ, и притомъ сходнымъ образомъ у разныхъ народовъ, это не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію. Гдѣ же послѣ этого видовыя отличія народовъ, признаваемыя и нами, и въ чемъ выражается вліяніе естественныхъ условій той или другой страны?

Процессъ все бо̀льшаго и бо̀льшаго очеловѣчиванія отношеній между людьми, гуманизированія ихъ бытовыхъ формъ, повсюду и вездѣ одинъ и тотъ же. Но говоря опять-таки словами Гена, этотъ процессъ—„дѣло времени, и успѣхъ обезпеченъ тамъ только, гдѣ достаточно долго дѣйствуютъ одинаковыя благопріятныя условія: бѣдствія тысячелѣтняго рабства какого-либо народа не могутъ быть стерты и уничтожены однимъ законодательнымъ актомъ эманципаціи... Чѣмъ шире первоначальное разстояніе между этимъ народомъ и культурными народами, тѣмъ длиннѣе долженъ быть

[1]) Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere. S. 457—458.

рядъ поколѣній, тѣмъ продолжительнѣе должна идти работа внутренняго обновленія,—до того продолжительно, что приходится иной разъ отчаяваться въ возможности разрѣшенія задачи“ [1]). У одного народа этотъ процессъ совершается раньше, у другаго позже,—у одного онъ идетъ быстрѣе, у другаго медленнѣе—вотъ въ чемъ различіе между народами, различіе, обусловливаемое внѣшней обстановкой, окружающей народъ, и внутренними наслѣдственными качествами его.

Мы желали бы, чтобы въ нашихъ словахъ никто не вычитывалъ того, чего въ нихъ нѣтъ. Когда мы говоримъ о непрерывномъ процессѣ очеловѣчиванія вообще, то этимъ мы вовсе не хотимъ и не думаемъ сказать, что результатомъ успѣховъ культуры всегда было и есть „одно только полезное и доброе“. Среди всего того, что̀ уродилось, благодаря культурѣ, есть много добра, есть много и зла, и не все то, что̀ вырвано съ корнемъ вонъ, принадлежитъ къ дурнымъ злакамъ. Даже болѣе. Въ историческомъ прошломъ народовъ было очень много добрыхъ злаковъ, до того добрыхъ, что въ нѣсколько измѣненной формѣ они являются идеаломъ лучшаго будущаго. Многія изъ тѣхъ бытовыхъ формъ и нравственныхъ понятій, которыя исчезли уже изъ жизни болѣе культурныхъ народовъ, погибли не потому, что они не соотвѣтствовали высшему критерію добра, не потому, что они не удовлетворяли интересамъ и потребностямъ большинства лицъ, жившихъ въ этихъ формахъ, а потому, что онѣ не выдержали борьбы съ иными бытовыми формами, съ которыми имъ пришлось столкнуться. И если у какого-либо изъ народовъ, находившихся въ теченіе извѣстнаго времени въ болѣе изолированномъ положеніи по отношенію къ культурному движенію, эти бытовыя формы сохранились, то было бы неосторожно истреблять и уничтожать ихъ только потому, что у болѣе культурныхъ народовъ онѣ стали уже достояніемъ прошлаго. Это было бы даже безуміемъ, потому что и среди болѣе культурныхъ народовъ многіе оплакиваютъ гибель этихъ бытовыхъ формъ и стремятся къ возрожденію ихъ въ томъ или другомъ видѣ. Это было бы безсмыслицей, потому что не зачѣмъ разрушать теперь то, что̀ раньше или позже придется снова возстановлять.

Итакъ, это-то и есть новое различіе между народами, позже другихъ вступившими въ число цивилизованныхъ народовъ, и болѣе культурными народами?—Если хотите, да; но это различіе ничего общаго не имѣетъ ни съ особыми типами развитія народовъ, ни съ тѣмъ воззрѣніемъ, по которому народы являются носителями особыхъ, имъ только присущихъ идей и учрежденій. Это различіе обусловливается *общимъ закономъ*.

[1]) Ibidem. S. 455.

ГЛАВА II.

Первобытная нравственность.

Нравственность жителей малайскаго архипелага, краснокожихъ, народовъ Средней Азіи, негровъ.—«Свои» и «чужіе».—Сохраненіе древнихъ бытовыхъ формъ.

Извѣстный естествоиспытатель и путешественникъ Уоллэсъ, говоря о нравственныхъ понятіяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ жителей Малайскаго архипелага, высказывается, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: „Цивилизованные народы несомнѣнно далеко оставили за собою дикарей въ дѣлѣ умственнаго развитія, но такого прогресса не замѣчается по отношенію къ нравственному развитію" [1]). Вотъ и другой результатъ наблюденій Уоллэса надъ образомъ жизни народностей Малайскаго архипелага: „Всякій членъ малайской общины, говоритъ онъ, относится съ полнымъ уваженіемъ къ правамъ своихъ сочленовъ, и рѣдко или никогда эти права не нарушаются. Въ такой общинѣ почти всѣ пользуются полнымъ равенствомъ. Нѣтъ тѣхъ различій, которыя обусловливаются воспитаніемъ и неразвитостью, богатствомъ и бѣдностью, властью и порабощеніемъ, различій, которыя являются результатомъ культурнаго движенія, нѣтъ тамъ, наконецъ и той несчастной борьбы за существованіе или богатство, которая является неизбѣжнымъ зломъ во всякой цивилизованной странѣ" [2]).

Этотъ отзывъ замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ тѣмъ, что́ высказалъ Шомбуркъ о нравственности краснокожихъ. Вотъ его слова: „Цивилизація обладаетъ несравненно высшими благами, чѣмъ тѣ, которыми пользуются эти примитивные люди, но ей недостаетъ той безукоризненной нравственности, которая является

---

[1]) Lubbock. Entwickelung der Civilisation. Нѣм. перев. стр. 330.
[2]) Lubbock. S. 332.

достояніемъ почти всѣхъ индійцевъ, не пришедшихъ въ соприкосновеніе съ европейцами... Нравственности и добродѣтели имъ не нужно учиться у цивилизованнаго общества. Объ этихъ вещахъ они вообще не говорятъ,—они живутъ и проникнуты ими. Ихъ слова—дѣло, ихъ обѣщанія—дѣйствія" [1]). Если припомнимъ здѣсь отзывъ Вильяма Пенна объ экономическихъ отношеніяхъ среди индійцевъ, то трудно будетъ сказать, что разсказы индійцевъ о золотой эрѣ въ прошломъ лишены всякой реальной основы. „Богатство, говоритъ Пеннъ, циркулируетъ у нихъ, какъ кровь въ человѣческомъ организмѣ; всѣ члены принимаютъ участіе въ матеріальныхъ благахъ, выпавшихъ на ихъ долю" [2]).

И эти крайне лестные отзывы о народахъ, „неиспорченныхъ" культурою, вовсе не единственные. Сравнивая европейскіе народы съ народами средней Азіи, по отношенію къ которымъ, какъ насъ увѣряютъ политики и дипломаты, на Россіи лежитъ высокая „цивилизующая миссія", путешественники почти единогласно утверждаютъ, что „въ образованной Европѣ мы не встрѣчаемъ того природнаго великодушія, которое побуждаетъ жителей Средней Азіи раздѣлять между собою все до послѣдняго куска хлѣба" [3]). Прибавьте къ этому и то, что у этихъ народовъ, у которыхъ мы призваны *водворять гражданственность*, нѣтъ „дворянства и вообще привилегированныхъ сословій", что „духовенства тоже нѣтъ какъ касты", ибо „всякій грамотей можетъ быть духовнымъ" [4]), что наконецъ тамъ не встрѣчается ни воровства, ни грабежей [5]).

Чтобы закончить эту характеристику нравовъ и быта первобытныхъ народовъ, приведемъ еще отзывъ одного путешественника о неграхъ. „Тамъ, гдѣ негръ предоставленъ самому себѣ, говоритъ Смитъ, онъ довѣрчивъ, отличается откровеннымъ нравомъ и честенъ,—по природѣ онъ сострадателенъ и гостепріименъ. Женскій полъ любвеобиленъ до самопожертвованія" [6]).

Всѣ приведенные здѣсь хвалебные отзывы о нравственныхъ качествахъ и бытовыхъ формахъ некультурныхъ народовъ окажутся вполнѣ вѣрными и соотвѣтствующими дѣйствительности, если мы сведемъ ихъ къ надлежащимъ размѣрамъ, если мы укажемъ предѣлъ дѣйствія этихъ нравственныхъ правилъ, тотъ районъ, за который они не распространяются и не переступаютъ. А такой пре-

---

[1]) Schomburgk. Reise in Britisch Guiana. Leipzig. 1847. S. 398. Waitz. III. S. 389.

[2]) Waitz. III. S. 163.

[3]) Костенко. Средняя Азія. Спб. 1879. Стр. 81.

[4]) Idem, стр. 67.

[5]) Idem, стр. 85.

[6]) Waitz. II. S. 216.

дѣлъ существуетъ, и такой районъ указывается отзывами наблюдателей.

Извѣстный знатокъ жизни и нравовъ негритянскихъ племенъ Раффенель говоритъ о нихъ: „Они сострадательны, не измѣняютъ своему слову, правдивы и честны, *обыкновенно только по отношенію къ своимъ* [1]). Эти слова объясняютъ всѣ факты нравственной жизни негровъ и другихъ народовъ на соотвѣтствующихъ ступеняхъ культуры. То, что говоритъ Раффенель, можетъ быть выражено другимъ, болѣе общимъ образомъ. А именно: нравственныя отношенія первобытныхъ людей къ соплеменникамъ и чужеродцамъ совершенно отличны другъ отъ друга. Дѣянія, недозволительныя по отношенію къ однимъ, совершенно умѣстны и дозволительны по отношенію къ другимъ. Это различіе въ нравственномъ настроеніи примитивныхъ народовъ по отношенію къ „своимъ" и „чужимъ" подмѣчено и указано уже Тейлоромъ. У мбайясовъ и у южно-африканскихъ зулусовъ заповѣди: не убей, не укради,— распространяются только на соплеменниковъ и союзниковъ, оставляя въ сторонѣ враговъ и чужеземцевъ. По отношенію къ послѣднимъ, убійство, грабежъ, воровство и вообще разбойническая жизнь освящаются божественною санкціею. „Великій Орелъ, говорятъ мбайясы, повелѣлъ намъ жить войною со всѣми другими людьми, убивать ихъ" и т. д. [2]). Мы уже знаемъ изъ рѣчи предводителя паніевъ, что также гласятъ велѣнія Великаго Духа, которому внимаютъ и повинуются индійцы.

Итакъ, высокая мораль примитивныхъ народовъ распространяется только на тѣсный, точно опредѣленный кругъ людей,— этой морали недостаетъ *экстензивности;* но по интензивности, по глубинѣ и силѣ, эта мораль будетъ вѣчнымъ, недосягаемымъ идеаломъ для болѣе культурныхъ народовъ, къ осуществленію котораго они стремятся въ своей собственной жизни. То очеловѣчиваніе отношеній между людьми, которое совершается, благодаря культурѣ, совершается преимущественно въ экстензивномъ отношеніи въ ущербъ интензивности. Глаза цивилизованныхъ народовъ устремлены, конечно, впередъ, а не назадъ; но поученіе и назиданіе они находятъ и могутъ находить въ отдаленномъ прошломъ, на зарѣ общественной жизни людей.

Чѣмъ ближе какой-либо народъ по своимъ формамъ жизни къ примитивнымъ народамъ, чѣмъ позже онъ вступаетъ въ число привилегированныхъ народовъ, тѣмъ сильнѣе онъ сохраняетъ, вмѣстѣ со многими неприглядными сторонами жизни некультурныхъ

---

[1]) Waitz. II. S. 217.

[2]) Тейлоръ. Первобытное общество «Знаніе». 1873. Августъ, стр. 118.

народовъ, и тѣ бытовыя формы, которыя проникнуты высокою гуманностью и являются въ этомъ отношеніи живымъ упрекомъ для болѣе культурныхъ народовъ. Такъ было уже съ цивилизованными римлянами, когда они столкнулись съ германцами, которые стыдились „добывать пóтомъ то, что можно было добывать кровью" [1]. Тацитъ попрекалъ ими своихъ соотечественниковъ, и хотя онъ не былъ слѣпъ къ менѣе всего симпатичнымъ сторонамъ ихъ жизни, онъ тѣмъ не менѣе усердно превозносилъ добродѣтельную простоту ихъ нравовъ. И такимъ же точно образомъ, какъ Тацитъ, только съ бóльшимъ пониманіемъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ,— люди съ научно-развитымъ сознаніемъ будутъ присматриваться къ тѣмъ высоко-человѣчнымъ бытовымъ формамъ, которыя сохранились у менѣе культурныхъ народовъ, и будутъ заботиться о сохраненіи и о возстановленіи ихъ по силѣ возможности, повсюду, гдѣ онѣ успѣли исчезнуть.

---

[1]) Tacitus. Germania, c. 14.

ГЛАВА III.

Трудовой принципъ и борьба съ природой.

Война—соціальная необходимость.—Недозволенность борьбы съ природою.—Преклоненіе предъ случаемъ.—Проникнуто ли обычное право трудовымъ началомъ?—Трудность борьбы съ природой.—Проповѣдь бездѣйствія какъ послѣдствіе.—Взглядъ Милля.—Чѣмъ обусловливается обоготвореніе предметовъ и силъ природы? — Предосторожности при утилизированіи силъ природы. — Жертвоприношенія.—Рѣчь предводитетя онеидовъ о необходимости измѣненія образа жизни.—Отношеніе къ новшествамъ.—Разведеніе картофеля въ Европѣ и въ Россіи.—Картофельные бунты.—Суевѣрный страхъ предъ новшествами.

„Среди низшихъ племенъ, говоритъ Тейлоръ, *война является соціальною необходимостью.* Если бы австралійскія и краснокожія племена оставались въ мирѣ между собою въ теченіе столѣтія, они истребили бы всѣхъ буйволовъ и кэнгуру своей страны“ [1]). Уже одна эта альтернатива: поѣданіе всѣхъ животныхъ, или война съ иноплеменниками—показываетъ, что недостаточное развитіе производительной дѣятельности является двигателемъ безпрерывныхъ войнъ, ведомыхъ первобытными народами, *что здѣсь кроется причина недостаточной экстензивности первобытной морали.* Въ еврейской литературѣ есть легендарный разсказъ о бесѣдѣ евреевъ съ царемъ Давидомъ. Евреи жалуются царю, что у нихъ нѣтъ средствъ пропитанія. Онъ совѣтуетъ имъ оказывать другъ другу взаимную помощь. На это евреи возражаютъ, что яму нельзя снова наполнить вынутою изъ нея землею, что дефицитъ, слѣдовательно, только увеличится. Царь Давидъ въ виду этого не находитъ другаго средства для устраненія нужды, какъ войну, съ тѣмъ, чтобы они могли поживиться добычей [2]). Это и есть та ultima ratio, къ которой по-

---

[1]) «Знаніе», 1873. Октябрь, стр. 131.
[2]) Talmud Sanhedrin. 16 a.

стоянно прибѣгаютъ первобытные народы, благодаря отсутствію матеріальной культуры, благодаря ихъ неумѣнію эксплуатировать предметы внѣшней природы на потребу людей, благодаря недостаточному развитію производительнаго труда. О причинахъ, задерживающихъ развитіе труда, дѣятельности человѣка по отношенію къ природѣ мы и будемъ говорить въ этой главѣ.

Борьба съ природой, пользованіе предметами и явленіями природы и измѣненіе ихъ сообразно съ потребностями человѣка есть необходимое условіе жизни, существованія человѣка. Тѣмъ не менѣе возможность и дозволенность борьбы съ природой, возможность производительной дѣятельности признавалась людьми весьма медленно въ теченіе исторической жизни человѣчества, и *во всей своей полнотѣ и общности этотъ принципъ и въ настоящее время признается весьма немногими.* Выставленное нами положеніе можетъ показаться съ перваго взгляда парадоксомъ, но, какъ увидятъ читатели изъ приводимыхъ ниже данныхъ, недѣятельное отношеніе къ предметамъ и явленіямъ природы являлось всегда и вездѣ для большинства людей общимъ принципомъ, которому они отчасти сознательно, отчасти безсознательно, слѣдовали, которымъ они руководились въ своей жизни, а всякое дѣятельное отношеніе, напротивъ, всякое стремленіе измѣнять предметы и ходъ явленій на потребу человѣка, всякій производительный трудъ считался какъ будто исключеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ исключеній всегда было множество, что борьба съ природою подъ страхомъ смерти производилась и должна была производиться,—тѣмъ не менѣе еще по настоящее время большинство людей не дошло до сознанія и признанія общаго принципа, недопускающаго исключеній: что всесторонняя, постоянная борьба людей съ природою, дѣятельное отношеніе къ ней, есть нормальное состояніе людей; что, начатая человѣчествомъ въ самой колыбели своей, борьба съ природою должна расширяться и развиваться, а не стѣсняться и съуживаться.

Замѣчательно, что исторія культуры до сихъ поръ вовсе не обратила вниманія на выдвинутый нами вопросъ, и кромѣ Дж. Ст. Милля, затронувшаго его въ одной изъ посмертныхъ своихъ статей, никто не замѣтилъ подавляющаго вліянія и значенія его во всѣхъ областяхъ индивидуальной и общественной жизни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ нашей печати явилось изслѣдованіе, въ которомъ доказывалось, что русское обычное право проникнуто „трудовымъ началомъ“ [1]), что трудъ является, такимъ образомъ, регулирующимъ моментомъ въ русскомъ народномъ правѣ.

---

[1]) А. Ефименко. Изслѣдованія народной жизни. М. 1884, стр. 136 и слѣд.

Такое положеніе высказано лицомъ, близко знакомымъ съ міровоззрѣніемъ народа, а между тѣмъ оно рѣшительно и безусловно невѣрно. Автору стоило бы только припомнить то громадное значеніе, которое имѣетъ *жребій* въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ народной жизни, и отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое жребій, чтобы окончательно отречься отъ принципа, которымъ будто бы проникнуто народное право, и признать нѣчто совершенно иное руководящимъ принципомъ русскаго обычнаго права. Жребій—это есть случай, стеченіе обстоятельствъ, игра силъ природы, независящая отъ воли и направляющей дѣятельности человѣка, отъ труда его, совершенно необусловливаемая производительною дѣятельностью человѣка. При чемъ же тутъ, спрашивается, трудовое начало? Можно, конечно, относиться къ жребію иначе; можно думать, что жребій есть не простой случай, а квалифицированный; что онъ, говоря словами Тейлора, „есть дѣло особаго и непосредственнаго усмотрѣнія Божія, — священный оракулъ, божественное сужденіе или приговоръ" [1]). Вотъ почему къ жребію такъ охотно обращается при разрѣшеніи всякихъ вопросовъ и русскій народъ: „жеребій—Божій судъ", „жеребій—святое дѣло", — говоритъ русскій человѣкъ [2]). Тѣмъ не менѣе и такое истолкованіе жребія, какъ вмѣшательство Провидѣнія, съ трудовымъ началомъ ничего общаго не имѣетъ.

Никто изъ тѣхъ, которые когда-либо занимались изслѣдованіемъ обычнаго права у другихъ народовъ, вполнѣ аналогичнаго съ русскимъ обычнымъ правомъ, не находили тамъ того начала, о которомъ говоритъ авторъ вышеупомянутаго изслѣдованія. Вотъ мнѣніе извѣстнаго изслѣдователя архаическаго права Генри Мэна объ этомъ предметѣ: „Въ первобытныхъ общинахъ, насколько мы знаемъ ихъ, — говоритъ онъ, — великими источниками закона на дѣлѣ служатъ авторитетъ (т. е. Божье велѣніе), обычай (т. е. унаслѣдованное отъ прежняго времени правило), случай, но не контрактъ" [3]). Это общее положеніе Мэнъ иллюстрируетъ слѣдующимъ фактомъ. Въ индійской общинѣ, между прочимъ, по вопросу о распредѣленіи воды между членами общины, нѣтъ и мысли о необходимомъ, или хотя бы только возможномъ договорѣ (опредѣлительномъ или подразумѣваемомъ) между земледѣльцами относительно причитающейся каждому доли... Вмѣсто договора или соглашенія поселянамъ кажется гораздо болѣе естественнымъ и разумнымъ распредѣлять воду по жребію. Да не только въ Индіи,

---

[1]) Тейлоръ. Первоб. культ. (Русск. перев.) I, стр. 75.

[2]) Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія, III, стр. 385.

[3]) Мэнъ. Деревенскія общины. (Русск. перев.) стр. 64.

но и въ метрополіи ея — Англіи, жребій весьма долго считался лучшимъ способомъ разрѣшенія вопросовъ даже предъ судомъ [1]. И въ постановленіяхъ нѣмецкаго обычнаго права трудоваго принципа не видно. Поземельная межа часто опредѣляется посредствомъ катящагося яйца или другаго круглаго предмета, пущеннаго въ ходъ [2]. Предѣлы власти территоріальнаго владѣльца опредѣляются пунктомъ, куда попадаетъ брошенный молотъ, копье, топоръ, серпъ [3]. Предѣлы власти надъ прилежащими къ его территоріи водами опредѣляются тѣмъ пунктомъ, до котораго можетъ доѣхать на конѣ воинъ въ полномъ вооруженіи, не рискуя утонуть [4]. Жница, работающая на чужомъ полѣ, можетъ унести съ собою столько ржи или сѣна, сколько войдетъ въ ея головной платокъ, и подлежитъ наказанію, если она была настолько жадна, что платокъ разрывается отъ ноши [5].

Даже изъ числа данныхъ, которыя авторъ привелъ въ подкрѣпленіе найденнаго имъ принципа, можно указать на такія, которыя говорятъ объ отсутствіи искомаго имъ начала въ русскомъ обычномъ правѣ и о присутствіи совершенно инаго начала. „По общераспространенному крестьянскому воззрѣнію, говоритъ авторъ, землею долженъ пользоваться лишь тотъ, кто вкладываетъ въ нее свой трудъ“ [6]. Положеніе это онъ подтверждаетъ, между прочимъ, слѣдующимъ фактомъ, почерпнутымъ изъ газетной корреспонденціи: „Въ тѣхъ мѣстностяхъ нашего лѣснаго сѣвера,—говоритъ авторъ, гдѣ держится еще подсѣчное хозяйство, отдѣльныя лица очищаютъ себѣ куски земли изъ-подъ лѣса и обрабатываютъ ихъ. Эта земля не должна поступить въ общинный передѣлъ *прежде чѣмъ*, по приблизительному разсчету, *не окупитъ* владѣльцу потраченный на нее *трудъ*“ [7]. Автору, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстна статья покойнаго Лалоша о поземельномъ владѣніи на сѣверѣ Россіи, и притомъ въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ держится подсѣчное хозяйство. Вотъ что сообщаетъ Лалошъ о возникновеніи этого права. „Если какой-либо изъ крестьянъ нашелъ удобное для подсѣки мѣсто, и положилъ на него клеймо, печать, т. е. *попросту подрубилъ вѣтви на растущихъ здѣсь деревьяхъ*, то другой никакъ не предъявитъ претензіи своей на обла-

---

[1] Bastian. Der Mensch in der Geschichte. II. S. 6.
[2] Grimm. Rechtsalterthümer. S. 84. Grimm. Weissthümer. III, 679.
[3] Grimm. Rechtsalterthümer. S. 55—68, 84.
[4] Loc. cit.
[5] Grimm. Weissthümer. IV, 160, 211, 212.
[6] Ефименко. Изслѣдованія. Стр. 143.
[7] Loc. cit.

даніе этимъ же самымъ мѣстомъ" [1]). Не смотря на все свое желаніе видѣть во всемъ „трудовое начало", авторъ, вѣроятно, затруднится усмотрѣть „трудовое начало" въ подрубаніи вѣтвей на деревьяхъ, тѣмъ болѣе, что самъ Лалошъ называетъ описанный имъ способъ возникновенія поземельнаго владѣнія: „первымъ захватомъ" [2]). Ничего общаго съ „трудовымъ началомъ" подрубаніе вѣтвей не имѣетъ. Это — символическое дѣйствіе, обозначающее, что кто-то изъ крестьянъ явился на это мѣсто прежде и раньше другихъ, и на этомъ болѣе раннемъ появленіи своемъ основываетъ свое право на владѣніе участкомъ земли. Здѣсь не трудъ, а *время* рѣшаетъ вопросъ о возникновеніи права. Кто первымъ явился, тотъ и владѣетъ правомъ. Такое положеніе существуетъ, между прочимъ, и въ римскомъ правѣ: prior temporis, potior jure, т. е. первый по времени—старшій по праву. Принципіальной разницы между русскимъ обычнымъ правомъ и римскимъ правомъ въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ не замѣтно. Возникновеніе права владѣнія въ обѣихъ системахъ права поставлено въ зависимость отъ времени, отъ момента, обусловливаемаго не волею и дѣятельностью человѣка, не трудомъ его, а стеченіемъ обстоятельствъ—*случаемъ*. Болѣе или менѣе раннее появленіе человѣка на данномъ поземельномъ участкѣ есть чисто случайное обстоятельство, отъ котораго и поставлено въ зависимость возникновеніе права. Такимъ образомъ фактъ, приведенный авторомъ для подтвержденія того воззрѣнія, по которому „землею долженъ пользоваться лишь тотъ, кто вкладываетъ въ нее свой трудъ", нисколько не подтверждаетъ этого предполагаемаго крестьянскаго воззрѣнія, и указываетъ на существованіе совершенно инаго воззрѣнія, вполнѣ сходнаго, между прочимъ, съ воззрѣніями, которыми проникнуто обычное право другихъ народовъ. Когда мы ознакомимся ближе съ фактами, приводимыми ниже, то увидимъ, что такое начало, какъ „трудовое", совершенно немыслимо въ тѣхъ народныхъ слояхъ, въ которыхъ складывалось обычное право, такъ какъ „трудовое начало" рѣшительно противорѣчитъ основному воззрѣнію на трудъ, на производительную дѣятельность, преобладающему въ этихъ же народныхъ слояхъ.

На первобытныхъ ступеняхъ культуры борьба съ природою представляетъ неимовѣрныя трудности, такъ какъ средства, орудія, которыми эта борьба ведется, совершенно ничтожны и весьма мало пригодны для того, чтобы совладать съ силами природы. Мы

---

[1]) Лалошъ. Сельская община въ Олонецкой губ. «Отечеств. Зап.», 1874, февраль.

[2]) Ibid., стр. 228.

не будемъ излагать здѣсь исторію развитія орудій производства, и ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями, которыя дадутъ достаточно ясное понятіе о размѣрахъ, въ которыхъ ведется и можетъ быть ведена борьба съ природою на самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры. „Когда, говоритъ Генъ, человѣческое общество дѣлаетъ первые шаги по пути цивилизаціи, ему, для удовлетворенія ближайшихъ потребностей, приходится заняться расчисткой первобытныхъ, дѣвственныхъ лѣсовъ". Расчистка и вырубка лѣса была однако вовсе не такъ легка, какъ это можетъ казаться въ настоящее время. Дѣло это требовало въ тѣ времена неимовѣрныхъ усилій, исполинской физической силы. „Расчищающіе почву изъ-подъ лѣса считаются въ тѣ времена благодѣтелями рода человѣческаго, являются въ глазахъ современниковъ доблестными героями, ибо, говоритъ Генъ, проникать въ лѣсную чащу въ тѣ первобытныя времена было гораздо труднѣе, чѣмъ это кажется въ настоящее время,—было дѣломъ, для выполненія котораго требовались почти сверхчеловѣческія усилія" [1]). Еще болѣе труднымъ дѣломъ на тѣхъ же ступеняхъ культуры является воздѣлываніе земли, извлеченіе изъ нея земледѣльческихъ продуктовъ, „такъ какъ вырубка могучихъ деревьевъ, да притомъ еще съ помощью весьма несовершенныхъ орудій, подъ силу только исполину; быстрое заростаніе земли кустами и травой и торчащіе въ почвѣ невыкорчеванные пни, въ свою очередь, весьма сильно затрудняютъ работу земледѣльца" [2]). Земледѣліе, благодаря этому, является на первобытныхъ ступеняхъ культуры наименѣе доступною и наиболѣе тяжелою формою производительнаго труда, какъ это можно видѣть отчасти изъ самой процедуры производства. Такъ, у каффровъ для того, чтобы воздѣлать кусокъ земли, имъ приходится выжигать траву и кусты, засѣять его и затѣмъ переворачивать глыбы земли чѣмъ-то въ родѣ лопаты или крючковатой палки. Впослѣдствіи приходится очень часто очищать поле отъ сорныхъ травъ, глушащихъ хлѣбное зерно [3]). Такая же форма земледѣльческаго производства, или сходная съ нею, существуетъ у всѣхъ народовъ, во всѣхъ человѣческихъ обществахъ на первобытныхъ ступеняхъ культуры [4]).

Намѣченныя здѣсь вкратцѣ затрудненія, встрѣчаемыя первобытнымъ человѣкомъ при борьбѣ съ природою, производятъ и рождаютъ цѣлый рядъ представленій о природѣ и ея силахъ, кото-

[1]) Hehn. Kulturpflanzen etc. S. 4.
[2]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker. IV. S. 81.
[3]) Loc. cit.
[4]) См. Roscher. Nationalökonomik des Ackerbaues (Aufl. 9). S. 75 — 79 (Brennwirthschaft) 82 (Dreifelderwirthschaft).

рыя въ свою очередь еще болѣе затрудняютъ, еще болѣе тормозитъ борьбу съ силами природы, возможность пользоваться ими для потребностей человѣка. Спеціалистъ по исторіи техники проф. Рейло высказывается объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: „Проявляющіяся въ неодушевленной природѣ силы, совершенно непостижимыя для первобытнаго человѣка, внушали ему первоначально *только страхъ;* только постепенно, исподволь онъ избавлялся отъ страха предъ ними и сталъ пытаться извлекать изъ нихъ выгоду для себя" [1]). Въ теченіе весьма продолжительнаго времени, какъ говоритъ тотъ же Рейло, первобытнымъ людямъ чуждо самое представленіе о возможности и необходимости „подчинить себѣ силы природы, находящіяся внѣ его. Первобытный человѣкъ вполнѣ удовлетворенъ и счастливъ, когда онъ можетъ достигнуть чего-либо съ помощью личныхъ усилій", съ помощью средствъ, лежащихъ въ немъ самомъ, а не во внѣшней природѣ [2]). Такимъ образомъ, борьба съ природою, вслѣдствіе трудностей, встрѣчающихся при этомъ, съ теченіемъ времени становится *недозволенною.* Субъективная неумѣлость человѣка, личная безпомощность его, первоначальная неспособность человѣка совладать съ силами природы, устранять тѣ изъ явленій природы, которыя приносятъ ему вредъ, и воспользоваться тѣми изъ нихъ, которыя соотвѣтствуютъ его потребностямъ,—словомъ, всѣ эти препятствія къ борьбѣ съ природою, обусловливаемыя его неумѣлостью, неспособностью, отсутствіемъ знанія, всѣ эти чисто субъективныя препятствія преображаются съ теченіемъ времени въ объективную невозможность бороться съ природою, представляются людскому сознанію въ видѣ препятствій, представляемыхъ самою природою, совершенно независимыми отъ воли и хотѣнія человѣка. Иначе говоря: такъ какъ люди привыкли въ теченіе долгаго времени не дѣлать того, чего они съ помощью находившихся въ ихъ распоряженіи средствъ не могли исполнить, то они возвысили это *бездѣйствіе* въ норму, сдѣлали его закономъ. Они стали относиться безучастно къ явленіямъ природы даже тогда, когда успѣли пріобрѣсти способность и умѣніе бороться съ ними, пользоваться ими. Дѣятельное отношеніе человѣка къ природѣ стало вообще считаться дѣломъ недозволеннымъ, грѣховнымъ, неумѣстнымъ желаніемъ испытывать Провидѣніе; бездѣйствіе, напротивъ, безучастное, созерцательное отношеніе къ тому, что̀ совершается въ природѣ, стало считаться добродѣтелью, богоугоднымъ дѣломъ. Точно также, какъ въ настоящее время проповѣдуется мысль, что уста-

---

[1]) Reulaux. Blick auf die Entwickelungsgeschichte der Maschine. S. 304.
[2]) Ibid. S. 306.

новившіяся въ настоящее время отношенія между людьми въ европейскихъ обществахъ должны остаться нетронутыми, не могутъ и не должны быть измѣняемы государственными мѣрами, — точно также весьма долго поддерживалась въ сознаніи людей мысль, что силы природы не могутъ и не должны подлежать измѣненію и воздѣйствію со стороны человѣка. По отношенію къ явленіямъ природы провозглашался извѣстный манчестерскій принципъ — laissez faire, laissez passer!

Какъ мы уже упомянули выше, Дж. Ст. Милль впервые указалъ въ посмертномъ своемъ этюдѣ „О природѣ" на такое отношеніе человѣчества къ природѣ.

„Во всѣ времена, говоритъ Милль, чувствовали и сознавали, что все то, что̀ человѣкъ дѣлаетъ для улучшенія своего быта, косвеннымъ образомъ заключаетъ въ себѣ поруганіе природы, является уклоненіемъ отъ естественнаго хода вещей, отъ порядка природы. Во всѣ времена, поэтому, всякія нововведенія, для которыхъ не было примѣра въ прошломъ, и которыя клонились къ улучшенію быта человѣка, должны были бороться съ религіозными предразсудками. Въ этихъ попыткахъ измѣнить существующій въ природѣ порядокъ вещей, вѣроятно, видѣли посягательство на величіе могущественныхъ существъ (или когда политеизмъ уступилъ мѣсто монотеизму — сопротивленіе всемогущему духу), господство которыхъ, по общему мнѣнію, простиралось на всѣ явленія вселенной и проявленіемъ воли которыхъ былъ естественный порядокъ вещей. Всякая попытка измѣнять явленія природы для блага людей, подчинить ихъ господству человѣка, легко могла быть принята за вмѣшательство въ порядокъ управленія, установленный этими высшими существами. Хотя и не было никакой возможности поддерживать жизнь людскую, а тѣмъ менѣе сдѣлать ее пріятною, не возобновляя постоянно вмѣшательства такого рода, не производя воздѣйствія на окружающія человѣка явленія природы,— тѣмъ не менѣе ко всякимъ попыткамъ вмѣшательства въ каждомъ данномъ случаѣ прибѣгали со страхомъ и трепетомъ до тѣхъ поръ, пока опытъ не научалъ, что можно рѣшиться на ту или другую попытку, на то или другое производство, не страшась и не вызывая этимъ мести боговъ. Ловкіе посредники между богами и людьми поняли, что есть средство объяснять безнаказанность частныхъ нарушеній естественнаго порядка вещей, отдѣльныхъ человѣческихъ дѣйствій, не уничтожая вмѣстѣ съ тѣмъ страха, который связанъ былъ съ идеей посягательства на предустановленный порядокъ. Это средство заключалось въ томъ, что они выдавали каждое изъ важнѣйшихъ изобрѣтеній за даръ и милость божью. Древнія религіи давали человѣку много средствъ для того, чтобы

вопрошать волю боговъ и получать отъ нихъ разрѣшеніе сдѣлать то, что безъ такого разрѣшенія было бы посягательствомъ на ихъ прерогативы. Когда оракулы умолкли, всякая религія находила средства для того, чтобы обойти то же затрудненіе. Въ католической церкви такимъ средствомъ являлось существованіе непогрѣшимаго папскаго авторитета, владѣвшаго божественнымъ правомъ и умѣвшаго отличать между усиліями человѣческими тѣ, которыя дозволены, отъ тѣхъ, которыя запрещены; за отсутствіемъ такого авторитета, всегда можно было прибѣгнуть къ библіи для того, чтобы узнать, одобряется ли непосредственно или косвеннымъ путемъ то или другое дѣйствіе. Оставалось несомнѣннымъ, что вліять на природу, дѣйствовать на нее, предоставлено было человѣку только въ силу спеціально даннаго ему на этотъ предметъ разрѣшенія и притомъ въ той мѣрѣ только, какъ этого требуютъ его нужды; всегда продолжала существовать наклонность, все болѣе и болѣе ослабѣвавшая безъ сомнѣнія, разсматривать всякую попытку господствовать надъ природою сверхъ извѣстной мѣры и дальше извѣстныхъ предѣловъ, какъ богопротивное стремленіе узурпировать божественныя прерогативы и какъ дерзость, которая преступаетъ все то, что̀ человѣку дозволено. Стихи Горація, въ которыхъ искусство кораблестроенія и мореплаванія заклеймены словами vetitum nefas, показываютъ, что даже въ періодъ скептицизма, современнаго Горацію, продолжала еще биться жилка античныхъ чувствъ... Обвиненіе въ выпытываніи тайнъ всемогущаго Творца долго оставалось могучимъ орудіемъ противъ ученыхъ, которые пытались проникнуть въ тайны природы. Еще въ настоящее время обвиненіе въ томъ, что кто-либо надменно стремится противодѣйствовать намѣреніямъ Провидѣнія, сохранило весьма много изъ своей прежней силы и служитъ обыкновенно дополнительнымъ возраженіемъ ко всѣмъ тѣмъ аргументамъ, которые приводятся противъ всякой новой попытки предвидѣнія или всякаго новаго изобрѣтенія" [1]).

Въ приведенныхъ мысляхъ Милля недостаетъ одного только, а именно указанія на происхожденіе тѣхъ воззрѣній, сущность которыхъ онъ такъ ясно изложилъ. Мы уже указали выше на условія, способствующія ихъ зарожденію. Это—неумѣніе пользоваться предметами и явленіями природы, бороться съ ними, эксплуатировать ихъ для человѣческихъ потребностей. Непреодолимыя затрудненія, встрѣчаемыя первобытнымъ человѣкомъ, стремящимся овладѣть предметами и силами природы, ведутъ съ одной стороны

---

[1]) Mill. Ueber Religion. Нѣм. перев. S. 18—20. См. также франц. перев. p. 19—22.

къ тому, что борьба съ ними становится недозволенною, возбраняется общественнымъ мнѣніемъ, съ другой стороны — къ тому, что тѣ изъ предметовъ или явленій природы, которыя оказываются необходимыми, могутъ играть или играютъ существенную роль *при соотвѣтствующемъ образѣ жизни* какой-либо общественной группы, вызываютъ чувство благоговѣнія къ нимъ, почитаются людьми. Такимъ образомъ, каждая форма жизни неизбѣжно создаетъ соотвѣтствующій кругъ предметовъ и явленій природы, подлежащихъ почитанію со стороны людей, ведущихъ тотъ или другой образъ жизни. Къ этимъ предметамъ и явленіямъ они относятся съ благоговѣніемъ, обращаются съ мольбами о помощи, и поклоняются, иными словами, обоготворяютъ ихъ, *признаютъ ихъ богами.*

Мы утверждаемъ слѣдовательно, что религіозное почитаніе предметовъ и силъ природы обязано своимъ происхожденіемъ неспособности первобытнаго человѣка побороть природу, подчинить ее своимъ цѣлямъ и потребностямъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему удается совладать съ природою, онъ приписываетъ удачу волѣ, присущей, по его мнѣнію, самымъ предметамъ природы, ставитъ удачу имъ въ заслугу. Понятно, что при господствѣ такихъ возрѣній, уже независимо отъ укоренившейся привычки относиться безучастно къ явленіямъ природы, не можетъ быть и рѣчи объ усиленномъ производительномъ трудѣ, о дѣятельномъ вмѣшательномъ въ ходъ явленій природы, объ измѣненіи ихъ и пользованіи ими для человѣческихъ потребностей. Весьма медленно развивается умѣніе человѣка господствовать надъ природою. Переходъ отъ одного образа жизни къ другому, расширеніе области предметовъ природы, на которые простирается господство человѣка, пользованіе тѣми изъ нихъ, которые оставались внѣ власти человѣка,—такое радикальное измѣненіе требуетъ много времени, прежде чѣмъ оно можетъ быть окончательно проведено. Но разъ переходъ начинаетъ совершаться,—образуется одновременно новый кругъ предметовъ природы, къ которымъ люди относятся съ благоговѣніемъ, образуется новый міръ боговъ, который исподволь вытѣсняетъ старыхъ боговъ, или наслаивается на нихъ, приводя прежній міръ религіозныхъ представленій въ соотвѣтствіе съ новымъ образомъ жизни. Только съ этой точки зрѣнія можетъ быть удовлетворительно разъясненъ и понятъ историческій ходъ развитія религіознаго міросозерцанія и отношенія человѣка къ природѣ. Такъ какъ каждому образу жизни, проходимому человѣческими обществами, соотвѣтствуетъ специфическое, свойственное ему исключительно, религіозное міровоззрѣніе, то, *имѣя классификацію различныхъ образовъ жизни, мы имѣемъ и классификацію формъ ре-*

лигіознаго міровоззрѣнія. Періодамъ охотнической, пастушеской, земледѣльческой жизни, занятію рыбною ловлей и т. д. соотвѣтствуетъ свой особый религіозный міръ, общій всѣмъ народамъ, ведущимъ тотъ же образъ жизни.

Мы не пишемъ здѣсь исторіи развитія религіозныхъ воззрѣній, а потому, ограничиваясь сказаннымъ относительно происхожденія и возникновенія религіозныхъ воззрѣній, приведемъ изъ громаднаго запаса фактическихъ данныхъ только нѣсколько, указывающихъ на недозволенность борьбы съ природою и на то чувство опасенія и боязни, которое возбуждается всякій разъ, когда дѣло заходитъ о томъ, чтобы воспользоваться какою нибудь силою природы, эксплуатировать ее для улучшенія матеріальныхъ условій жизни человѣка.

По воззрѣніямъ буддистовъ, говоритъ Бастіанъ, все сдѣланное самопроизвольно человѣкомъ дурно, такъ какъ онъ этимъ посягаетъ на гармонію природы. Но такъ какъ послѣдовательное проведеніе этого принципа довело бы буддистовъ до голодной смерти, то практика воспретила посягательство лишь на животное царство [1]). Тѣмъ же духомъ проникнуто и воззрѣніе, встрѣчаемое у Тертулліана. „Вещи въ естественномъ состояніи, говоритъ онъ, суть Божіе произведеніе,—трудъ, который ихъ измѣняетъ, произведеніе дьявола [2]).

Не пользоваться растеніями и животными, не употреблять ихъ въ пищу и для подѣлокъ, конечно, невозможно для первобытныхъ людей; но посмотрите, съ какимъ страхомъ они приступаютъ къ такого рода дѣйствіямъ и какъ они извиняются и стараются оправдывать себя въ грѣхахъ, содѣянныхъ ими. „Бирманскіе таланы, прежде чѣмъ срубить дерево, обращаются съ молитвою къ его „калуку", т. е. душѣ или духу, живущему въ немъ" [3]). Стіены, въ Камбоджѣ, „просятъ прощенія у убитыхъ ими животныхъ. Айносы, въ Іессо, убивъ медвѣдя, обращаются къ нему съ знаками почитанія и повиновенія, и затѣмъ уже вскрываютъ его трупъ. Коряки, убивъ медвѣдя или волка, снимаютъ съ него кожу, надѣваютъ ее на одного изъ охотниковъ и пляшутъ вокругъ него съ пѣснями, въ которыхъ увѣряютъ звѣря, что это вина не ихъ, а какого нибудь русскаго" [4]). Характернѣе всего разсказъ Грея, приводимый Леббокомъ, объ отношеніи среди мандинговъ въ Африкѣ къ тому лицу, которому удалось убить льва. „Такъ какъ къ великому моему изумленію, говоритъ Грей, я увидѣлъ, какъ дурно

---

[1]) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. I. S. 258.
[2]) Idem. III. S. 276.
[3]) Тейлоръ. Первоб. культура. II, стр. 273.
[4]) Idem. I, ч. 2, стр. 46–47.

обращаются съ человѣкомъ, который въ сущности заслужилъ нашу благодарность, ибо онъ первый ранилъ животное и такимъ образомъ предохранилъ насъ отъ его нападенія, то я старался разузнать о причинахъ такого обращенія и узналъ, что убійца льва совершилъ великое преступленіе, ибо онъ дерзнулъ убить владыку и потому долженъ перенести наказаніе, пока не будетъ оправданъ предводителями селенія. Они, конечно, не только сдѣлаютъ это тотчасъ же, но и вознаградятъ его за подвигъ. Я напрасно старался узнать, какимъ образомъ могло возникнуть такое *мнимодурное обращеніе*, но получилъ обычный въ устахъ африканскихъ жителей отвѣтъ, что такъ-молъ поступали отцы и дѣды".

Для насъ существованіе такихъ символическихъ дѣйствій, какія описаны Греемъ, совершенно понятны и ясны. Въ нихъ высказывается тотъ же принципъ, какой проявляется и въ слѣдующихъ фактахъ.

Германцы не рѣшались измѣрять глубины водъ, чтобы не оскорбить божества; разсказываютъ, что, однажды сталъ пловецъ бросать въ воду лотъ, а оттуда раздался страшный голосъ: „Станешь мѣрить, такъ я тебя пожру!" [1]) Мельникъ еще въ настоящее время непремѣнно долженъ быть колдуномъ и водить дружбу съ нечистыми, иначе дѣло не пойдетъ на ладъ. Если онъ съумѣетъ задобрить водянаго, то мельница будетъ всегда въ исправности и станетъ приносить большіе барыши; напротивъ, если не поладитъ съ нимъ, то мельница будетъ безпрерывно останавливаться: водяной то оберетъ у шестернаго колеса пальцы, то прососетъ дыру у самыхъ вешниковъ, и вода уйдетъ изъ пруда прежде, нежели мельникъ замѣтитъ эту продѣлку, то нагонитъ поводь и затопитъ колеса. Одинъ мужикъ построилъ мельницу, не спросясь водянаго, и за то послѣдній вздулъ весною воды съ такою силою, что совсѣмъ разорилъ постройку: разсказъ, сходный съ преданіемъ о мельницѣ, которую разорили Ильмень озеро и Черный ручей [2]). Иначе говоря, только по особому благоволенію природы, въ данномъ случаѣ—воды, можно утилизировать ее для человѣческихъ потребностей. Съ такимъ благоволеніемъ природа относится не къ каждому, а только къ извѣстнымъ, опредѣленнымъ личностямъ, которыя и называются колдунами.

По словамъ Тацита, рѣшеніе сената отвести воды рѣчекъ, впадавшихъ въ Тибръ, не было приведено въ исполненіе, въ виду возраженія реатиновъ, утверждавшихъ, что это *было бы противоестественно* и вмѣстѣ съ тѣмъ противно обычаямъ предковъ, ко-

---

[1]) Grimm. Deutsche Mythologie, 564. Аѳанасьевъ, II, стр. 232.
[2]) Аѳанасьевъ, II, стр. 237.

торые воздавали рѣкамъ божескія почести [1]). Въ томъ же духѣ отвѣтилъ въ царствованіе Карла II кастильскій совѣтъ одному голландскому обществу, предложившему провести судоходный каналъ изъ Таго въ Мансанаресъ. Вотъ эта резолюція: „Если бы Богу угодно было, чтобы обѣ эти рѣки были судоходными, то онъ бы такъ и устроилъ ихъ; слѣдовательно, пытаться сдѣлать ихъ судоходными было бы противно Божьему промыслу и грѣшно“ [2]).

Тейлоръ въ своей „Первобытной культурѣ“ собралъ и сгруппировалъ массу данныхъ изъ жизни всѣхъ народовъ на первобытныхъ ступеняхъ культуры, характеризующихъ ихъ отношеніе къ возведенію домовъ и другихъ сооруженій. Мы воспользуемся для нашей цѣли только нѣкоторыми. „На островѣ Борнео у миланаускихъ даяковъ при сооруженіи большаго дома вырыли глубокую яму для перваго столба, который и былъ привѣшенъ надъ ней на веревкахъ: дѣвушку-невольницу опустили въ яму и по данному сигналу перерѣзали веревку; громадный брусъ упалъ въ яму и раздавилъ дѣвушку до смерти: *это была жертва духамъ*. Когда строились ворота новаго города Тавойя въ Тенассеримѣ, лѣтъ 20 тому назадъ, народъ слышалъ отъ очевидцевъ, что въ каждую изъ ямъ, приготовленныхъ для столбовъ, бросали преступника въ *жертву покровительствующему демону*“ [3])... „Когда раджа Сала-Банъ строилъ укрѣпленіе Сіалкотъ въ Пенджабѣ, основаніе юговосточнаго бастіона разрушалось нѣсколько разъ, такъ что раджа обратился къ гадателю, и тотъ убѣдилъ его, что бастіонъ не будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ пролита кровь единственнаго сына, вслѣдствіе чего и былъ принесенъ въ жертву единственный сынъ вдовы“ [4]). То, что мы встрѣчаемъ у менѣе культурныхъ народовъ, какъ факты дѣйствительной жизни, является въ хроникахъ и легендахъ культурныхъ европейскихъ народовъ какъ факты историческаго прошлаго ихъ. Одна легенда разсказываетъ „что св. Колумба нашла необходимымъ зарыть св. Орана живымъ подъ основаніе своего монастыря, чтобы умилостивить духовъ земли, *которые разрушали ночью то, что строилось въ продолженіе дня*“ [5]). Въ итальянской легендѣ разсказывается „о мостѣ чрезъ Арту, который постоянно обрушивался, пока не заложили въ него жену строителя... Сербская легенда разсказываетъ, какъ три брата сговорились построить крѣпость Скадру (Скутари), но годъ за годомъ *„вила“ разоряла ночью то, что триста ка-*

---

[1]) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III. S. 209.
[2]) Бэръ. Исторія торговли. Русск. пер. т. II, стр. 42.
[3]) Тейлоръ. I, стр. 100.
[4]) Idem. I, стр. 101.
[5]) Idem. I, стр. 98.

меньщиковъ выстраивали днемъ. Этого врага приходилось умилостивить человѣческой жертвой,—первой изъ трехъ женъ, которая принесетъ пищу рабочимъ" [1]). Обрядъ человѣческаго жертвоприношенія, повсюду сопровождающій указанное здѣсь воззрѣніе на отношеніе силъ природы къ строительной дѣятельности человѣка, обязанъ своимъ происхожденіемъ по всей вѣроятности совпаденію гибели людей съ возведеніемъ построекъ. Непрочность построекъ въ первобытныя времена приводила къ тому, что люди гибли при постройкѣ, а потому впослѣдствіи и установлены добровольныя жертвоприношенія съ цѣлью упроченія построекъ. При улучшеніи качества самыхъ построекъ и способовъ ихъ сооруженія прочность ихъ приписывалась въ народѣ не техническимъ усовершенствованіямъ, не улучшеннымъ способамъ борьбы съ природою, а жертвоприношеніямъ, дѣйствительнымъ или воображаемымъ.

Мы уже видѣли изъ приведенной выше рѣчи предводителя паніевъ тотъ консерватизмъ, съ которымъ первобытный человѣкъ отстаиваетъ привычный ему образъ жизни, признавая его предвѣчнымъ и неизмѣннымъ. Съ этою же чертою мы ближе ознакомимся по извлеченію изъ рѣчи одного предводителя онеидовъ въ сѣверной Америкѣ, произнесенной имъ въ народномъ собраніи, объ уменьшеніи индійскаго населенія и увеличеніи числа бѣлыхъ людей.

„Отчего, спрашиваетъ онъ, такъ сильно увеличивается число бѣлыхъ? Оттого, отвѣчаетъ онъ же, что они умѣютъ воздѣлывать землю. Братья и друзья, это единственное средство, которое можетъ исправить зло, причиненное намъ бѣдствіями.

„... Будемъ охотиться для того, чтобы упражнять драгоцѣнныя качества, развиваемыя охотою: терпѣніе, настойчивость и проворство, дѣлающія насъ страшными въ бою; но будемъ же, наконецъ воздѣлывать и землю, на которой мы родились. Заведемъ у себя воловъ, коровъ, свиней и лошадей. Научимся ковать желѣзо, которое дѣлаетъ бѣлыхъ столь сильными, и если голодъ и нужда, какъ и прежде, будутъ стучаться въ наши двери, мы будемъ имѣть средства обуздать и удовлетворить ихъ". Предводитель онеидовъ приводитъ затѣмъ слова другаго предводителя краснокожихъ, который уже раньше его оплакивалъ жалкія условія производства, преобладающія среди туземцевъ: „Развѣ ты не видишь, говорилъ послѣдній, что бѣлые питаются зернами, а мы мясомъ; что это мясо требуетъ тридцать мѣсяцевъ для того, чтобы вырости, и часто его вовсе не бываетъ, между тѣмъ какъ каждое изъ тѣхъ ничтожныхъ зеренъ, которое они кладутъ въ землю, имъ возвращается болѣе, чѣмъ сторицею; что то мясо, которымъ мы

---

[1]) Idem. I, стр. 98—99.

питаемся, имѣетъ четыре ноги для того, чтобы убѣжать, а мы владѣемъ только двумя ногами для того, чтобы пускаться за нимъ въ погоню,—между тѣмъ какъ зерна остаются и растутъ тамъ, гдѣ ихъ посѣяли, и зима, которую мы проводимъ въ наиболѣе утомительной охотѣ, для нихъ время отдыха? Оттого-то они имѣютъ столько дѣтей и живутъ дольше насъ. Я говорю поэтому каждому, кто хочетъ меня слушать: прежде, чѣмъ кедры нашего селенія вымрутъ и кленовыя деревья перестанутъ производить сахаръ, племя малорослыхъ сѣятелей хлѣба истребитъ племя мясоядныхъ, если эти охотники сами не примутся за посѣвы".

Приводя такіе аргументы, онеидъ закончилъ затѣмъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: „Ахъ, отчего у меня нѣтъ орлиныхъ крыльевъ, я взвился бы на высоту нашихъ горъ, и тогда слова мои, разносимыя вѣтромъ, были бы слышны всѣмъ народамъ, живущимъ подъ нашимъ солнцемъ? Отчего свѣтъ истины не можетъ проникнуть въ ваши сердца такъ, какъ клинокъ моего томагавка въ тѣло моего врага? Вы погибли, храбрые онеиды, если будете охотниками—и только ими. Сегодняшнее солнце уже не то, чѣмъ оно было вчера; *вы погибли, если не заглушите голоса исконной привычки* и не будете внимать велѣніямъ желѣзной необходимости. Друзья и братья, возможно ли не внять этой необходимости, говорящей громовымъ голосомъ? Она говоритъ вамъ моими устами: карабинъ хорошъ, но плугъ лучше; томагавкъ хорошъ, но рукоять съ острымъ клинкомъ лучше; вигвамъ хорошъ, но домъ съ овиномъ лучше" [1]). Такое ясное пониманіе дѣла, такое раціональное отношеніе къ вопросу о борьбѣ съ природою весьма рѣдко встрѣчается на первобытныхъ ступеняхъ культуры. Эта рѣчь наглядно показываетъ, съ какими трудностями приходится бороться при переходѣ отъ одного образа жизни къ другому, а въ особенности отъ болѣе раннихъ формъ матеріальной культуры къ земледѣльческой.

Но и въ томъ случаѣ, когда общественная инерція преодолѣна, когда зачатки земледѣльческой культуры уже успѣли явиться,—всякое дальнѣйшее движеніе въ этомъ отношеніи, всякій новый шагъ сопряженъ съ большими затрудненіями, о которыхъ не трудно судить по слѣдующимъ образчикамъ. Индійская легенда разсказываетъ, что при увеличеніи народонаселенія легкое вспахиваніе земли оказалось недостаточнымъ для прокормленія населенія. Необходимо было разрывать великую богиню, мать-землю. По рѣшенію совѣта боговъ, великая богиня, жена Вишны, вы-

---

[1]) Crevecoeur. Reise in Oberpensylvanien. S. 50 и слѣд.—Klemm. Allgemeine Culturgeschichte. II. S. 24—26.

нуждена была подвергнуться такому *оскверненію*, не смотря на ея жалобы [1]). Если въ этомъ случаѣ мы видимъ антагонизмъ къ улучшеніямъ только въ способѣ выраженія, то въ слѣдующемъ онъ выражается въ активномъ сопротивленіи. „Литовцы, разсказываетъ Герберштейнъ, обрабатываютъ свою землю деревянными, а не желѣзными плугами, хотя земля ихъ не песчаная, а покрыта черноземомъ. Когда они отправляются на работу въ поле, они берутъ съ собою нѣсколько такихъ плуговъ съ тѣмъ, чтобы имѣть всегда наготовѣ плугъ, если одинъ сломается. Воевода этой мѣстности хотѣлъ научить жителей лучшему способу обработки и роздалъ большое количество желѣзныхъ плуговъ. Такъ какъ въ ближайшіе годы случился недородъ хлѣба, жители поставили этотъ фактъ въ вину желѣзнымъ орудіямъ, грозилъ вспыхнуть бунтъ, и воевода вынужденъ былъ отобрать свои плуги и предоставить населенію воздѣлывать землю по-старому" [2]).

Прививка и смѣшеніе первоначально отдѣленныхъ другъ отъ друга предметовъ въ свою очередь считается чѣмъ-то противоестественнымъ, навязаннымъ природѣ, а потому и недозволительнымъ. Въ виду этого, библейскія постановленія возбраняютъ засѣвать поле двумя родами сѣмянъ, впрягать въ плугъ воловъ и ословъ вмѣстѣ, прививать ростки изъ другой породы растеній, вообще сопрягать какимъ бы то ни было образомъ все *естественно* раздѣленное [3]). И еще Плиній пугается такого образа дѣйствія и считаетъ его грѣховнымъ: „Neque omnia insita misceri fas est", говоритъ онъ [4]).

Одною изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи культуры является медленность, съ которою распространялось въ Европѣ разведеніе картофеля, составляющаго нынѣ любимую народную пищу,—тѣ жестокія мѣры, которыя пускались въ ходъ для водворенія его на европейской почвѣ. Картофель впервые завезенъ былъ въ Европу испанцами послѣ завоеванія Перу въ половинѣ XVI в. и англичанами въ концѣ того же вѣка [5]). А между тѣмъ успѣхи картофеля были незамѣтны въ Англіи въ теченіе первой половины XVII вѣка, и только 1684 годъ считается моментомъ, когда онъ получилъ наибольшее распространеніе въ этой странѣ. Такъ же медленно шло распространеніе картофеля въ Бельгіи и Голлан-

---

[1]) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III. S. 346.
[2]) Herberstein. Rerum moscovitarum commentarii. — Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere. S. 482.
[3]) Hehn. S. 375.
[4]) Idem. S. 374.
[5]) Langethal. Geschichte der teutschen Landwirthschaft. II (1856). S. 185, 186.

дiи [1]), а во Францiи, еще наканунѣ французской революцiи, онъ былъ почти неизвѣстенъ и, по словамъ Артура Юнга, 99 французскихъ крестьянъ изъ 100 навѣрное отказались бы взять его въ ротъ [2]). Въ Пруссiи картофель вплоть до 1745 года разводился только въ огородахъ. Въ виду голода, наступившаго въ этомъ году, Фридрихъ Великiй роздалъ большое количество картофеля въ разныя мѣста для засѣванiя полей, разсылалъ печатныя инструкцiи о способѣ культуры и предписалъ духовенству проповѣдовать о сѣянiи картофеля. Тѣмъ не менѣе крестьяне отказывались воспользоваться присланнымъ имъ картофелемъ, и Фридрихъ Великiй во многихъ мѣстахъ только съ помощью военныхъ отрядовъ и экзекуцiй могъ достигнуть желанной цѣли. Еще въ 1756 и 1757 годахъ Фридрихъ Великiй разсылалъ циркуляры по всей Силезiи съ требованiемъ о разведенiи картофеля. Не смотря на всѣ эти мѣры, только дороговизна 1771 и 177 года привела къ сознанiю о значенiи картофеля въ сельскомъ хозяйствѣ и способствовала распространенiю его [3]).

Причиною такого отношенiя къ картофелю былъ, конечно, прежде всего, присущiй народнымъ массамъ консерватизмъ. Одинъ изъ изслѣдователей сельскаго хозяйства того вѣка, Леопольдъ, жалуется на то, что крестьяне упорны, ничего не перенимаютъ, кромѣ того, что они видятъ собственными глазами [4]). Зналъ это и Фридрихъ Великiй и въ одномъ изъ своихъ указовъ отъ 1775 года онъ пишетъ между прочимъ: „одними циркулярными распоряженiями и съ помощью принудительныхъ мѣръ подобныя полезныя учрежденiя не могутъ быть введены, ибо, не говоря уже о томъ, что крестьянинъ обнаруживаетъ сопротивленiе противъ новшествъ и въ особенности противъ требованiй, которыя навязываются ему силой, вообще трудно ожидать улучшенiй въ области сельскаго хозяйства, если сельскiй хозяинъ не убѣдится въ пользѣ ихъ посредствомъ вразумительныхъ доказательствъ, а еще лучше — посредствомъ примѣровъ“ [5]). Понятно однако, что прусскимъ чиновникамъ и вообще мѣстной власти трудно было исполнить это требованiе короля, такъ какъ представители мѣстной власти и сами были убѣждены въ зловредности картофеля. Между прочимъ, въ одномъ изъ представленiй, полученныхъ въ отвѣтъ на требованiе короля о воздѣлыванiи картофеля, мы читаемъ, что „предположен-

---

[1]) Idem. II. S. 189.

[2]) Taine. L'ancien régime. Paris, 1880, p. 446.

[3]) Sugenheim Aufhebung der Leibeigenschaft, S. 378. Stadelmann. Friedrich der Grosse in seiner Thätigkeit für den Landbau Preussens (1876). S. 93, 94.

[4]) Langethal. II. S. 250.

[5]) Stadelmann. Ibid. S 96

ное разведеніе картофеля въ такой провинціи, какъ Бранденбургъ, которая не производитъ достаточно хлѣба для населенія, должно привести къ крайней недостачѣ хлѣбнаго зерна и къ голоду" [1]). Если Фридрихъ Великій и могъ дѣлать выговоры чиновникамъ и внушить имъ болѣе правильное понятіе о достоинствѣ картофеля, то ему, конечно, невозможно было убѣдить въ этомъ вообще культурныхъ людей. А между тѣмъ и среди нихъ, и притомъ не въ одной Пруссіи, существовало въ этомъ вѣкѣ предубѣжденіе противъ картофеля, какъ обилующаго наркотическими элементами, а потому и причислявшагося къ ядамъ. Насколько картофель считался вреднымъ для здоровья, можно видѣть, между прочимъ, и изъ слѣдующаго факта. Когда въ 1708 году датскія вспомогательныя войска были отправлены въ Шотландію противъ претендента, то офицеры запретили солдатамъ потребленіе этой иноземной овощи, которая была уже обыденной пищей шотландцевъ. Только голодъ заставилъ солдатъ измѣнить свое мнѣніе о вредѣ картофеля и убѣдиться въ томъ, что это весьма вкусная пища [2]).

Неудивительно, конечно, послѣ всего этого, что попытки къ водворенію картофеля въ Россіи, сдѣланныя въ первой половинѣ XIX вѣка, встрѣчены были весьма недружелюбно и вызвали такъ называемые картофельные бунты, осложненные, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и другими элементами неудовольствія противъ мѣстныхъ властей, въ особенности противъ волостныхъ писарей и головъ, а также распространившимися нелѣпыми слухами о томъ, что мѣстныя крестьянскія власти продали государственныхъ крестьянъ министру государственныхъ имуществъ Киселеву, который въ устахъ народа превратился въ помѣщика господина Министрова или господина Кульнева [3]). Наименѣе осложненнымъ посторонними элементами былъ картофельный бунтъ въ Вятской губерніи. Мы остановимся поэтому главнымъ образомъ на немъ.

По случаю неурожая, постигшаго нѣкоторыя губерніи въ 1839 и 1840 годахъ, министерство государственныхъ имуществъ, обращая вниманіе „на всѣ вообще способы, коими можно бы было, хотя частью, отвратить на будущее время послѣдствія сего бѣдствія", признало однимъ изъ таковыхъ способовъ посадку картофеля. Въ 1840 году состоялось слѣдующее Высочайшее повелѣніе

---

[1]) Stadelmann. Ibid. S. 93.

[2]) Langethal. II. S. 190.

[3]) Зыряновъ. Крестьянское движеніе въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, въ 1843 г. «Древняя и Новая Россія», ноябрь 1879 г., стр. 233. Залевскій. Волненія крестьянъ въ зауральской части Пермскаго края въ 1842—1843 гг. «Русская Старина», 1879 г. ноябрь, стр. 414, 417. Колюпановъ. Камышловское дѣло. «Вѣстникъ Европы», 1870 г. октябрь, стр. 608.

1) Приступить къ разведенію картофеля во всѣхъ селеніяхъ, имѣющихъ общественныя запашки, отдѣливъ изъ оныхъ на сей предметъ нѣкоторое пространство земли въ каждомъ полѣ, такъ чтобы количество сбора картофеля выходило не болѣе получетверти или одной осьмой на душу. 2) По тѣмъ волостямъ и селеніямъ, гдѣ нѣтъ общественныхъ запашекъ, посадку картофеля дѣлать при волостномъ правленіи, хотя на одной десятинѣ, отдѣленной отъ земли, принадлежащей обществу.... Пошли предписанія исправникамъ всѣми мѣрами способствовать разведенію картофеля. Изъ отвѣтовъ исправниковъ оказалось, что людей, свѣдущихъ въ обращеніи съ картофелемъ, было очень мало... Съ перваго взгляда, говоритъ А. А. Андріевскій [1]), непонятно, почему такая мѣра, какъ разведеніе картофеля, очевидно клонившаяся „ко благу" крестьянства, могла породить въ его средѣ какія либо недоразумѣнія. Тѣмъ не менѣе эти „недоразумѣнія возникли и превратились скоро въ такъ называемый „картофельный бунтъ", потребовавшій усмиренія вооруженною силою. Крестьяне телицынскаго сельскаго общества, осиповской волости, нолинскаго уѣзда отказались сѣять картофель, не смотря на внушенія со стороны окружнаго начальства и убѣжденія священника. Исправникъ, донося объ этомъ 12-го мая губернатору, писалъ, что примѣръ телицынскаго общества можетъ оказать дурное вліяніе на умы крестьянъ сосѣднихъ волостей, и онъ не ошибся: 14-го мая крестьяне быковскаго общества, горбуновской волости, не только не согласились на посѣвъ картофеля, но рѣшили запахать и засѣять яровымъ хлѣбомъ назначенный подъ картофель участокъ... Собираясь толпами на сходки, крестьяне рѣшили противиться введенію „новыхъ порядковъ" и посѣву картофеля, а гдѣ онъ былъ уже засѣянъ, туда посылали депутатовъ, съ цѣлью склонить къ общимъ дѣйствіямъ. Крестьяне салтыковскаго общества, побывавши на сходкѣ у быковцевъ, вернулись домой и сломали изгородь, окружавшую мѣсто, уже засаженное картофелемъ, а самый картофель вырыли и разбросали по сторонамъ... Волненіе разросталось. Исправникъ 19-го іюня доноситъ, что бунтовщики, „выйдя изъ границъ повиновенія и даже приличной крестьянину благопристойности, грозили убивать всѣхъ его посланцевъ, отказываясь исполнять какія-либо повинности и пахать для озимаго хлѣба землю до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшено дѣло о картофелѣ. Тогда изъ Вятки была послана въ возмутившіяся волости воинская команда, чтобы „квартирной экзекуціей" принудить крестьянъ къ покорности... При усмиреніи въ одномъ нолинскомъ уѣздѣ оказалось убитыхъ 8, умер-

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», іюль 1881 г., стр. 557.

шихъ отъ ранъ 4 и ранено 39... Въ Вятскомъ уѣздѣ крестьяне на увѣщанія исправника заявили, что имъ „не надо сельскихъ управленій, расправъ, картофеля и никакого нововведенія, что они согласны лучше умереть, нежели повиноваться къ исполненію". Но примѣръ строгаго внушенія, даннаго въ Полинскомъ уѣздѣ, уничтожилъ, говоря словами рапорта, поданнаго начальству, духъ неповиновенія и водворилъ духъ кротости и покорности. Крестьянъ заставили посадить картофель... „Теперь, писалъ губернаторъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, зло оставлено и дальнѣйшей надобности въ употребленіи силы оружія уже не предстоитъ". Такимъ образомъ не безъ кровопролитія было введено въ Вятской губерніи повсемѣстное употребленіе картофеля.

Въ Пермской губерніи движеніе противъ картофеля осложнялось, какъ мы уже упоминали, нѣкоторыми другими элементами недовольства крестьянъ; но и тутъ требованіе о введеніи картофеля, „не отвѣчавшаго, по словамъ одного изслѣдователя, религіозному воззрѣнію на сей овощь раскольниковъ" [1]), было одною изъ главныхъ причинъ народнаго движенія, направленнаго не только противъ мѣстныхъ властей, которымъ крестьяне не довѣряли и которыхъ они имѣли полное основаніе ненавидѣть, но и противъ культурнаго новшества. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что „раскольники, ненавистники картофеля,—этого яблока добра и зла", подвергая жестокимъ побоямъ и мученіямъ волостныхъ писарей, за одно подвергли истязаніямъ и оспопрививателя, считая оспу „зазнаменіе и печать антихриста, а оспопрививателя слугою дьявола" [2]). Мало того, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ Пермской губерніи, гдѣ происходили волненія, крестьяне враждебно относились къ найденнымъ въ разныхъ мѣстахъ у священниковъ и писарей нумерамъ „Земледѣльческой Газеты", „полагая въ чертежахъ и рисункахъ, сопровождавшихъ текстъ газеты, покушеніе ввести изображенныя въ нихъ сохи, бороны и т. п. въ ихъ хозяйства и тѣмъ нарушить неприкосновенность старыхъ привычекъ ихъ, освященныхъ временемъ и завѣтомъ отцовъ и дѣдовъ, нетерпѣвшихъ въ обиходѣ домашнемъ никакихъ новыхъ элементовъ. Эти газетные листки возились мужиками въ огромныхъ мѣшкахъ изъ одного мѣста въ другое и съ удивленіемъ показывались, какъ рѣдкость или какъ поводъ и оправданіе для *заворухи*" (т. е. народнаго движенія) [3]).

Какъ изъ сопоставленія съ приведенными выше данными изъ

---

[1]) «Древняя и Новая Россія», ноябрь 1879 г., стр. 234.
[2]) Ibid., стр. 267, 270.
[3]) «Древняя и Новая Россія», ibid, стр. 271.

жизни европейскихъ народовъ, такъ и изъ фактовъ, представляемыхъ русскими картофельными бунтами, очевидно, что изъ психологіи народной никоимъ образомъ нельзя вычеркнуть отвращенія къ новшествамъ въ области борьбы съ природою и сопротивленія, вызываемаго этими новшествами. Если изслѣдователи русскихъ картофельныхъ бунтовъ какъ бы стараются затушевать этотъ неизбѣжный выводъ изъ фактовъ, то вѣроятно только потому, что страданія народныхъ массъ, вызванныя сопротивленіемъ картофелю, не находились въ соотвѣтствіи съ пользою нововведенія. Много было убитыхъ, много наказанныхъ шпицрутенами, сѣченныхъ батогами [1]), разграбленныхъ, разоренныхъ... Одинъ изъ очевидцевъ этого движенія въ Пермской губерніи въ началѣ сороковыхъ годовъ слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ послѣдствія усмиренія картофельнаго бунта: „Была, говорятъ, въ старые годы Пугачёвщина, да та не въ примѣръ была легче. А эта наша заворуха, бунтовка солона досталась намъ“ [2]).

Приводить ли данныя изъ другихъ сферъ дѣятельности? Повсюду стремленіе эксплуатировать какимъ-либо образомъ силы природы для потребностей человѣка задерживалось, и пытливость человѣческаго ума ограничивалась. Суевѣрный страхъ и боязнь овладѣвать силами природы дѣлали и дѣлаютъ человѣка еще и понынѣ безпомощнымъ. Онъ не находился до сихъ поръ и не находится съ-глазу-на-глазъ съ природою, наединѣ съ нею; во все вмѣшиваются призраки и привидѣнія, воображаемыя препятствія и стѣсненія фантастическаго характера. Еще Гёте говоритъ какъ объ идеалѣ, недосягаемомъ для современнаго человѣка—*быть и чувствовать себя наединѣ съ природою.* Только тогда человѣкъ и могъ бы помѣряться съ природою, совладать съ силами ея:

Stünde ich, Natur, vor dir ein Mann allein,
Da wär's der Mühe werth, ein Mensch zu sein!

восклицаетъ Фаустъ у Гёте [3]).

Приведемъ только нѣсколько фактическихъ данныхъ въ видѣ образчиковъ. Савояръ, умѣвшій лить цинковыя фигурки и занимавшійся этимъ искусствомъ въ странѣ инковъ, нѣсколько разъ находился въ опасности быть осужденнымъ инквизиціоннымъ судомъ въ Лимѣ,—ибо такія прекрасныя вещи-черти не могутъ быть сдѣ-

---

[1]) «Русская Старина», 1879 г. декабрь, стр. 629, 630. 1874 г. май, стр. 118, 119.

[2]) «Древняя и Новая Россія». Ibid., стр. 313.

[3]) Faust. 2 Theil. 5 Aufzug.

ланы иначе, какъ съ помощью магической силы [1]). У абипоновъ нѣтъ инквизиціоннаго суда, но и тамъ къ новизнамъ относятся весьма недружелюбно. Когда поселившійся среди нихъ миссіонеръ выдѣлывалъ искусственныя розы изъ крашенаго полотна, его духовныя дѣти считали его волшебникомъ. Точно также они относились къ появившемуся среди нихъ токарю [2]). Фокусникъ Жилльe-Суларъ, научившій свинью вертѣть веретено, былъ сожженъ въ 1466 году въ Парижѣ, какъ колдунъ [3]). Въ 1601 году, въ Лиссабонѣ была предана суду лошадь, которую хозяинъ научилъ продѣлывать различныя штуки. Ее приговорили къ смерти посредствомъ сожженія, ибо она, по мнѣнію судей, была одержима бѣсомъ [4]). Въ разсужденіи о магнитной иглѣ, напечатанномъ во Франціи въ 1260 году, авторъ, описавши громадную пользу, которую она можетъ оказать на морѣ, прибавляетъ: „Ни одинъ капитанъ не долженъ употреблять этого инструмента, если онъ не хочетъ подвергнуться подозрѣнію въ колдовствѣ. Нѣтъ сомнѣнія также, что ни одинъ морякъ не рѣшится идти въ море подъ командой такого капитана, который возьметъ съ собою вещь, сильно свидѣтельствующую о томъ, что она приготовлена съ помощью адскаго духа“ [5]). Негодованіе и сопротивленіе, возбужденное въ средѣ духовенства предпріятіемъ Колумба,—общеизвѣстны. Когда Колумбъ утверждалъ, что, отправившись чрезъ Гибралтаръ, по Атлантическому океану, по направленію къ западу, можно будетъ моремъ достигнуть Остъ-Индіи, собравшійся въ Саламанкѣ духовный соборъ назвалъ это предпріятіе „противорелигіознымъ“ и проклялъ его. Духовенство опиралось въ своемъ мнѣніи на то, что пятикнижіе Моисеево, псалмы, пророки, Евангеліе, посланія апостоловъ и сочиненія отцовъ церкви (Хризостома, Августина, Іеронима, Григорія, Василія, Амвросія) будто бы свидѣтельствуютъ противъ такого предпріятія [6]). Наконецъ, еще до самаго новѣйшаго времени жителямъ Папской области проповѣдывалось, что желѣзныя дороги суть произведенія дьявола [7]).

Этимъ отношеніемъ къ труду, къ борьбѣ съ силами природы въ исторической жизни человѣчества, въ значительной мѣрѣ обу-

---

[1]) Bastian. Der Mensch etc. III. S. 184.
[2]) Idem. II. S. 151.
[3]) Idem. III. S. 184.
[4]) Draper. Geschichte der Conflikte zwischen Religion und Wissenschaft. Нѣм. перев. Leipzig. 1875. S. 326.
[5]) Bastian. Der Mensch. etc. III. S. 184—185.
[6]) Draper, ibid. S. 163.
[7]) Ruth. Geschichte von Italien, von 1815—1850. Heidelberg. 1867. I. S. 92, 116.

словливалось и до сихъ поръ обусловливается положеніе различныхъ группъ общества. Здѣсь мы ограничимся разсмотрѣніемъ положенія стариковъ, дѣтей и юношей и, наконецъ, женщинъ, насколько положеніе этихъ группъ населенія обусловливается указаннымъ отношеніемъ къ борьбѣ съ внѣшней природой.

ГЛАВА IV.

Оставленіе на произволъ судьбы и убійство стариковъ.

Отношеніе къ старикамъ въ Сѣверной Америкѣ, на островѣ Фиджи, на австралійскихъ островахъ, среди африканскихъ и азіатскихъ народовъ, среди норвежскихъ лопарей, среди предковъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, среди прибалтійскихъ славянъ —«Сажаніе на лубокъ» въ Малороссіи.— Неправильность воззрѣній Мэна на первоначальный строй общества.

Когда у чипевеевъ кто-либо отъ старости становится бременемъ для своихъ соплеменниковъ, то ему, по словамъ Ланга, предоставляютъ на выборъ: быть высаженнымъ на необитаемый островъ, снабдивъ его лодкой и весломъ, лукомъ и стрѣлами, или быть убитымъ въ торжественномъ собраніи [1]). У сіуксовъ—стариковъ и больныхъ снабжаютъ извѣстнымъ количествомъ пищи, огня и воды и, высадивъ на пустынное мѣсто, предоставляютъ своей судьбѣ [2]). У индѣйцевъ прерій господствуетъ обычай, по которому старики, неспособные къ перекочевываніямъ, бросаются на произволъ судьбы съ незначительнымъ запасомъ пищи. „Сами старики обыкновенно просятъ своихъ дѣтей поступить съ ними такимъ образомъ, такъ какъ они точно такимъ же образомъ поступали со своими состарѣвшимися родителями“ [3]). Одинъ изъ достовѣрнѣйшихъ наблюдателей, Гирнъ, слѣдующимъ образомъ высказывается объ обращеніи со стариками у всѣхъ сѣверо-американскихъ народовъ: „о состарѣвшихся людяхъ пекутся весьма мало, и они получаютъ весьма скудное пропитаніе“ [4]). Такія же явленія встрѣчаются у многихъ южно-американскихъ племенъ [5]).

---

[1]) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III. S. 285.
[2]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker. III. S. 116.
[3]) Bastian. III. S. 286. Waitz. III. S. 116.
[4]) Hearne. Reise vom Prinz Wallis Fort bis zum Eismeer. Berlin. 1797 S. 258. Waitz. III. S. 117.
[5]) См., между прочимъ, Waitz III. S. 443, 541. IV. S. 327 и др.

Въ громадныхъ размѣрахъ истребленіе состарѣвшихся практикуется на островахъ Фиджи. Какъ только фиджіецъ „почувствуетъ приближеніе дряхлости, онъ говоритъ своимъ дѣтямъ, что ему пришло время умирать. Если же онъ самъ не догадается напомнить объ этомъ, дѣти, подождавши нѣсколько, берутъ это дѣло на себя. Собирается семейный совѣтъ, назначается день и вырывается могила. Старику предоставляется выборъ—быть задушеннымъ или погребеннымъ заживо. Гёнтъ (Hunt) дѣлаетъ слѣдующее поразительное описаніе подобной церемоніи, которой онъ былъ очевидцемъ. Къ нему пришелъ молодой человѣкъ и приглашалъ его присутствовать при погребеніи матери, которое сейчасъ должно было происходить. Гёнтъ принялъ предложеніе и присоединился къ процессіи, но, не видя тѣла покойницы, онъ удивился и спросилъ объ этомъ; тогда молодой человѣкъ указалъ ему на свою мать, которая болтала съ окружавшими ее такъ же весело и беззаботно и, повидимому, съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и всѣ присутствующіе. Гёнтъ высказалъ свое изумленіе молодому человѣку и спросилъ, зачѣмъ же онъ такъ обманулъ его, сказавши, что мать его умерла, тогда какъ она жива и здорова. Въ отвѣтъ на это тотъ сказалъ, что они уже окончили погребальное пиршество по ней и теперь идутъ погребать ее, что она уже очень стара, что его братъ и онъ рѣшили, что она пожила уже довольно, и что пришло время похоронить ее, на что она охотно согласилась, и вотъ теперь это и исполняется..... Гентъ сдѣлалъ, съ своей стороны, все, что было возможно, чтобы предупредить такое ужасающее дѣло; но онъ получалъ одинъ отвѣтъ, что она ихъ мать, а они ея дѣти, и поэтому должны предать ее смерти" [1]). Обычай этотъ былъ до того распространенъ на Фиджійскихъ островахъ, „что въ одномъ городѣ, содержавшемъ нѣсколько сотъ жителей, капитанъ Уилльксъ не встрѣтилъ *ни одного человѣка старше сорока лѣтъ*, такъ какъ всѣ перешедшіе этотъ возрастъ были уже умерщвлены" [2]). Подобныя же явленія мы встрѣчаемъ на полинезійскихъ островахъ.

На остр. Таити дѣти вовсе не пекутся о родителяхъ и не интересуются ими; когда родители состарятся, ими совершенно пренебрегаютъ. „Старость, по словамъ Турнбулля и Вильсона, не только не пользуется тамъ уваженіемъ, но публично осмѣивается" [3]). По словамъ Эллиса, родители при взрослыхъ дѣтяхъ лишаются всякаго значенія,—они вполнѣ подчиняются волѣ дѣтей. Въ Нукагивѣ родители точно также не пользуются никакою властью надъ

---

[1]) Леббокъ. Начало цивилизаціи. Русск. перев. Спб. 1876, стр. 275.

[2]) Леббокъ, ibid., стр. 276.

[3]) Waitz-Gerland. VI. S. 135.

дѣтьми, и дѣти обращаются съ ними безъ всякаго уваженія. Вообще, какъ здѣсь, такъ и въ Гавайѣ, гдѣ со стариками обращаются весьма дурно, отношенія между родителями и дѣтьми, между старымъ и молодымъ поколѣніемъ совершенно сходны съ тѣми, которыя мы видѣли въ Таити [1]). Совершенно также, какъ у сѣвероамериканскихъ племенъ, стариковъ и больныхъ удаляли за черту поселеній, по близости какой-либо рѣки и оставляли тамъ, снабдивъ незначительнымъ запасомъ пищи. Случалось также, что ихъ убивали или хоронили живыми [2]). Точно такъ же обращались съ больными и стариками въ Новой Зеландіи. Брошенные въ какомъ либо необитаемомъ мѣстѣ, получая скудное пропитаніе, они умирали съ голоду [3]). Въ гораздо большихъ размѣрахъ мы встрѣчаемся съ этими явленіями среди австралійскихъ народностей, такъ какъ онѣ стоятъ на низшей ступени развитія сравнительно съ полинезійцами. Старики оставляются на произволъ судьбы, убиваются, и часто ихъ трупы пожираются [4]).

У негритянскаго племени бурунъ въ Нигриціи состарѣвшихся людей выводятъ за черту поселеній и, напоивши пьяными, заставляютъ влѣзать въ выкопанную для нихъ яму, ибо, объясняютъ негры, старики успѣли уже съѣсть весь свой хлѣбъ въ этомъ мірѣ [5]). О жителяхъ Бонни путешественники, въ свою очередь, сообщаютъ, что они весьма мало пекутся о пожилыхъ соплеменникахъ [6]). У готтентотовъ старики и больные, снабженные нѣкоторою пищею, оставляются на произволъ судьбы [7]). Тому же подвергаются одряхлѣвшіе старики и больные и у кафровъ [8]). У племени Батта на о. Суматрѣ пожилыхъ людей заставляютъ взлѣзать на дерево, которое присутствующіе принимаются качать, напѣвая слѣдующій мотивъ: „время уже приспѣло, плодъ уже созрѣлъ, пора его стряхнуть!" Старика убиваютъ и затѣмъ пожираютъ [9]). Камчадалы, по словамъ Беринга, таскали своихъ родителей, когда они заболѣвали, въ ближайшій лѣсъ, гдѣ они ихъ оставляли, снабдивъ нѣкоторыми съѣстными припасами. Такъ же обращались чукчи, по словамъ Врангеля, съ состарѣвшимися соплеменниками [10]).

---

[1]) Waitz-Gerland, l. c.
[2]) Idem. S. 397.
[3]) Idem. S. 398.
[4]) Idem. S. 782.
[5]) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III. S. 284.
[6]) Waitz. II. S. 122—123.
[7]) Idem. S. 341.
[8]) Idem. S. 401.
[9]) Waitz. V. S. 189.
[10]) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III. S. 284. Bastian. Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern der Erde. S. 296.

Такъ же поступаютъ лопари, принявшіе христіанство, не только съ покойниками, но и вообще съ больными. „Еще тому [illegible] — [illegible] очевидцевъ, разсказываетъ г. Бухаровъ, которому [illegible] покидаетъ [illegible] и [illegible]. Сотоварищи [illegible]: они не могутъ [illegible], не могутъ и [illegible] съ нимъ на мѣстѣ, гдѣ ихъ [illegible]. И лопари по-[illegible] предъ [illegible] [illegible] условій для жизни необходимостью. Больного, часто умирающаго, укладываютъ въ [illegible] небольшой шалашъ — [illegible] оставляютъ ему немного [illegible] и прощаются съ нимъ. Если больной поправится, то [illegible]; если же нѣтъ — [illegible] обглоданныя [illegible] кости будутъ подобраны на обратномъ пути и [illegible] въ церковь для [illegible] по-христіански землѣ. И никто изъ [illegible] лопарей не [illegible] товарища [illegible]. [illegible] покойной [illegible] жизни [illegible], такъ и [illegible] съ такою [illegible] участью, которые рано или поздно, можетъ по-стигнуть каждаго изъ нихъ“ [1].

Однородныя явленія мы встрѣчаемъ какъ у народовъ древности, такъ и у прежнихъ современныхъ нецивилизованныхъ народовъ. Объ одномъ изъ народовъ Индіи — [illegible] — Геродотъ разсказываетъ слѣдующее: если кто-нибудь изъ соплеменниковъ заболѣетъ, женщина ли или мужчина, то ближайшіе друзья — мужчины, если больной мужчина — убиваютъ его, прибавляя при этомъ, что мясо пропадаетъ для нихъ, если болѣзнь истощитъ больного; больной отрицаетъ свою болѣзнь, но тѣ не соглашаются съ нимъ, убиваютъ и поѣдаютъ его. Точно такъ же, какъ мужчины съ мужчиной, поступаютъ ближайшія женщины съ больной женщиной. Равнымъ образомъ убиваютъ и поѣдаютъ они состарѣвшихся людей. Впрочемъ, до старости доживаютъ у нихъ немногіе, такъ какъ каждаго убиваютъ они раньше, лишь только онъ заболѣваетъ. У другихъ народовъ той же Индіи, по свѣдѣніямъ Геродота, установленъ такой обычай: кто изъ нихъ заболѣваетъ, удаляется въ безлюдное мѣсто и тамъ лежитъ; ни объ умершихъ, ни о больныхъ не заботится у нихъ никто [2]. Въ законахъ Ману читаемъ: „Пусть царь, отдавши браминамъ всѣ богатства, когда приближается его конецъ, оставитъ своему сыну попеченіе о царствѣ и идетъ искать смерти въ сраженіи, или, если нѣтъ войны, пусть уморитъ себя голо-

[1]) Бухаровъ. Поѣздка по Лапландіи. Спб. 1885, стр. 284—285.
[2]) Геродотъ (русскій переводъ Ѳ. Г. Мищенка), III, 99, 100.

домъ" [1]). Объ отношеніи римлянъ къ старикамъ Фестъ разсказываетъ слѣдующее: sexagenarios de ponte olim dejiciebant... exploratissimum illud est causae, quo tempore primum per pontem coeperunt comitiis suffragium ferre, juniores conclamaverunt, ut de ponte dejicerentur sexagenarii, qui jam „*nullo publico monere fungerentur*" [2]). Въ германскихъ преданіяхъ мы встрѣчаемъ указанія на существованіе этого обычая у различныхъ германскихъ племенъ. Въ Олафъ-сагѣ разсказывается, „что во время жестокой стужи и голода въ Исландіи рѣшено было въ публичномъ собраніи избавиться отъ стариковъ, больныхъ и увѣчныхъ, уморивъ ихъ голодомъ" [3]). По мнѣнію Гримма, подобные случаи встрѣчались тамъ часто въ древнія времена, такъ какъ предложеніе истребить стариковъ при наступленіи жестокой стужи встрѣчается и въ другихъ сагахъ. Герулы, въ свою очередь, убивали стариковъ и больныхъ, какъ сообщаетъ Прокопій [4]). Болѣе поздніе слѣды обычая убивать стариковъ и больныхъ мы находимъ въ сѣверно-германскихъ земляхъ. „Бременскій словарь приводитъ поговорку: dunk unner, di Welt is di Gram! съ которой обращаются обыкновенной къ состарѣвшимся людямъ. Въ ней скрывается указаніе на погребеніе заживо или утопленіе" [5]).

Въ стихотвореніи Аполлонія изъ Тирланда (Apollonius von Tyrland) мы читаемъ слѣдующее:

Die Edlen auf der Erden,
Wann die alt werden,
Die brennen (prennent) sie zu Pulver gar
. . . .
. . . .
Nu merket, wie das Volk thue,
Wan sie nun (nu) zu alt sind,
So schlächtet (schlecht) man sie als die Rind (rint.).

(Благородные на сей землѣ, когда состарятся, сожигаются въ порошокъ... Замѣчайте теперь, какъ поступаетъ народъ. Когда кто-либо изъ нихъ становится слишкомъ старымъ, его убиваютъ какъ скота) [6]).

О существованіи этого обычая у пруссовъ разсказываетъ между прочимъ Преторій: „сыновья, говоритъ онъ, убивали старыхъ или

[1]) Ману IX, 323.
[2]) Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer. S. 489.
[3]) Grimm. RA. S. 487.
[4]) Grimm. RA. S. 487.
[5]) Grimm. l. c. См. также Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III. S. 284.
[6]) Grimm. RA. S. 489.

больныхъ родителей" [1]). Въ лѣтописи сѣверныхъ фризовъ (Nordfriesische Chronik) Геймриха мы читаемъ: „Въ 1607 году татары при своемъ уходѣ похоронили на кладбищѣ въ Пельвормѣ старую женщину живою, такъ какъ она не въ состояніи была кочевать съ ними дольше. Нѣкогда подобныя явленія совершались и въ *вендскихъ странахъ* и считались тамъ честнымъ и достойнымъ похвалы обычаемъ" [2]). Существованіе этого обычая у вендовъ Гриммъ подтверждаетъ слѣдующей выпиской изъ эпистолъ Цейллера: „Существовалъ, говорится тамъ, честный обычай въ странѣ вагровъ и въ другихъ вендскихъ земляхъ, по которому дѣти убивали своихъ престарѣлыхъ родителей, родственниковъ по крови и другихъ родичей, а также такихъ, *которые оказывались уже неспособными къ войнѣ или другой работѣ*,—затѣмъ варили ихъ трупъ и съѣдали, или же хоронили живыми. Такимъ образомъ лицамъ (принадлежавшимъ къ этимъ народностямъ) не давали состарѣться, да и сами старики охотнѣе желали умереть, чѣмъ томиться подъ бременемъ исполненной скорбями старости. У нѣкоторыхъ вендовъ обычай этотъ весьма долго сохранялся, въ особенности въ окрестностяхъ Люнебурга" [3]).

Есть и другія извѣстія о существованіи этого обычая у балтійскихъ славянъ, между прочимъ, одно извѣстіе изъ XIII ст. Неизвѣстный авторъ статьи „объ округѣ и наименованіи вендской околицы Древанъ" разсказываетъ слѣдующее: „Въ 1220 г. старшина Левинъ фонъ-Шуленбергъ проѣзжалъ чрезъ Древаны и увидѣлъ, какъ нѣсколько вендовъ отправлялись въ лѣсъ съ однимъ старикомъ. „Куда вы ведете старика"? спросилъ старшина.—Къ Богу, къ Богу, отвѣтили тѣ.—Старшина пожалѣлъ старика, вырвалъ его насильно изъ рукъ сопровождавшихъ его, взялъ его съ собою и сдѣлалъ привратникомъ замка. Только черезъ 20-ть лѣтъ этотъ старикъ отдалъ Богу душу [4]). Наиболѣе позднія извѣстія объ этомъ обычаѣ у вендовъ мы имѣемъ отъ конца XVII ст. Церковный визитаторъ Гильдебрандъ пишетъ: „Въ прежнія времена дѣти сами убивали своихъ одряхлѣвшихъ родителей, которые неспособны были зарабатывать, говоря, что Богу неугодны люди неработающіе" [5]). Какъ сообщаетъ Рудольфъ изъ Новомагіо, „Альбертъ Великій былъ посланъ папой въ Польшу для того, чтобы уничтожить существовавшій тамъ варварскій обычай убійства

[1]) Grimm. S. 488. Bastian. III. S. 285.

[2]) Grimm. l. c. Bastian. III. S. 285. См. также Котляревскій. Древности юридическаго быта балтійскихъ славянъ. Прага, 1874, стр. 118.

[3]) Grimm. l. c.

[4]) Котляревскій, ibid., стр. 119.

[5]) Котляревскій, ibid., стр. 120 пр. 257.

стариковъ" [1]). Мы имѣемъ, наконецъ, и извѣстіе общаго характера, относящееся ко всѣмъ славянамъ. По этому извѣстію, у всѣхъ славянъ: „vetuli parentes a filiis mactantur et senes jam laboris inutiles ad montem urgentur" (состарѣвшіеся родители убиваются сыновьями, а неспособные къ труду старики сбрасываются со скалы) [2]).

Покойный Котляревскій, ознакомившись съ извѣстіями, свидѣтельствовавшими о существованіи этого обычая у балтійскихъ славянъ, не могъ, конечно, отрицать возможности этого обычая, но онъ, тѣмъ не менѣе, счелъ нужнымъ усомниться въ продолжительности его существованія. „Утверждая, говоритъ Котляревскій, возможность существованія у балтійскихъ славянъ жестокаго обычая предавать смерти стариковъ, мы должны, однако, сказать, что онъ, если былъ, то уже со временъ глубокой древности былъ явленіемъ частнымъ, спорадическимъ, дѣйствовавшимъ у какихъ-нибудь отдѣльныхъ, болѣе одичалыхъ и погруженныхъ въ мракъ варварства племенъ. Тревоги ли воинскаго быта, гдѣ слабые старики представлялись тяжелымъ бременемъ, крайняя ли бѣдность и голодъ сами по себѣ дали такое грубое направленіе человѣческой природѣ славянина, примѣры ли сосѣдей увлекли ее къ жестокому обычаю—опредѣлить нельзя, но несомнѣнно, что онъ не былъ обычаемъ распространеннымъ, и этимъ-то обстоятельствомъ, конечно, объясняется, почему положительная исторія вовсе не замѣтила его ни у одного изъ славянскихъ народовъ. Ей извѣстны грубыя отношенія дѣтей къ отцамъ и родственникамъ, но такой грубости духа она не знаетъ" [3]).

Оказывается, однако, что какъ по отношенію къ данному обычаю, такъ и по отношенію ко многимъ другимъ, весьма важнымъ обычаямъ и учрежденіямъ, ссылка на то, что у насъ именуется исторіей, неумѣстна. Эта исторія не знаетъ объ очень многихъ вещахъ, не только давно исчезнувшихъ, но и такихъ, которыя существовали и практиковались почти на нашихъ глазахъ, являясь, конечно, наслѣдіемъ весьма отдаленныхъ временъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи еще въ весьма недавнее время практиковался обычай бросанія стариковъ на произволъ судьбы. „Людей старыхъ, разсказываетъ г-жа Литвинова, не подававшихъ надежды на жизнь, бывшихъ въ тягость себѣ и другимъ, вывозили въ зимнюю пору въ глухое мѣсто и опускали въ глу-

---

[1]) Bastian. III S. 285.

[2]) Bastian. Rechtsverhältnisse etc. S. 296.

[3]) Котляревскій. Древности юридическаго быта балтійскихъ славянъ, стр. 123—124.

бокій оврагъ, а чтобы при опусканіи они не могли разбиться, или же задержаться на скатѣ, ихъ сажали на лубъ, на которомъ, какъ на саняхъ, они доходили до дна оврага. Отсюда и выраженія: „сажать на лубокъ“, или „пора его на лубокъ“. Практиковались и другіе способы—засаживаніе въ пусткѣ на печь, опусканіе въ пустую яму и проч.“ Старуха-крестьянка, умершая въ 1884 г., разсказывала г-жѣ Литвиновой, между прочимъ, слѣдующее: „Слыхала я въ молодости, что тогда сажали людей старыхъ на лубокъ, вывозили въ поле и оставляли ихъ тамъ умирать, но сама лично этого не видѣла. А когда это запретили, то такихъ за старостью уже неспособныхъ къ работѣ людей оставляли въ пустой хатѣ зимой, гдѣ они отъ голода и холода и умирали. Послѣдній такой случай, разсказываетъ г-жа Литвинова, былъ на моихъ глазахъ и у насъ въ д. Землянкѣ, въ глуховскомъ уѣздѣ черниговской губерніи. Той же г-жѣ Литвиновой одинъ крестьянинъ д. Землянки, умершій въ 1881 году, слѣдующимъ образомъ разъяснилъ причины, которыя способствовали тому, что этотъ обычай былъ выведенъ изъ употребленія. „Слыхалъ и я, говорилъ онъ, что не такъ давно сажали людей на лубокъ, но не видалъ этого. А слышалъ только, отчего перестали людей на лубокъ сажать. Громада, какъ сами знаете, за всѣмъ у насъ смотритъ; такъ и въ этомъ дѣлѣ. А тутъ вышла такая оказія. Въ какомъ то тамъ селѣ жила большая семья, а въ ней былъ отецъ, такой старый, да немощный, что самъ уже себѣ у Бога смерти просилъ. Сыновья никакъ не хотѣли сажать его на лубокъ, а громада все требовала. Вотъ они посадили „свого тата“ въ пустую яму, гдѣ хлѣбъ ссыпали, а громадѣ сказали, что вывезли его въ поле и посадили на лубокъ. Прошло такъ довольно времени. Дѣти, извѣстно, жалѣли отца и кормили его. Наступилъ неурожайный годъ. Сыновья пошли къ ямѣ спросить у отца, что имъ дѣлать, чтобы родился хлѣбъ. Отецъ велѣлъ имъ весь озимый посѣвъ прикрыть на зиму слегка старой соломой. Дѣти такъ и сдѣлали, и у нихъ вышелъ богатый урожай, когда у другихъ снова былъ недородъ. Громада диву давалась, почему сыновья такъ поступили, и пристала къ нимъ съ разспросами. Нечего было дѣлать, пришлось признаться, что отецъ ихъ живъ и что онъ ихъ научилъ такъ поступить съ посѣвомъ. Тогда громада съ почетомъ вынула старика изъ ямы и съ той поры запретила сажать стариковъ на лубокъ“ [1]).

Не знаемъ, насколько фактически вѣренъ этотъ разсказъ, но онъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о воззрѣніяхъ народа, по которымъ жизнь престарѣлыхъ людей только тогда стала призна-

[1]) «Кіевская Старина» Т. XII, іюнь 1885 г., стр. 354—356.

ваться полезною, когда убѣдились въ томъ, что пріобрѣтенная ими въ жизни опытность не лишена значенія для потомства.

Если бы Генри Мэнъ имѣлъ въ виду сгрупированныя здѣсь данныя, онъ едва ли пришелъ бы къ тѣмъ заключеніямъ, къ которымъ онъ проходитъ въ своемъ „Древнемъ правѣ". Заключенія, о которыхъ мы говоримъ, играютъ роль фундаментальныхъ положеній, на которыхъ зиждется все его сочиненіе, а между тѣмъ они оказываются вполнѣ несостоятельными. „Доказательства, говоритъ Мэнъ, выведенныя изъ сравнительнаго разсмотрѣнія правовыхъ явленій у различныхъ народовъ, заставляютъ насъ признать тотъ взглядъ на первоначальное состояніе человѣческаго рода, который извѣстенъ подъ именемъ теоріи „патріархальнаго быта" [1]). Бытъ этотъ Мэнъ представляетъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ: самыя видныя черты этой общественной организаціи, говоритъ онъ, суть слѣдующія: старѣйшій родственникъ мужскаго пола — старѣйшій по восходящей линіи—является безусловнымъ главою въ его семьѣ. Его власть простирается на жизнь и смерть и является такою же неограниченною надъ дѣтьми и ихъ семьями, какъ и надъ рабами" [2]). Всѣ черты этой картины, какъ мы могли видѣть изъ предъидущаго, нисколько не соотвѣтствуютъ дѣйствительности на тѣхъ ступеняхъ культуры, о которыхъ говоритъ Мэнъ. Если кто-либо обнаруживаетъ въ первобытной общинѣ какую-либо власть, то отнюдь не родители, а взрослыя дѣти. Если можно видѣть въ тѣ времена приговариваніе кого-либо къ смерти, то опять таки только родителей, а не наоборотъ. Къ „старѣйшимъ членамъ семьи" не питали особаго уваженія; они отнюдь не пользовались властью и, съ наступленіемъ извѣстнаго возраста, они частью добровольно, частью насильственно устранялись изъ общества. „Безусловное повиновеніе неразвитаго человѣка своему отцу есть, безъ сомнѣнія, первичный фактъ", говоритъ Мэнъ [3]). Мы видѣли, что положеніе, совершенно противоположное высказанному имъ, могло бы считаться вѣрнымъ. Среди тѣхъ народовъ и въ тѣ времена, когда совершаются охарактеризованныя нами выше общественныя явленія, объ отеческой власти, о такъ называемой patria potestas, о власти „старѣйшаго члена семьи"—и рѣчи быть не можетъ. Мы не говоримъ здѣсь уже о томъ, вполнѣ доказанномъ положеніи, что первоначальной формой брака былъ коммунальный бракъ, что, слѣдовательно, той формы семьи, которую рисуетъ Мэнъ, не было и быть не могло, что, слѣдовательно, не было и не могло быть во-

---

[1]) Мэнъ. Древнее право. Русскій перев. С.-Петер. 1873 г., стр. 96.
[2]) Мэнъ, ibid., стр. 97, а также 101.
[3]) Ibid., стр. 107.

все того „старѣйшаго, восходящаго члена семьи", котораго Мэнъ представляетъ главою семьи. Какъ доказано многими изслѣдователями и въ особенности Леббокомъ, цѣлая племенная община на первобытной ступени культуры можетъ быть названа, если угодно, семьей, и въ то же время совершенно не заслуживаетъ этого наименованія. Въ этой общинѣ, какъ у древнихъ галактофаговъ, всѣхъ стариковъ называютъ *отцами*, молодыхъ людей—*сыновьями*, а людей одинаковыхъ лѣтъ—*братьями* [1]). Иначе говоря, эти семейныя наименованія обозначаютъ не родство лицъ по крови, а возрастъ трехъ группъ, входящихъ въ составъ данной общины. Эти лица такимъ образомъ вовсе не группируются по семьямъ съ восходящими, нисходящими и боковыми членами, такъ какъ первобытная культура не знаетъ такихъ семейныхъ группъ. Они группируются исключительно по возрастамъ. А такъ какъ приведенныя нами данныя объ обращеніи со стариками весьма ясно говорятъ о томъ, что два младшіе возраста нисколько не подчиняются старшему, вовсе не окружаютъ его уваженіемъ или почетомъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ рѣшаютъ его судьбу, имѣютъ надъ нимъ право жизни и смерти, то ясно, что представленіе о власти „старѣйшаго члена семьи" лишено всякаго смысла. А разъ отпадаетъ отеческая власть, власть „старѣйшихъ" и уваженіе къ нимъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ, конечно, и „совѣтъ старѣйшинъ"—senatus—какъ политическое учрежденіе, отпадаетъ и весь тотъ „патріархальный" бытъ, который будто бы существовалъ на первобытныхъ ступеняхъ культуры.

Благоговѣйное уваженіе къ старости, убѣленной сѣдинами, къ старикамъ, умудреннымъ опытомъ, является, очевидно, гораздо болѣе позднимъ учрежденіемъ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Точно также и отеческая власть обязана своимъ происхожденіемъ болѣе поздней ступени культуры, чѣмъ та, къ которой ее обыкновенно относятъ. Римскій юристъ Гай, описывая patria potestas — власть отца надъ личностью и имуществомъ потомковъ, называетъ это установленіе отличительно-римскимъ. Гай нигдѣ не нашелъ установленія, подобнаго римской „отеческой власти" [2]). Онъ былъ правъ въ томъ смыслѣ, что у народовъ, окружавшихъ Римъ и находившихся на болѣе низкой ступени культуры сравнительно съ римлянами, онъ не находилъ института, схожаго съ римскимъ. Только у римлянъ современнаго ему періода и у другихъ народовъ, достигшихъ той же ступени развитія, отеческая власть, патріархальная семья, право первородства и т. д. могли быть вполнѣ

---

[1]) Леббокъ. Стр. 69, 119, 125, 126, 141 и мн. друг.
[2]) Мэнъ. Стр. 106, 107.

установившимися учрежденіями. Въ жизни и судьбахъ первобытной племенной общины должно было произойти весьма много, прежде чѣмъ въ нее внѣдрился патріархальный принципъ, прежде чѣмъ интересы семьи или рода получили въ умѣ и чувствѣ отдѣльнаго человѣка больше значенія, чѣмъ интересы всей племенной общины, къ которой онъ искони принадлежалъ. Весьма много потрясеній совокупность членовъ общины должна была испытать, прежде чѣмъ отдѣльные члены рѣшились съузить міръ своихъ интересовъ, примкнуть къ меньшей группѣ, сравнительно съ общиной, прежде чѣмъ началось обособленіе въ роды или семьи. Только одновременно съ ослабленіемъ внѣшней силы общины, одновременно съ ослабленіемъ ея могущества могло произойти и распаденіе общины на роды и семьи, что, въ свою очередь, повело, конечно, къ дальнѣйшему ослабленію общины. Ростъ патріархальной власти, господство отцовъ семействъ, родоначальниковъ надъ семейными группами, сопровождается такимъ образомъ разложеніемъ общинной организаціи, ея постепеннымъ паденіемъ. Ходъ развитія общественной жизни, слѣдовательно, по нашему мнѣнію, совершенно противоположенъ тому, который изображенъ Мэномъ. Не „соединеніе семейныхъ группъ", бывшихъ въ началѣ независимыми, приводитъ впослѣдствіи къ образованію болѣе обширной организаціи—племенной общины, какъ утверждаетъ Мэнъ [1]), а наоборотъ, единая и нераздѣльная вначалѣ племенная община распадается впослѣдствіи на семейныя группы, большей или меньшей величины; безразличная вначалѣ общественная клѣточка все болѣе и болѣе дифференцируется.

---

[1]) Мэнъ. Стр. 99, 101.

все того „старѣйшаго, восходящаго члена семьи", котораго Мэнъ представляетъ главою семьи. Какъ доказано многими изслѣдователями и въ особенности Леббокомъ, цѣлая племенная община на первобытной ступени культуры можетъ быть названа, если угодно, семьей, и въ то же время совершенно не заслуживаетъ этого наименованія. Въ этой общинѣ, какъ у древнихъ галактофаговъ, всѣхъ стариковъ называютъ *отцами*, молодыхъ людей—*сыновьями*, а людей одинаковыхъ лѣтъ—*братьями* [1]). Иначе говоря, эти семейныя наименованія обозначаютъ не родство лицъ по крови, а возрастъ трехъ группъ, входящихъ въ составъ данной общины. Эти лица такимъ образомъ вовсе не группируются по семьямъ съ восходящими, нисходящими и боковыми членами, такъ какъ первобытная культура не знаетъ такихъ семейныхъ группъ. Они группируются исключительно по возрастамъ. А такъ какъ приведенныя нами данныя объ обращеніи со стариками весьма ясно говорятъ о томъ, что два младшіе возраста нисколько не подчиняются старшему, вовсе не окружаютъ его уваженіемъ или почетомъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ рѣшаютъ его судьбу, имѣютъ надъ нимъ право жизни и смерти, то ясно, что представленіе о власти „старѣйшаго члена семьи" лишено всякаго смысла. А разъ отпадаетъ отеческая власть, власть „старѣйшихъ" и уваженіе къ нимъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ, конечно, и „совѣтъ старѣйшинъ"—senatus—какъ политическое учрежденіе, отпадаетъ и весь тотъ „патріархальный" бытъ, который будто бы существовалъ на первобытныхъ ступеняхъ культуры.

Благоговѣйное уваженіе къ старости, убѣленной сѣдинами, къ старикамъ, умудреннымъ опытомъ, является, очевидно, гораздо болѣе позднимъ учрежденіемъ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Точно также и отеческая власть обязана своимъ происхожденіемъ болѣе поздней ступени культуры, чѣмъ та, къ которой ее обыкновенно относятъ. Римскій юристъ Гай, описывая patria potestas — власть отца надъ личностью и имуществомъ потомковъ, называетъ это установленіе отличительно-римскимъ. Гай нигдѣ не нашелъ установленія, подобнаго римской „отеческой власти" [2]). Онъ былъ правъ въ томъ смыслѣ, что у народовъ, окружавшихъ Римъ и находившихся на болѣе низкой ступени культуры сравнительно съ римлянами, онъ не находилъ института, схожаго съ римскимъ. Только у римлянъ современнаго ему періода и у другихъ народовъ, достигшихъ той же ступени развитія, отеческая власть, патріархальная семья, право первородства и т. д. могли быть вполнѣ

---

[1]) Леббокъ. Стр. 69, 119, 125, 126, 141 и мн. друг.
[2]) Мэнъ. Стр. 106, 107.

установившимися учрежденіями. Въ жизни и судьбахъ первобытной племенной общины должно было произойти весьма много, прежде чѣмъ въ нее внѣдрился патріархальный принципъ, прежде чѣмъ интересы семьи или рода получили въ умѣ и чувствѣ отдѣльнаго человѣка больше значенія, чѣмъ интересы всей племенной общины, къ которой онъ искони принадлежалъ. Весьма много потрясеній совокупность членовъ общины должна была испытать, прежде чѣмъ отдѣльные члены рѣшились съузить міръ своихъ интересовъ, примкнуть къ меньшей группѣ, сравнительно съ общиной, прежде чѣмъ началось обособленіе въ роды или семьи. Только одновременно съ ослабленіемъ внѣшней силы общины, одновременно съ ослабленіемъ ея могущества могло произойти и распаденіе общины на роды и семьи, что, въ свою очередь, повело, конечно, къ дальнѣйшему ослабленію общины. Ростъ патріархальной власти, господство отцовъ семействъ, родоначальниковъ надъ семейными группами, сопровождается такимъ образомъ разложеніемъ общинной организаціи, ея постепеннымъ паденіемъ. Ходъ развитія общественной жизни, слѣдовательно, по нашему мнѣнію, совершенно противоположенъ тому, который изображенъ Мэномъ. Не „соединеніе семейныхъ группъ", бывшихъ въ началѣ независимыми, приводитъ впослѣдствіи къ образованію болѣе обширной организаціи—племенной общины, какъ утверждаетъ Мэнъ [1]), а наоборотъ, единая и нераздѣльная вначалѣ племенная община распадается впослѣдствіи на семейныя группы, большей или меньшей величины; безразличная вначалѣ общественная клѣточка все болѣе и болѣе дифференцируется.

---

[1]) Мэнъ. Стр. 99, 101.

ГЛАВА V.

Дѣтоубійство.

Дѣтоубійство въ Сѣверной и Южной Америкѣ, въ Африкѣ, въ Азіи, въ древней Греціи и древнемъ Римѣ, среди древнихъ германцевъ, среди славянъ, въ Землѣ Войска Донскаго.—Чѣмъ вызывается дѣтоубійство?—Нормы, опредѣляющія количество дѣтей въ Сѣв. Америкѣ, Австраліи, Полинезіи и другихъ странахъ, въ древней Греціи и древнемъ Римѣ.

Нужда, недостатокъ средствъ къ существованію ведутъ на раннихъ ступеняхъ культуры повсюду къ дѣтоубійству, къ массовому истребленію нарождающагося поколѣнія.

У квистеносовъ, въ Сѣверной Америкѣ, женщины часто убиваютъ своихъ дочерей для того, „чтобы избавить ихъ отъ бѣдствій, которыя имъ придется испытывать въ сей жизни". По словамъ Мэккензи, онѣ истребляютъ также плодъ свой весьма часто въ теченіе супружеской жизни [1]). Среди индѣйцевъ въ Калифорніи дѣтоубійство было также обычнымъ явленіемъ, причемъ побудительною причиною служило то, что матери не имѣли достаточныхъ средствъ для пропитанія своихъ дѣтей" [2]). Дѣтоубійство было общимъ явленіемъ у сѣверо-американскихъ народовъ въ томъ смыслѣ, что они, какъ разсказываетъ Лафито, убивали одного изъ двойней [3]). У эскимосовъ путешественникъ Бессельсъ былъ очевидцемъ случая, когда мать собственными руками заколола младшаго изъ трехъ дѣтей, пятимѣсячнаго младенца, чтобы избавиться отъ необходимости прокармливать его впослѣдствіи [4]). У гуаносовъ, въ Южной Америкѣ, матери, по словамъ Азары, убиваютъ бо̀льшую часть своихъ дочерей непосредственно послѣ ихъ рожденія, хороня ихъ

---

[1]) Klemm. Allgemeine Culturgeschichte. II. S. 84.
[2]) Ploss. Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. Stuttgart. 1876. S. 181.
[3]) Леббокъ. Начало цивилизаціи.
[4]) Ploss. II. S. 181.

заживо [1]). То же Азара разсказываетъ о мбайясахъ, съ тою только разницею, что послѣдніе убиваютъ и дѣтей мужского пола [2]). У абипоновъ, по словамъ патера Добрицгофера, дѣтоубійство составляетъ еще и понынѣ заурядное явленіе [3]). У южно-американскихъ манаосовъ обезображенныя дѣти или уроды хоронятся заживо, и замѣчательно, что при этомъ погребеніи соблюдается обычай, который мы встрѣчаемъ и среди цыганъ, а именно: обитатели той хижины, гдѣ хоронится новорожденный, до тѣхъ поръ вертятся съ плачемъ кругомъ ямы, въ которую онъ положенъ, пока онъ не будетъ совершенно засыпанъ комками земли, которые каждый изъ нихъ бросаетъ во время круговращенія [4]). Такой порядокъ погребенія, очевидно, указываетъ на то, что обычай дѣтоубійства приближается уже къ упадку у этихъ народовъ. Его совершаютъ какъ бы нехотя, помимо собственной воли, въ силу давно установившагося правила, обязательнаго и для будущихъ поколѣній. Само погребеніе какъ будто совершается не самими людьми, а землей, случайно попавшей туда вслѣдствіе круговаго вращенія около ямы.

Наконецъ, мы встрѣчаемъ дѣтоубійство и въ древней Мексикѣ, гдѣ убиваютъ одного изъ двойней [5]).

Переходя къ Африкѣ, мы находимъ тамъ этотъ обычай весьма распространеннымъ, какъ въ прежнія, такъ и въ новѣйшія времена. Когда въ Арибо—въ Гвинеѣ—родятся двойни, то, по словамъ Смита и Босмана, убиваются не только дѣти, но и матери. Въ Дагомеѣ и въ Нгуру—одной изъ областей, сосѣднихъ съ Уніаніембе—двойней также убиваютъ, бросая ихъ въ воду. Въ случаѣ несоблюденія этого обычая, страну, по мнѣнію жителей, можетъ постигнуть голодъ, засуха или наводненіе [6]). Здѣсь, очевидно, первоначальный мотивъ, вызывающій, по всѣмъ вѣроятіямъ, установленіе обычая, а именно страхъ голода вслѣдствіе увеличенія народонаселенія, сохранился въ видѣ кары, грозящей извнѣ за нравственно-дурное дѣяніе. Какъ и прежде, голодъ, по воззрѣнію жителей, является послѣдствіемъ рожденія двойней, но уже не потому, что такія рожденія черезъ мѣру увеличиваютъ количество народонаселенія, что они производятъ перенаселеніе—Ueberbevölkerung,—а потому, что самый фактъ рожденія двойней является

---

[1]) Klemm. II. S. 83. Darwin. Abstammung des Menschen. II. S. 320. Ploss. II. S. 182.

[2]) Klemm. l. c. Ploss. l. c.

[3]) Klemm. l. c. Ploss. l. c.

[4]) Ploss. II. S. 182. Bastian. Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern der Erde. S. 356.

[5]) Ploss. II. S. 196.

[6]) Леббокъ, стр. 20, 27.

грѣхомъ, который подвергается карѣ. Вообще у всѣхъ африканскихъ народовъ, по словамъ извѣстнаго путешественника Барта, рожденіе двойней считается предосудительнымъ, и двойни большею частію убиваются [1]). Точно также почти повсюду подвергаются избіенію уродливыя дѣти. Уродами считаются тамъ такія дѣти, которыя чѣмъ бы то ни было, въ какомъ бы то ни было отношеніи, отличаются отъ другихъ дѣтей. Если у негровъ Сото рождается дитя съ какимъ либо тѣлеснымъ недостаткомъ или появляется на свѣтъ съ зубами, то оно топится повивальной бабкой въ заранѣе заготовленномъ на этотъ случай горшкѣ съ водой [2]). У многихъ народовъ Восточной Африки убивается всякое дитя, у котораго рѣзцы въ верхней челюсти проростаютъ раньше, чѣмъ въ нижней. О такого рода дѣтяхъ говорятъ, что они совершили *Tlola*—преступили предѣлы [3]), т. е., очевидно, преступили предѣлы и нормы, установленные природой относительно проростанія зубовъ у дѣтей. У кафровъ дѣтоубійство также нерѣдко, въ особенности тамъ убиваютъ уродовъ и одного изъ двойней. У зулусовъ, по словамъ Арбуссэ, дѣтоубійство также совершается въ указанныхъ случаяхъ [4]). Готтентоты, по разсказамъ Кольбе, отчасти хоронятъ своихъ дѣтей заживо, положивъ въ яму, вырытую тигромъ или другимъ дикимъ животнымъ, и засыпавъ землею и каменьями; отчасти привязываютъ къ дереву, гдѣ дитя умираетъ съ голоду или съѣдается хищнымъ животнымъ; отчасти же просто бросаютъ на произволъ судьбы въ лѣсу [5]).

Обильное количество данныхъ о дѣтоубійствѣ въ Австраліи и Полинезіи мы приведемъ ниже, гдѣ мы воспользуемся ими для другой цѣли, а теперь перейдемъ къ Азіи. У многихъ народовъ Индостана, въ случаѣ рожденія двойней, убивали одного изъ нихъ [6]). Бросаніе дѣтей на произволъ судьбы или умерщвленіе ихъ, а въ особенности дѣвочекъ, весьма употребительно среди индійскихъ туземцевъ, если они предвидятъ затрудненія въ дальнѣйшемъ пропитаніи ихъ [7]). Точно также и въ Китаѣ, бросаніе дѣтей, преимущественно женскаго пола, на произволъ судьбы, на большой дорогѣ или по близости воды, весьма обычное явленіе [8]). Айносы,

---

[1]) Ploss. II. S. 192. Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III. S. 284.
[2]) Ploss. II. S. 188.
[3]) Ploss. II. S. 187. Bastian, ibid., III. S. 284.
[4]) Klemm. II. S. 277.
[5]) Klemm. l. c.
[6]) Леббокъ, стр. 26.
[7]) Ploss. II. S. 188.
[8]) Ploss. II. S. 189. Klemm. VI. S. 112. См. также Lechler. Sechs Vorlesungen über China S. 172, 173.

въ Японіи, всегда убиваютъ одно дитя изъ народившихся двойней [1]). У древнихъ персовъ, до завоеванія Персіи калифами, дѣтоубійство не возбранялось [2]). Этотъ обычай существуетъ въ настоящее время у бедуиновъ, какъ онъ существовалъ нѣкогда у всѣхъ арабскихъ племенъ [3]). Коранъ упоминаетъ объ этомъ обычаѣ, какъ о существовавшемъ въ періодъ его составленія. „Не убивайте, говорится тамъ, своихъ дѣтей, изъ боязни попасть въ нищету, — ибо мы будемъ пропитывать ихъ точно такъ же, какъ мы васъ пропитываемъ" [4]). О существованіи этого обычая у древнихъ евреевъ свидѣтельствуетъ библейское сказаніе, по которому Фараонъ повелѣлъ избивать всѣхъ новорожденныхъ мужескаго пола, а также оставленіе Моисея на произволъ судьбы, „въ тростникѣ, у водяного берега" [5]). Въ виду того, что такую процедуру бросанія на произволъ судьбы новорожденныхъ мы видимъ у китайцевъ, какъ обычную и весьма употребительную, нѣтъ основанія считать ее у древнихъ евреевъ случайною и выходящею изъ ряда вонъ.

Изъ современныхъ первобытныхъ азіатскихъ народовъ мы встрѣчаемъ этотъ обычай у чукчей, которые, по словамъ Врангеля, убиваютъ всѣхъ уродливыхъ дѣтей [6]). У камчадаловъ, матери, по словамъ Штеллера, всевозможными снадобьями, принимаемыми внутрь, а также всякаго рода другими средствами стараются уничтожить беременность и изгнать плодъ. Появившихся на свѣтъ дѣтей онѣ часто закалываютъ, бросаютъ на съѣденіе хищнымъ животнымъ или же попросту собакамъ [7]). При рожденіи двойней, убивается одинъ изъ нихъ [8]).

Дѣтоубійство было весьма распространеннымъ явленіемъ и въ Греціи. Оно одобрялось законами, приписываемыми Ликургу и Солону, и считалось необходимымъ учрежденіемъ въ идеальныхъ государствахъ, начертанныхъ Платономъ и Аристотелемъ [9]). Въ Спартѣ, по закону, приписываемому Ликургу, ребенокъ непосредственно послѣ рожденія предъявлялся коммиссіи, составленной изъ старѣйшинъ филы. Отъ приговора этой коммиссіи зависѣла судьба ребенка. Если онъ оказывался болѣзненнымъ, слабымъ или уродливымъ, его бросали на произволъ судьбы. Для этой цѣли отведено

---

[1]) Леббокъ, стр. 26.
[2]) Ploss. II. S. 175.
[3]) Klemm. IV. S. 154—156.
[4]) Коранъ. Сура VI.
[5]) 2 Моисея. I. 15—16, 22. II. 3.
[6]) Bastian. Mensch. III. S. 284. Ploss. II. S. 188.
[7]) Steller. Beschreibung über Kamtschatka. 1774. S. 349. Klemm. II. S. 208.
[8]) Bastian. Mensch. S. 285.
[9]) Lecky. Sittengeschichte Europa's. Нѣм. перев. Leipzig. 1870. II. S. 20.

было мѣсто вблизи Тайгета, которое и носило техническое названіе—„мѣста для бросанія дѣтей" [1]). Точно также и въ Аѳинахъ допускалось убить ребенка или бросить его на произволъ судьбы [2]). Многіе греческіе писатели свидѣтельствуютъ, что къ бросанію дѣтей на произволъ судьбы, въ особенности дочерей, общественное мнѣніе грековъ относилось весьма снисходительно, даже на болѣе позднихъ ступеняхъ культуры [3]). Очевидно, что это былъ традиціонный образъ дѣйствія, унаслѣдованный отъ предковъ, отъ котораго не легко было отказаться, и дальнѣйшее существованіе котораго поддерживалось самыми разнообразными мотивами, хотя бы и отличными отъ первоначальнаго мотива, вызвавшаго возникновеніе обычая.

По римскому закону, приписываемому миѳическому Ромулу, допускалось убійство и бросаніе на произволъ судьбы обезображенныхъ дѣтей, уродовъ и младшихъ дочерей [4]). Во все время исторической жизни Рима этотъ обычай практиковался населеніемъ. О существованіи его въ императорскомъ періодѣ говорятъ какъ языческіе, такъ и христіанскіе писатели [5]). Квинтиліанъ, разсказывая о томъ, что бѣдные родители бросали своихъ дѣтей на произволъ судьбы, даже старается оправдать существованіе этого обычая [6]). Плутархъ, въ свою очередь, не осуждаетъ его [7]). Объ убійствѣ болѣзненныхъ дѣтей и уродовъ мы находимъ свѣдѣнія и у Сенеки: „мы убиваемъ, говоритъ Сенека, уродовъ и топимъ тѣхъ дѣтей, которыя рождаются на свѣтъ хилыми и обезображенными. Мы поступаемъ такъ не изъ гнѣва и досады, а руководствуясь правилами разума: отдѣлять негодное отъ здороваго.—„Portentos foetus extinguimus, liberos quoque si debiles monstrosique editi sunt, mergimus. Non ira, sed ratio est a sanis inutilia secernere" [8]). Бросаніе дѣтей на произволъ судьбы производилось въ Римѣ обыкновенно у „молочнаго" столба, возлѣ Velabrum, гдѣ спекулянты часто подбирали брошенныхъ дѣтей и воспитывали для того, чтобы продать ихъ въ рабство или сдѣлать изъ нихъ проститутокъ [9]). Прибавимъ здѣсь, что, кромѣ грековъ и римлянъ, мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія о дѣтоубійствѣ, производившемся среди карѳа-

---

[1]) Schoemann. Griechische Alterthümer. Berlin. 1861. I. S. 264.
[2]) Schoemann. I. S. 517.
[3]) Schoemann. l. c.
[4]) Lecky. Sittengeschichte II. S. 21.
[5]) Lecky, ibid. S. 22.
[6]) Lecky, ibid. S. 22. Anm.
[7]) Lecky l. c.
[8]) Seneca. De Ira. 1, 15. Lecky. Sittengeschichte. II. S. 22—23. Anm. 3.
[9]) Lecky, ibid. S. 23.

генцевъ, причемъ процедура, сопровождавшая тамъ дѣтоубійство, весьма схожа съ процедурой спартанской. По разсказамъ Страбона, всѣ новорожденные, достигшіе двухмѣсячнаго возраста, предъявлялись въ Кареагенѣ особому трибуналу, которому подлежало рѣшеніе вопроса о судьбѣ дѣтей: подвергнуть ли ихъ избіенію или оставить въ живыхъ [1]).

Несмотря на слова Тацита, который, въ пику своимъ современникамъ-римлянамъ, утверждалъ, что дѣтоубійство было чуждо германцамъ [2]), изъ данныхъ, собранныхъ Гриммомъ, очевидно, что обычай этотъ былъ весьма распространенъ среди различныхъ германскихъ племенъ. Въ древнихъ германскихъ сагахъ указывается, между прочимъ, на уродство и болѣзненность, какъ на побудительную причину къ бросанію дѣтей на произволъ судьбы—Aussetzung. Ребенокъ, по народнымъ сказаніямъ, или оставлялся въ лѣсу, подъ деревомъ, или, уложенный въ коробъ, пускался по теченію воды [3]). Скандинавы и въ особенности норманны топили своихъ дѣтей [4]). Кельты клали ихъ на щитъ и пускали по водѣ [5]). У пруссовъ слѣпыхъ, косоглазыхъ и уродливыхъ дѣтей убивали мечемъ [6]). О существованіи этого обычая въ Польшѣ мы узнаемъ изъ разсказа Рудольфа изъ Новимагіо, по которому Альбертъ Великій былъ посланъ папой въ Польшу для того, чтобы уничтожить господствовавшій тамъ варварскій обычай убійства уродливыхъ дѣтей [7]). Убійство уродовъ и всякихъ другихъ дѣтей, при невозможности вскармливать ихъ, является обычнымъ фактомъ у всѣхъ славянскихъ племенъ, несмотря на то, что Мацеіовскій не соглашается признать его существованіе [8]). Уже Котляревскій, по крайней мѣрѣ по отношенію къ балтійскимъ славянамъ, говоритъ, что сомнѣнія въ дѣйствительности этого обычая едвали будутъ умѣстны: опредѣленно ясныя выраженія источниковъ прямо указываютъ, что они передаютъ не какой-нибудь общій, глухой слухъ, ходившій въ христіанскомъ мірѣ о звѣрскомъ правѣ сѣверныхъ язычниковъ, а настоящій, дѣйствительный фактъ ихъ быта [9]).

---

[1]) Ploss. Das Kind etc. II. S. 175—176.
[2]) Tacitus. Germania. C. 19.
[3]) Grimm. R. A. S. 455. Ploss. II. S. 178, 179. Bastian. Mensch. III. S. 286.
[4]) Ploss. II. S. 178.
[5]) Ibid. l. c.
[6]) Bastian. Mensch. III. S. 285.
[7]) Ibid. l. c.
[8]) Macejowsky. Slawische Rechtsgeschichte. Нѣм. пер. Leipzig. 1836. I. S. 182—183. II. S. 222, 224.
[9]) Котляревскій. Древности юридическаго быта балтійскихъ славянъ, стр. 113.

Въ землѣ Войска Донскаго дѣтоубійство было твердо установленнымъ обычаемъ. „Сказываютъ же, пишетъ Ригельманъ, что когда стали посягать женъ, то по общему приговору младенцевъ, родившихся у нихъ, сперва въ воду бросать установлено было для того, чтобы оные отцевъ и матерей для промысловъ не обременяли". Съ теченіемъ времени стали оставлять въ живыхъ только младенцевъ мужскаго пола, а дѣвочекъ по-прежнему „въ воду метали". И только впослѣдствіи, „когда уже ихъ (казаковъ), по словамъ Ригельмана, не мало чрезъ разныхъ пришельцевъ, въ коемъ числѣ и женатые были, набралося, то тѣмъ войско ихъ уже умножилось, а паче изъ жалости отцовъ и матерей общимъ кругомъ своимъ опредѣлили, чтобы дѣтей и женскаго пола уже болѣе не губили, но воспитывали бы для общей надобности ихъ" [1]).

Изъ всѣхъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ слѣдуетъ: во-первыхъ, то, что дѣтоубійствомъ повсюду устраняются и уничтожаются съ лица земли тѣ субъекты изъ народившагося поколѣнія, о которыхъ заранѣе можно утверждать и предсказать, что они окажутся негодными въ борьбѣ за существованіе, неспособными къ ней: всѣ болѣзненные, слабосильные, уроды, — причемъ малѣйшее уклоненіе отъ обычной тѣлесной организаціи, отъ обычнаго анатомическаго строенія тѣла часто считается недостаткомъ,—всѣ они устраняются, вычеркиваются насильственнымъ образомъ изъ числа членовъ первобытныхъ общественныхъ группъ. Воспитываются и выкармливаются лишь тѣ изъ народившихся дѣтей, на которыхъ можно заранѣе разсчитывать, что они будутъ въ состояніи замѣстить собою состарѣвшихся членовъ общественной группы въ производствѣ и добываніи пищи и въ дѣлѣ защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Иначе говоря, воспитываются только тѣ субъекты изъ народившагося въ данное время поколѣнія, о которыхъ можно предполагать, что они будутъ въ состояніи возвратить данной общественной группѣ производимыя на ихъ вскормленіе и воспитаніе траты своимъ трудомъ и дѣятельностью, по достиженіи ими зрѣлаго возраста. Попеченія, заботы и издержки на воспитаніе должны производиться, по воззрѣніямъ первобытныхъ людей, не зря, а съ разсчетомъ на то, что эти нравственныя и матеріальныя блага будутъ когда либо вознаграждены дѣятельностью и трудомъ воспитываемыхъ. Попеченія, заботы и издержки разсматриваются какъ долгъ, числящійся на воспитываемомъ субъектѣ, и такой кредитъ не оказывается первобытными людьми тому, кто предположительно окажется несостоятельнымъ.

---

[1]) Харузинъ. Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону, стр. 73.

Во-вторыхъ, дѣтоубійствомъ удерживается равновѣсіе между количествомъ членовъ данной общественной группы и тѣми средствами пропитанія, которыя въ данное время могутъ находиться въ ея распоряженіи. Увеличеніемъ или уменьшеніемъ количества дѣтоубійствъ возстановляется равновѣсіе въ каждое данное время, если оно нарушено перенаселеніемъ. Этимъ и объясняется убійство такихъ дѣтей, которыя вовсе не отличаются болѣзненностью или тѣлесными пороками. Но разъ дѣтоубійство служитъ въ первобытныхъ обществахъ средствомъ для урегулированія численности населенія, увеличеніе или уменьшеніе дѣтоубійствъ, ведущихъ за собой соотвѣтствующее увеличеніе или уменьшеніе населенія, не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ воли и усмотрѣнія отдѣльныхъ лицъ: отцовъ, матерей, родственниковъ и т. д. Для достиженія этой цѣли, если она имѣется въ виду, должны быть установлены нормы, опредѣляющія количество дѣтей, могущихъ быть вскормленными и воспитанными, и всякое уклоненіе отъ данной нормы должно быть возбранено. Такой порядокъ вещей мы дѣйствительно находимъ у тѣхъ изъ первобытныхъ народовъ, о жизни и нравахъ которыхъ мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія.

У большей части сѣверо-американскихъ племенъ воспитывается, по словамъ Гёнтера, не больше 3—4 дѣтей въ каждой семьѣ [1]). У абипоновъ, по словамъ Добрицгофера, воспитываютъ не больше 2 дѣтей [2]). У мбайясовъ, по разсказу Азары, только то дитя, которое предполагалось послѣднимъ, оставлялось въ живыхъ [3]). У гваякуросовъ женщины, по словамъ фонъ Марціуса, часто только съ 30-го года своей жизни начинаютъ выкармливать и воспитывать дѣтей [4]). У эскимосовъ, по словамъ Бессельса, число дѣтей въ каждой семьѣ среднимъ числомъ не превышаетъ двухъ; остальныя дѣти большею частью убиваются, причемъ, какъ ему казалось, весьма мало обращаютъ вниманія на то, принадлежатъ ли эти „излишніе рты" къ мужскому или женскому полу [5]).

Такія же довольно твердо установленныя нормы численности подростающаго поколѣнія мы находимъ во всей Австраліи и Полинезіи. „Разъ австралійскіе туземцы пріобрѣли столько дѣтей, что могутъ безъ неудобствъ кочевать съ ними, они убиваютъ всѣхъ остальныхъ непосредственно послѣ ихъ рожденія... При Спенсеровскомъ заливѣ, въ Викторіи, при Марстонъ-Беѣ и въ Австра-

[1]) Waitz. III. S. 106.
[2]) Idem. III. S. 476.
[3]) Klemm. II. S. 83.
[4]) Ploss. II. S. 182.
[5]) Archiv für Anthropologie. VIII. 2 Heft. S. 112. Ploss. II. S. 180—181.

лiи-felix убивалось чрезвычайное множество дѣтей; *третья дѣвочка всегда, очень часто уже вторая...* На мысѣ Iоркъ, среди муралуговъ, воспитываютъ рѣдко больше 3 дѣтей, а на югѣ почти никогда больше 4" [1]). На нѣкоторыхъ изъ Каролинскихъ острововъ ни одна женщина не имѣла права, вслѣдствiе безплодiя острововъ, воспитывать больше 3 дѣтей,—всѣ остальныя должны были быть заживо похоронены [2]). Точно также и на Марiанскомъ архипелагѣ ни одна женщина, по тѣмъ же причинамъ, не имѣла права, по словамъ Шамиссо, воспитывать больше 3 дѣтей—всѣхъ остальныхъ хоронили заживо [3]). На одномъ изъ меланезiйскихъ острововъ—на островѣ Фатѣ—выкармливаютъ не больше 2 или 3 дѣтей,—остальныя же заживо хоронятся [4]). Точно также и на Новой Гвинеѣ весьма рѣдко воспитываютъ больше 2 дѣтей [5]). На Фиджiйскихъ островахъ ²/₃ всего количества народившихся дѣтей хоронятся заживо [6]); оставляется такимъ образомъ въ живыхъ только *одна треть*. Точно также и на островѣ Таити убивались ²/₃ всего числа появившихся на свѣтъ въ данное время дѣтей, большею частью дѣвочекъ. Первыхъ 3 дѣтей, точно также какъ и двойней, всегда предавали избiенiю, и больше 2 или 3 дѣтей никто не выкармливалъ. Жители Таити нисколько не стыдились своего образа дѣйствiя въ этомъ отношенiи, открыто признавались въ немъ и только удивлялись европейцамъ, которые охуждали такое разсудительное отношенiе къ подростающему поколѣнiю [7]). Точно также и въ Гавайѣ не воспитывалось больше 2 или 3 дѣтей [8]). На Надакскихъ островахъ нормальнымъ количествомъ дѣтей считалось 3. Четвертаго и слѣдующихъ по порядку дѣтей мать обязана была хоронить заживо [9]). На одномъ изъ полинезiйскихъ острововъ—на островѣ Тикопiя,—убиваютъ, по словамъ капитана Диллона, всѣхъ дѣтей мужскаго пола, за исключенiемъ двухъ старшихъ. Всѣ новорожденные женскаго пола оставляются въ живыхъ [10]).

Уже изъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ очевидно, что судьба дѣтей рѣшается не по личному усмотрѣнiю отдѣльныхъ

---

[1]) Ploss. II. S. 183. Waitz-Gerland VI. S. 778—779.
[2]) Ploss. II. S. 185.
[3]) Waitz-Gerland. V. 2 Abth. S. III.
[4]) Idem. VI. S. 639.
[5]) Idem. l. c.
[6]) Idem. S. 638.
[7]) Idem S. 139. Darwin. Abstammung des Menschen. II. S. 320.
[8]) Waitz-Gerland. VI. S. 139. Darwin. l. c.
[9]) Klemm. IV. S. 303. Bastian. Mensch. III. S. 282.
[10]) Waitz-Gerland. V. 2 Abth. S. 191. Ploss. II. S. 185.

лицъ, кто бы они ни были: мать, отецъ или родственники, а на основаніи объективныхъ нормъ, обязательныхъ для всѣхъ членовъ данной общественной группы. На дѣтоубійствѣ, производимомъ, между прочимъ, отцами, матерями, родственниками, слѣдовательно, никоимъ образомъ нельзя строить теоріи патріархіальнаго быта и власти главы семьи или рода. Право жизни и смерти надъ дѣтьми,—пресловутое jus vitae ac necis—въ сущности не право, не jus, а обязанность. Мать, отецъ, родственники являются въ сущности исполнителями воли данной общественной группы, дѣйствуютъ по полномочію, данному имъ общиной, которая одна только и можетъ регулировать численность подростающаго поколѣнія. Родичи въ данномъ случаѣ являются, употребляя старонѣмецкое выраженіе, какъ Nachrichter—палачи, но не какъ Richter—судьи.

Такія же болѣе или менѣе твердо опредѣленныя объективныя нормы, какія мы видѣли у американскихъ и австралійскихъ народовъ, мы встрѣчаемъ и среди нѣкоторыхъ африканскихъ первобытныхъ народовъ. У малагашей въ Мадагаскарѣ всѣ дѣти, рождающіяся въ мартѣ и апрѣлѣ, на послѣдней недѣлѣ каждаго мѣсяца и по средамъ и пятницамъ въ теченіе всего года, бросаются на произволъ судьбы [1]). Гуанхи, туземные жители Канарскихъ острововъ, оставляли въ прежнее время въ живыхъ только перваго ребенка для того, „чтобы предотвратить перенаселеніе островов. [2])“. Наконецъ, въ Бонни убиваются всѣ дѣти, появляющіяся на свѣтъ послѣ четвертаго [3]).

На основаніи словъ Гезіода, которыя мы приведемъ сейчасъ, можно заключить, что норма, ограничивающая число дѣтей, существовала и въ древней Греціи: „Пускай будетъ, говоритъ онъ, только одинъ сынъ, чтобы домъ отцовскій содержать; ибо такимъ образомъ возрастаетъ богатство въ домѣ. Но на старости, ты, умирая, оставь еще одного сына [4])“. То есть, Гезіодъ считаетъ необходимымъ ограничить число дѣтей въ каждой семьѣ двумя. Менѣе опредѣленнымъ является требованіе, высказанное Аристотелемъ въ его „Политикѣ“, а именно, чтобы количество нарождающагося поколѣнія было приведено въ соотвѣтствіе съ наличными средствами пропитанія [5]). Въ Римѣ, принципъ, выставленный Ари-

---

[1]) Ploss. II. S. 186.

[2]) Idem. II. S. 188.

[3]) Waitz. II. S. 124.

[4]) Гезіодъ. Дни и труды. Стихи 376—378. Воеводскій. Каннибализмъ въ греческихъ миѳахъ. Спб. 1876, стр. 135.

[5]) Аристотель. Politic. VII. 14, 10. Lecky. Sittengesch. II. 16—17. Schoemann. I, 111—112. Воеводскій, стр. 142.

стотелемъ, примѣнялся практически, и изъ числа народившихся дѣтей оставлялось въ живыхъ столько, сколько, по приблизительному вычисленію, могло быть вскормлено и воспитано на тѣ средства, которыми владѣла римская республика [1]). Но если мы разъ признаемъ, что римляне руководились такимъ принципомъ, то очевидно, что признавать за „отцами" римскихъ семействъ, по крайней мѣрѣ въ болѣе раннія времена, то всемогущество, которое имъ обыкновенно приписывается, невозможно. Трудно думать, чтобы субъективному усмотрѣнію „отца" было предоставлено рѣшеніе вопроса о „соотвѣтствіи" или „несоотвѣтствіи", и поэтому, вѣроятнѣе всего, что такое рѣшеніе подлежало контролю со стороны римскихъ общественныхъ властей.

---

[1]) Ploss. II. S. 177.

ГЛАВА VI.

Истязаніе и воспитаніе дѣтей.

Чѣмъ вызваны истязанія дѣтей?—Характеръ истязаній.—Истязанія въ Сѣв. и Южн. Америкѣ, въ древней Мексикѣ.—Превращеніе истязаній въ систему воспитанія.—Истязанія у африканскихъ народовъ.—Обрѣзаніе.—Смерть и возрожденіе.—Выбиваніе зуба въ Австраліи и Полинезіи.—Изолированіе дѣтей у азіатскихъ народовъ.—Спартанская система воспитанія.—Истязаніе подростковъ у европейскихъ народовъ.—Системы воспитанія у нихъ.—Обрядъ «постриги».—Система воспитанія въ Россіи.—Общіе выводы.

Тѣ изъ дѣтей, которыя непосредственно послѣ ихъ рожденія оставлены въ живыхъ, должны, по достиженіи извѣстнаго возраста, обыкновенно возраста половой зрѣлости, стать самостоятельными членами общественной группы, должны, въ свою очередь, подобно всѣмъ другимъ взрослымъ членамъ ея, заняться добываніемъ средствъ существованія и стать въ ряды защитниковъ ея. Какъ мы уже упоминали выше, извѣстная часть нарождающагося поколѣнія оставляется въ живыхъ и выкармливается въ теченіе извѣстнаго времени съ тѣмъ только условіемъ, что она въ болѣе позднюю пору своей жизни, по достиженіи извѣстнаго возраста, окажется способною *производить и воевать*, бороться съ окружающею природою, извлекать изъ нея средства пропитанія и охранять какъ себя, такъ и эти средства пропитанія отъ посягательства другихъ общественныхъ группъ. При наступленіи этого возраста, т. е. возраста половой зрѣлости, наступаетъ поэтому необходимость провѣрить, могутъ ли эти подростки быть допущены и привлечены къ той дѣятельности, къ которой они предназначены, обладаютъ ли они на самомъ дѣлѣ качествами, необходимыми для этой цѣли, для борьбы за существованіе. Молодежь подвергается поэтому повсюду испытанію для того, чтобы можно было рѣшить роковой вопросъ: осуществилось ли то, что когда-то, въ моментъ появленія дѣтей на свѣтъ, только предпо-

лагалось, наступило ли въ дѣйствительности то, что считалось тогда вѣроятнымъ, оказывается ли молодежь способною выполнить лежащее на ней обязательство?

Какъ мы увидимъ изъ приводимыхъ ниже данныхъ, испытанія, которымъ, при наступленіи половой зрѣлости, подвергается молодежь, суть, по внутреннему существу своему, не что иное, какъ повтореніе процедуры, сопровождающей дѣтоубійство и бросаніе на произволъ судьбы непосредственно послѣ появленія новорожденнаго на свѣтъ. Та же процедура производится надъ молодежью при наступленіи половой зрѣлости, съ тѣмъ только различіемъ, что процедура совершается не надъ безпомощными существами, не могущими избѣгнуть участи, которая выпала имъ на долю, а надъ подростками, которые имѣютъ возможность выйти невредимыми изъ тѣхъ истязаній и мученій, которымъ они подвергаются, изъ тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыя ставится ихъ жизнь и существованіе. То-есть, испытанія, которымъ подвергаются подростки—это тотъ же процессъ убійства и бросанія на произволъ судьбы, который не былъ совершенъ надъ ними непосредственно послѣ ихъ рожденія, и если они успѣваютъ теперь выдержать тѣ истязанія, которымъ ихъ подвергаютъ, если они, испытавши эти мученія, остаются въ живыхъ, то они eo ipso—самымъ фактомъ своего существованія—доказываютъ свою жизнеспособность. Такимъ образомъ, по отношенію къ дѣтямъ, оставляемымъ непосредственно послѣ ихъ рожденія въ живыхъ, процессъ убійства и бросанія на произволъ судьбы только откладывается на опредѣленное время, отсрочивается, но отнюдь не отмѣняется. Они подвергаются участи, общей всѣмъ дѣтямъ безъ исключенія, но только въ болѣе позднюю пору своей жизни.

У гуронцевъ, ирокезовъ и у алгонкинскихъ племенъ дѣти, при наступленіи половой зрѣлости, по разсказамъ Лафито и Баумгартена, уходятъ въ лѣсъ: мальчики подъ надзоромъ старика, а дѣвушки подъ надзоромъ старухи. Въ теченіе всего времени пребыванія въ лѣсу дѣти постятся и чернятъ себѣ лицо, верхнюю часть спины и грудь. Весьма тщательно они наблюдаютъ за снами и видѣніями своими въ теченіе этого времени и даютъ о нихъ подробный отчетъ руководящимъ ихъ лицамъ. Послѣднія, на основаніи всѣхъ данныхъ, которыя имъ извѣстны относительно ихъ питомцевъ, выбираютъ для нихъ покровительствующаго имъ духа—Маниту, отъ котораго, по ихъ мнѣнію, будетъ зависѣть дальнѣйшая судьба дѣтей [1]). Уже въ этой процедурѣ и въ особенности

---

[1]) Bastian. Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern der Erde. Berlin. 1872. S. 394, 398—399. Anm.

въ необходимости продолжительнаго голода и пребыванія въ лѣсу можно видѣть полное тождество этого „экзамена зрѣлости“ съ процессомъ бросанія на произволъ судьбы. Но еще рѣзче и яснѣе это тождество выступаетъ въ испытаніяхъ, которымъ подвергаются дѣти у оджибвеевъ. У нихъ мальчики, достигшіе половой зрѣлости, „устраиваютъ себѣ весною мѣстопребываніе на высокомъ деревѣ и лежатъ тамъ, лишенные пищи, на моховой подстилкѣ до тѣхъ поръ, пока перестаютъ, наконецъ, ощущать мученія голода и жажды, и душа, такимъ образомъ, становится совершенно свободной отъ гнета тѣлесной оболочки“. Иначе говоря, проголодавшіеся юноши засыпаютъ, причемъ душа, по мнѣнію оджибвеевъ, восходитъ тогда на небо и получаетъ откровенія относительно дальнѣйшей жизни. По пробужденіи дѣти принимаются въ число взрослыхъ [1]). Въ испытаніяхъ, которымъ подвергали дѣтей въ Виргиніи, смѣшаны элементы обоихъ процессовъ: убійства и бросанія на произволъ судьбы. Послѣ того, какъ дѣтей подвергли сѣченію и другимъ истязаніямъ, *мать съ плачемъ готовитъ могилу*, и дѣтей одного за другимъ сбрасываютъ въ яму, какъ будто мертвыхъ.“ Въ теченіе девяти мѣсяцевъ послѣ этого обряда, дѣти должны были оставаться въ пустынномъ мѣстѣ и находиться внѣ сношеній съ жилыми мѣстностями. Единственной пищей служилъ имъ декоктъ изъ корней, который предназначенъ былъ произвести разстройство въ ихъ мозговой дѣятельности. Этотъ напитокъ давался имъ до того времени, когда можно было предположить, что они, благодаря ему, забыли всю свою прежнюю обстановку. Когда ихъ отводили на родину, они обязаны были сдѣлать видъ, что имъ все чуждо тамъ, что они ничего не вспоминаютъ“. Такимъ-то образомъ „они начинали жить съизнова, послѣ того, какъ они умерли на нѣкоторое время, и входили въ число взрослыхъ, послѣ того, какъ они забыли, что они были нѣкогда дѣтьми“ [2]). Испытанія, которымъ подвергаются подростки у другихъ американскихъ народовъ, суть только варіаціи только-что описанныхъ жестокихъ обрядовъ. Въ Сѣверной Каролинѣ юношей и дѣвушекъ, при достиженіи ими половой зрѣлости, держали въ теченіе 5—6 недѣль запертыми въ темной хижинѣ и подвергали жестокому посту, будто бы съ цѣлью сдѣлать ихъ послушными и способными выносить страданія [3]). У дакотовъ и сіуксовъ молодые люди, прежде чѣмъ вступать въ число взрослыхъ, должны подвергнуться различнымъ истязаніямъ, причемъ они во все время мученій не должны издавать ни одного вздоха.

---

[1]) Bastian, ibid. S. 398—399.
[2]) Bastian, ibid. S. 400—401.
[3]) Waitz. III. S. 118.

Одно изъ испытаній, которымъ ихъ подвергаютъ, заключается въ томъ, что „экзаменующагося“ прикрѣпляютъ канатомъ, протянутымъ чрезъ кожу его, къ столбу, около котораго онъ долженъ поворачиваться въ теченіе дня сообразно движенію солнца по горизонту“ [1]). Искать внутренней цѣлесообразности въ подобнаго рода истязаніяхъ, какъ это дѣлается обыкновенно, намъ кажется совершенно нелѣпымъ. Эти мученія являются традиціоннымъ образомъ дѣйствія, и специфическія цѣли, которыя ими будто бы достигаются, по мнѣнію племенъ, практикующихъ эти истязанія, суть не что иное, какъ вновь придуманная санкція для унаслѣдованнаго отъ предковъ отношенія къ молодежи.

Въ Калифорніи, по достиженіи дѣтьми половой зрѣлости, ихъ отдавали на руки жрецу или колдуну, который заставлялъ ихъ выпить опьяняющій напитокъ, какъ въ Виргиніи. Несмотря на то, что дѣти приходили въ совершенное безпамятство, имъ не давали заснуть и безостановочно спрашивали: не видятъ ли они льва, медвѣдя, оленя, орла и т. д. „Смотря по галлюцинаціи, фигуру животнаго выжигали на груди и рукахъ мальчика“ [2]). Эскимосы, которыхъ наблюдалъ Франклинъ, пробуравливали у мальчиковъ, по достиженіи ими 16-лѣтняго возраста, нижнюю губу, по обѣимъ сторонамъ рта и ноздревой хрящъ. Въ продѣланныя отверстія вставляли кости, бусы и т. п. [3]). Подобная же операція совершалась у тлинкитовъ въ Аляскѣ надъ дѣвушками при наступленіи половой зрѣлости. „Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а въ прежнее время въ теченіе цѣлаго года, ихъ держали въ особой хижинѣ, поодаль отъ другихъ... Къ концу означеннаго срока, имъ пробуравливали нижнюю губу и втыкали серебряную палочку [4]). У колюшей, на берегу Берингова пролива, существуетъ въ настоящее время тотъ же обычай, какъ свидѣтельствуетъ Эрманнъ... За чертою деревни, разсказываетъ онъ, „стоитъ рядъ высокихъ хижинъ или клѣтокъ отъ 6 до 8 футовъ высоты, снабженныхъ однимъ только отверстіемъ, заложеннымъ рѣшеткою. Въ каждомъ изъ этихъ хлѣвовъ находилась дѣвушка... Какъ передавали намъ, у нихъ происходила тогда менструація“ [5]). По словамъ Вельяминова, такое пребываніе въ уединеніи должно было продолжаться, по заведенному изстари обычаю, въ теченіе цѣлаго года. По истеченіи этого срока, производилось пробуравливаніе нижней губы [6]). У индѣй-

---

[1]) Bastian, ibid. S. 345. Anm. 390. Anm.
[2]) Bastian, ibid. S. 398.
[3]) Klemm. II. S. 209.
[4]) Ploss. II. S. 261—262.
[5]) Ploss. II. S. 262.
[6]) Ploss, ibid, loc. cit.

цевъ, жившихъ на сѣверѣ отъ Мексики, мальчикъ, при достиженіи половой зрѣлости, долженъ былъ заручиться свидѣтельствомъ нѣсколькихъ взрослыхъ, что онъ способенъ выносить страданія. Тогда предводитель приступалъ къ производству перваго опыта. Раздѣвши мальчика донага, онъ дралъ его за волосы, бросалъ на землю, толкалъ и билъ кулаками. Это было первое испытаніе. Если у мальчика при этомъ вырывался малѣйшій вздохъ, его отвергали, ему отказывали въ пріемѣ въ число взрослыхъ. Если же онъ смѣялся, держалъ себя весело и бодро и готовъ былъ переносить дальнѣйшія страданія, его подвергали второму испытанію. Его били розгами и палками по всему тѣлу, причемъ, несмотря на ручьи крови, текущіе изъ нанесенныхъ ранъ, онъ не смѣлъ жаловаться. По выдержаніи втораго испытанія, юношу подвергали, наконецъ, третьему и послѣднему. Его кололи, рубили и царапали высушенными для этой цѣли костями хищныхъ птицъ, причемъ онъ опять таки, истекая кровью, не долженъ былъ морщиться и стонать,— иначе онъ объявлялся негоднымъ. По выдержаніи всѣхъ испытаній, предводитель вручалъ мальчику лукъ и стрѣлы, сопровождая это дѣйствіе увѣщаніемъ, чтобы онъ никогда не трусилъ, чтобы онъ считалъ только себя и свое племя за людей, а всѣ остальныя племена за звѣрей, чтобы онъ всегда готовъ былъ защищать себя и своихъ земляковъ отъ вражескихъ набѣговъ. Какъ только мальчикъ считался принятымъ, на него извѣстное время возлагали самыя тяжкія работы. Онъ исполнялъ обязанности развѣдчика, выслѣживалъ мѣстопребываніе враговъ, онъ долженъ былъ, въ самую страшную непогоду, денно и нощно стеречь скотъ, состоять на посылкахъ, и т. д., и т. д. [1]).

Подобныя жестокія испытанія мы встрѣчаемъ и у южно-американскихъ народовъ. У южно-американскихъ маугесовъ, при достиженіи мальчиками 8—9-лѣтняго возраста, собираютъ, по разсказу Спикса и фонъ-Марціуса, всѣхъ сосѣдей и устраиваютъ для нихъ пиршество. На руки мальчика накладываютъ рукава, наполненныя большими, крѣпко кусающимися муравьями. Рукава эти завязаны вверху и внизу. Когда мальчикъ отъ жгучей боли начинаетъ рыдать и кричать, бѣснующаяся толпа мужчинъ смыкается въ кругъ и пляшетъ около него съ крикомъ до тѣхъ поръ, пока мальчикъ не падаетъ замертво на землю. Вспухшія верхнія конечности натираются по окончаніи операціи свѣжимъ сокомъ изъ мандіоковаго корня. Когда мальчикъ очнется, ему даютъ натянуть лукъ. Описанныя испытанія повторяются обыкновенно до 14-лѣтняго возраста, когда юноша переноситъ боль, не обнаруживая при этомъ

[1]) Klemm. II. S. 89—90. Bastian. Rechtsverhältnisse etc. S. 395.

признаковъ страданія. Онъ считается тогда взрослымъ и имѣетъ право жениться [1]). Такимъ же жестокимъ истязаніямъ подвергаются у нихъ дѣвушки въ соотвѣтствующемъ возрастѣ [2]). У южноамериканскихъ макузисовъ, живущихъ въ Британской Гвіанѣ, испытанія, которымъ подвергаются дѣвушки при наступленіи половой зрѣлости, состоятъ, по разсказу фонъ-Марціуса, въ слѣдующемъ: дѣвушку обособляютъ отъ взрослыхъ сожителей той же хижины. День она проводитъ на куполообразной вышкѣ хижины, а ночь при разведенномъ ею огнѣ. Послѣ семидневнаго поста, она имѣетъ право изготовить себѣ похлебку въ отведенномъ ей темномъ углу, послѣ чего жрецъ дѣлаетъ извѣстныя заклинанія, и посуда, бывшая у нея въ употребленіи, разбивается. Дѣвушку затѣмъ купаютъ. По возвращеніи съ купанья, она должна провести ночь, стоя на скамейкѣ или на камнѣ, причемъ мать бьетъ ее тонкими прутьями, и она не имѣетъ права кричать отъ боли, чтобы не разбудить спящихъ въ избѣ. Послѣ втораго по порядку періода менструаціи, такое бичеваніе повторяется. Съ этого времени дѣвушка считается чистою и можетъ вступить въ брачное сожительство [3]). У другаго южно-американскаго народа—ваупесовъ (Vaupes)—дѣвушекъ, по свидѣтельству того же путешественника, подвергаютъ подобному же испытанію. Имъ точно также отводятъ верхнюю часть хижины и подвергаютъ ихъ діэтѣ и бичеванію. „Отъ каждаго члена семейства и сосѣда онѣ получаютъ по нѣскольку ударовъ по всему голому тѣлу, что̀ влечетъ часто за собою обморокъ или даже смерть. Эта экзекуція повторяется четыре раза, съ шестичасовыми промежутками. Въ теченіе всего времени производства истязаній родственники и сосѣди ѣдятъ и пируютъ, между тѣмъ какъ испытуемая имѣетъ право только облизывать орудіе бичеванія, погруженное предварительно въ миску съ пищей. Если дѣвушка успѣла вынести эти истязанія, она признается совершеннолѣтнею [4]). У гуаносовъ, съ мальчиками, достигшими восьмилѣтняго возраста, по разсказамъ Азары, поступаютъ слѣдующимъ образомъ. Рано утромъ они уходятъ въ поле и возвращаются только вечеромъ съ нѣкоторымъ торжествомъ, проводя весь день въ посту. На встрѣчу имъ выходятъ нѣсколько старыхъ женщинъ, бросаются на нихъ, колятъ ихъ по всему тѣлу и затѣмъ пробуравливаютъ имъ руки острою костью. При этомъ мальчики не смѣютъ обнаруживать никакихъ признаковъ боли. По окончаніи процедуры, ма-

---

[1]) Klemm. I. S. 237.
[2]) Klemm. loc. cit.
[3]) Bastian. S. 391. Ploss. II. S. 256—257.
[4]) Bastian. ibid. S. 392—392. Ploss. II. S. 259.

тери имѣютъ право накормить ихъ [1]). У южно-американскихъ ботокудовъ, подобно тому, какъ у сѣверо-американскихъ эскимосовъ, пробуравливаютъ дѣтямъ, при наступленіи 10-лѣтняго возраста, губы и уши, для того, чтобы вставить туда деревянныя палочки—ботоки, отчего это племя и носитъ названіе ботокудовъ [2]). У древнихъ перуанцевъ мы встрѣчаемъ сходный обычай пробуравливанія ушей при наступленіи 16-лѣтняго возраста. Въ теченіе шести дней юноши обязаны были поститься, затѣмъ въ теченіе мѣсяца состязались въ бѣгѣ, въ кулачномъ бою и во всякихъ другихъ упражненіяхъ, въ которыхъ могли выказать свою ловкость, мужество и стойкость. По окончаніи испытанія, инка пробуравливалъ имъ уши и надѣвалъ имъ передникъ въ знакъ того, что они отнынѣ причисляются къ взрослымъ [3]).

Кромѣ приведенныхъ до сихъ поръ жестокихъ истязаній, соединенныхъ, какъ мы видѣли, почти всегда съ *изолированіемъ* истязуемыхъ отъ сношеній съ взрослыми и продолжительнымъ *постомъ*, налагаемымъ на нихъ, т. е. *съ обстоятельствами, сопровождающими бросаніе дѣтей на произволъ судьбы*, мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ американскихъ народовъ истязанія особаго рода при наступленіи половой зрѣлости, а именно: обрѣзаніе какъ мальчиковъ, такъ и дѣвушекъ, и отрѣзываніе пальца. Обрѣзаніе, какъ „экзаменъ зрѣлости", болѣе распространено среди народовъ, живущихъ въ другихъ частяхъ свѣта. Мы поэтому ограничимся здѣсь только указаніемъ на то, что обрѣзаніе, какъ обычай, существовало у нѣкоторой части населенія древней Мексики и совершается понынѣ перуанскими индѣйцами, живущими у береговъ Укаялы [4]). Отрѣзываніе пальца мы встрѣчаемъ у мандановъ. У нихъ мальчики, достигшіе половой зрѣлости, должны предварительно выдержать постъ. Затѣмъ жрецъ, сдѣлавъ ножемъ нѣсколько разрѣзовъ на плечахъ и груди испытуемаго, продѣваетъ въ эти дыры кожаные ремни. За эти ремни испытуемаго поднимаютъ и вертятъ до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ въ безпамятство. Затѣмъ его опускаютъ, и когда онъ очнется, отрубаютъ у него мизинецъ лѣвой руки, въ жертву Великому духу. Истязаніе оканчивается бѣганіемъ; когда истязуемый доводится до крайней усталости, его таскаютъ еще нѣкоторое время за ремни, пока они не будутъ вырваны изъ кожи [5]).

---

[1]) Klemm. II. S. 89.
[2]) Ploss. I. S. 264.
[3]) Waitz. Anthropologie. IV. S. 418.
[4]) Ploss. I. 297, 298, 311, 313.
[5]) Bastian, ibid. S. 345.

Наконецъ, не выходя еще изъ предѣловъ Америки, мы можемъ видѣть, какимъ видоизмѣненіямъ подвергаются описанныя истязанія на болѣе позднихъ ступеняхъ культуры. Въ древней Мексикѣ, по словамъ Торквемады, всѣ дѣти, достигшія 6—9-лѣтняго возраста, отдавались на воспитаніе въ школы, состоявшія при храмахъ. Питомцы этихъ школъ подвергались весьма строгой дисциплинѣ, не имѣли права отлучаться изъ храма, обязаны были поститься, молиться, привыкать къ тяжелымъ работамъ и вообще жить аскетически. Такое же воспитаніе получали и дѣвушки, которыя, въ свою очередь, отдавались въ храмовыя монастырскія школы. Кромѣ этихъ церковныхъ школъ, въ древней Мексикѣ были и военныя школы, гдѣ получали воспитаніе будущіе воины. Древній мексиканецъ могъ такимъ образомъ получить или ученое, или военное образованіе. Употребительными исправительными наказаніями за непослушаніе дѣтей въ Мексикѣ было: нанесеніе ударовъ по тѣлу колючими растеніями, царапаніе такими же колючими орудіями, подкуриваніе ѣдкими веществами и т. д. По достиженіи 16-лѣтняго возраста, юноши выпускались изъ школъ; дѣвушки— предъ вступленіемъ въ замужество [1]). Мы видимъ такимъ образомъ, что существенные элементы тѣхъ испытаній, о которыхъ мы говорили выше, сохранились и въ мексиканской системѣ воспитанія, у населенія, стоявшаго на сравнительно высокой ступени культуры. Удаленіе дѣтей изъ семей и обществъ, отчужденіе отъ интересовъ обыденной жизни, изолированіе въ особыхъ отведенныхъ для того мѣстахъ подъ надзоромъ жрецовъ мы встрѣчаемъ у мексиканцевъ, равно какъ и у всѣхъ первобытныхъ народовъ Сѣверной и Южной Америки. Это уединеніе, выбрасываніе изъ среды общества, сопровождается, въ свою очередь, постомъ, голодомъ, физическими и нравственными мученіями и истязаніями въ Мексикѣ, также какъ и среди американскихъ племенъ, стоящихъ на низкой ступени культуры. Такимъ образомъ, сущность первобытнаго обращенія съ молодежью, повторяемъ, сохраняется и на болѣе поздней ступени культуры, хотя это обращеніе вмѣстѣ съ тѣмъ успѣло уже подвергнуться различнымъ измѣненіямъ. Укажемъ на эти измѣненія. Во-первыхъ, вмѣсто удаленія общества въ лѣсъ или въ отдаленныя отъ селеній хижины подъ надзоромъ жреца или колдуна, въ Мексикѣ дѣтей удаляютъ въ монастырскія и храмовыя заведенія или въ другія „закрытыя заведенія", въ родѣ военныхъ школъ. На болѣе позднихъ ступеняхъ культуры являются такимъ образомъ особыя учрежденія, спеціально предназначенныя для изолированія молодежи. Почему именно монастырь или храмъ

[1]) Waitz. Anthropologie. IV. S. 134. Ploss. II. S. 211, 270.

является на смѣну „лѣса", весьма понятно, когда припомнимъ, что храмы и монастыри возникаютъ первоначально именно за чертою поселеній, внѣ жилыхъ мѣстъ, между прочимъ, въ лѣсахъ, гдѣ пребываютъ жрецы, колдуны или монахи. Группа жрецовъ устраиваетъ себѣ тамъ постоянное обиталище, отдѣленное отъ остальнаго „міра". Въ этомъ обиталищѣ пребываютъ, конечно, и руководимыя жрецами дѣти. Послѣдовательный переходъ отъ „закрытыхъ" монастырскихъ заведеній къ другимъ „закрытымъ" заведеніямъ также легко объяснить. Образованію новыхъ закрытыхъ заведеній, помимо первоначальныхъ монастырскихъ, содѣйствуетъ на болѣе позднихъ ступеняхъ культуры слѣдующее обстоятельство. Въ то время, какъ для подготовленія къ такъ называемой ученой карьерѣ, совпадающей первоначально съ профессіей духовнаго, жреца, необходимо поститься, голодать, вести аскетическій образъ жизни,—для подготовленія къ военной карьерѣ необходимы физическія упражненія. Мы видѣли изъ данныхъ объ испытаніяхъ у первобытныхъ народовъ, что оба указанные элемента были тамъ связаны, соединены, перемѣшаны. Съ появленіемъ храмовыхъ школъ, съ того времени, какъ дѣтей стали запирать въ монастырскія ограды, физическія упражненія, практиковавшіяся первоначально всѣми дѣтьми, оказывались тамъ въ загонѣ, считались ненужными, безполезными. Воспитаніе въ монастырскихъ школахъ приняло спеціально-духовный характеръ; поэтому элементъ физическихъ упражненій отдѣлился, дифференцировался и нашелъ себѣ пріютъ въ особыхъ закрытыхъ заведеніяхъ, въ военныхъ школахъ. Словомъ, элементы, соединенные въ первоначальныхъ испытаніяхъ, распавшись, образуютъ два разряда школъ, которые подготовляютъ два разряда общественныхъ дѣятелей, двѣ профессіи: духовную и военную.

Перейдемъ теперь къ другимъ измѣненіямъ, представляемымъ мексиканскою системою воспитанія сравнительно съ первоначальными „испытаніями". Какъ мы видѣли, испытанія эти производятся у первобытныхъ народовъ одновременно въ теченіе опредѣленнаго короткаго срока. На дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія періодъ этотъ все болѣе и болѣе удлиняется, расширяется на значительное количество лѣтъ, распространяется на цѣлую полосу жизни каждаго подростающаго субъекта. Постъ, голодъ, уединеніе, битье, царапаніе и т. д. практикуются и производятся въ Мексикѣ въ теченіе цѣлыхъ *семи* лѣтъ, отъ 9 до 16 лѣтъ—въ то время, какъ у первобытныхъ народовъ подростки подвергаются такимъ истязаніямъ только разъ, при наступленіи половой зрѣлости. Первоначальныя одновременныя „испытанія" превращаются такимъ образомъ въ Мексикѣ въ систему продолжительнаго „воспитанія".

Наконецъ, третье и послѣднее измѣненіе заключается въ томъ, что значительная часть тѣхъ элементовъ, которые составляютъ суть первоначальныхъ испытаній, отступаетъ въ системѣ мексиканскаго воспитанія на задній планъ въ сознаніи людей, хотя тѣмъ не менѣе практикуется достаточно усердно. Такъ, мы видѣли, что постъ и безотлучное пребываніе дѣтей внѣ общества, изолированіе ихъ стоитъ еще на первомъ планѣ въ дѣлѣ воспитанія и въ Мексикѣ, но за то тѣ физическія истязанія, которыя играли въ „испытаніяхъ“ самостоятельную роль, посредствомъ которыхъ опредѣлялось достоинство юноши, его цѣнность для первобытнаго общества,—всѣ эти истязанія превратились въ Мексикѣ уже въ „наказанія“ за ослушаніе дѣтей, т. е. стали чѣмъ-то придаточныхъ, второстепеннымъ, служащимъ для достиженія другой, болѣе высшей цѣли.

Мы увидимъ ниже, что тѣ же измѣненія, какія произошли въ дѣлѣ обращенія съ дѣтьми на болѣе позднихъ ступеняхъ культуры у одного изъ американскихъ народовъ, совершаются повсюду, и между прочимъ у европейскихъ народовъ, на соотвѣтствующихъ ступеняхъ культуры, что такимъ образомъ ходъ развитія явленій и въ той области общественной жизни, которую мы теперь разсматриваемъ, одинъ и тотъ же у всѣхъ народовъ.

Перейдемъ теперь къ испытаніямъ, которымъ подвергалась молодежь у африканскихъ народовъ. И здѣсь ее подвергаютъ истязаніямъ при наступленіи половой зрѣлости, съ тѣмъ только различіемъ, что эти истязанія успѣли принять у большей части африканскихъ народовъ опредѣленный характеръ, а именно: обрѣзанія. Послѣдствіемъ этихъ истязаній весьма часто является смерть истязуемыхъ, но если и когда этотъ результатъ, благодаря организаціи испытуемаго субъекта, не наступаетъ, то, во всякомъ случаѣ, вмѣсто всего человѣка погибаетъ часть его. Что такимъ эквивалентомъ, такою замѣною является у многихъ народовъ обрѣзаніе, производимое надъ половыми органами, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что эти органы имѣютъ наиболѣе преобладающее значеніе въ жизни первобытныхъ людей. Установленіе обрѣзанія очень многіе объясняютъ гигіеническою цѣлью, которую будто бы преслѣдовали первобытные люди. Но такое раціоналистическое истолкованіе обычая, направленнаго исключительно на мученіе и истязаніе подростковъ, невозможно по отношенію къ обрѣзанію, точно такъ же, какъ оно невозможно по отношенію къ истязаніямъ другаго рода. О гигіенѣ и санитарныхъ мѣрахъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ первобытные люди о подобнаго рода вещахъ думали меньше всего, и если гигіеничность этой мѣры подлежитъ большому сомнѣнію и въ настоящее время, то въ перво-

бытныя времена едва ли когда либо и возбуждался вопросъ о гигіеническомъ характерѣ этой мѣры. Да онъ въ сущности и не могъ возбуждаться, такъ какъ въ испытаніяхъ, которымъ подвергали молодежь при наступленіи половой зрѣлости, рѣчь шла не о сохраненіи субъекта въ живыхъ, а о гибели его или о замѣнѣ частью цѣлаго. Въ этомъ можно лучше всего убѣдиться изъ данныхъ, къ изложенію которыхъ мы обратимся теперь.

У готтентотовъ, операція обрѣзанія, въ крайне жестокой формѣ, отъ описанія которой мы избавляемъ читателя, заканчивается слѣдующимъ обрядомъ принятія въ число взрослыхъ. Представитель общины или краля созываетъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ. Они усаживаются въ кругъ на корточкахъ, опираясь локтями на колѣна. Старѣйшина собираетъ голоса и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, онъ подходитъ къ юношѣ, ждущему отвѣта внѣ круга, и возвѣщаетъ ему результатъ голосованія [1]). У каффровъ обрядъ обрѣзанія производится совмѣстно надъ нѣсколькими юношами-ровесниками въ лѣтахъ, при достиженіи ими возраста половой зрѣлости. Ихъ удаляютъ въ особую хижину, устроенную въ уединенномъ мѣстѣ нарочно для этой цѣли. Здѣсь они проводятъ нѣкоторое время и пасутъ коровъ, молокомъ которыхъ питаются. Наконецъ наступаетъ время совершенія операціи. По совершеніи ея, раны лечатся извѣстными цѣлебными травами, причемъ не допускается появленія коры на раненыхъ мѣстахъ. Благодаря такому образу дѣйствія, леченіе продолжается очень долго, часто до двухъ мѣсяцевъ. Послѣ окончательнаго выздоровленія, юноши складываютъ платье, которое они до сихъ поръ носили, всю посуду, которою они пользовались во время своего уединенія, и сожигаютъ вмѣстѣ съ хижиной, въ которой они временно жили. Имъ вручаютъ въ заключеніе метательныя орудія и другіе военные доспѣхи и объявляютъ имъ, что они отнынѣ приняты въ число взрослыхъ и должны вести себя такъ, какъ достойно мужамъ [2]). У негровъ центральной Африки операція эта совершается точно такъ же, какъ у каффровъ, совмѣстно надъ нѣсколькими мальчиками, при достиженіи ими 14—15-лѣтняго возраста. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ они свободны отъ всякой работы. Цѣлымъ обществомъ, которое носитъ названіе „Собимана", они кочуютъ по окрестнымъ мѣстамъ, поютъ, танцуютъ и получаютъ подачки отъ мѣстныхъ жителей [3]). Эти компаніи юношей представляютъ замѣчательную аналогію съ европейскими средневѣковыми схоларами (scholares

[1]) Klemm. III. S. 289.
[2]) Klemm. ibid. S. 290, 291.
[3]) Klemm, ibid. S. 291.

vagantes) и русскими бурсаками-школярами, которые, въ свою очередь, кочевали компаніями, услаждая слухъ и зрѣніе деревенскихъ и городскихъ жителей пѣснями, духовными кантатами и представленіями—лицедѣйствомъ—и получали за это грошевыя подачки. Надо думать, что, подобно европейскимъ схоларамъ и русскимъ бурсакамъ, негритянскія компаніи молодежи занимались воровствомъ и грабежемъ, гдѣ это оказывалось возможнымъ. Какъ мы уже сказали выше, молодежь выдѣлялась временно изъ общественной группы для того, чтобы она доказала свою способность пропитывать себя собственными усиліями. А воровство и грабежъ, производимыя въ сосѣднихъ общинахъ, считались дозволеннымъ средствомъ пріобрѣтенія жизненныхъ благъ. По крайней мѣрѣ, относительно бамбукскихъ негровъ мы знаемъ, что молодежь во время сорокадневнаго кочеванія и принудительнаго скитанія по окрестностямъ, должна была отличиться и подвигами такого рода [1]).

Дѣвушки, въ свою очередь, подвергаются у каффровъ и негровъ обрѣзанію и сопровождающимъ эту операцію испытаніямъ, при наступленіи половой зрѣлости, совпадающей у нихъ обыкновенно со вступленіемъ въ брачное сожительство [2]). Обряду обрѣзанія подвергаются дѣвушки и мальчики при наступленіи половой зрѣлости и у негровъ въ Томбурѣ, причемъ, по словамъ Раффенеля, обрѣзываемые „не имѣютъ права прикасаться собственными руками къ посудѣ съ водою, вслѣдствіе чего ихъ поятъ; только по вечерамъ они получаютъ пищу и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаются въ теченіе извѣстнаго времени сѣченію розгами для того, чтобы пріучиться къ перенесенію страданій [3]). Повсюду такимъ образомъ играетъ роль одинъ и тотъ же мотивъ: мученіе, истязаніе, уединеніе и т. д., т. е., повторяемъ, условія, сопровождающія дѣтоубійство и выбрасываніе на произволъ судьбы. У паравильяновъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ кубуриценами, въ Габунѣ, мальчики, по совершеніи надъ ними обрѣзанія, выпиваютъ чашу горькаго напитка—каапи. Опорожнивши чашу, юноша сердито бросаетъ ее на землю и убѣгаетъ въ лѣсъ, гдѣ онъ проводитъ въ уединеніи цѣлый мѣсяцъ,—только украдкой, и то ночью, посѣщая родительскій домъ. Дѣвушкамъ, въ свою очередь, по совершеніи надъ ними обрѣзанія, приходится выдержать искусъ, подвергаясь посту и побоямъ [4]). У негровъ, при Ріо-Нунецѣ, мальчиковъ, достигшихъ 12—14-лѣтняго возраста, собираютъ въ одно мѣсто, о чемъ даютъ знать жрецу—симо. Онъ является туда для производства обрѣ-

[1]) Bastian. Rechtverhältnisse etc. S. 389 Anm.
[2]) Klemm. III. S. 292. Bastian, ibid. S. 390, 392. Ploss. I. S. 312.
[3]) Bastian, ibid. S. 300, 391.
[4]) Bastian, ibid. S. 389, 390 Anm.

занія. По совершеніи обрѣзанія, онъ забираетъ съ собою въ лѣсъ всѣхъ подвергшихся обрѣзанію юношей. Тамъ они живутъ въ шатрахъ изъ древесныхъ вѣтвей. Единственнымъ покровомъ для тѣла служатъ имъ древесные листья. Для возвращенія въ родительскіе дома дѣти должны быть выкуплены у жреца. Такой выкупъ производится чрезъ каждые 7—8 дней. Невыкупленные остаются въ лѣсу до достиженія ими полнаго совершеннолѣтія, и только во время жатвы они временно остаются у родителей для оказанія имъ помощи при уборкѣ хлѣба [1]). У квоясовъ, одного изъ негритянскихъ племенъ въ Гвинеѣ, юношей, по разсказу Даппера, непосредственно по совершеніи надъ ними обрѣзанія, насильно уводятъ въ лѣсъ. Жрецы—Соггоны—знакомятъ ихъ тамъ съ обычаями родины и военнымъ дѣломъ. Испытаніе, которымъ при этомъ подвергаютъ юношей, носитъ техническое названіе Бэлли-Паато или Бэлли-Пааро. Смыслъ и значеніе этихъ испытаній сами квоясы объясняютъ слѣдующимъ образомъ: „это *смерть и возрожденіе* къ новой жизни, такъ какъ юноши въ лѣсу совершенно измѣняются. Прежній человѣкъ со всѣми чувствами и наклонностями совершенно умираетъ въ нихъ, и появляется новый человѣкъ съ разумомъ и знаніями". Благодаря такому превращенію, которое совершается въ юношахъ, они, при возвращеніи изъ лѣса на родину, должны, по словамъ Даппера, вести себя такъ, какъ будто бы они впервые теперь только явились на свѣтъ Божій и не знаютъ даже, гдѣ живутъ ихъ родители, какъ они называются, что это за люди. Они должны также притворяться неумѣющими умываться и одѣваться, и ихъ приходится научать этому. Даже по возвращеніи на родину, имъ все еще служатъ нѣкоторое время покровомъ древесные листья, и они обвѣшаны птичьими перьями. Съ теченіемъ времени они облачаются въ платье и начинаютъ носить обычныя украшенія: кораллы и зубы леопардовъ [2]). У квоясовъ, точно такъ же, какъ у оджибвеевъ и у индѣйцевъ Виргиніи, совершенно ясно выступаетъ тотъ внутренній мотивъ, ради котораго совершаются истязанія надъ дѣтьми. Этотъ мотивъ: совершенное уничтоженіе дѣтскаго существа, или, по крайней мѣрѣ, полное *обновленіе* его до того, что онъ какъ будто бы теперь только является совершенно взрослымъ на свѣтъ Божій, что онъ какъ будто теперь только начинаетъ жить.

Въ Австраліи и Полинезіи совершаются надъ дѣтьми, при наступленіи половой зрѣлости, истязанія, сходныя съ описанными до сихъ поръ. Большею частью истязанія эти и здѣсь приняли форму обрѣзанія. Такъ, обрядъ этотъ совершается на берегу залива Кар-

[1]) Bastian, ibid. S. 387 Anm.
[2]) Bastian, ibid. S. 388—389, 399.

пентарія [1]), на островѣ Тонга, на Фиджійскихъ островахъ, въ Нукагивѣ [2]), у маорисовъ въ Новой Зеландіи, на островѣ Самоа, въ Новой Каледоніи, на Ново-Гебридскихъ островахъ [3]) и на островѣ Таити [4]). Вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ, или взамѣнъ его, производится часто изувѣченіе другихъ частей дѣтскаго тѣла: выбиваютъ зубы или отрѣзываютъ суставъ пальца. Изувѣченіе этихъ частей тѣла, въ свою очередь, является эквивалентомъ, замѣной смерти и гибели всего субъекта, жертвованіемъ части вмѣсто цѣлаго. Повсюду упомянутыя истязанія сопровождаются обрядами, которые знаменуютъ *смерть и возрожденіе* истязуемыхъ субъектовъ. На нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ мы укажемъ здѣсь.

На мысѣ Іоркъ,—гдѣ совершается обрѣзаніе и выбиваніе зуба,—оба эти дѣйствія производятся гдѣ нибудь въ лѣсной чащѣ. За совершеніемъ этихъ операцій юноши, „въ качествѣ посвященныхъ въ новое достоинство", остаются тамъ въ теченіе мѣсяца. По истеченіи этого срока, они возвращаются къ родителямъ [5]). У племени Гульбурнъ, на сѣверѣ отъ Мельбурна, юноша отводится тремя соплеменниками въ лѣсъ, гдѣ онъ остается два дня и одну ночь, и самъ выбиваетъ себѣ два верхнихъ рѣзца, которые онъ тщательно прячетъ и по возвращеніи отдаетъ своей матери. Затѣмъ онъ снова уходитъ въ лѣсъ, гдѣ онъ остается еще двѣ ночи и одинъ день [6]). Въ другихъ мѣстностяхъ Австраліи, юноши, подвергаемые обрѣзанію, насильно отбираются у матерей, подвергаются сѣченію розгами и затѣмъ обрѣзываются [7]). Когда въ восточной Австраліи въ данномъ мѣстѣ набралось нѣсколько дѣтей, достигшихъ половой зрѣлости, ночью внезапно раздаются крики въ лѣсу. По этому сигналу, дѣтей уводятъ въ какое нибудь потаенное мѣсто, гдѣ они обучаются владѣть оружіемъ и подвергаются различнымъ испытаніямъ, въ которыхъ они должны обнаружить стойкость и мужество. У береговыхъ жителей этой части Австраліи производится и выбиваніе зуба [8]). Способъ выбиванія зуба Гёнтеръ изображаетъ слѣдующимъ образомъ. „Острой раковиной отдѣляютъ мясо отъ зуба, затѣмъ палочкой двигаютъ зубъ въ различныя стороны и, наконецъ, наносятъ рѣшительный ударъ, которымъ зубъ и выбивается. Страданія, причиняемыя образующимся

---

[1]) Klemm. I. S. 292.
[2]) Klemm. IV. S. 307.
[3]) Waitz-Gerland. VI. S. 134—135, 137, 560.
[4]) Ploss. II. S. 256.
[5]) Waitz-Gerland. VI. S. 787.
[6]) Idem. VI. S. 785.
[7]) Loc. cit.
[8]) Idem. VI. S. 786.

воспаленіемъ и опухолью, должны быть переносимы дѣтьми хладнокровно и терпѣливо" [1]). Обычай выбиванія зуба при достиженіи половой зрѣлости, являясь замѣной дѣтоубійства, вѣроятно, обязанъ своимъ происхожденіемъ ассоціаціи идей, которая весьма часто встрѣчается у первобытныхъ людей. Въ производимыхъ ими дѣйствіяхъ дикари, какъ мы увидимъ ниже, *стремятся подражать природѣ* и искусственно производить то, что въ аналогичныхъ случаяхъ совершается само собою, безъ чьего бы то ни было воздѣйствія. Такъ какъ переходъ отъ дѣтскаго возраста къ отроческому знаменуется тѣмъ, что выпадаютъ молочные зубы, то для обозначенія перехода отъ отроческаго въ юношескому искусственно производится дѣйствіе, аналогичное съ выпаденіемъ зубовъ. То, что въ первомъ случаѣ происходитъ само собою, то здѣсь повторяется насильственно. Выбиваніе зуба при наступленіи половой зрѣлости мы встрѣчаемъ и на островѣ Формоза [2]); у баттовъ на Суматрѣ при наступленіи этого возраста заостряютъ зубы у дѣтей и чернятъ ихъ [3]). Такое дѣйствіе является, очевидно, остаткомъ выбиванія зуба.

Обрѣзаніе мы встрѣчаемъ и на Явѣ. Здѣсь оно совершается надъ дѣвушками и сопровождается торжественными обрядами [4]). Въ южной Аравіи обрѣзаніе, по словамъ Галеви, является необходимымъ условіемъ для того, чтобы юноша могъ быть причисленъ къ числу взрослыхъ и воиновъ. „Кто не обладаетъ достаточнымъ мужествомъ для того, чтобы въ юношескомъ возрастѣ подвергнуться этой операціи, считается трусомъ" [5]). Вообще мы должны замѣтить, что повсюду, гдѣ мы встрѣчаемъ обрѣзаніе въ болѣе раннемъ возрастѣ и между прочимъ на 8-й день послѣ рожденія, какъ у евреевъ, оно замѣнило собою тотъ обрядъ, который долженъ былъ совершиться при достиженіи совершеннолѣтія. Иначе говоря, обрядъ этотъ перенесенъ былъ этими народами на болѣе ранній возрастъ, чѣмъ тотъ, въ которомъ онъ совершался у этихъ же народовъ въ первобытные періоды ихъ жизни. Такое перенесеніе совершается еще на нашихъ глазахъ во многихъ мусульманскихъ странахъ. Несмотря на то, что 13 годъ считается нормальнымъ годомъ, въ которомъ производится обрѣзаніе, оно, по словамъ Ванъ-денъ-Берга, во многихъ странахъ производится на 5 году жизни дитяти, а въ иныхъ—въ самомъ раннемъ дѣтствѣ [6]).

[1]) Klemm. I. S. 291. Bastian. Rechtsv. S. 389.
[2]) Ploss. II. S. 264.
[3]) Ploss. loc. cit.
[4]) Ploss. I. S. 313.
[5]) Ploss. I. S. 299.
[6]) Ploss. II. S. 265. Anm.

Въ Турціи оно производится на 13 году жизни, а въ Персіи—на пятомъ [1]). Такое перенесеніе испытаній на болѣе ранній возрастъ у персовъ связано, вѣроятно, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что уже у древнихъ персовъ изъ первоначальнаго „экзамена зрѣлости", изъ первоначальныхъ „испытаній" успѣла развиться, какъ въ Мексикѣ, цѣлая система „воспитанія". Такъ, мы узнаемъ, изъ „Киропедіи" Ксенофонта, что мѣстомъ воспитанія персидскихъ дѣтей былъ уголокъ, удаленный отъ шума мірскаго, что дѣти привыкали тамъ къ перенесенію всякихъ неудобствъ, занимались воинскими упражненіями и т. д. [2]). Обрѣзаніе должно было такимъ образомъ потерять свой первоначальный смыслъ и изъ „экзамена зрѣлости" превратиться въ формальный обрядъ, поддерживаемый религіей.

Подобно тому, какъ въ древней Мексикѣ и у древнихъ персовъ, у нѣкоторыхъ изъ современныхъ первобытныхъ народовъ Азіи изъ первоначальныхъ испытаній, въ свою очередь, успѣли развиться соотвѣтствующія „системы воспитанія". Отчужденіе дѣтей отъ семьи и общества, удаленіе ихъ изъ-подъ родительскаго крова, „изолированіе" составляетъ суть этихъ системъ воспитанія. Бугуисы на Целебесѣ отдаютъ своихъ дѣтей на воспитаніе постороннимъ лицамъ для того, „чтобы они не изнѣжились" [3]). У черкесовъ дѣти съ самаго ранняго дѣтства удалялись изъ семьи и роднаго общества и отдавались постороннему лицу—аталыку. Въ теченіе всего времени воспитанія родители не получали никакихъ извѣстій о своемъ сынѣ. Считалось *крайне неприличнымъ*, чтобы родители когда либо освѣдомлялись о состояніи его здоровья. По достиженіи юношей 16-лѣтняго возраста, воспитатель-аталыкъ облекалъ его въ броню, давалъ ему мечъ, кинжалъ, стрѣлы и лукъ и устраивалъ пиршество. Сюда являлся отецъ со всѣми своими соплеменниками. Во время пиршества, юноша входилъ; отецъ впервые видѣлъ его вмѣстѣ съ присутствовавшими здѣсь соплеменниками, признавалъ его своимъ и уводилъ торжественно на родину [4]). По описанію барона Сталя, вѣроятно, болѣе соотвѣтствующему дѣйствительности, отецъ не являлся на пиршество къ аталыку, но аталыкъ отводилъ сына въ домъ родительскій, гдѣ, по пріемѣ сына, отецъ одаривалъ аталыка. Дѣвочки, въ свою очередь, отдавались на воспитаніе постороннимъ лицамъ [5]).

---

[1]) Ploss. I. S. 298.
[2]) Ploss. II. S. 214.
[3]) Ploss. II. S. 210.
[4]) Klemm. IV. S. 30, 31.
[5]) Леонтовичъ. «Адаты кавказскихъ горцевъ». I. (Одесса, 1882). Стр. 163. Дубровинъ. «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ». Спб. 1871. Т. I. Стр. 183, 184.

Вѣроятно, въ основѣ извѣстныхъ сказаній о Кирѣ и Ромулѣ, а также объ Эдипѣ, отданныхъ отцами приближеннымъ для убійства и вернувшихся взрослыми на родину и подъ родительскій кровъ, лежитъ „воспитательная" система, сходная съ черкесской, такъ какъ отдачей на воспитаніе фингировалось убійство дѣтей. Совершенно аналогичная съ описанной здѣсь системой воспитанія существовала у европейскихъ народовъ въ періодъ феодализма. Феодальные владѣльцы отдавали своихъ дѣтей на „воспитаніе" въ замки другихъ феодальныхъ владѣльцевъ, гдѣ они прислуживали при столѣ владѣтеля замка, были оруженосцами и вообще отправляли самыя низшія служебныя обязанности. При достиженіи совершеннолѣтія, юноши облекались мечемъ и принимались въ число воиновъ [1]). У горцевъ въ Камбоджѣ дѣти, въ свою очередь, по разсказу проф. Бастіана, весьма рано удаляются изъ родительскаго дома и получаютъ воспитаніе на манеръ существовавшаго въ Спартѣ [2]). Спартанская система воспитанія, въ свою очередь, развилась изъ тѣхъ жестокихъ испытаній, которымъ подвергались дѣти при наступленіи половой зрѣлости. Разсмотримъ эту систему подробнѣе.

Семи лѣтъ спартанскій мальчикъ отнимался у родителей и отдавался лицу, завѣдывавшему воспитаніемъ юношества—педоному. Онъ соединялъ дѣтей въ роты, илы, совокупность которыхъ составляла отрядъ. Образъ жизни дѣтей во время такъ называемаго воспитательнаго періода изображается, на основаніи источниковъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ греческихъ древностей, Шёманномъ, слѣдующимъ образомъ. Они ходили безъ обуви, не накрывали головы, были одѣты легко и жалко. Съ 12-лѣтняго возраста они даже зимою носили одно только верхнее платье, причемъ они обязаны были носить одно и то же платье въ теченіе цѣлаго года. Волосы были коротко острижены, имъ не дозволялось ни купаться, ни натирать себя масломъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней въ году, спали они безъ подстилокъ и покрова на сѣнѣ или соломѣ, а съ 15-лѣтняго возраста, когда наступала половая зрѣлость—на тростниковой постели. Пища ихъ была не только въ высшей степени проста, но до того скудна, что ею нельзя было наѣдаться досыта, и мальчики вынуждены были, для утоленія голода, прибѣгать къ кражѣ, что́, въ случаѣ удачи, считалось похвальнымъ, а въ случаѣ неудачи влекло за собою наказаніе. Кражу, какъ необходимое сред-

---

[1]) Guisot. Histoire de la civilisation en France. Leçon 36. Bruxelles, 1843, p. 502—503.

[2]) Bastian. Geographische und ethnologische Bilder. Jena. 1873. S. 121.

ство для прокормленія молодежи во время изолированности, мы уже встрѣчали выше, у американскихъ и африканскихъ народовъ. Кромѣ обычныхъ жестокихъ наказаній за проступки спартанскаго юношества, существовали ежегодно повторявшіяся бичеванія при алтарѣ Артемиды-Орфіи, такъ называемыя Dimastigosis. Мальчиковъ бичевали до крови, причемъ считалось позорнымъ обнаруживать боль или просить о послабленіи. Стойко выдержавшій это испытаніе славился, какъ побѣдитель при алтарѣ—Bomonikas. Бывали случаи, что дѣти умирали подъ этой пыткой [1]). До весьма поздняго времени эта система воспитанія сохранялась въ Спартѣ, гдѣ она примѣнялась въ значительной мѣрѣ и къ дѣвушкамъ [2]). Такимъ образомъ, тотъ ходъ развитія въ дѣлѣ обращенія съ дѣтьми, на который мы указали по поводу данныхъ изъ мексиканской жизни, находитъ свое подтвержденіе и въ жизни одного изъ классическихъ народовъ.

Остатки испытаній, которымъ подвергали дѣтей при наступленіи совершеннолѣтія, мы находимъ и въ Европѣ въ періодѣ феодализма. Молодой человѣкъ, добивавшійся рыцарскаго достоинства, совлекалъ съ себя свою прежнюю одежду и подвергался омовенію. Выкупавшись и переодѣвшись, кандидатъ подвергался строгому посту въ теченіе 24 часовъ. При наступленіи ночи, онъ отправлялся въ церковь и проводилъ здѣсь ночь въ молитвѣ, часто подъ надзоромъ священника. На другой день послѣ исповѣди и причащенія, онъ присутствовалъ при литургіи. Затѣмъ его опоясывали мечемъ, надѣвали ему шпоры и т. д. Обрядъ оканчивался тѣмъ, что сеньеръ наносилъ ему три удара мечемъ по плечу или темени и часто также ударъ кулакомъ въ щеку [3]). Въ этомъ обрядѣ сосредоточены всѣ элементы первоначальныхъ „испытаній".

Уже послѣ того, какъ мой очеркъ исторіи обращенія съ дѣтьми былъ напечатанъ въ „Словѣ", я узналъ о существованіи въ средніе вѣка истязаній для подростковъ-мальчиковъ, служившихъ, въ качествѣ приказчиковъ, въ бергенской торговой ганзѣ въ Норвегіи. Торжественно и послѣ продолжительныхъ приготовленій 8 или 10 нарочно избранныхъ членовъ ганзы наносили подросткамъ тяжелые удары розгами, послѣ чего происходило вечернее пиршество всѣхъ членовъ ганзы, при которомъ истязуемые подавали всѣмъ, между прочимъ, и своими истязателямъ входившія въ составъ пиршества блюда. До бичеванія старшина ганзы торжественно увѣщевалъ приказчиковъ соблюдать порядокъ и предан-

---

[1]) Schoemann. Griechische Alterthümer. I. S. 265, 266, 267.
[2]) Schoemann, ibid. S. 267. 270, 271.
[3]) Guisot. Histoire de la civilisation en France. Leçon 36, p. 505.

ность дѣлу, обнаруживать прилежаніе и повиновеніе, предостерегалъ отъ пьянства, буйства и всякихъ пороковъ, указывалъ на смыслъ предстоящаго обряда, предназначеннаго-де для просвѣтленія и очищенія (Läuterung). Кто не чувствуетъ себя въ силахъ вынести это очищеніе до конца, можетъ не подвергаться ему; тѣмъ не менѣе никто не уклонялся отъ исполненія этого обряда. Если кто-либо изъ нихъ послѣ испытаннаго истязанія отъ боли или усталости усаживался для отдыха, то его на другой день подвергали новому истязанію, заключавшемуся въ слѣдующемъ: послѣ обильнаго угощенія его, раздѣтаго, сбрасывали съ корабля въ море. Дѣлалось это въ то время, когда море успѣло только освободиться отъ льда. Молодца вытаскивали почти обледенѣвшимъ и затѣмъ гнались за нимъ съ розгами до тѣхъ поръ, пока онъ добѣгалъ до мѣста, гдѣ было сложено его платье [1]).

Да и помимо бергенской торговой ганзы мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о томъ, что дѣти въ Германіи, Англіи и Франціи подвергались въ средніе вѣка истязаніямъ, которыя ничего общаго не имѣли съ воспитательными цѣлями и имѣть не могли. На такія обычныя истязанія указываетъ, между прочимъ, Шпехтъ. „Весьма странный обычай, говоритъ онъ, напоминающій бичеванье дѣтей въ Спартѣ, существовалъ во многихъ монастыряхъ. Въ извѣстные моменты года подвергали учениковъ, воспитывавшихся тамъ, побоямъ и притомъ не за опредѣленные проступки, а для того, повидимому, чтобы свести итоги за всевозможные грѣхи въ теченіе извѣстнаго періода. По всей вѣроятности, прибавляетъ Шпехтъ, эти истязанія находились въ связи съ какимъ-то древне-германскимъ обычаемъ... О такомъ всеобщемъ сѣченіи школяровъ въ одномъ монастырѣ упоминается въ составленномъ въ XI в. Liber miraculorum S. Dunstani, гдѣ сообщается о слѣдующемъ случаѣ: за пять дней до Рождества ученики монастырской школы должны были *по обычаю*, а не за то, что совершили какой-нибудь опредѣленный проступокъ, подвергнуться побоямъ. Болѣе чѣмъ когда-либо учителя на этотъ разъ готовились къ расправѣ. Не было никакой надежды для дѣтей, чтобы они могли избѣгнуть жестокаго бичеванія. Въ своемъ отчаяніи они обратились за помощью къ св. Дунстану. Съ горячими слезами они призывали его, чтобы онъ спасъ ихъ. Учители сидѣли уже передъ церковью на своихъ мѣстахъ и ожидали приближающихся дѣтей съ пучками розогъ въ рукахъ. На зовъ учениковъ явился св. Дунстанъ и обѣщалъ оказать имъ помощь. Мужественно вышли теперь мальчики изъ цер-

---

[1]) Falke. Geschichte des deutschen Handels. Leipzig. 1859. I. S. 221—230. Janssen. Geschichte des deutschen Volkes. I. S. 355—356.

кви и увидѣли своихъ истязателей погруженными въ глубокій сонъ. Но вотъ стали звонить къ молитвѣ, учители проснулись и рѣшили наверстать потерянное по окончаніи молитвы и притомъ въ удвоенной мѣрѣ. Но св. Дунстанъ снова обратилъ въ ничто замыслы учителей, и такимъ образомъ дѣти радостно встрѣтили въ этомъ году рождественскіе праздники [1]). Очевидно, слѣдовательно, что истязанія существовали нѣкогда и у предковъ современныхъ цивилизованныхъ европейскихъ народовъ и что изъ нихъ, подобно тому, какъ въ Мексикѣ, развились тѣ воспитательныя системы, которыя дѣйствовали въ теченіе среднихъ вѣковъ во всѣхъ европейскихъ странахъ.

И здѣсь, какъ и въ Мексикѣ, воспитаніе производилось въ храмовыхъ и монастырскихъ школахъ [2]). Первоначальныя истязанія которымъ подвергали дѣтей, получаютъ въ этихъ школахъ, въ свою очередь, характеръ наказаній за проступки, причемъ жестокость ихъ отъ этого отнюдь не уменьшается. „Если мальчикъ болтнулъ вздоръ, если онъ обругалъ кого-либо, если солгалъ или позволилъ себѣ сказать что нибудь недозволенное, то онъ наказывается, по предписаніямъ Златоуста, постомъ и принудительнымъ молчаніемъ [3]). Вообще, какъ въ Восточной римской имперіи, такъ и въ Западной школы служили для пріученія дѣтей къ воздержанію и умерщвленію плоти—Enthaltsamkeit und Abtödtung [4]). О системѣ воспитанія, господствовавшей въ этихъ школахъ, св. Августинъ разсказываетъ намъ въ своей „Исповѣди“ слѣдующее: „Меня отдали, говоритъ онъ, въ школу для изученія наукъ, пользы которыхъ я, бѣдный, не сознавалъ, и за пренебреженіе къ которымъ я получалъ удары... Родителями такія дѣйствія одобрялись, и многіе, которые раньше насъ вели этотъ образъ жизни (т. е. занимались изученіемъ наукъ), пріуготовили для насъ этотъ трудный путь; мы должны были проходить по немъ подъ сугубыми *пытками и мученіями*“. Въ дальнѣйшей части своего признанія св. Августинъ снова говоритъ о томъ, что родители, бывало, смѣялись и издѣвались „надъ тѣми мученіями, которыя причиняли школьные учители“ своимъ воспитанникамъ. „Насъ, говоритъ онъ, забавляла игра, а между тѣмъ насъ подвергали за это наказаніямъ тѣ, которые, не стѣсняясь, дѣлали то же самое. Но забавы взрослыхъ называются дѣломъ, а если дѣти позволяютъ себѣ поступать, какъ

---

[1]) Specht. Geschichte des Unterrichtswesens in Deutschland. Stuttgart, 1885. S. 210—211.

[2]) Schmidt. Geschichte der Pädagogik. Cöthen, 1874. II. S. 97, 137, 138 и др.

[3]) Schmidt. II. S. 38.

[4]) Schmidt. II S. 93.

они, взрослые наказываютъ ихъ" [1]). Въ бенедиктинскихъ школахъ малѣйшія уклоненія отъ установленнаго въ школѣ порядка, малѣйшая неаккуратность, ошибка въ пѣніи и чтеніи, неприлежаніе и невнимательность наказывались ударами розогъ; болѣе тяжелые проступки наказывались плетьми. Такой дисциплинѣ подлежали всѣ дѣти, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ родителей, *начиная отъ 5 или 7-лѣтняго возраста до 15-лѣтняго* [2]). Вѣроятно, въ виду тѣхъ многочисленныхъ побоевъ, которые доставались дѣтямъ въ школахъ, говоритъ Шпехтъ, Цезарій фонъ-Гейстербахъ былъ вправѣ сказать (въ XIII вѣкѣ), что школяры, ведущіе скромный образъ жизни и посвятившіе себя наукамъ, суть настоящіе мученики, ибо и лучшіе ученики средневѣковой школы никоимъ образомъ не могли избавиться отъ воздѣйствія розги. Недаромъ обучаться называлось sub virga degere [3]).

Такимъ образомъ и въ Европѣ сконцентрированныя въ „испытаніяхъ" истязанія, первоначально производившіяся надъ дѣтьми, при достиженіи ими совершеннолѣтія, распространяются на болѣе продолжительное время, на періодъ отъ 7 до 15 лѣтъ. Иначе говоря, одновременныя „испытанія" превращаются, какъ мы уже упомянули выше, въ „воспитательную систему". На эту систему проливаетъ свѣтъ и императорская хроника: „Изрекъ король: внимайте моимъ наставленіямъ! Кто лишаетъ тѣло ребенка розги, тотъ ненавидитъ его и наноситъ ему вредъ". „Дисциплина и страхъ пользительны!" Другое мѣсто той же хроники гласитъ: „Дѣти должны быть угнетаемы холодомъ и голодомъ, нуждою и трудомъ. И если они *преодолѣютъ* такимъ образомъ дѣтскій возрастъ, страна будетъ почитать потомъ ихъ мудрость. (Meine Kinder müssen werden bezwungen mit Frost und auch mit Hunger, mit Nöthen und mit Arbeit. Ueberwinden sie so die Kindheit, dann ehret ihre Weisheit das Reich [4]). Точно также и въ городскихъ школахъ, состоявшихъ, въ свою очередь, подъ надзоромъ монаховъ, священниковъ и семинаристовъ, „палка и розга побуждали учениковъ къ спокойствію и порядку, къ прилежанію и внимательности" [5]). Эти городскія школы были кочующими школами. Кочевали и ученики, и учители. Мы уже указали выше на сходство этихъ кочующихъ школяровъ — scholares vagantes — или бакхантовъ съ кочующими группами юношей, или, употребляя малороссійское выраженіе, съ

---

[1]) Idem. II. S. 60—61.
[2]) Idem. II. S. 138—139.
[3]) Specht. S. 203.
[4]) Schmidt. II. S. 172.
[5]) Idem. II. S. 275, 277.

„парубоцькими громадами“, у первобытныхъ народовъ. Дѣти и юноши шатались по городамъ и весямъ, часто подвергались тяжелымъ лишеніямъ, дичали и становились безнравственными вслѣдствіе безпрерывнаго странствованія. Средства пропитанія они должны были снискивать себѣ попрошайничествомъ и кражей. Во главѣ ихъ стояли учители, которые обучали и совращали ихъ [1]).

Та дисциплина, тотъ жестокій и суровый способъ обращенія, которые свирѣпствовали во всѣхъ средневѣковыхъ школахъ, были въ ходу и въ такъ называемыхъ университетахъ. О системѣ воспитанія, дѣйствовавшей въ одной парижской коллегіи въ 1496 году, намъ сообщаетъ Эразмъ, получившій свое образованіе въ этой коллегіи. „Постель, говоритъ онъ, была чрезвычайно жесткая, пища до того жалка и скудна, работа и бдѣніе по ночамъ до того утомительны, что многіе, весьма даровитые юноши уже въ первые годы своего пребыванія въ коллегіи *умирали* или становились слѣпыми, сумасшедшими, покрытыми язвами и сыпями. Наказаніе ремнями исполнялось такимъ образомъ, что не уступало ударамъ чрезъ палача“ [2]). Не измѣнилась эта обычная дисциплина, эта „воспитательная система“ и послѣ реформаціи: манускриптъ 1540 года изображаетъ обращеніе школьныхъ учителей съ ученикамъ слѣдующимъ образомъ: изъ ведра, наполненнаго водой, школьный учитель вынимаетъ свою лозу, которой дѣйствуетъ на подобіе палача — сѣчетъ, бьетъ и деретъ бѣднягу ученика и не перестаетъ до тѣхъ поръ, пока не появятся язвы, изъ которыхъ льется кровь [3]). Въ Итонъ-колледжѣ, по свѣдѣніямъ отъ 1560 года, пятница была тѣмъ роковымъ днемъ, когда ученики подвергались наказаніямъ [4]), хотя, конечно, они подвергались имъ и въ теченіе всѣхъ остальныхъ дней недѣли.

Подобно тому, какъ въ мексиканскихъ школахъ, отчужденіе дѣтей отъ семьи и родины достигалось тѣмъ, что они воспитывались въ монастырскихъ школахъ или же шатались по бѣлому свѣту. Отдача дѣтей въ школу еще въ XVI вѣкѣ носитъ техническое названіе — принесеніе ихъ въ жертву Богу. Называемъ мы, говорится въ одномъ школьномъ наказѣ, принесеніе въ жертву Богу то, что дѣти должны быть посвящены не ремеслу или другому какому либо мірскому дѣлу, а ученію [5]). Въ болѣе раннія времена среднихъ вѣковъ принесенными въ жертву Богу дѣтьми —

---

[1]) Idem. II. 279.
[2]) Idem. II. 330 и 331.
[3]) Schmidt. III. S. 173.
[4]) Idem. III. S. 378.
[5]) Paulsen. Geschichte des gelehrten Unterrichts. Leipzig. 1885. S. 188.

pueri oblati—назывались тѣ дѣти, которыя съ самаго ранняго дѣтства (обыкновенно на 7-мъ году) отдавались въ монастыри для поступленія въ монахи [1]). Независимо отъ условій воспитанія, отчужденіе дѣтей отъ жизни и людей достигалось также и предметами, которымъ ихъ обучали. Этими предметами являлись схоластическая теологія и латинскій языкъ [2]). Такъ было въ бенедиктинскихъ школахъ, такъ было и въ доминиканскихъ и францисканскихъ, появившихся съ XIII вѣка. Даже разговаривать позволялось только на латинскомъ, а не на родномъ языкѣ [3]). Точно также и послѣ реформаціи homo latinus былъ высшимъ идеаломъ школы [4]). Послѣдствіемъ такого способа обученія было то, что дѣти, вернувшись изъ школы, вовсе не должны были притворяться непонимающими, какъ это дѣлаютъ дѣти американскихъ народовъ, а на самомъ дѣлѣ ничего не понимали изъ того, что говорятъ и дѣлаютъ взрослые люди. Платтеръ разсказываетъ, что послѣ 5-тилѣтняго пребыванія въ городской школѣ, его на родинѣ никто не понималъ, такъ какъ онъ успѣлъ научиться обрывкамъ разныхъ языковъ [5]). Еще въ XVIII столѣтіи лейпцигскій педагогъ Эрнести обращаетъ вниманіе на одно болѣзненное явленіе въ школьномъ мірѣ, которое онъ называетъ stupor paedagogicus—школьною глупостью. Явленіе это онъ приписываетъ усердному изученію латинскаго языка. Оно состоитъ въ томъ, что юноша, вслѣдствіе непрерывной погони за словами при переводахъ съ латинскаго, теряетъ способность понимать прочитанное, схватить мысль, выраженную словами [6]). Впрочемъ, большинство руководителей тогдашней школы нисколько не возмущались этимъ фактомъ и откровенно заявляли, что они желаютъ обучать языку, а не развивать умъ—linguae magis quam mentis magistri atque doctores esse volemus [7]). Латинскій, греческій и еврейскій языки, преподававшіеся въ школахъ, дѣйствовали такимъ образомъ гораздо радикальнѣе тѣхъ декоктовъ, которые даются, какъ мы видѣли, дѣтямъ первобытныхъ людей для того, чтобы привести ихъ къ полному отчужденію отъ семьи и родины. Юноши являлись на родину совершенно обновленными, забывшими все и вся: обстановку и людей, семейныя радости и печали, матеріальные и нравственные интересы окружающихъ.

---

[1]) Specht. Geschichte des Unterrichtswesens. S. 9.
[2]) Schmidt. II. S. 133.
[3]) Idem. II S. 139, 141. См. также Specht. S. 24.
[4]) Schmidt. III. S. 99.
[5]) Idem. II. S. 682.
[6]) Paulsen, ibid S. 247.
[7]) Paulsen, ibid. S. 253, 254.

Остатками обычая истязанія дѣтей у русскихъ племенъ при вступленіи въ отрочество слѣдуетъ, по всей вѣроятности, считать обычай „постриги“, о которомъ сохранились свѣдѣнія въ лѣтописяхъ. Такъ, въ 1192 г. Всеволодъ Юрьевичъ „створи постриги сынови своему Ярославу, и на конь его всади“ [1]). Въ 1212 г. были постриги у сыновей Константина Всеволодовича, Василька и Всеволода [2]). Въ 1302 г. были постриги у сына Михаила Ярославича Дмитрія [3]). Судя по даннымъ, собраннымъ въ орловской губ., обычай этотъ сохранился въ народѣ, причемъ, однако, исполненіе обряда, согласно тому закону, который мы отмѣтили уже выше, отодвинулось къ болѣе раннему возрасту. Такъ, въ орловской губ. „черезъ годъ по рожденіи младенца надъ нимъ совершаютъ „застрижки“: при собраніи родныхъ и близкихъ знакомыхъ младенца сажаютъ на столъ на подушку, а по правую сторону его кладутъ на тарелкѣ ножницы; потомъ крестные отецъ и мать выстригаютъ у младенца крестообразно волосы, а на тарелку ему кладутъ деньги, что называется „осеребряютъ“ его; тоже дѣлаютъ и всѣ присутствующіе. Къ этому времени крестная мать должна приготовить младенцу мужскаго пола рубашку, женскаго—платьице“ [4]). Мы не можемъ здѣсь подробно останавливаться на разъясненіи обряда „осеребренія“, а также роли крестныхъ отца и матери. Скажемъ только, что эта роль, очевидно, вполнѣ схожа съ ролью аталыка на Кавказѣ, т. е. лица, принимающаго на себя содержаніе брошеннаго на произволъ судьбы ребенка. Деньги, даваемыя въ данномъ случаѣ, свидѣтельствуютъ о выраженномъ на это желаніи.

Въ землѣ Войска Донскаго, обрядъ постриги существовалъ, по разсказамъ Корниловича, въ прежнія времена въ томъ-же видѣ, въ какомъ онъ описывается лѣтописью, съ тѣмъ, впрочемъ, отличіемъ, что онъ, подобно тому какъ обрядъ постриженія въ Орловской губерніи, съ момента совершеннолѣтія отодвинутъ на очень ранній возрастъ, а именно: „когда по истеченіи 40 дней послѣ родовъ, мать, взявъ въ церкви очистительную молитву, возвращалась съ ребенкомъ домой, отецъ надѣвалъ на него саблю, сажалъ на лошадь, подстригалъ ножницами волосы въ кружокъ и возвращалъ сына матери, поздравляя ее съ казакомъ“ [5]).

Системы воспитанія, тождественныя съ средневѣковыми, дѣйствовали и въ русскихъ школахъ. Необходимость дисциплины уставъ

---

[1]) Ипатьевская лѣт. 453.

[2]) Лаврентьевская лѣт. 416.

[3]) Лавр. лѣт. 462. См. также Голубовскій. Извѣстія Ибнъ-Фодлана о Руссахъ, стр. 25, 26.

[4]) Записки геогр. общ. по отдѣленію этногр. II. стр. 47, 48.

[5]) Харузинъ. Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону, стр. 83.

Луцкой школы отъ XVII вѣка подтверждаетъ словами св. Писанія: „аще безъ наказанія есте, убо прелюбодѣйчища есте, а не сынове“ [1]). Дисциплинѣ или воспитанію посвящался преимущественно седьмой день недѣли—суббота. Въ этотъ день „учитель обязанъ былъ не мало время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху божію и чистымъ юношескимъ правамъ“ [2]). Понятно, что эти „бесѣды“ состояли главнымъ образомъ и преимущественно въ сѣченіи. Каждую субботу, говоритъ уставъ, „наставленія должны быть заново внушаемы дѣтямъ; для чего не будетъ имъ мѣшать *и памятнаго по школьной чашь испивать*. Ибо писано: любяй сына прилежнѣе наказуетъ“ [3]).

Вообще во всѣхъ школахъ того времени и почти до нашихъ временъ существовали порядки, которые г. Владимірскій-Будановъ именуетъ „возмутительными субботниками“. Порядки эти заключались въ томъ, что въ субботу наказывали „или за проступокъ, давно уже совершенный, о которомъ самъ шалунъ забылъ, или же наказывали впередъ—въ запасъ“ [4]). Очевидно, что наказаніе въ сущности нисколько не вызывалось проступкомъ, и побудительною причиною наказанія была наслѣдственная привычка взрослаго населенія къ истязанію дѣтей. Если субботы были привиллегированными днями для истязаній, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что онѣ не производились и въ другіе дни недѣли. Вездѣ и во всякомъ случаѣ „лоза“ находила свое примѣненіе. Это начало высказано въ азбуковникахъ того времени. Вотъ что между прочимъ говорится въ нихъ [5]).

Лоза дѣтей всякимъ добротамъ научаетъ,
И злый обычай удобь отлучаетъ.

Одинъ изъ такихъ „злыхъ обычаевъ“, отъ котораго должна отучить „лоза“, указывается между прочимъ въ азбуковникахъ

Егда кто другъ друга здѣсь уличитъ,
Таковый съ терпѣніемъ на школьномъ козлѣ полежитъ.

И въ Россіи, какъ въ Европѣ, школы были монастырскія или церковныя и завѣдывались представителями этихъ учрежденій. „На основаніи древняго обычая, при каждой приходской церкви обучалось по нѣскольку мальчиковъ... Эти школяры обучались при

---

[1]) Владимірскій-Будановъ. Государство и народное образованіе съ XVIII в. Спб. 1874, стр. 36.
[2]) Idem., стр. 36 и 37.
[3]) Idem., стр. 37.
[4]) Idem., стр. 37.
[5]) Idem., стр. 32.

домѣ дьячка, называвшемся поэтому школою, подъ руководствомъ самого же дьячка, носившаго поэтому титулъ бакаляра и директора" [1]). Существовали на Руси такія же кочевыя школы, какія мы встрѣчали на Западѣ. Вотъ что пишетъ въ 1731 году кіевскій митрополитъ Гавріилъ Бужинскій своей консисторіи: „Въ епархіи кіевской школьники разнаго званія люди съ мѣста на мѣсто бродятъ, и по имѣющимся при церквахъ избамъ, такъ называемымъ школамъ, приставая, тунеядствомъ кормятся, и не только никакой пользы обществу не приносятъ, но паче разными своими безчиніями вредъ и соблазнъ причиняютъ, а чрезъ таковыхъ своевольныхъ бродягъ на церковнослужителей настоящихъ и постоянныхъ напрасное наносится нареканіе" [2]). Во главѣ этихъ кочевыхъ школъ стояли мандрованные дьячки, т. е. странствующіе учители [3]).

Отъ этихъ средневѣковыхъ системъ воспитанія по прямой линіи произошли и развились способы обращенія съ дѣтьми и воспитательныя системы, дѣйствующія въ современныхъ европейскихъ обществахъ. Еще въ настоящее время Гербертъ Спенсеръ вынужденъ возставать противъ „аскетической діэты", которой считаютъ нужнымъ подвергать дѣтей. Въ отношеніи къ дѣтямъ, говоритъ онъ: „*въ одеждѣ, какъ и въ пищѣ*, общія стремленія клонятся къ *неумѣстной скудости*" [4]). Такое отношеніе къ дѣтямъ поддерживается и санкціонируется теоріей о необходимости „закаливанія" дѣтей. „Не мало дѣтей, говоритъ онъ, „закаливается" на тотъ свѣтъ, а тѣ, которыя остаются въ живыхъ, постоянно страдаютъ или относительно роста, или относительно тѣлосложенія". Слабый видъ такихъ дѣтей ясно выказываетъ все зло такого образа дѣйствія, и частыя болѣзни ихъ могли бы служить предостереженіемъ даже для непривыкшихъ къ размышленію родителей, говоритъ докторъ Комбъ" [5]). Какъ мы видѣли, и тѣ дѣйствія, противъ которыхъ возстаетъ здѣсь Спенсеръ вмѣстѣ съ Комбомъ, и теорія, которою эти дѣйствія санкціонируются еще въ настоящее время, весьма ранняго происхожденія и достались современнымъ цивилизованнымъ обществамъ въ наслѣдство отъ весьма отдаленныхъ предковъ. Для этихъ послѣднихъ результатъ, которымъ старается запугивать современныхъ родителей докторъ Комбъ, а именно гибель подростковъ,—былъ вовсе не такъ страшенъ, какъ онъ кажется намъ. Хотя съ меньшею степенью сознанія цѣли, къ кото-

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, ibid- стр. 41.
[2]) Владимірскій-Будановъ, ibid., стр. 77- 78.
[3]) Ibid., стр. 76.
[4]) Спенсеръ. Умственное, нравственное и физическое воспитаніе. Опыты. Т. III. Русскій пер. 1866, стр. 177.
[5]) Спенсеръ, ibid. стр. 178, 181, 182, 189.

рой ведетъ „закаливаніе“ дѣтей, современные родители и воспитатели усердно исполняютъ завѣтъ предковъ—уменьшаютъ количество подростковъ, даже не позаботившись подвести новыя стропила подъ сгнившее теоретическое зданіе.

Та же печать весьма отдаленнаго прошлаго лежитъ и на школьномъ воспитаніи, какъ можно видѣть изъ словъ Спенсера о жестокой дисциплинѣ, господствующей между прочимъ въ современныхъ англійскихъ школахъ: „въ Итонѣ, Винчестерѣ, Гарро и т. д.“ [1]). Внутреннею цѣлесообразностью нельзя, конечно, объяснить жестокихъ исправительныхъ мѣръ, равно какъ этимъ нельзя объяснить факта, кажущагося страннымъ, что въ современной европейской школѣ преподается именно то, что наименѣе всего нужно и пригодно въ дѣйствительной жизни, и что „предметы, которые почти совершенно *выключаются* изъ нашихъ школьныхъ курсовъ, суть именно тѣ, которые ближе всего касаются дѣловой стороны жизни“ [2]). Такая аномалія оказывается совершенно нормальной съ точки зрѣнія историческаго хода развитія воспитательнаго дѣла, такъ какъ именно то, что въ настоящее время считается „грѣхомъ“ школы, считалось нѣкогда единственнымъ и главнымъ назначеніемъ воспитанія. „Отчужденіе юноши отъ семьи и общества“, а, слѣдовательно, отъ жизни вообще, было съ самыхъ первобытныхъ временъ тою цѣлью, къ которой стремились и которую достигали различными способами и средствами, соотвѣтствовавшими различнымъ ступенямъ культуры. Эта цѣль, конечно, безсознательно, достигается и въ настоящее время современнымъ школьнымъ обученіемъ. Въ значительной мѣрѣ школа, какъ утверждаетъ Спенсеръ, дѣлаетъ своихъ воспитанниковъ неспособными бороться за свое существованіе. Нечего и говорить о томъ, что школа отчуждаетъ своихъ воспитанниковъ весьма надолго отъ интересовъ семьи и общества и даже ставитъ себѣ и воспитанникамъ такое отчужденіе въ заслугу. Зародышъ, изъ котораго развилась физіономія современной школы и современнаго воспитанія, заключалъ уже въ себѣ, какъ мы видѣли, въ скрытомъ состояніи, implicite, все то, что произрастаетъ въ настоящее время.

Какъ въ органическихъ процессахъ, такъ и въ процессахъ психической жизни наслѣдственность играетъ весьма важную роль, и

---

[1]) Idem., стр. 125, прим.

[2]) Idem., стр. 23, 34 Уже Лессингъ высказывается въ томъ же духѣ о школѣ XVIII в. Будучи студентомъ, онъ пишетъ своему отцу: «Еще въ Мейссенской школѣ я держался того мнѣнія, что тамъ учатъ многому такому, что оказывается совершенно безполезнымъ въ жизни. Теперь я вижу это еще яснѣе. (Paulsen. Geschichte des gelehrten Unterrichts. S. 415). См. у Паульсена однородные же отзывы современниковъ Лессинга. S. 416, 417.

почти ни одно качество, которымъ обладаетъ человѣкъ въ настоящее время, ни одно дѣйствіе его не можетъ быть объяснено отдѣльно отъ предшествовавшаго хода развитія. Ни одно изъ этихъ дѣйствій не является продуктомъ самоопредѣляющей воли тѣхъ, которые ихъ производятъ,—а результатомъ наслѣдственной привычки, подвергающейся соотвѣтственному измѣненію въ теченіе исторической жизни человѣчества, вслѣдствіе приноровленія къ новымъ условіямъ жизни, къ новой обстановкѣ.

Въ начертанномъ до сихъ поръ очеркѣ исторіи обращенія съ дѣтьми мы показали, какъ на современныхъ воспитательныхъ дѣйствіяхъ лежитъ печать весьма отдаленнаго прошлаго, какъ эти системы воспитанія развились изъ зародышей, которые мы находимъ на первобытныхъ ступеняхъ культуры. Иначе говоря, многое изъ того, что создается нами будто-бы по собственному вдохновенію, что кажется намъ, употребляя выраженіе Огюста Конта „спонтанейнымъ“ продуктомъ нашего духа, есть не что иное, какъ наслѣдственное достояніе, полученное нами отъ весьма отдаленныхъ временъ.

ГЛАВА VII.

Обращеніе съ женщинами.

Положеніе женщинъ на зарѣ исторіи человѣчества.—Чѣмъ вызвано безправное положеніе женщины?—Женщины—первые рабы.—Усиленный физическій трудъ женщинъ у эскимосовъ, у сѣв.-американскихъ народовъ, у самоѣдовъ, у дагестанскихъ горцевъ.—Земледѣльческія работы женщинъ у африканскихъ и азіатскихъ народовъ.—Положеніе женщинъ у славянскихъ народовъ, въ Россіи.—Устраненіе женщинъ отъ земледѣлія.—Пряжа, тканье, домашнія работы.

То, что добывается на первобытныхъ ступеняхъ культуры трудомъ отдѣльной личности, едва достаточно для прокормленія этой личности. Оставлять въ живыхъ плѣнника для того, чтобы воспользоваться плодами рукъ его, немыслимо, слѣдовательно, на этихъ ступеняхъ культуры. Нужно, чтобы у первобытнаго человѣка явились побужденія совершенно особаго свойства для того, чтобы факты оставленія въ живыхъ добытыхъ на войнѣ субъектовъ могли имѣть мѣсто. Такимъ экстраординарнымъ побужденіемъ является половое. Желаніе отдѣльнаго члена общины имѣть женщину для себя, женщину, которая находилась бы въ подчиненіи у него, которой онъ имѣлъ бы возможность и право приказывать и повелѣвать, которой онъ не долженъ былъ бы нравиться и добиваться ея благоволенія, какъ это онъ долженъ дѣлать по отношенію къ женщинамъ, принадлежащимъ къ одной съ нимъ общинѣ, это желаніе добыть себѣ женщину изъ чуждой общины для супружескаго сожительства и было первоначальнымъ источникомъ личнаго рабства, усвоенія человѣкомъ человѣка.

Я не раздѣляю мнѣнія, высказаннаго впервые Бахофеномъ, что женщина занимала господствующее положеніе на наиболѣе раннихъ ступеняхъ культуры; но я не сомнѣваюсь въ томъ, что въ этомъ раннемъ періодѣ жизни первобытныхъ обществъ взрослая женщина занимала *такое же* независимое и самостоятельное по-

ложевіе, какъ и мужчина, что она наравнѣ съ мужчиной участвовала въ войнѣ и охотѣ, что мужчина данной общины для сближенія съ нею долженъ былъ искать ея благоволенія, что въ этомъ періодѣ инициатива половаго единенія могла исходить и дѣйствительно исходила отъ женщины, точно такъ же, какъ она могла исходить и отъ мужчины, что, словомъ, въ періодъ существованія комунальнаго брака, т. е., когда единеніе для цѣлей брака могло совершаться только среди членовъ данной общины, нравственное и матеріальное положеніе женщины ничѣмъ не отличалось отъ положенія мужчинъ.

На существованіе такого режима есть обильныя указанія и въ извѣстіяхъ путешественниковъ о жизни нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ. По разсказамъ Поллака и Маринера, женщины въ Новой Зеландіи участвуютъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, въ совѣщаніяхъ о войнѣ, въ военныхъ дѣйствіяхъ, говорятъ въ собраніяхъ племенныхъ общинъ, по временамъ являются предводителями, которымъ, какъ и другимъ предводителямъ, оказываютъ повиновеніе. Объ обремененіи ихъ болѣе тяжелой работой сравнительно съ мужчинами у этихъ племенъ нѣтъ рѣчи [1]). Замѣтимъ здѣсь-же, что повсюду, гдѣ женщина занимаетъ почетное положеніе, оно выражается въ совмѣстной ѣдѣ съ мужчинами.

Массу фактовъ объ однородномъ положеніи женщинъ мы находимъ у путешественниковъ, описывавшихъ жизнь дикихъ обитателей Америки при первомъ столкновеніи съ ними. У ирокезовъ, натхецовъ, оджибвеевъ и многихъ другихъ народовъ женщины участвовали въ войнѣ, совѣщаніяхъ, религіозныхъ празднествахъ наравнѣ съ мужчинами, выбирались въ предводители, владѣли большими стадами, словомъ, были вполнѣ независимы отъ мужчинъ, съ которыми входили въ брачное единеніе [2]). Участіе женщинъ въ войнѣ среди караибовъ напоминало испанскимъ путешественникамъ сказанія объ амазонкахъ [3]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ основѣ этихъ сказаній лежали дѣйствительные бытовые факты участія женщинъ въ войнахъ первобытныхъ общинъ вмѣстѣ съ мужчинами или въ качествѣ отдѣльной половой группы. О существованіи такихъ половыхъ группъ свидѣтельствуютъ факты, съ которыми Семперъ встрѣчался на Палаузскихъ островахъ. Тамъ женщины, подобно мужчинамъ, образуютъ группы, именуемыя клеббергелями, которыя, повидимому, суть не что иное, какъ остатки военныхъ отрядовъ, различаемыхъ по полу и

[1]) Waitz-Gerland. VI. S. 120—121.
[2]) Waitz. III. S. 101, 102. См. также 327,333.
[3]) Idem. S. 375.

возрасту [1]). У нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ мы въ свою очередь встрѣчаемся съ фактами вполнѣ независимаго положенія женщинъ. Онѣ выполняютъ тѣ же функціи въ жизни общины, какія лежатъ на мужчинахъ [2]). Повторяемъ, многочисленные разсказы объ амазонкахъ свидѣтельствуютъ о томъ, что таково-же было положеніе женщинъ у отдаленнѣйшихъ предковъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ [3]).

Въ другомъ мѣстѣ [4]) я выставилъ и старался доказать гипотезу, заключающуюся въ томъ, что комунальный бракъ, а, слѣдовательно, и связанное съ нимъ независимое положеніе женщины обусловливались, очевидно, тѣмъ, что половыя сочетанія производились въ извѣстные опредѣленные сроки въ году, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе остатки народныхъ празднествъ, сохранившіеся донынѣ. Появившаяся съ теченіемъ времени потребность половаго общенія и во всѣ другія времена года вызывала усиленное стремленіе къ увеличенію количества женщинъ, къ пріобрѣтенію ихъ въ качествѣ военной добычи изъ сосѣднихъ племенныхъ общинъ. Это все болѣе и болѣе увеличивавшееся стремленіе къ добыванію женщинъ должно было въ каждой племенной общинѣ повести, во-первыхъ, къ тому, что женщины данной общины устранялись отъ занятій, благодаря которымъ онѣ могли стать предметомъ добычи, т. е., отъ войны и охоты, и, во-вторыхъ, къ тому, что появлялись въ большомъ числѣ оставленныя въ живыхъ плѣнныя женщины, бывшія достояніемъ того, кто ихъ добылъ на войнѣ и занимавшія въ чужой общинѣ совершенно безправное положеніе. Женщины, принадлежащія къ собственной общинѣ, очень долго еще и въ позднѣйшія времена занимаютъ сравнительно выдающееся положеніе, что отражается, между прочимъ, въ положеніи куртизанокъ въ Греціи и проституток, носящихъ названіе „общинныхъ женщинъ“—gemaine Frauen,—въ ранніе періоды среднихъ вѣковъ. Напротивъ, положеніе законныхъ женъ, сначала похищаемыхъ, а потомъ покупаемыхъ и становящихся достояніемъ одного лица, въ теченіе всей исторіи человѣчества носитъ на себѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, слѣды первоначальнаго порабощенія.

Такимъ образомъ, женщины, добытыя на войнѣ съ чужими общинами, были первыми человѣческими личностями, которыя, не-

---

[1]) Зиберъ. Первобытная культура. Стр. 285, 320, 321, 426.
[2]) Waitz. II. S. 117, 137, 421.
[3]) См. между прочимъ Геродотъ. 4. 116.
[4]) Die geschlechtliche Zuchtwahl bei den Menschen in der Urzeit. Zeitschrift fur Ethnologie. 1876. Heft. II. S. 140—157.

смотря на то, что онѣ были чужеземцами и врагами, не убивались, а оставлялись въ живыхъ. Забранная въ плѣнъ женщина могла, оставшись въ живыхъ, приносить пользу тому, кто ее добылъ, и своимъ существованіемъ удовлетворять настоятельной потребности его, между тѣмъ какъ оставленный въ живыхъ плѣнникъ, при господствовавшихъ тогда условіяхъ производства, не могъ доставить своему властелину никакой выгоды.

Но разъ беззащитныя существа, доставшіяся въ добычу первобытному человѣку, оставлялись въ живыхъ, хотя бы для супружескаго сожительства, онѣ должны были, какимъ бы то ни было образомъ, влачить свое жалкое существованіе, снискивать себѣ средства пропитанія. На нихъ возлагались поэтому работы, наиболѣе трудныя при соотвѣтствующей ступени культуры. Тѣ отрасли труда, которыя были наименѣе привычны для певобытнаго человѣка, которыя требовали непрерывной затраты человѣческихъ силъ, неустаннаго и непосильнаго физическаго труда, — этими работами обременялись женщины-плѣнницы. Въ значительной мѣрѣ на нихъ возлагались и такія работы, при которыхъ имъ не приходилось рыскать на свободѣ, при которыхъ онѣ могли оставаться подъ постояннымъ надзоромъ своего повелителя, не имѣли возможности убѣжать отъ него. Остававшіяся въ живыхъ женщины были, повторяемъ, первыми рабами, первыми res sese moventes, первыми самоподвижными вещами, какъ римляне называли рабовъ. Это были первыя человѣческія личности, которыя принуждены были работать въ пользу другаго, въ пользу отдѣльныхъ личностей, добычею которыхъ онѣ стали. Добываемыя для удовлетворенія половыхъ потребностей и оставленныя въ живыхъ исключительно для этой цѣли, женщины въ то же время оказывались первыми экземплярами человѣческими, чьею силою пользовались и для матеріальныхъ цѣлей, которыя утилизировались въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи, для цѣлей производства, для труда. Какъ мы увидимъ изъ приводимыхъ ниже данныхъ, всякій разъ, когда приходилось утилизировать какую-нибудь новую силу природы, требовавшую больше напряженія, настойчивости и терпѣнія, чѣмъ какая-либо изъ существовавшихъ до тѣхъ поръ работъ, такая работа и такой трудъ возлагались на женщинъ. Ходячія представленія о первоначальномъ порабощеніи женщинъ вслѣдствіе ихъ безсилія и слабосилія, вслѣдствіе ихъ мнимой исконной негодности и неспособности къ усиленному физическому труду, оказываются, при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами изъ жизни первобытныхъ народовъ, совершенно несостоятельными. Это положеніе, какъ и многое другое, если стало общимъ мѣстомъ въ литературѣ, то оно

обязано своимъ существованіемъ полнѣйшему незнакомству съ данными сравнительной этнографіи.

Спенсеръ пришелъ къ подобнымъ же заключеніямъ въ своихъ „Основахъ соціологіи" [1]). „Классъ рабовъ", говоритъ онъ, „въ первобытномъ обществѣ состоитъ изъ женщинъ; и самое раннее раздѣленіе труда и есть то раздѣленіе, которое возникаетъ между ними и ихъ господами. Въ теченіе долгаго времени не существуетъ никакого другаго раздѣленія труда". И далѣе: „Мужчины взваливаютъ на женщинъ всѣ тѣ занятія, которыя онѣ только въ состояніи выполнить, т.-е. всѣ рѣшительно занятія, *за исключеніемъ тѣхъ, для выполненія которыхъ у нихъ нехватаетъ или силы, или проворства, или искусства*" [2]). Послѣднія подчеркнутыя нами слова Спенсера едва ли вѣрны, и во всякомъ случаѣ несогласны съ данными, приводимыми самимъ же Спенсеромъ. Если и вѣрно то, что мужчины уже на очень раннихъ ступеняхъ культуры „монополизируютъ" въ свою пользу войну и охоту, какъ это говоритъ Спенсеръ въ другомъ мѣстѣ [3]), то не потому, что эти занятія требуютъ особой силы, проворства и искусства, какихъ не требуютъ другія занятія, а исключительно потому, почему женщины такъ охотно забираются въ плѣнъ и оставляются въ живыхъ чужеплеменными воинами. Вотъ единственныя основанія того, что женщины уже на очень раннихъ ступеняхъ культуры перестаютъ заниматься войною и охотою. То, что было лакомымъ кусочкомъ для врага, для иноплеменника, нужно было держать подальше отъ глазъ и рукъ его, нужно было охранять отъ соприкосновенія съ нимъ, какъ это неминуемо на войнѣ и охотѣ. Напротивъ, всѣ тѣ занятія, которыя требовали экстраординарной ловкости, силы и искусства, словомъ—особой умѣлости и пригодности къ труду, всѣ эти занятія отводились, отмежевывались, какъ мы уже указывали, именно для женщинъ *съ тѣхъ поръ*, какъ, благодаря захвату женщинъ изъ другихъ племенъ, онѣ становились личною собственностью мужчины, забравшаго ихъ въ плѣнъ,—принадлежностью его. Покупка женщинъ изъ другихъ племенъ, являющаяся впослѣдствіи на смѣну похищенію, разумѣется, усиливаетъ и укрѣпляетъ установленный порядокъ вещей. При покупкѣ женщины всегда принимается во вниманіе не только ея способность къ супружескому сожительству, но и ея пригодность къ труду, рабочая сила, представляемая ею.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію фактическихъ данныхъ,

[1]) Т. II. Стр. 789.
[2]) Loc. cit.
[3]) Основы соціол., II, стр. 792.

подтверждающихъ высказанныя нами мысли. Эскимосскія женщины, кромѣ разныхъ мелкихъ деревянныхъ подѣлокъ, строятъ дома и шалаши. „Имъ приходится для этого таскать на себѣ такіе тяжелые камни, которые то-и-дѣло грозятъ переломить имъ спинной хребетъ, причемъ мужчины взираютъ на это съ величайшимъ равнодушіемъ, и ни одинъ изъ нихъ не пошевелитъ даже пальцемъ, чтобы помочь имъ [1]). У вымершихъ теперь тасманійцевъ, мужчины прибавляли отъ себя къ пищевымъ запасамъ только мясо кэнгуру, за которыми они охотились, тогда какъ женщины, кромѣ ухаживанія за дѣтьми, должны были лазить по деревьямъ, чтобы отыскивать опоссумовъ, выкапывать съ помощью заостренныхъ палокъ разные съѣдобные коренья, выщупывать и ловить раковъ между прибрежными скалами, нырять за устрицами и ловить рыбу“ [2]).

По объясненіямъ одного изъ путешественниковъ, жалкое положеніе тасманійскихъ и новоголландскихъ женщинъ обусловливалось отчасти страхомъ насильственнаго похищенія ихъ [3]). Одинъ изъ вождей чиппевейновъ говорилъ Гирну: „Женщины созданы для труда,—каждая изъ нихъ можетъ нести или волочь столько, *сколько двое мужчинъ*. Онѣ также разбиваютъ наши шатры, изготовляютъ и чинятъ нашу одежду, заботятся, чтобы намъ было тепло ночью; короче сказать, ни одно сколько-нибудь отдаленное путешествіе въ нашей странѣ невозможно безъ помощи женщинъ“ [4]). Вообще у всѣхъ сѣверо-американскихъ народовъ война и охота—это занятія мужчинъ, женщина воздѣлываетъ поле, жнетъ и убираетъ хлѣбъ, готовитъ пищу, собираетъ и носитъ дрова и приноситъ также убитую дичь изъ лѣса. Работа женщины, разсказываетъ г-жа Истманъ о дакотскихъ женщинахъ, никогда не прекращается: она строитъ и лѣтніе, и зимніе дома. Для тѣхъ она весною снимаетъ кору съ деревьевъ, для другихъ она сшиваетъ шкуры буйволовъ; она обдѣлываетъ кожу, изъ которой изготовляетъ одежду и обувь для всей семьи, и въ то же время на ней лежитъ бремя другихъ заботъ. Когда у нея родится ребенокъ, она не можетъ ни отдыхать, ни ѣсть. Она правитъ лодкой, на которой ѣздитъ ея мужъ; и боли, и усталость—все должно быть забыто [5]).

У самоѣдовъ Архангельской губерніи женщина, по словамъ г-жи Ефименко, принимаетъ гораздо бо̀льшее участіе, чѣмъ муж-

---

[1]) Спенсеръ. Осн. Соціол. I. стр. 790.
[2]) Idem. I, стр. 789—790.
[3]) Waitz-Gerland. VI. S. 775.
[4]) Idem. VI, стр. 788.
[5]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker. III. S. 100.

чина, въ добыванiи средствъ существованiя и накопленiя имущества. „Правда, она проводитъ большую часть своего времени въ *чумѣ*, дома, тогда какъ мужчина чаще бываетъ внѣ дома: самоѣдинъ уѣзжаетъ на промыслы, пасетъ оленей и т. п. Но обязанности женщины гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ обязанности мужчины. При постоянныхъ перекочевкахъ, весь трудъ перенесенiя жилищъ возложенъ исключительно на женщину. Она должна каждый разъ убрать и раскласть чумъ, устроить его, укласть землею и мхомъ или снѣгомъ, устлать полъ коврами, сплетенными изъ прутьевъ березы, накинуть на ковры оленьи шкуры и т. п. Устроивъ чумъ, онѣ принимаются за разнообразную домашнюю работу, которой такъ много, что имъ не приводится никогда сидѣть безъ дѣла, тогда какъ мужчины проводятъ все время, свободное отъ промысловъ, совершенно праздно. Женщины приготовляютъ пищу, чистятъ посуду, заготовляютъ дрова, разводятъ огонь, запасаютъ воду, въ свободное время обдѣлываютъ оленьи шкуры, шьютъ чумы, мужское и женское платье всякаго рода, выдѣлываютъ мягкую рухлядь и т. п. Часто также помогаютъ мужьямъ и на морскихъ промыслахъ" [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что женщина культурныхъ классовъ въ настоящее время слабѣе мужчины въ физическомъ отношенiи, меньше участвуетъ въ добыванiи благъ жизни, но мы уже знаемъ, что это было далеко не такъ въ болѣе раннiя времена существованiя человѣчества,—и физическою слабостью женщины ея гражданское и политическое безправiе объяснено быть не можетъ. Посмотрите, напр., на положенiе женщины у нашихъ дагестанскихъ горцевъ. Она является тамъ совершенно безправнымъ существомъ, но насколько это положенiе обусловливается „неспособностью къ труду" женщины у дагестанскихъ горцевъ,—объ этомъ можно судить по слѣдующему: „Въ домашнемъ, семейномъ быту работаетъ только одна женщина; она приготовляетъ войлокъ, ткетъ и валяетъ ногами сукно, сучитъ шелкъ, приготовляетъ изъ войлока сапоги, подшиваетъ подъ старую обувь подошвы, смотритъ за скотомъ и домашнею птицею, готовитъ кизякъ, таскаетъ съ гумна солому и камни для возводимыхъ построекъ. Съ разсвѣтомъ, взявъ топоръ и веревку, женщина гонитъ ишака въ лѣсъ за дровами и къ вечеру возвращается съ двумя вьюками, изъ которыхъ болѣе тяжелый тащитъ на себѣ. Словомъ, нѣтъ возможности перечислить всѣ разнообразные виды занятiй женщины, но можно сказать, что трудно увидать ее сидящей безъ работы. Муж-

[1]) Юридическiе обычаи лопарей, кореловъ и самоѣдовъ Архангельской губ. Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. I, стр. 183—184.

чина взялъ на себя только пахоту земли, посѣвъ и сѣнокосъ, но собранное и накошенное должна убрать жена. Она переноситъ въ домъ на своихъ плечахъ собранный хлѣбъ, по кручамъ и обрывамъ собираетъ сѣно и рѣжетъ траву для корма скота; она-же должна вычистить и коня. Въ нѣкоторыхъ обществахъ даже и полевыя работы лежатъ на обязанности женщины, и тамъ съ ранняго утра видны онѣ на работѣ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ отъ аула. Женщина разбиваетъ лопатою землю на своей пашнѣ, очищаетъ ее отъ камней, стаскивая ихъ въ кучу или сбрасывая безъ церемоніи на дорогу, и затѣмъ пашетъ, погоняя воловъ, запряженныхъ парою въ просто устроенную соху. Вся жизнь горянки есть трудъ и трудъ самый тяжелый. Часто можно встрѣтить возвращающимися въ аулъ двухъ-трехъ ословъ, навьюченныхъ ношей; за ними, съ большею еще ношею, тащится женщина, имѣющая кромѣ того за плечами ребенка. Тяжесть ноши привела бы въ ужасъ любаго дюжаго работника, но не удивляетъ ея мужа: онъ идетъ позади, напѣвая пѣсню, праздный и съ пустыми руками. Считая себя не болѣе какъ конвойнымъ, онъ не направитъ даже на дорогу осла, если бы ему вздумалось свернуть въ сторону пощипать травы: это должна сдѣлать та же женщина".

Эту характеристику положенія дагестанской женщины г. Дубровинъ оканчиваетъ слѣдующимъ образомъ: „Во всемъ мусульманскомъ мірѣ судьба женщины печальна, но въ Дагестанѣ она положительно невыносима, и это, конечно, главнѣйшимъ образомъ происходитъ отъ *праздности мужчины* [1]).

Эти слова о причинахъ, обусловливающихъ взаимныя отношенія мужчинъ и женщинъ, примѣнимы не только къ дагестанскимъ горцамъ, но и къ другимъ народамъ. Безправное положеніе женщины вызвано было не физическимъ слабосиліемъ ея, а праздностью мужчины. Намъ уже извѣстно, что земледѣліе и входящія въ составъ его работы—это наиболѣе тяжелыя и наименѣе привычныя для первобытнаго человѣка формы производительной дѣятельности. Они являются поэтому на соотвѣтствующихъ ступеняхъ культуры повсюду исключительно дѣломъ женщинъ. У мандинговъ въ Сулиманѣ земля воздѣлывается преимущественно женщинами, онѣ также и пастухи, между тѣмъ какъ мужчины занимаются молочнымъ хозяйствомъ, шьютъ и моютъ. Точно такъ же и у кру полевыя занятія являются дѣломъ женщинъ; въ Борну мужчины только изрѣдка помогаютъ женщинамъ въ земледѣльческихъ ра-

---

[1]) Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Спб. 1871. Т. I, стр. 551, 553.

ботахъ [1]). У каффровъ молочное хозяйство, какъ наиболѣе важное и наиболѣе почетное занятіе, является дѣломъ мужчинъ, между тѣмъ какъ воздѣлываніе земли, которое считается у каффрскихъ племенъ менѣе важнымъ *и менѣе соотвѣтствующимъ человѣческому достоинству занятіемъ*, чѣмъ скотоводство, хотя оно и не пренебрегается вовсе, тѣмъ не менѣе производится безъ особаго рвенія и усердія,—*повсюду* выпадаетъ на долю женщинъ. Только у амапондовъ и мужчины принимаютъ участіе въ этомъ дѣлѣ [2]). У зулусовъ, по разсказамъ путешественниковъ, «*наиболѣе тяжелыя работы*... воздѣлываніе земли и постройка домовъ, изготовленіе изгородей и заготовленіе дровъ" дѣло женщинъ, „въ то время какъ мужчины запимаются войною, охотою и молочнымъ хозяйствомъ" [3]). Въ Багирмѣ Бартъ нашелъ одно только мѣсто, „гдѣ мужчины занимались воздѣлываніемъ земли, и, по его словамъ, это обстоятельство слѣдуетъ приписать только тому, что женщины получили тамъ преобладаніе" [4]).

Мы уже указали, чѣмъ занимаются женщины у значительной части сѣверо-американскихъ племенъ. „У караибовъ, какъ это водится у всѣхъ воинственныхъ народовъ, полевыя работы—дѣло женщинъ, и было бы крайне позорно для мужчины принимать участіе въ работахъ подобнаго рода" [5]). У москитовъ земледѣліемъ занимаются женщины, „ибо мужчины слишкомъ лѣнивы для такой работы" [6]). У жителей Малайскаго архипелага женщины бо́льшею частью прокармливаютъ своихъ мужей: онѣ ведутъ торговлю и воздѣлываютъ поля [7]). Точно также и въ древнемъ Перу полевыми работами занимались женщины [8]). Въ Китаѣ женщины принимаютъ сильное участіе въ тяжелыхъ работахъ, и Барро видѣлъ женщинъ, запряженныхъ въ плугъ [9]). Въ одномъ китайскомъ сочиненіи о женщинахъ, написанномъ женщиной же, говорится между прочимъ: „Наиболѣе низкія отправленія должны быть дѣломъ женщинъ, и на самомъ дѣлѣ выпали на ихъ долю. Это истина, которою мы должны быть проникнуты для того, чтобы она оказала вліяніе на весь нашъ образъ дѣйствія. Она будетъ источникомъ нашего счастья, если мы будемъ дѣйствовать послѣдовательно. Намъ не слѣдуетъ

---

[1]) Waitz. II. S. 83.
[2]) Idem. II. S. 382—383.
[3]) Idem. II. S. 387—388.
[4]) Idem. II. S. 83.
[5]) Idem. III. S. 376.
[6]) Idem. IV. S. 290.
[7]) Waitz-Gerland. V. S. 145.
[8]) Спенсеръ. Осн. социол. II, стр. 791.
[9]) Осн. соціол. II, стр. 804.

ждать того времени, когда печальный опытъ заставитъ насъ понять ту роль, которую мы играемъ“ [1]).

Не лучше современное положенiе женщины-крестьянки славянскихъ народовъ. „Какъ въ задругѣ, такъ и въ великорусской семьѣ,—говоритъ г-жа Ефименко,—женщина работаетъ едва ли не больше мужчины, работаетъ, сколько позволяютъ ей выносить ея физическiя силы. Въ княжествѣ Сербiи, по словамъ Миличевича... трудно представить себѣ, сколько разнообразныхъ обязанностей лежитъ на женщинѣ, что̀ за каторжная жизнь ея въ семьѣ. Она няньчится съ дѣтьми, одѣваетъ съ головы до ногъ себя, своего мужа и своихъ дѣтей... Коноплю для одежды она такъ же должна выростить и обработать сама. Она готовитъ пищу и на своихъ плечахъ относитъ ее работающимъ на полѣ, иногда очень далеко. Наблюдать за скотомъ, кормить и поить его, доить, дѣлать масло, сыръ, носить воду, дрова—все это ея дѣло... Часто женщины помогаютъ мужчинамъ и въ работахъ, считающихся спецiально мужскими, напр., полевыхъ, иногда даже вполнѣ замѣняютъ мужчину въ этихъ работахъ... Въ Черногорiи, Герцеговинѣ, Боснiи и Сербiи, какъ и въ Великороссiи, женщина не измѣняетъ образа жизни, даже когда бываетъ беременна. Случается нерѣдко, что гдѣ-нибудь, напр., въ лѣсу, куда она идетъ рубить дрова, почувствуетъ она муки родовъ, тутъ же рожаетъ безъ всякой посторонней помощи и относитъ ребенка домой. Сколько разсказовъ, прибавляетъ г-жа Ефименко, слыхали мы и въ Архангельской губернiи, какъ женщины родятъ или на полѣ и на пожнѣ, такъ какъ имъ некогда лежать въ горячую страдную пору“ [2]). Вообще и въ Великороссiи, и у другихъ славянскихъ народовъ мужчины позволяютъ себѣ отдыхъ послѣ работы, „для женщины же, особенно замужней, нѣтъ отдыха“ [3]). У малоруссовъ, какъ увидимъ ниже, положенiе женщинъ по отношенiю къ труду нѣсколько иное, но у тѣхъ малоруссовъ, которые поселились въ степныхъ юго-восточныхъ губернiяхъ, женщины обременены работой до невозможности. Лѣтомъ онѣ вовсе не живутъ дома, а постоянно кочуютъ въ степи, пася скотъ; при ягненiи овецъ цѣлыя ночи должны онѣ сидѣть на морозѣ, оберегая ягнятъ отъ собакъ. Кромѣ того, онѣ косятъ сѣно и жнутъ хлѣбъ, ѣздятъ по дрова. Женщины должны также ходить

---

[1]) Klemm, ibid. VI. S. 109. «Таково же положенiе женщинъ въ Кореѣ: мужчины бо̀льшую часть дня спятъ или лежатъ себѣ дома, безъ всякаго дѣла, въ то время, какъ женщины исполняютъ почти всѣ работы какъ полевыя, такъ и домашнiя, и почти всѣ онѣ содержатъ своихъ мужей» (Извѣстiя русск. геогр. общ. 1877. Т. XIII. Вып. 5, стр. 372).

[2]) Ефименко. Изслѣдованiя народной жизни. Стр. 75.

[3]) Idem. Стр. 80.

караулить хлѣбъ; и для этого онѣ отправляются верстъ за пять въ хутора, часто оборванныя и голодныя, съ дѣтьми на рукахъ и съ люлькой, и тамъ, подъ палящимъ солнцемъ, просиживаютъ цѣлые дни. Нерѣдко случается, что то ту, то другую женщину привозятъ со степи заболѣвшею или даже мертвою" [1]). Приведемъ еще одинъ характерный образчикъ положенія женщины въ Россіи.

„Существо, незнающее ни днемъ, ни ночью покоя... такова олонецкая женщина, — говоритъ недавно умершій Поляковъ.—Ее можно видѣть глубоко вязнущею въ глинистой грязи *за сохою и бороною;* она на сѣнокосѣ—въ болотѣ, въ лѣсу—на оводѣ и комарахъ; она и на рыбной ловлѣ кидаетъ и тянетъ тоню невода, причемъ босая бродитъ въ холодной водѣ по колѣно. Во всѣхъ этихъ работахъ я видѣлъ женщинъ беременныхъ. Послѣ этихъ работъ женщина возвращается домой и готовитъ семьѣ обѣдъ или ужинъ, жарясь у печки; она шьетъ, прядетъ, ткетъ; она молотитъ хлѣбъ, часто мелетъ его и печетъ. Въ случаѣ недостатка въ пищѣ, она первая подвергается ограниченіямъ. При всемъ этомъ она несетъ на себѣ еще всю тяжесть побоевъ; она лишена возможности „быть плеточкой легонечко постеганной", „но за то подвергается ударамъ крѣпкихъ кулаковъ и дубинъ". На упреки Полякова за такое обращеніе съ женщинами, ему отвѣчалъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей: „Что жалѣть это поганое мясо?".. Знакомые съ антропологіей, — прибавляетъ къ этому разсказу Поляковъ, — найдутъ въ сказанномъ немало общаго и многимъ первобытнымъ племенамъ" [2]).

Праздностью мужчины и пристрастіемъ къ войнѣ Тацитъ объясняетъ и тяжелое положеніе женщины у германцевъ. „Когда они не воюютъ, говоритъ онъ, то проводятъ немного времени въ охотѣ, а больше въ праздности, предаваясь сну и ѣдѣ. Самые храбрые и воинственные ничего не дѣлаютъ; возложивъ заботу о домѣ, хозяйствѣ и полевыхъ работахъ на женщинъ, стариковъ и наиболѣе слабыхъ членовъ семьи, сами они коснѣютъ въ бездѣйствіи: удивительное противорѣчіе въ натурѣ, когда одни и тѣ же люди такъ любятъ бездѣйствіе и такъ ненавидятъ спокойствіе [3])!..

Въ Скандинавіи женщина уже въ средніе вѣка была избавлена отъ полевой работы, но въ другихъ германскихъ странахъ работа эта все еще лежала попрежнему на обязанности женщины. Остатки такого

[1]) Loc. cit.

[2]) Зап. Геогр. Общества. Т. III. Спб. 1873. И. С. Полякова, Этнографическія наблюденія во время поѣздки на юго-востокъ олонецкой губ., стр. 498—499.

[3]) Germania с. 15. (Русскій переводъ В. И. Модестова).

положенія женщинъ въ сферѣ труда мы встрѣчаемъ и въ настоящее время среди нѣмцевъ и французовъ. Нѣмецкія женщины низшихъ классовъ крайне обременены „грубыми тяжелыми работами внѣ дома: рытьемъ земли, уходомъ за лошадьми, тасканіемъ тяжестей и пр.“. Точно также и французскія женщины изъ простонародья принимаютъ значительное участіе „въ тяжелыхъ полевыхъ работахъ“ [1]).

Въ тѣхъ немногихъ благословенныхъ небомъ странахъ, гдѣ земледѣліе уже на низшихъ ступеняхъ культуры становится болѣе производительнымъ а слѣдовательно и болѣе почетнымъ а также въ культурныхъ странахъ, эти работы становятся, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣломъ мужчинъ. Такъ, въ Новой-Каледоніи и на островѣ Кунаѣ женщины исполняютъ всѣ тяжелыя работы, носятъ на себѣ тяжести, ловятъ рыбу, носятъ дрова и воду, плетутъ корзины, приготовляютъ одежду и т. д., между тѣмъ какъ мужчины сѣютъ, строятъ дома и лодки, а въ остальное время спятъ [2]). Точно также и на Фиджійскихъ островахъ, гдѣ женщины находятся въ чрезвычайно жалкомъ положеніи, онѣ исполняютъ всѣ работы, играютъ роль вьючныхъ животныхъ для своихъ мужей; выдѣлка лодокъ и постройка домовъ, а также часть земледѣльческихъ работъ лежатъ на мужчинахъ, но только потому, „что эти занятія, какъ увѣряетъ Д'Урвиль, являются тамъ наиболѣе уважаемою отраслью труда, и женщины считаются слишкомъ низкими для того, чтобы онѣ могли заниматься этими работами“ [3]). У нубійцевъ воздѣлываніемъ земли занимаются мужчины, между тѣмъ какъ занятіемъ женщинъ является тканье грубыхъ шерстяныхъ и хлопчато-бумажныхъ матерій [4]). У малоруссовъ женскій трудъ, „жіноче діло“, состоитъ „въ воздѣлываніи огорода, въ собираніи съ огорода овощей и въ дальнѣйшемъ приготовленіи ихъ въ „страві“—приготовленіи пищи, въ молотьбѣ хлѣба въ жерновахъ, въ приготовленіи льна и конопли (*мужъ долженъ выбрать подъ посѣвъ этихъ растеній и посѣять*), въ пряденіи, тканьѣ и приготовленіи бѣлья, въ чистотѣ и теплотѣ хаты, въ ухаживаніи за курами, утками, поросятами и коровами“. Никогда женщины въ Малороссіи „не косятъ и не ходятъ за плугомъ“. Мужскою же работою, „чоловичьимъ діломъ“, считается тамъ воздѣлываніе поля и т. п. [5]).

[1]) Спенсеръ. Осн. соціол. II, стр. 803. См. также Weinhold. Deutsche Frauen. II. S. 51.

[2]) Waitz-Gerland. VI. S. 628.

[3]) Idem. VI. S. 627—628.

[4]) Waitz. II. S. 484.

[5]) Чубинскій. Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ въ Малороссіи. Зап. Геогр. Общ. Т. II. Спб. 1869. Стр. 682.

Уже на очень раннихъ ступеняхъ культуры пряжа и тканье, вмѣстѣ съ земледѣліемъ, являются занятіемъ женщинъ, а на болѣе позднихъ ступеняхъ, когда земледѣліе, какъ мы видѣли уже, переходитъ въ руки мужчинъ, пряжа и тканье издѣлій для домашняго обихода весьма долго остается преимущественнымъ занятіемъ женщинъ, наряду съ заботами о кухнѣ и домѣ. У караибовъ, вмѣстѣ съ земледѣліемъ, пряденіе и тканье хлопчатой бумаги производились исключительно женщинами. Въ виду того, что ткацкій станокъ состоялъ у нихъ всего изъ двухъ частей, требовалось нѣсколько мѣсяцевъ для того, чтобы изготовить висячій коверъ [1]). Точно также и у абипоновъ женщины занимались шитьемъ, пряденьемъ и тканьемъ хлопчатой бумаги [2]). У оманскихъ бедуиновъ распредѣленіе занятій между полами опредѣляется ходячей поговоркой: „женщины за веретено, мужчины за оружіе" [3]). У архангельскихъ лопарей женщины осенью занимаются рыболовствомъ, а зимой „прядутъ ленъ и пеньку, изъ пряжи дѣлаютъ невода и сѣти, изъ сосноваго корня вьютъ веревки, которыя употребляютъ на тетивы къ неводамъ и сѣтямъ, вяжутъ вареги и колпаки изъ овечьей шерсти, плетутъ тесьмы, пояса и кушаки, а изъ оленьихъ кожъ шьютъ платье" [4]). При тѣхъ первобытныхъ орудіяхъ, которыми лопарки пользуются для производства, работы эти отнюдь не отличаются легкостью. Это примѣнимо въ одинаковой мѣрѣ и къ предкамъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, у которыхъ, въ свою очередь, пряденье, тканье и шитье были специфически-женскими работами.

Точно также и домашнія работы, ставшія повсюду наслѣдственнымъ занятіемъ женщинъ, отмежеваны были для нихъ первоначально не въ виду легкости ихъ исполненія, а напротивъ, благодаря отяготительности ихъ. Во всей Африкѣ, приготовленіе пищи есть дѣло женщинъ. При этомъ всѣ путешественники указываютъ, какъ на болѣе трудную изъ работъ, производимыхъ среди африканскихъ народовъ, на превращеніе зерна въ муку съ помощью первобытныхъ ручныхъ мельничныхъ жернововъ. И эта работа совершается исключительно женщинами [5]). У древнихъ евреевъ, какъ и у другихъ культурныхъ народовъ древности, эта

---

[1]) Waitz. S. III. 475.
[2]) Idem. III. S. 377.
[3]) Klemm. VI. S. 153.
[4]) Ефименко. Юрид. обычаи лопарей и т. д. Сборн. юрид. обычаевъ. I. Стр. 28.
[5]) De Wette. Hebraisch jüdische Archäologie. Berlin. 1864. S. 183.

работа, производившаяся женщинами буквально тѣми же способами, отличалась, конечно, тѣмъ же характеромъ [1]).

Мы уже привели выше въ разныхъ мѣстахъ данныя, указывающія на непосильность для женщинъ домашнихъ работъ, лежащихъ на нихъ. Какъ трудно женщинѣ справиться съ домашнимъ хозяйствомъ, наглядно изображено въ одной малороссійской пѣснѣ:

А жиночкамъ *та не ма волі*:
У за-пічку та воркунъ ворчить,
У колиці та дитя кричить,
Підъ порогомъ та свиня хрючить,
А у печі та горщокъ біжить.
Дитя каже: «Похитай мене!»
Свинья каже: «Погодуй мене!»
Воркунъ каже: «Поцілуй мене!» [2]).

Если бы кто, въ противность приведеннымъ выше даннымъ, захотѣлъ утверждать, что въ народномъ міросозерцаніи трудовой принципъ имѣетъ преобладающее значеніе и играетъ важную роль при разрѣшеніи вопросовъ объ общественныхъ и имущественныхъ правахъ лицъ, то ему достаточно было бы посмотрѣть только на положеніе женщинъ среди некультурныхъ классовъ, чтобы разубѣдиться въ вѣрности такого положенія. Въ жизни и міровоззрѣніи, напримѣръ, русской народной массы, на ряду съ дурными, несомнѣнно встрѣчаются и весьма хорошіе нравственные принципы, но трудовой принципъ не играетъ въ этой жизни той роли, которую ему приписываютъ, и, по изложеннымъ выше соображеніямъ, этой роли играть не можетъ.

---

[1]) Schoemann. Griechische Alterthümer. I. S. 529, 530.
[2]) Чубинскій, ibid., стр. 685.

ГЛАВА VIII.

Символика въ жизни, исторіи и правѣ.

Выводы изъ предыдущаго.—Питье крови врага, смѣшеніе крови для заключенія мира и союза.—Бракъ для заключенія мира.—Совмѣстная ѣда и питье.—Совмѣстное сидѣніе.—Древнія приспособленія для сидѣнія и ѣды.—Символы усыновленія.—Кувада.—Значеніе фикціи усыновленія въ исторіи.—Сниманіе орудій вражды.—Совмѣстное куреніе.—Способы заключенія временнаго договора, торговыхъ сдѣлокъ.—Необходимость продолжительныхъ разговоровъ.—Обряды гостепріимства.—Происхожденіе обряда совмѣстной ѣды и совмѣстной молитвы при заключеніи договора.—Установленіе духовнаго и физическаго единенія съ помощью нитки, колоса.—Стояніе на одной ногѣ.—Передача правъ на недвижимое имущество съ помощью передачи части его.—Облизываніе купленныхъ предметовъ.—Обведеніе ниткой; бирки, клейма, тотемы.—Смѣна принципа единенія по крови принципомъ религіознаго, а затѣмъ территоріальнаго единенія.

Прежде, чѣмъ перейдемъ къ дальнѣйшему изложенію, мы можемъ, на основаніи приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ и соображеній, констатировать слѣдующее: отношенія лицъ, входящихъ въ составъ какой-либо общественной группы, обусловливаются, съ одной стороны, отношеніемъ къ окружающей природѣ, пріобрѣтеннымъ навыкомъ и умѣньемъ утилизировать силы и предметы природы, съ другой стороны—отношеніемъ данной общественной группы къ сосѣднимъ общественнымъ группамъ. Иначе говоря: два фактора оказываютъ могущественное вліяніе на развитіе житейскихъ отношеній въ каждой изъ общественныхъ группъ: окружающая ее природа и войны съ сосѣдними общественными группами. Мало того, сами *формы этихъ отношеній вырабатываются по тѣмъ готовымъ типамъ*, которые даетъ, съ одной стороны, внѣшняя природа, съ другой—война.

Переходя къ изложенію конкретныхъ фактовъ, подтверждающихъ послѣднее положеніе, я считаю не лишнимъ предварить читателя, что уже Спенсеръ въ своемъ сочиненіи „О господствѣ

обряда", а также во многихъ мѣстахъ „Основъ соціологіи" указываетъ на войну, какъ на источникъ многообразныхъ житейскихъ отношеній. Воздѣйствіе внѣшней природы или, вѣрнѣе, благоговѣнія человѣка передъ силами и предметами природы на общественный строй онъ повидимому игнорируетъ. Нечего говорить, конечно, о томъ, что чувство солидарности членовъ первоначальной общественной группы, на которое мы указали въ началѣ этого сочиненія, и учрежденія, вызванныя этимъ чувствомъ, продолжаютъ переходить по наслѣдству къ самымъ отдаленнымъ поколѣніямъ въ исторіи человѣчества, претерпѣвая, разумѣется, измѣненія отъ воздѣйствія упомянутыхъ только что факторовъ.

„Когда стороны, вовсе не родственныя одна другой,—говоритъ Тейлоръ,—желали заключить между собою мирный договоръ или вступить въ дружественный союзъ, въ такомъ случаѣ люди различныхъ и отдаленныхъ странъ иногда устанавливали такой союзъ символическимъ актомъ смѣшенія своей крови, становясь такимъ образомъ какъ бы однокровными—родственниками".

Покойный А. Ф. Кистяковскій обратилъ мое вниманіе на то, что символическому акту смѣшенія крови для установленія дружественныхъ связей предшествовалъ, какъ извѣстно, совершенно иной способъ потребленія крови съ діаметрально противоположною цѣлью. Тѣ же скиѳы, которые, по словамъ Геродота, при заключеніи клятвеннаго договора пили вино, смѣшанное съ кровью договаривающихся сторонъ, причемъ для этой цѣли дѣлались уколы шиломъ или небольшіе разрѣзы ножемъ на тѣлѣ [1]), пили кровь перваго убитаго ими *врага* [2]). Иллюстраціей словъ Геродота является разсказъ Эдды о томъ, какъ Регниръ убилъ Фафнира, вырѣзалъ его сердце мечомъ и выпилъ затѣмъ кровь изъ раны. Точно также и Сигурдъ отрубилъ голову Регниру и съѣлъ сердце Фафнира и выпилъ кровь обоихъ—Регнира и Фафнира. „Ѣсть сердце врага, пить его кровь" были обыкновенными выраженіями, которыми индѣйцы Сѣверной Америки грозили своимъ врагамъ, и если въ новѣйшія времена эти выраженія должны быть поняты фигурально, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ болѣе раннія времена ихъ слѣдовало понимать совершенно буквально. Даже сіуксы, которые въ новѣйшія времена обнаруживали большое отвращеніе къ канибализму, пожирали не очень давно, по неопровержимому свидѣтельству Скулькрафта, сердце врага. Мотивомъ такого поѣданія выставлялось, между прочимъ, желаніе усвоить себѣ храбрость, составлявшую принадлежность сердца [3]).

---

[1]) Геродотъ. IV. 70.
[2]) Геродотъ. IV. 64.
[3]) Waitz. II. S. 159. См. также 333, о ботокудахъ, стр. 444.

Очевидно, слѣдовательно, что питье крови изъ послѣдствія и признака вражды становится символомъ дружбы. Разница въ образѣ дѣйствія по отношенію къ врагу и въ образѣ дѣйствія сторонъ, заключающихъ союзъ, заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ убійца пьетъ кровь убитаго, а во второмъ обѣ стороны пьютъ взаимно кровь другъ друга. Въ этой разницѣ, повидимому, и заключается причина, почему одному образу дѣйствія придается смыслъ враждебный, другому—смыслъ дружественный. Въ первомъ случаѣ одинъ проглотилъ другаго, въ то же время уничтоживъ его, какъ отдѣльное лицо; въ другомъ случаѣ одинъ сдѣлался равнымъ другому по крови: въ ихъ жилахъ течетъ одна и та же кровь, хотя оба они продолжаютъ существовать. Впрочемъ, если вѣрить описанію обряда заключенія побратимства у половцевъ, сдѣланному раввиномъ Петахіей, то для того, чтобы питье крови было символомъ мирнаго единенія, не требуется и взаимности. Вотъ какъ совершался у половцевъ этотъ обрядъ: „Половецъ прокалывалъ себѣ палецъ иглой и выступавшую кровь давалъ сосать тому, кого онъ избиралъ себѣ въ постоянные спутники и друзья, послѣ чего сосавшій кровь своего товарища становился для него какъ бы собственною его кровью и тѣломъ [1]). Я думаю, однако, что путешественникомъ, описывавшимъ нравы половцевъ, упущена весьма важная подробность о *взаимности* сосанія.

Во всякомъ случаѣ изъ сказаннаго ясно, что изъ первобытнаго канибализма возникъ и тотъ символическій пріемъ, съ помощью котораго канибализму былъ положенъ предѣлъ въ извѣстномъ кругѣ лицъ. Питье крови въ знакъ вражды превращалось въ питье крови въ знакъ тѣсной дружбы.

Такъ у бирманцевъ заключаютъ неразрывный братскій союзъ, смѣшивая кровь изъ рукъ и выпивая эту смѣсь съ водкой. С. Джемсъ побратался съ каяномъ острова Борнео, смѣшавъ капли крови, добытой изъ рукъ, послѣ чего тотъ и другой выкурилъ половину этой смѣси съ сигарой. Такимъ способомъ пришелецъ становится членомъ племени каяновъ. Подобный же обычай существуетъ и въ Африкѣ, гдѣ два человѣка, вступая въ братскій союзъ, садятся на одной и той же кожѣ, выражая этимъ символически, что они „одной кожи“, а затѣмъ дѣлаютъ другъ другу на груди легкіе надрѣзы, пьютъ смѣшанную кровь и втираютъ ее въ раны. На островѣ Мадагаскарѣ братскій союзъ заключается обоюднымъ питьемъ крови съ произнесеніемъ страшныхъ заклятій про-

---

[1]) Раввинъ Петахія. «Отеч. Записки» 1858 г. т. CXXI. Голубовскій. Печенеги, торки и половцы. Кіевъ 1884 г., стр. 222—223.

тивъ нарушителя союза [1]). При договорахъ у суринамскихъ негровъ гадоманъ (жрецъ) извлекаетъ кровь изъ тѣла обѣихъ договаривающихся сторонъ, и часть этой крови выливается на землю, а часть выпивается.

Уже изъ этихъ данныхъ мы можемъ сдѣлать нѣкоторый выводъ. Человѣкъ создаетъ себѣ здѣсь фикцію для уничтоженія существующихъ между лицами различныхъ племенъ враждебныхъ отношеній. Гораздо проще было бы обязаться къ воздержанію отъ насилія, но первобытный человѣкъ такъ крѣпко держится установленнаго искони порядка во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ племенъ, что онъ собственною своей волею считаетъ себя не въ правѣ измѣнить эти отношенія и прибѣгаетъ къ помощи природы. Въ томъ періодѣ культурнаго развитія, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, существуетъ воззрѣніе, что только люди, принадлежащіе къ одному и тому же племени, могутъ оставаться въ мирѣ; слѣдовательно, для распространенія такихъ отношеній на большій кругъ, лица, принадлежащія къ другому племени, должны вступить въ составъ даннаго племени, а такъ какъ принадлежность лицъ къ одному и тому же племени выражается въ общности крови, то слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ должна быть произведена искусственно общность крови и только тогда нравственныя отношенія могутъ измѣниться въ желанномъ смыслѣ.

Словомъ, первобытный человѣкъ не понимаетъ нравственныхъ отношеній въ отвлеченіи отъ природной основы; нравственныя отношенія суть не что иное, какъ выраженіе установленныхъ физически, внѣшнимъ фактомъ отношеній.

Сидѣніе на кожѣ, между прочимъ на бычачьей, при совершеніи союза, дружбы и братства встрѣчается и въ русскихъ памятникахъ [2]).

Указаніе на существованіе обычая смѣшенія крови мы находимъ и въ классическомъ мірѣ. Геродотъ описываетъ договоры лидійцевъ, гдѣ вступающія въ него стороны дѣлали другъ другу на рукѣ раны и лизали выступавшую кровь.

„По отношенію ко временамъ варварства въ Европѣ,—говоритъ Тейлоръ,—мы можемъ припомнить скандинавскій обычай заключенія братскаго союза между друзьями съ помощью смѣшиванія своей крови въ углубленіи, сдѣланномъ для этого въ землѣ. Въ сагѣ о „Пирѣ Эгира“ Гони напоминаетъ Одину, какъ они въ прежнее время смѣшали свою кровь. Такъ же поступали венгры и древніе

---

[1]) Журналъ «Знаніе», 1873, 8-я книжка, стр. 113.

[2]) Сборникъ археологическаго института, Спб. 1880, книга IV, статья Данилова, стр. 11.

ирландцы. Мы видимъ соединеніе всѣхъ этихъ символовъ для установленія союза между двумя племенами у африканскихъ народовъ. Ливингстонъ упоминаетъ, какъ о необходимой приготовительной процедурѣ при заключеніи мира между двумя народностями центральной Африки: смѣшеніе крови, бракъ лица одного племени съ дочерью начальника другаго племени и проч.; словомъ, необходимость физическаго смѣшенія и соединенія этихъ племенъ.

Подобнаго рода факты встрѣчаются и въ нашей исторіи. Такъ, одинъ изъ русскихъ князей, Святополкъ, въ 1094 г., желая пріостановить бѣдствія русскаго народа, заключилъ съ половцами миръ, причемъ символомъ мира явилась женитьба его на дочери половецкаго хана Тугоркана [1]). Остатки такого обычая мы встрѣчаемъ въ сферѣ индивидуальныхъ отношеній еще и въ настоящее время между киргизами, кочующими въ Россіи; тамъ судьи (біи), имѣя передъ собою двухъ сильныхъ тяжущихся и желая окончить дѣло миромъ, изъ боязни дурныхъ послѣдствій въ случаѣ неудовольствія одной изъ сторонъ, стараются связать стороны родственными узами, т.-е. либо женятъ одного на сестрѣ, на дочери другаго; либо, если у одного сынъ, а у другаго дочь, заставляютъ ихъ обняться и назвать другъ друга „куда̀", т.-е. зять [2]). Этимъ само собою оканчиваются враждебныя отношенія, существующія между тяжущимися сторонами.

„Въ болѣе слабой степени, но все-таки достаточно ясно на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи обрядъ совмѣстной ѣды и питья связываетъ утастниковъ между собою и заставляетъ ихъ смотрѣть другъ на друга какъ на членовъ одного и того же дома". Такъ у половцевъ лица, вступавшія въ побратимство, „наполняли напиткомъ мѣдный сосудъ, имѣющій подобіе человѣческаго лица, пили изъ него оба, собирающійся въ путь и его спутникъ, и послѣ этого уже никогда не измѣняли другъ другу [3]). Арабъ обязанъ не преслѣдовать отпущеннаго имъ чужестранца, воспользовавшагося его гостепріимствомъ, до тѣхъ поръ, покуда пища, съѣденная чужестранцемъ въ его палаткѣ, еще остается въ его желудкѣ [4]). Еще въ XVIII вѣкѣ, въ мемуарахъ Ліувилля разсказывается о столкновеніи между герцогомъ савойскимъ Викторомъ Амедеемъ и Франціей изъ-за того, что ему не позволяли участвовать въ

[1]) Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ. Т. I, стр. 47.
[2]) Сборн. юрид. обычаевъ. I, стр. 237.
[3]) Раввинъ Петахія. «Отеч. Записки» 1858 Т. CXXI. Голубовскій. Печенѣги, торки и половцы, стр. 223.
[4]) Bastian. Rechtsverhältnisse. S. XIV.

театромъ скамьи въ парламентѣ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, ибо говоритъ онъ, нижней скамьи прежде не существовало; вмѣсто нея была ступенька, которая вела къ мѣстамъ перовъ и по которой они проходили вверхъ. На этой ступенькѣ сидѣли легисты, которые вскорѣ дошли до такой дерзости, что устроили между ногами синьоровъ и своими спинами перегородку, затѣмъ нѣсколько приподняли ступеньку и такимъ образомъ незамѣтно сдѣлали изъ нея скамью (d'en former doucement un banc). Сердце переворачивается у благороднаго герцога при мысли о тѣхъ вопіющихъ неприличіяхъ, которыя дозволяютъ себѣ легисты въ парламентѣ по отношенію къ принцамъ крови и перамъ. Олицетвореніемъ гнусности онъ изображаетъ президента Новіона, который между прочими злоупотребленіями дозволилъ себѣ нововведеніе, заключающееся въ томъ, что президентъ палаты, не принадлежащій къ числу перовъ, сидитъ съ покрытою головой въ то время, когда перы подаютъ свои голоса. Непосредственно послѣ смерти короля онъ побуждаетъ герцога Орлеанскаго приняться за рѣшеніе важнаго вопроса о шапкѣ и удовлетворяется, когда герцогъ даетъ ему разрѣшеніе внести въ первое же засѣданіе парламента, въ которомъ герцогъ Орлеанскій долженъ быть провозглашенъ регентомъ, торжественный протестъ перовъ. Характерна и рѣчь, произнесенная герцогомъ Сенъ-Симономъ въ началѣ этого засѣданія. Послѣ того, разсказываетъ герцогъ Сенъ-Симонъ, какъ прошелъ шумъ, вызванный прибытіемъ въ засѣданіе герцога Орлеанскаго, я, замѣтивъ, что первый президентъ парламента желаетъ говорить, сдѣлалъ знакъ рукою, снялъ шапку, но тотчасъ же ее надѣлъ и сказалъ: я уполномоченъ перами заявить собранію, что они только въ виду важныхъ и неотложныхъ дѣлъ, предстоящихъ рѣшенію собранія, лишній разъ спокойно выносятъ болѣе чѣмъ неприличное узурпированіе права ношенія шапки и другія злоупотребленія. Этимъ заявленіемъ они доказываютъ, что они даютъ предпочтеніе государственнымъ дѣламъ, нетерпящимъ отлагательства, предъ драгоцѣннѣйшими и справедливѣйшими интересами своего собственнаго сословія. Въ то же время герцогъ Сенъ-Симонъ торжественно протестовалъ отъ имени перовъ противъ дальнѣйшаго посягательства на ихъ права и заявилъ, что ограничивается протестомъ лишь потому, что герцогъ Орлеанскій далъ обѣщаніе окончательно рѣшить вопросъ объ этихъ узурпаціяхъ, какъ только будутъ приняты первыя необходимыя мѣры по управленію страною. На исполненіе даннаго имъ слова перы разсчитываютъ [1]).

[1]) Mémoires complets et authentiques du duc de St. Simon collationnes sur le manuscrit original par Chéruel. Paris. 1857. VII. 190. VIII. 200. Oncken. Das Zeitalter Friedrichs des Grossen. I. Berlin. 1881. S. 22, 24, 25.

Ниже намъ придется коснуться символическаго значенія снимания и надѣванія шапки; теперь же мы остановимся еще нѣсколько на символѣ совмѣстнаго сидѣнія.

Сидѣніе на одной кожѣ, на одномъ коврѣ, какъ символъ единенія, очевидно, вызвано было тѣмъ, что кожа, а затѣмъ ковры являются мѣстомъ сидѣнія на раннихъ ступеняхъ культуры вслѣдствіе отсутствія другихъ приспособленій для сидѣнія [1]). Съ теченіемъ времени появляются и неподвижныя скамьи, гдѣ опять-таки приходится сидѣть рядомъ, близко другъ отъ друга, и такимъ образомъ приходить въ соприкосновеніе. Очень долго стулья, а затѣмъ кресла, существуя въ каждомъ домѣ лишь въ ничтожномъ числѣ, являются мѣстомъ сидѣнія не для всѣхъ, а только для нѣкоторыхъ. Такъ, между прочимъ, еще въ XV вѣкѣ въ Англіи единственною подвижною мебелью даже въ большихъ домахъ была одна скамья и одно кресло. Одно кресло считалось достаточнымъ для комнаты [2]). Эта-то скудость домашней утвари, затѣмъ продолжительная необходимость сидѣнія на одной скамьѣ и вызывала вопросы мѣстничества, сохранившіе, какъ мы видѣли, жгучій характеръ вплоть до новѣйшаго времени. Совмѣстная ѣда въ свою очередь происходила очень долго въ средніе вѣка не только за однимъ столомъ, но и изъ одной миски, такъ какъ еще въ XIII вѣкѣ тарелокъ не было; вилки также отсутствовали [3]). Очевидно, такая совмѣстная ѣда обусловливала большую близость тѣхъ, которые участвовали въ одной и той же трапезѣ и затѣмъ устанавливала ее на будущее время, если она раньше не существовала.

По отношенію къ тому вліянію, которое оказываетъ ѣда и питье, особенно любопытны слѣдующіе факты. У черкесовъ капля молока, данная женщиной изъ груди своей 30-мѣсячному ребенку, достаточна для установленія родства, имѣющаго такое же значеніе, какъ кровное родство [4]). Такое же значеніе имѣетъ сосаніе молока изъ груди не только для малолѣтнихъ, но и для взрослыхъ. Гуріецъ для того, чтобы быть усыновленнымъ, сосетъ въ присутствіи родственниковъ грудь усыновляющей его женщины. Усыновленіе производилось черезъ посредство сосанія груди и у черкесовъ. Лицо чуждаго народа или чуждаго общества, переселившись къ одному изъ черкесскихъ племенъ и желая тамъ скрыться отъ преслѣдованія или остаться навсегда, изъявляло желаніе быть усы-

[1]) См. между прочимъ. Іеронимъ. Библейская археологія, I Вып. 2 Спб. 1884. стр. 94. 95.

[2]) Спенсеръ. Описат. соціол. Русскій перев. стр. 353, 355. См. также Weinhold. Die deutschen Frauen. (Aufl. 2). II. S. 101.

[3]) Спенсеръ, ibid. 353. Weinhold, ibid. II. S. 106.

[4]) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III. S. 406.

новленнымъ однимъ изъ семействъ того аула, въ которомъ поселилось. Глава семейства призывалъ къ себѣ желающаго быть пріемышемъ, въ присутствіи всѣхъ обнажалъ женѣ своей грудь, и пріемышъ три раза устами дотрагивался до ея сосковъ. Этимъ символомъ глава семейства давалъ знать присутствующимъ, что пріемышъ былъ какъ бы вскормленъ грудью его жены и считается отнынѣ сыномъ въ семействѣ. Такое усыновленіе устанавливало священную связь и налагало на пріемыша тѣ же обязанности, какія имѣетъ сынъ къ отцу. Точно такъ же поступали два лица, согласившіяся составить между собою союзъ на жизнь и смерть. Тогда жена или мать одного изъ нихъ давала другу мужа или сына свою грудь, и съ тѣхъ поръ онъ пользовался покровительствомъ, какое принадлежало дѣйствительному питомцу. Впослѣдствіи обычай этотъ упростился: стоило только дотронуться до груди женщины, чтобы остановить ея мужа отъ преслѣдованія даже и въ томъ случаѣ, если бы дотронувшійся до груди его жены былъ заклятый врагъ [1]).

Разъ сосаніе является средствомъ установленія родственной связи, оно можетъ производиться и надъ какою-либо другою частью тѣла для произведенія того же эффекта, т. е. факта усыновленія. Такъ, напримѣръ, абиссинецъ, по словамъ Паркена, для того, чтобы быть усыновленнымъ, сосетъ руку усыновителя или одинъ изъ его пальцевъ.

Но если возможно установленіе родственныхъ связей посредствомъ исполненія одного изъ тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ отношеній между матерью и дѣтьми, то понятно, что установленіе этихъ отношеній должно быть возможно и посредствомъ фиктивнаго воспроизведенія процесса рожденія, и вотъ мы дѣйствительно находимъ подобнаго рода символъ. „Гера,—говоритъ Діодоръ,—взошла на свое ложе, подняла Геркулеса на свое лоно и затѣмъ уронила его на землю". Это и служило символическимъ изображеніемъ акта самаго рожденія. Подобный же актъ символическаго рожденія совершается еще и въ настоящее время въ Россіи въ нѣкоторыхъ раскольническихъ толкахъ при вступленіи въ нихъ новыхъ членовъ; онъ называется „перерожденіемъ" и совершается слѣдующимъ образомъ. Женщину-роженицу укладываютъ въ постель; она должна охать и стонать, какъ при естественныхъ родахъ. Надъ нею читаютъ молитвы и по временамъ спрашиваютъ ее: родишь ли раба Божія? Она отвѣчаетъ: рожу во грѣхахъ и страдахъ. Вопросъ и отвѣтъ повторяется три раза,

---

[1]) Дубровинъ. Исторія войны. I. Стр. 79—80. Леонтовичъ. Адаты. I. Стр. 165.

послѣ чего сквозь рубашку лежащей женщины пропускаютъ вступающаго въ расколъ. Онъ выходитъ на свѣтъ, какъ новорожденный, предъ всѣми собравшимися раскольниками. Только послѣ этого перерожденія совершается надъ нимъ перекрещиваніе.

Обрядъ этотъ существуетъ въ пошехонскомъ и въ сосѣднемъ череповецкомъ уѣздахъ ярославской и новгородской губерній, причемъ для бо̀льшаго сходства съ дѣйствительнымъ актомъ рожденія на мнимую роженицу надѣваютъ рубашку, запачканную кровью. „Подражаніе рожденію, какъ символъ усыновленія,—говоритъ г. Якушкинъ [1]),—существовало у многихъ народовъ. Съ этимъ значеніемъ оно встрѣчается въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка въ Западной Европѣ; здѣсь, вслѣдствіе юридической фикціи, усыновляемаго клали подъ рубашку какъ пріемному отцу, такъ и пріемной матери". У турокъ и въ настоящее время существуетъ этотъ способъ усыновленія и вмѣсто слова „усыновлять" употребляютъ выраженіе—пропустить его чрезъ во̀ротъ рубашки [2]). Впослѣдствіи обрядъ этотъ измѣнился; усыновляемый подводился только подъ плащъ (mantella), почему и гораздо позднѣе, когда этотъ обрядъ уже уничтожился, узаконенныя дѣти назывались *mantellati* [3])".

Особенно интереснымъ въ этой области символомъ является тотъ, который извѣстенъ въ антропологической литературѣ подъ названіемъ „couvade" и который подвергся всевозможнымъ толкованіямъ со стороны этнографовъ. Прежде всего приведемъ факты, а затѣмъ и мы, въ свою очередь, постараемся объяснить ихъ. Патеръ Добрицгоферъ разсказываетъ объ абипонахъ Южной Америки: „Какъ только вы услышите, что женщина родила, вы тотчасъ же увидите ея мужа, лежащаго въ постели, закутаннаго цыновками и кожами для предохраненія отъ холоднаго воздуха; онъ соблюдаетъ діэту, находится въ совершенномъ уединеніи и въ теченіе нѣсколькихъ дней строго воздерживается отъ употребленія въ пищу нѣкоторыхъ кушаній до такой степени, что вамъ начинаетъ казаться, что ребенка родилъ онъ. Мнѣ пришлось видѣть,—заключаетъ Добрицгоферъ,—все это собственными глазами у абипоновъ". Марціусъ разсказываетъ, что въ Бразиліи у короадесовъ, какъ скоро беременность женщины близко подходитъ къ концу или она уже разрѣшилась отъ бремени, мужа удаляютъ, строгая діэта наблюдается за нѣсколько времени до родовъ, и мужъ и жена воздерживаются въ одно время отъ мяса нѣкоторыхъ живот-

---

[1]) Якушкинъ. Обычное право. Ярославль, 1875, стр. XV.

[2]) Liebrecht. Zur Volkskunde. Heilbronn. 1879. S. 432—433.

[3]) По-нѣмецки усыновленныя и узаконенныя дѣти назывались Mantelkinder. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer. S. 160.

ныхъ и питаются преимущественно рыбой и плодами. Къ сѣверу отъ Гвіаны Бретъ наблюдалъ; что нѣкоторые мужчины у племенъ акавойя и караибовъ, ожидая приращенія семейства, считаютъ себя обязанными воздерживаться отъ употребленія извѣстнаго рода пищи, чтобы не повредить этимъ ожидаемому ребенку, какъ будто эта пища какимъ-то таинственнымъ образомъ можетъ повліять на него. Не употребляются въ пищу животныя „акуры", чтобы ребенокъ не былъ худъ, какъ это маленькое животное, рыба „хамара", чтобы ребенокъ не былъ слѣпъ какъ эта рыба, „лаба", чтобы ротъ ребенка не выдавался впередъ, какъ у этого животнаго или чтобы ребенокъ не явился на свѣтъ въ пятнахъ какъ „лаба". Аналогичный обычай существовалъ у древнихъ индійцевъ. При рожденіи ребенка, по требованію древняго индійскаго этикета, отецъ долженъ лечь въ койку и какъ будто въ самомъ дѣлѣ больной провести въ ней нѣсколько дней, принимая поздравленія и соболѣзнованія своихъ друзей. Многимъ путешественникамъ приходилось наблюдать исполненіе этого обычая. Мужчина, совершенно здоровый и полный силъ, безъ всякаго признака болѣзни лежалъ въ своей койкѣ съ самымъ жалобнымъ видомъ; за нимъ самымъ почтительнымъ образомъ ухаживали женщины, между тѣмъ какъ мать новорожденнаго стряпала, не обращая на себя ничьего вниманія. Подобные же разсказы мы находимъ у многихъ путешественниковъ, описывающихъ туземцевъ южной Америки. Въ Гренландіи, послѣ того, какъ жена разрѣшилась отъ бремени, „мужъ не можетъ ни работать, ни торговать въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль". Въ Камчаткѣ за нѣсколько времени до рожденія ребенка мужъ не занимается никакой тяжелой работой. Подобный же обычай встрѣчается у китайцевъ, въ западномъ Юнанѣ, у даяковъ въ Борнео, въ сѣверной Испаніи, въ Корсикѣ и на югѣ Франціи, гдѣ этотъ обычай называется „faire la couvade" [1]). Лёббокъ, упоминая факты кувады, полагаетъ, что въ объясненіяхъ караибовъ и абипоновъ, сопровождающихъ соблюденіе кувады, заключается ключъ къ разъясненію этого обычая. Но изъ ихъ объясненія ясно только одно, что первобытные народы предполагаютъ существованіе связи и зависимости между состояніемъ здоровья ребенка и состояніемъ здоровья отца. Остается, все-таки, неразъясненной причина предполагаемой зависимости, а она, по нашему мнѣнію, заключается въ слѣдующемъ.

Съ переходомъ формы брака коммунальной въ индивидуальную, родство, считавшееся до того времени по матери (Maternität), начинаетъ считаться по отцу. Но родство съ матерью удостовѣря-

---

[1]) Лёббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 13—14.

лось страданіями матери при рожденіи ребенка, вслѣдствіе этого-то и родство съ отцомъ должно выражаться въ страданіяхъ отца при рожденіи ребенка, иначе принадлежность ребенка данному лицу мужескаго пола оставалась бы сомнительной. Этотъ случай есть только частное примѣненіе общаго положенія, что умственная или нравственная связь должна выражаться въ формѣ физической, что все то, что сознается умомъ, должно быть переведено на языкъ природы, что устанавливаемое человѣкомъ должно быть такъ установлено, какъ бы оно было установлено самой природой. Понятно, что разъ этотъ символъ вошелъ въ употребленіе, онъ вызываетъ въ умѣ первобытнаго человѣка представленіе о томъ, что такая связь установилась не только искусственно, но что она существуетъ на самомъ дѣлѣ и что, слѣдовательно, все, что вліяетъ на здоровье отца, несомнѣнно должно вліять и на здоровье сына, что вслѣдствіе этого необходимо и соблюденіе діэты, необходимо, словомъ, предпринять мѣры для того, чтобы состояніе здоровья отца не оказывало вліянія на состояніе здоровья ребенка. Такимъ образомъ, возвращаясь къ разъясненію символа, извѣстнаго подъ названіемъ „couvade", мы должны думать, что онъ возникъ именно въ то время, когда начинаетъ вырабатываться такъ-называемая patria potestas, т. е. родство и власть отца надъ сыномъ, то родство, которое въ болѣе первобытные періоды человѣчества не предполагалось и не существовало.

Вообще символы, относящіеся къ усыновленію, и самое понятіе усыновленія играютъ чрезвычайно важную роль въ архаической исторіи народовъ. „Исторія политическихъ идей,—говоритъ Мэнъ,— начинается фактически съ предположенія, что родство (мы бы сказали: связь по крови) есть единственно возможное основаніе для совмѣстнаго отправленія политической функціи". „Говоря о раннихъ государствахъ,—продолжаетъ Мэнъ,—мы можемъ утверждать что и граждане считали всѣ группы, членами которыхъ они были, основанными на общемъ происхожденіи".

Если этого и не было на самомъ дѣлѣ, то оно маскировалось фикціей усыновленія. „Самая ранняя и наиболѣе широко примѣняемая изъ всѣхъ юридическихъ фикцій,—говоритъ Мэнъ,—была та, которая дозволяла семейнымъ отношеніямъ слагаться искусственно и, по моему мнѣнію, никакая другая юридическая фикція не оказала такихъ важныхъ услугъ человѣчеству. Еслибъ она не существовала, то едва-ли нашелся бы какой-нибудь другой способъ, посредствомъ котораго одна группа могла бы быть поглощена другой или двѣ изъ нихъ могли соединиться въ одну, развѣ только подъ условіемъ абсолютнаго господства съ одной стороны и абсолютнаго подчиненія съ другой". Принципъ территоріальности или

„идея, что извѣстное число лицъ должно пользоваться сообща политическими правами на томъ только основаніи, что имъ приходилось жить въ однихъ и тѣхъ же топографическихъ предѣлахъ", показался бы до крайности страннымъ и даже чудовищнымъ людямъ первобытной древности; для того же, чтобъ связь произошла, наилучшимъ въ тѣ времена способомъ былъ тотъ, что пришлое населеніе производилось отъ одного корня съ тѣмъ народомъ, къ которому оно присоединялось. „Въ настоящее время,—продолжаетъ Мэнъ,—мы не можемъ себѣ представить того довѣрія, какимъ пользовалась эта фикція, и той тщательности, съ какой въ этихъ случаяхъ старались подражать дѣйствительности".

Цѣлый разрядъ символовъ, обозначающихъ единеніе между племенами, обязанъ своимъ происхожденіемъ не чему иному, какъ орудіямъ борьбы. Племена, желающія послѣ продолжительной борьбы или вообще при заключеніи союза выразить какимъ-либо внѣшнимъ фактомъ то, что они находятся въ мирныхъ отношеніяхъ, уничтожаютъ орудія борьбы демонстративнымъ образомъ. Съ теченіемъ времени дѣло доходитъ до того, что сама вражда, какъ понятіе, символизируется въ какомъ-либо предметѣ и что, желая устранить вражду, устраняютъ тотъ символическій предметъ, который внѣшнимъ образомъ, для глаза, знаменуетъ собою вражду. Объяснимъ это положеніе фактами. У дакотовъ заключеніе мира выражается сожженіемъ томагавка, а у бразильцевъ—дареніемъ стрѣлъ и луковъ. Какъ уже объяснилъ Спенсеръ, за снятіемъ оружія или дареніемъ его непріятелю должно непремѣнно слѣдовать прекращеніе боя. Когда славяне заключали миръ, то предводители враждующихъ сторонъ бросали камень въ море. Это символическое дѣйствіе выражаетъ собою забвеніе вражды; въ данномъ символѣ, конечно, можетъ имѣть значеніе и камень, и бросаніе въ море: камень—какъ орудіе борьбы, а бросаніе въ море—какъ полнѣйшее, безвозвратное уничтоженіе вражды, невозможность вторичнаго ея возникновенія. При заключеніи мира среди арабскихъ шейховъ также играетъ роль камень, но съ особымъ характеромъ. Когда они заключаютъ миръ, то „закапываютъ свою вражду", какъ они выражаются, причемъ сопровождаютъ это дѣйствіе обрядомъ, называемымъ „госнатъ". Обрядъ этотъ состоитъ въ томъ, что именемъ Аллаха въ яму бросается семь камней и затѣмъ ногами придавливаютъ землю, причемъ на обязанности женщинъ во все время совершенія этого обряда—громко плакать и кричать [1]). Закапываніе камня въ яму имѣетъ то же значеніе, какое имѣетъ въ приведенномъ выше фактѣ бросаніе его въ воду. Почему это закапы-

---

[1]) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. II. S. 298.

ваніе, напоминающее также насыпаніе холмовъ при проведеніи межи, сопровождается плачемъ женщинъ, объ этомъ можно выставить лишь болѣе или менѣе вѣроятную догадку на основаніи всей совокупности межевыхъ обрядовъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Скажемъ здѣсь только, что обрядовый плачъ женщинъ, повидимому, подтверждаетъ нашу гипотезу о томъ, что подъ камнями въ отдаленныя времена погребались люди. По всей вѣроятности, слѣдовательно, закапыванію вражды, олицетворенной въ камняхъ, предшествовало закапываніе людей, павшихъ во время битвы, послѣ того какъ былъ заключенъ миръ.

Такимъ образомъ символы уничтоженія вражды суть двоякаго рода: одни служатъ главнымъ образомъ для выраженія единенія, т. е. положительной стороны совершающагося факта, другіе же какъ бы выражаютъ отрицательную сторону этого явленія—уничтоженіе вражды. Конечно, съ теченіемъ времени возможно соединеніе въ символахъ и той и другой стороны, и положительной, и отрицательной. Такъ сѣверо-американскіе индійцы при заключеніи мира, похоронивъ военный топоръ, курятъ „колуметъ“ или трубку мира. Здѣсь происходитъ, слѣдовательно, и уничтоженіе вражды посредствомъ закапыванія топора, и выраженіе факта единенія посредствомъ совмѣстнаго куренія. Совмѣстное куреніе является также однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ у первобытныхъ народовъ обычаевъ выраженія единства. Вотъ какъ производится обрядъ куренія при мирныхъ переговорахъ предводителей индѣйцевъ. Они усаживаются около огня, одинъ изъ воиновъ наполняетъ святую трубку табакомъ, съ помощью угля зажигаетъ ее, кладетъ трубку горизонтально на руку и держитъ ее сначала противъ неба, чтобы преподнесеніемъ ее Великому Духу испросить его благоволеніе, затѣмъ онъ наклоняетъ ее къ землѣ, чтобы прогнать злыхъ духовъ, и наконецъ, обводитъ ее кругомъ около себя, чтобы испросить защиту духовъ, живущихъ въ воздухѣ, въ водѣ и на землѣ. Трубка эта затѣмъ переходитъ изъ рукъ въ руки всѣхъ предводителей въ направленіи отъ востока къ западу, изъ которыхъ каждый куритъ немного изъ трубки, выпуская дымъ, сначала по направленію къ небу, затѣмъ около себя. Когда трубка выкурена, воинъ, наполнивши ее, беретъ ее снова, нѣсколько разъ обводитъ ею около головы и ставитъ ее на прежнее мѣсто; тогда только приступаютъ къ мирнымъ переговорамъ. Очевидно, что въ этомъ способѣ куренія трубки есть уже нѣкоторые элементы жертвоприношенія, которое, въ свою очередь, является символомъ единенія между племенами, въ виду того, что приносятъ жертву *одному и тому же* высшему существу. Но объ этомъ намъ придется говорить еще ниже. Бразильскіе индѣйцы, по словамъ Марціуса, ку-

рятъ при заключеніи мира большую сигару, которая въ качествѣ символа мира и довѣрія передается изъ рукъ въ руки. Есть еще разрядъ символовъ, имѣющихъ отношеніе къ этому же предмету, но, очевидно, заключающихъ другое понятіе, а именно желаніе вызвать извѣстное послѣдствіе для той стороны, которая явится нарушителемъ единенія. Такъ, халдейцы при заключеніи союза проходили между разрѣзанными надвое частями животнаго, принесеннаго въ жертву, съ явною цѣлью, чтобы при нарушеніи союза они какимъ бы то ни было образомъ были разрѣзаны на двое [1]). Богданъ Хмельницкій, заключая союзъ съ крымскимъ ханомъ, закрѣпляетъ несокрушимость союза клятвой на ханской саблѣ. „Подали ханскую саблю. Хмельницкій поцѣловалъ ее въ сталь и, стоя въ кругу мурзъ, произнесъ такую клятву:

„Боже, всей видимой и невидимой твари Содѣтель! Вѣдатель помышленій человѣческихъ! клянусь тебѣ, чего ни потребую, чего ни попрошу у его ханской милости—все буду дѣлать безъ коварства и измѣны; и еслибъ, съ моей стороны, вышло что-нибудь ко вреду его ханской милости, то допусти, Боже, чтобъ этою саблею отдѣлилась моя голова отъ тѣла".

„Мы теперь вѣримъ тебѣ",—сказалъ ханъ, и подалъ Хмельницкому руку. Прочіе мурзы также дали казаку руки въ знакъ союза" [2]).

У одного изъ африканскихъ народовъ—у вакамбовъ—миръ между воюющими сторонами заключается слѣдующимъ образомъ. Уполномоченные обѣихъ сторонъ усаживаются въ кругъ; посрединѣ ставится средней величины горшокъ, сдѣланный изъ глины, высушенный на солнцѣ и наполненный водою. Представитель одной изъ сторонъ беретъ палочку въ руку и затѣмъ выражаетъ мирныя и дружественныя намѣренія представляемаго имъ племени, сопровождая эту рѣчь постояннымъ стучаніемъ палочки о горшокъ. Также поступаетъ представитель другой стороны, а затѣмъ кто-либо изъ остальныхъ лицъ, постоянно сопровождая рѣчь легкими ударами палочки о горшокъ. Наконецъ, одинъ изъ присутствующихъ поднимается, беретъ горшокъ въ руку и со словами: „если мы нарушимъ дружественный союзъ, заключенный здѣсь, то да будемъ мы сокрушены, какъ этотъ горшокъ", бросаетъ его на землю. Съ маленькимъ видоизмѣненіемъ этотъ символъ существуетъ у африканскаго народа Вакикую. Собравшіеся мочатся въ одинъ общій горшокъ, который потомъ разбиваютъ. У нихъ, впрочемъ, существуетъ и символъ, сходный съ тѣмъ, который существовалъ

[1]) Bastian. Der Mensch. II. 298.
[2]) Лѣтоп. Велич. I. 45. Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Т. I. Стр. 259.

у халдейцевъ [1]). Надо думать, что совмѣстное изливанье мочи въ одинъ сосудъ имѣетъ отношеніе къ тому же разряду символовъ, какъ и совмѣстная ѣда, питье и т. д.

Договоры, заключенные людьми между собою, составляютъ, конечно, извѣстный способъ единенія ихъ, если не навсегда, то всетаки на данный случай или на извѣстный періодъ времени. Въ виду этого и заключеніе договоровъ какъ въ болѣе раннія, такъ и въ болѣе позднія времена сопровождается символическими дѣйствіями, обозначающими единеніе. Конечно, въ болѣе раннемъ періодѣ самое единеніе совершалось чрезъ посредство символа, такъ какъ безъ него единеніе не могло произойти, т. е. самый договоръ не существовалъ безъ символическаго дѣйствія, послѣдствіемъ котораго онъ только и явился. Такое значеніе имѣютъ символическія дѣйствія еще въ настоящее время среди крестьянскаго населенія въ Россіи. Вотъ что объ этомъ говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ изслѣдователей русскаго обычнаго права. „Скрѣпленіе договора,—по словамъ г-жи Ефименко,—замѣняется у крестьянъ различными символическими дѣйствіями, имѣющими у нихъ полную юридическую силу. Вотъ главнѣйшія изъ этихъ дѣйствій: контрагенты ударяютъ другъ друга по рукамъ, которыя разнимаетъ посторонній въ качествѣ свидѣтеля, или схватываются правыми руками въ локтяхъ, или, если предметъ договора—вещь, передаютъ изъ полы въ полу и т. д., затѣмъ молятся вмѣстѣ Богу, пьютъ могарычъ или „литки". Послѣ совершенія контрагентами того или другаго изъ этихъ дѣйствій актъ договора считается заключеннымъ и юридическія послѣдствія, вытекающія изъ него, вступившими въ силу, независимо отъ какихъ бы то ни было формальныхъ условій, обозначенныхъ на бумагѣ, въ какомъ-либо документѣ".

По свѣдѣніямъ изъ Даниловскаго уѣзда, приводимымъ въ статьѣ П. С. Ефименко о договорѣ найма пастуховъ, тамъ заключеніе какихъ бы то ни было словесныхъ договоровъ съ кѣмъ бы то ни было принято закрѣплять рукобитьемъ, моленьемъ Богу и могарычемъ, который называется „литками". На нарушеніе условій договора послѣ рукобитья или моленья Богу рѣшаются немногіе изъ крестьянъ. При договорѣ условливаются обыкновенно, съ кого пить литки; литки пьютъ съ денегъ, т. е. съ того, кто получаетъ деньги, но бываетъ, что литки пьютъ пополамъ [2]). Точно также и у русскихъ инородцевъ, между прочимъ, у лопарей, никакое за-

[1]) Ratzel. Völkerkunde. I. Leipzig 1885. S. 200.
[2]) Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. I. Стр. 70.

ключеніе договора или сдѣлки не обходится безъ вина; оно играетъ видную роль во всякихъ подрядахъ, продажахъ и покупкахъ [1]).

Самоѣдъ никогда не станетъ торговать съ тѣмъ, кто не поднесетъ ему сперва чарки [2]).

Если кореецъ купилъ что-нибудь два-три раза у японца, то онъ считаетъ его другомъ и на слѣдующіе разы беретъ товары въ долгъ. Когда японцы отказываютъ въ этомъ, то корейцы сердятся и упрекаютъ ихъ въ нерасположеніи къ нимъ. Кромѣ этого обычая, есть еще другой. Если кореецъ, пришедшій въ японскую лавку, купитъ вещь, то онъ проситъ угостить его виномъ и накормить обѣдомъ; если японецъ отказывается это исполнить, то кореецъ въ негодованіи начинаетъ его упрекать въ нежеланіи японца жить съ нимъ въ дружбѣ [3]).

О торговыхъ пріемахъ, общепринятыхъ между русскими и китайцами, англичанинъ Мичи, посѣтившій Кяхту въ 1863 году, разсказываетъ слѣдующее. Русскій обращается съ китайцемъ такъ, какъ грекъ съ грекомъ: на хитрость отвѣчаетъ хитростью, на вѣжливость отвѣчаетъ вѣжливостью, терпѣніе вознаграждаетъ терпѣніемъ. Когда нужно заключить какую-нибудь сдѣлку, то *само собою понятно*, что каждый изъ участвующихъ начинаетъ разговаривать о чемъ-нибудь другомъ. Болтаютъ много, выкуриваютъ массу трубокъ, выпиваютъ много чаю и только время отъ времени случайно затрогиваютъ предметъ сдѣлки. Это хожденіе вокругъ и около дѣла отнимаетъ, конечно, много драгоцѣннаго времени, но таковъ уже порядокъ, таковъ образъ дѣйствія и иначе они поступать не могутъ. Если китайцу приходится заключить сдѣлку съ европейцемъ, то онъ уклоняется отъ рѣшительнаго разговора или совершенно отвиливаетъ, или тянетъ такъ долго, что европеецъ становится нетерпѣливымъ. Спокойствіе китайцевъ и ихъ привычка тратить задаромъ время составляетъ совершенную противоположность торопливости европейцевъ. Одни русскіе, благодаря усвоеннымъ ими пріемамъ торговли, успѣли пріобрѣсть довѣріе китайцевъ: они братаются съ ними [4]). Какъ мы видѣли выше, залогъ успѣха русскихъ въ торговлѣ съ китайцами и долженъ заключаться въ этомъ братаніи, въ установленіи дружественныхъ отношеній, при которыхъ только и возможно заключеніе сравнительно выгодной торговой сдѣлки. Съ европейцемъ, невходящимъ съ китайцемъ въ болѣе близкія отношенія, ему нѣтъ, конечно,

---

[1]) Тамъ же. Юридическіе обычаи инородцевъ. Стр. 35.

[2]) Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. I. Инородцы. Стр. 191.

[3]) Изв. географ. общества. 1878. Вып. 5, стр. 373.

[4]) Andree. Geographie des Welthandels. I. Stuttgart. 1877. S. 114.

основанія церемониться и онъ считаетъ себя въ правѣ предъявлять требованія, вполнѣ невыгодныя для послѣдняго.

О господствѣ однородныхъ торговыхъ пріемовъ у шафеитовъ (одной изъ сектъ сунитскаго толка) въ Дамаскѣ, т. е. о господствѣ обычая совмѣстнаго питья, совмѣстнаго куренія, продолжительныхъ разговоровъ до заключенія сдѣлки, сообщаетъ Ветцштейнъ: Когда одинъ изъ шафеитовъ входитъ въ лавку другаго, его просятъ взойти наверхъ; купецъ и продавецъ усаживаются другъ противъ друга. Въ ближайшую кофейню посылаютъ за трубками и двумя чашками кофе. До того времени, пока не принесутъ кофе, не должно быть проронено ни одного слова о дѣлѣ. Наконецъ, начинаются переговоры. Продавецъ назначаетъ цѣну,—покупатель находитъ ее слишкомъ высокою и назначаетъ свою; тѣмъ не менѣе купецъ отвѣчаетъ дружественно:—Какъ? неужели у насъ рѣчь идетъ о деньгахъ? Возьми, что хочешь задаромъ, мой другъ, въ видѣ подарка отъ меня... Не стѣсняйся.—Этимъ онъ хочетъ сказать, что онъ несогласенъ на эту цѣну. Долго тянутся такимъ образомъ переговоры, наконецъ, покупатель предлагаетъ послѣднюю цѣну, продавецъ соглашается, заканчивая обыкновенно слѣдующими словами: „Я дѣлаю это изъ особеннаго расположенія къ тебѣ“ [1]). Изреченіе, сходное съ ходячимъ изреченіемъ въ нашихъ лавкахъ:— „только для васъ“.

Съ точки зрѣнія людей, находящихся на первобытныхъ ступеняхъ культуры, необходимость продолжительныхъ разговоровъ и вообще затраты массы времени до заключенія торговой сдѣлки не представляетъ ничего страннаго, такъ какъ на этихъ ступеняхъ культуры торговля происходитъ исключительно между людьми различныхъ племенъ или національностей. Нужно поэтому вывѣдать намѣренія прибывшаго лица, ознакомиться съ его обстоятельствами, узнать его ближе. Въ обрядахъ, которыми сопровождается у первобытныхъ народовъ гостепріимство вообще, мы можемъ видѣть зачатки, изъ которыхъ развилось требованіе относительно продолжительныхъ разговоровъ до совершенія торговыхъ сдѣлокъ. Вотъ, напр., какъ происходитъ встрѣча незнакомыхъ другъ съ другомъ бечуановъ въ Африкѣ. Вновь прибывшіе приближаются медленно и останавливаются на извѣстномъ разстояніи, ожидая, пока на нихъ не обратятъ вниманія. Это происходитъ обыкновенно только чрезъ полчаса. Затѣмъ они приближаются и, на разспросы, разсказываютъ все, что они видѣли и переживали. Впрочемъ, болѣе подробные разсказы съ той и другой стороны происходятъ только при трубкѣ. Еще рѣзче выступаетъ взаимное недовѣріе

[1]) Andree. I. S. 187.

между хозяевами и гостями среди туареговъ. Долго они стоятъ другъ противъ друга готовыми къ бою, затѣмъ начинаются разговоры, и гостямъ оказывается радушный пріемъ [1]). Однородныя формальности при пріемѣ гостя мы встрѣчаемъ у гереровъ въ Африкѣ. Чужеземецъ останавливается за изгородью, которою окружено у нихъ каждое поселеніе, и стоитъ тамъ почти въ теченіе цѣлаго часа, лѣниво опираясь на свой длинный лукъ, или асагай, очевидно показывая этимъ, что онъ не намѣренъ пустить его въ ходъ. Затѣмъ является предводитель и обращается къ вновь прибывшему, или вновь прибывшимъ, со словами: „разсказывай" или „разсказывайте". Гость долго отнѣкивается, наконецъ, онъ выкладываетъ все, что можетъ. Послѣ этой церемоніи приносятъ сосудъ съ молокомъ для чужеземца. Затѣмъ его вводятъ въ жилище предводителя и угощаютъ трубкой; наконецъ, зарѣзываютъ овцу и устраиваютъ общее пиршество. Тогда чужеземецъ можетъ уже расположиться какъ у себя дома [2]).

Если мы разсмотримъ вкратцѣ перечисленныя выше символическія дѣйствія, съ помощью которыхъ въ крестьянскомъ населеніи заключаются договоры, то увидимъ, что они проникнуты тѣмъ же самымъ началомъ, какимъ проникнуты символы заключенія союзовъ и единенія у первобытныхъ народовъ: контрагенты кладутъ руки, соединяются руками, т. е. единеніе ихъ для данной опредѣленной договоромъ цѣли совершается не только нравственно, но и физически: они составляютъ какъ бы одно тѣло, неразъединяемое, и только внѣшняя сила удара, наносимаго свидѣтелемъ, можетъ ихъ разъединить, причемъ отъ нанесеннаго удара уже происходитъ только физическое разъединеніе, но нравственное едининіе, бывшее послѣдствіемъ соединія физическаго, не уничтожается до уничтоженія самаго предмета договора.

Изъ сказаннаго раньше о совмѣстной ѣдѣ и питьѣ совершенно яснымъ становится смыслъ могарыча или „литковъ" при заключеніи какихъ бы то ни было договоровъ.

Несомнѣнно, что совмѣстная ѣда и питье, являющіяся символомъ единенія, обязаны своимъ происхожденіемъ общиннымъ порядкамъ, господствовавшимъ въ раннемъ періодѣ развитія у всѣхъ народовъ; тамъ единство членовъ каждой данной общины выражалось общей ѣдой и питьемъ. Еще въ настоящее время въ швейцарскихъ „альмендахъ" мы находимъ остатки обычая общенія, единенія всѣхъ сообщинниковъ въ такъ называемыхъ Gemeinde-

---

[1]) Ratzel. Völkerkunde. I. S. 199.
[2]) Ratzel. Völkerkunde. I. S. 345, 346. См. также 261.

trinket [1]), совершающихся разъ въ году по окончаніи сборовъ винограда. Общіе спартанскіе обѣды и „агапы" первыхъ христіанъ служатъ, между прочимъ, подтвержденіемъ этого положенія.

Что касается молитвы, то разъясненіе смысла этого символа при заключеніи договора станетъ яснымъ, когда мы вспомнимъ и сопоставимъ съ нимъ тѣ данныя, которыя мы привели изъ наблюденій надъ жизнью самоѣдовъ, гдѣ разобщеніе между мужчиной и женщиной выражается не только въ томъ, что женщины не могутъ вмѣстѣ съ мужчинами ѣсть и пить, но и въ томъ, что онѣ не могутъ участвовать въ религіозной жизни, не имѣютъ доступа въ священное мѣсто, не могутъ, словомъ, участвовать въ символахъ поклоненія верховному существу, признаваемому самоѣдами, т. е. соблюденіе общихъ религіозныхъ обрядовъ, общихъ религіозныхъ символовъ является на извѣстной ступени культуры соединяющимъ элементомъ, и разъединеніе выражается въ томъ, что тѣмъ или другимъ лицамъ возбраняется исполненіе религіозныхъ обрядовъ. Понятно, разъ между данными лицами происходитъ единеніе, то оно на данной ступени культуры должно выражаться и въ формѣ общей молитвы.

Итакъ, даже временный договоръ или временное единеніе для извѣстной опредѣленной цѣли первобытный человѣкъ считаетъ невозможнымъ совершить иначе, какъ только физически.

Для того, чтобы единеніе совершилось физически, кромѣ указанныхъ выше способовъ, есть и другіе, а именно соединеніе чрезъ посредство какого-нибудь предмета. Изъ исторіи Греціи извѣстно, что жители Ефеса протянули веревку на протяженіи семи стадій и, связывая этимъ свою башню съ храмомъ Артемиды, ставили себя, такимъ образомъ, подъ покровительство божества. Весьма любопытенъ въ этомъ отношеніи обычай, существующій въ Аравіи и извѣстный подъ именемъ „дахейля". На основаніи этого обычая, достаточно соединить, съ помощью нитки, плѣнника, попавшагося арабу—во время воровства, разбоя и т. д.—съ третьимъ лицомъ, живущимъ поблизости, и плѣнникъ попадаетъ подъ покровительство этого лица, которое и требуетъ его освобожденія. Съ этой цѣлью родственникъ или родственница того лица, которое попалось въ плѣнъ, узнавъ о томъ, въ какой палаткѣ находится плѣнникъ, украдкой пробирается туда ночью съ клубкомъ нитокъ. Если этому лицу удастся прикрѣпить къ какой-либо части тѣла плѣнника или дать ему въ ротъ нитку, то оно, удаляясь, разматываетъ клубокъ до тѣхъ поръ, покуда не достигнетъ сосѣдняго шатра. Разбудивъ владѣльца этого шатра, оно бросаетъ

---

[1]) Laveleye. De la propriété. Paris, 1874., p. 292.

ему остатки клубка на грудь, объявляя, что связанное съ нимъ лицо находится подъ его защитой. Этимъ связь считается совершившеюся. Арабъ, ставшій покровителемъ, наматываетъ нитку на клубокъ и такимъ образомъ доходитъ до той палатки, въ которой находится плѣнникъ. Съ клубкомъ въ рукахъ онъ заявляетъ хозяину палатки, что плѣнникъ—его „дахейль". Его немедленно же освобождаютъ, и бывшій плѣнникъ, накормленный, какъ гость, своимъ покровителемъ, отпускается съ миромъ [1]). Впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, для того, чтобы сдѣлаться дахейлемъ, не нужно быть связаннымъ съ третьимъ лицомъ непремѣнно ниткой, а достаточно вообще придти физически въ соприкосновеніе съ нимъ извѣстнымъ путемъ.

Требующееся на извѣстныхъ ступеняхъ культурнаго развитія единеніе при совершеніи договоровъ нашло свое выраженіе въ томъ, что при заключеніи всѣхъ договоровъ у многихъ народовъ держался колосъ, какъ символъ единенія; колосъ употреблялся какъ при отчужденіи недвижимой собственности, такъ и вообще при торжественно совершавшихся договорахъ.

По разсказамъ Элліота, тотъ, кто въ Индіи желаетъ успокоить гнѣвъ другаго или выразить ему полную покорность, беретъ въ ротъ колосъ и стоитъ при этомъ на одной ногѣ. Уже Либрехтъ приводитъ въ связь этотъ обычай съ обычаемъ, существующимъ въ западной части горной Шотландіи, по которому слуги и служанки, являясь на ярмарку для пріисканія мѣстъ, берутъ въ ротъ соломенный колосъ въ знакъ того, что они ищутъ мѣста [2]). И въ одномъ, и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ, очевидно, о заключеніи договора, символическимъ изображеніемъ котораго былъ колосъ. Въ одной старинной нѣмецкой любовной пѣснѣ красивая женщина требуетъ отъ своего возлюбленнаго, чтобы онъ въ знакъ любви держалъ колосъ во рту.

Самое слово, которымъ на латинскомъ языкѣ обозначается договоръ „stipulatio" или „foestucatio", обязано своимъ происхожденіемъ слову stipula или foestuca, обозначающему колосъ. Foestuca передавалась при заключеніи договора, положимъ, купли, пріобрѣтателю, причемъ онъ, въ случаѣ неисполненія договора, могъ предъявить его въ судъ и на основаніи его требовать исполненія [3]).

Что касается стоянія на одной ногѣ, то оно дѣйствительно является символомъ подчиненія и способомъ успокоенія гнѣва.

---

[1]) Klemm. IV. S. 178.
[2]) Liebrecht. Zur Volkskunde. S. 382—383.
[3]) Grimm. Rechtsalterthümer. S. 121, 122, 125.

Мы увидимъ ниже, почему паденіе ницъ, для того, чтобы дать возможность лицу, предъ которымъ падаютъ, наступить падающему на голову, является символомъ подчиненія. Очевидно, стояніе на одной ногѣ является ничѣмъ инымъ, какъ приведеніемъ своего тѣла въ неустойчивое положеніе, благодаря которому оно при первой надобности можетъ распростереться. Въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ слѣдующій фактъ, приводимый Келльвеемъ: Маркизъ Гастингсъ, будучи вице-королемъ Индіи, принималъ посольство изнутри страны. Онъ никоимъ образомъ не могъ убѣдить посла, чтобы онъ въ теченіе весьма продолжительной аудіенціи сталъ на обѣ ноги [1]).

Къ упомянутому выше разряду символовъ относится, очевидно, обрядъ, въ которомъ играетъ роль выдернутый изъ извѣстнаго участка земли клокъ или дернъ. Въ сѣверно-русскихъ купчихъ XIV—XVI ст. упоминается объ особомъ обрядѣ, довершавшемъ передачу владѣнія землею, или такъ называемый „отводъ земли“ посредствомъ символическаго употребленія земли или дерна. Этотъ способъ назывался продажею земли въ „дернь“ или „одерепь“. И у германцевъ мы встрѣчаемъ этотъ символъ при передачѣ земли; вырѣзываніемъ и врученіемъ дерна другому лицу собственникъ отказывался отъ участка, а принявшій усвоивалъ его [2]). Символъ передачи дерна имѣетъ здѣсь значеніе врученія части, вмѣсто цѣлаго, т. е. передачи клочка земли, представляющаго собою весь данный участокъ. Вообще при передачѣ руководствовались тѣмъ, что если передавался деревянный домъ, то изъ него вырѣзывался кусокъ дерева, если виноградникъ, то вѣтвь винограда, если участокъ земли, то дернъ и т. п. Колосъ, употреблявшійся при договорахъ, а также бирка, употребляющаяся у насъ и употреблявшаяся въ Европѣ въ средніе вѣка, указываютъ, въ свою очередь, на то, что вообще въ болѣе ранніе культурные періоды права пріобрѣтаются не иначе, какъ только тѣмъ путемъ, когда пріобрѣтающій получитъ какой-либо предметъ, являющійся представителемъ пріобрѣтаемаго. Если движимыя вещи могутъ быть переданы изъ полы въ полу, то этого, конечно, нельзя сдѣлать при переходѣ недвижимыхъ имуществъ, а также извѣстныхъ правъ, обусловливаемыхъ договоромъ, и вотъ для перехода недвижимыхъ имуществъ требуется передача извѣстной части, вмѣсто цѣлаго; а при пріобрѣтеніи правъ должна быть передана или бирка, или колосъ, или, какъ въ настоящее время, кусочекъ бумаги, на которомъ изображено обязательство, словомъ, во всякомъ случаѣ, нѣчто

---

[1]) Callaway. Nursery Tales. I. 199. Liebrecht. Volkskunde. S. 384.
[2]) Grimm. Rechtsalterthümer. S. 112 и друг.

матеріальное. Въ этомъ мы убѣдимся и изъ приводимыхъ ниже данныхъ относительно установленія права собственности.

Эскимосъ, по словамъ Франклина, облизываетъ данный ему подарокъ въ знакъ пріобрѣтенія права собственности [1]). Вещь могла быть очень незначительною, тѣмъ не менѣе этотъ обычай всегда примѣнялся, и даже изъ пріобрѣтаемыхъ иголокъ каждая отдѣльно облизывается языкомъ. Подобный же обычай путешественникъ Пари встрѣчалъ у западной границы Баффинова залива; мѣстные жители только послѣ облизыванія предмета считали его окончательно пріобрѣтеннымъ. Этотъ обычай облизыванія заслуживаетъ вниманія въ томъ смыслѣ, что онъ открываетъ для насъ завѣсу того отдаленнаго прошлаго, о которомъ никакихъ историческихъ данныхъ сохраниться не могло, именно того прошлаго, когда собственностью какого нибудь индивидуума считалось только то, что онъ поглощалъ, потреблялъ. Единственные предметы, которые человѣкъ усвоивалъ, были тѣ, которые онъ потреблялъ, которые служили для его существованія. Каждый изъ насъ знаетъ, что грудной ребенокъ относится ко всѣмъ предметамъ, на которыхъ останавливается его вниманіе или которые попадаются ему въ руки, только съ точки зрѣнія груди, съ точки зрѣнія сосанія; это для него первый и единственный способъ распознаванія предметовъ. Очевидно, приблизительно съ такой же точки зрѣнія разсматривали предметы внѣшняго міра люди на очень ранней ступени культуры; они могли усвоивать только тотъ предметъ, который они потребляли, или, вѣрнѣе, считали своимъ только тотъ предметъ, который они потребляли. Разъ они стали усвоивать и другіе предметы, не служившіе для потребленія, они по отношенію къ нимъ производили тѣ же дѣйствія, какія они производили бы по отношенію къ потребляемому предмету, т. е. они брали его въ ротъ, облизывали его языкомъ. Такому взгляду на усвоеніе внѣшнихъ предметовъ или лицъ нужно приписать и происхожденіе поцѣлуя. Поцѣлуй является ничѣмъ инымъ, какъ остаткомъ такого взгляда на усвоеніе, а именно, что только съ помощью прикосновенія языкомъ или губами къ предмету, словомъ, съ помощью такого способа, который употребляется обыкновенно при потребленіи, можно выразить желаніе усвоить, соединить съ собою предметъ или лицо. Конечно, съ теченіемъ времени люди считаютъ возможнымъ усвоивать и такіе предметы, которые не потребляются и вслѣдствіе этого образуются новые символы. Такъ, у нѣкоторыхъ народовъ для символическаго обозначенія права собственно-

---

[1]) Bastian. Rechtsverh. S. LV. Klemm. Kulturgeschichte. II, стр. 295, 302.

сти употребляется шерстяная нитка, которою предметъ обертывается. У караибовъ изъ Каманы, по свѣдѣніямъ Гомары и Гереры, было достаточно обвести шерстяной ниткой садъ или полевой участокъ, чтобы охранить его отъ посягательства постороннихъ лицъ. Для того, чтобы постичь смыслъ этого дѣйствія, мы приведемъ аналогичныя данныя изъ области брачно-половыхъ отношеній. У ботокудовъ, по словамъ принца Макса, скрываніе половыхъ органовъ имѣло весьма малое сходство съ дѣйствительной одеждой; опоясыванія ниткой было совершенно достаточно для соблюденія правилъ приличія. Ясно, что какъ въ данномъ случаѣ нитка нисколько не служила для удовлетворенія требованій приличія, точно такъ же въ приведенномъ выше случаѣ частная собственность нисколько не пріобрѣталась обведеніемъ ея шерстяной ниткой.

Извѣство, что у многихъ народовъ носятъ одежду только замужнія женщины, т. е. одеждой, носимой женщиной, совершается выдѣленіе ея въ частное пользованіе одного субъекта. Такимъ образомъ шерстяная нитка, очевидно, служитъ только для той же цѣли, т. е. для указанія, что завладѣніе этимъ участкомъ со стороны новаго лица невозможно. Этимъ объясняется и обычай персовъ, которые при устройствѣ кладбища обводили его ста золотыми или шерстяными нитками. Этимъ объясняется и обведеніе церковнаго погоста цѣпью [1]). Т. е. эти участки земли ограждены символическимъ путемъ отъ возможности захвата для цѣлей, неподходящихъ къ ихъ назначенію.

Къ символамъ, носящимъ тотъ же характеръ, какъ обведеніе предмета ниткою, относятся и слѣдующіе.

Въ Новой Землѣ владѣльцу какого нибудь предмета нужно только поставить возлѣ него палку или колъ, чтобы защитить его отъ всякаго посягательства. Бѣдные промышленники никогда не осмѣлятся прикоснуться къ веслу, къ которому привязана лодка, такъ какъ, говорили они фонъ-Бэру, это тяжкій грѣхъ [2]). У самоѣдовъ, у которыхъ домашнее хозяйство состоитъ главнымъ образомъ изъ одежды, дѣлаемой изъ оленьихъ шкуръ, и покрышекъ для палатокъ („чумовъ"), есть обычай складывать эти предметы въ лѣтнее время въ сани и оставлять ихъ безъ всякой стражи. Хозяинъ нисколько не заботится объ оставленномъ: мирный идолъ (божокъ), поставленный въ сани, защищаетъ имущество отъ всякаго самоѣда. Нѣсколько времени тому назадъ рѣшительно нельзя было услышать, чтобы такой складъ былъ разграбленъ самоѣдомъ,

[1]) Liebrecht. Zur Volkskunde. S. 307, 309.
[2]) Bastian. Der Mensch. I. S. 227.

и еслибъ онъ это сдѣлалъ, то ожидалъ бы всякихъ бѣдствій, какъ справедливой кары на свою повинную голову. Точно также самоѣды, по окончаніи звѣриныхъ промысловъ, складываютъ въ кучу кожи съ убитыхъ звѣрей, кладутъ свое клеймо и уходятъ [1]. Если какой нибудь другой самоѣдъ найдетъ эти кожи, и ему понадобятся нѣсколько изъ нихъ, то онъ беретъ ихъ, а на мѣстѣ оставляетъ деревянную бирку съ зарубками, которыя обозначаютъ число взятыхъ кожъ, съ своимъ клеймомъ, по которому хозяинъ кожъ можетъ найти своего должника и разсчитаться съ нимъ. Подобно самоѣдамъ, и лопари кладутъ оленьи шкуры въ лѣсу; возвращаясь домой почти черезъ полгода, лопарь находитъ, что все у него въ цѣлости, и если какому нибудь лопарю понадобится что-либо безъ хозяина, то онъ, взявъ вещь, оставляетъ свое клеймо. Однородный обычай мы встрѣчаемъ въ Землѣ Войска Донскаго. Въ неурожайные годы люди недостаточные бываютъ въ самомъ безвыходномъ положеніи, между тѣмъ какъ у людей зажиточныхъ большое количество необмолоченнаго хлѣба находится въ степи на току. Нуждающіеся въ такомъ случаѣ берутъ его взаймы, при взятіи хлѣба оставляютъ записку, привязываютъ ее къ колу на томъ же току; въ ней объясняется, что хлѣбъ взятъ изъ крайней нужды и при первомъ урожаѣ будетъ возвращенъ съ прибавкою. Даютъ обыкновенно двумя или тремя копнами больше. Такимъ образомъ изъ приведенныхъ фактовъ мы видимъ появленіе уже въ довольно раннія времена долговыхъ знаковъ, являющихся въ такомъ случаѣ эквивалентомъ предмета и дающихъ основаніе требовать обратнаго полученія предмета. Такимъ знакомъ являются, какъ мы видѣли, колосъ, „бирка“ и вообще мѣтка съ клеймомъ. Биркою называется палочка или дощечка, на которой отмѣчается посредствомъ разнаго рода нарѣзокъ въ видѣ крестиковъ или черточекъ количество долга.

Бирки обыкновенно изготовляются въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ находится въ рукахъ должника, а другой у кредитора. Дѣлается это такимъ образомъ, что палочка, на которой сдѣланы знаки, разрѣзывается на двѣ части, затѣмъ при провѣркѣ онѣ складываются и наблюдается, придутся ли отмѣтки или нѣтъ; при уплатѣ долга по частямъ съ бирки срѣзаютъ знаки или дѣлаютъ въ знакахъ какія либо измѣненія [2]. Что касается клеймъ или мѣтъ, то они у каждой семьи отдѣльныя и особенныя, такъ что свѣдущіе люди умѣютъ отличать ихъ. Происхожденіе клеймъ или мѣтокъ относится къ самымъ первобытнымъ періодамъ жизни

---

[1]) Сборникъ юридическихъ обычаевъ. Обычаи инородцевъ. I, стр. 208—209.
[2]) Пахманъ. Обычное право. Т. I. Стр. 63.

человѣчества; они имѣютъ прямую связь съ такъ называемымъ тотемизмомъ.

Тотемы еще въ настоящее время до того сильно распространены между первобытными народами, что Макъ-Ленанъ называетъ ихъ остатками ранняго періода развитія человѣка, называемаго имъ тотемизмомъ; онъ состоитъ въ томъ, что племена раздѣлены на группы по извѣстнымъ знакамъ; по-алгонкински „додемъ" значитъ знакъ, и, смотря по знаку, данная группа носитъ названіе медвѣдя, волка, оленя и т. д. Этотъ знакъ служитъ доказательствомъ какъ бы происхожденія отъ одного общаго предка и можетъ быть сравненъ съ фамиліей или прозвищемъ данной группы. Знаки или тотемы обыкновенно вырѣзываются на предметахъ, принадлежащихъ данной группѣ лицъ—на веслахъ, лодкахъ, ружьяхъ и т. д. [1]). Такимъ образомъ извѣстные знаки, свойственные цѣлой группѣ лицъ, и обозначаемые на предметахъ, принадлежащихъ имъ, возникаютъ гораздо раньше, чѣмъ возникаетъ аристократическая геральдика.

Очевидно, что и мѣтки, дѣлаемыя на предметахъ и животныхъ и прекрасно различаемыя и распознаваемыя какъ пастухами, такъ и отдѣльными лицами, входящими въ составъ даннаго общества, относятся къ разряду этихъ же тотемовъ или знаковъ.

Какъ мы уже видѣли выше, Мэнъ утверждаетъ, что принципомъ, явившимся на смѣну принципа соединенія, посредствомъ крови или общаго происхожденія, былъ принципъ территоріальный. Намъ кажется, что это положеніе не вполнѣ вѣрно: принципъ территоріальности, или идея, что люди, живущіе на одной и той же территоріи, должны считаться равноправными или объединенными, дѣйствительно находитъ примѣненіе въ жизни человѣчества, но онъ не является на смѣну принципа соединенія по крови. Принципомъ, замѣняющимъ соединеніе по крови, является соединеніе по жертвоприношеніямъ или болѣе общее—по вѣроисповѣданіямъ, по общимъ религіознымъ понятіямъ. Очевидно, что соединеніе, происходящее съ помощью общихъ жертвоприношеній или вообще съ помощью одинаковаго отношенія къ существу, господствующему надъ судьбами людей, не то, что принципъ территоріальный. Принципъ территоріальный получаетъ громадное значеніе только въ наиболѣе поздніе періоды жизни человѣчества, въ наиболѣе сильный расцвѣтъ культуры. Какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена, на смѣну принципа соединенія по крови, повторяемъ, является принципъ религіозный, принципъ соединенія по принадлежности къ одному и тому же исповѣданію. Т. е. точно

[1]) Waitz. Anthropologie. III, стр. 121.

также, какъ въ наиболѣе первобытныя времена, человѣчество распадается на массу племенъ, изъ которыхъ каждое считается происходящимъ отъ одного и того же родоначальника; точно также впослѣдствіи все человѣчество распадается на религіозныя группы, изъ которыхъ каждая относится къ верховному существу извѣстнымъ, опредѣленнымъ образомъ, отличающимъ его отъ того, какъ относятся къ этому существу другія исповѣдныя группы, и только тѣ, у которыхъ символическія отношенія къ верховному существу одинаковы, считаются объединенными, между ними только и можетъ существовать миръ; напротивъ, между лицами, принадлежащими къ различнымъ исповѣданіямъ, должны господствовать враждебныя отношенія. Слѣдовательно, какъ въ наиболѣе первобытные періоды племена сливались чрезъ посредство фикціи, по которой они происходятъ отъ одного и того же родоначальника, точно также впослѣдствіи племена могли сливаться только чрезъ посредство принадлежности къ одному и тому же исповѣданію. Извѣстный историкъ еврейства Гейгеръ [1]) говоритъ, что еврейство первое признало полноправными чужеземцевъ, принявшихъ еврейство, признавшихъ господство Бога евреевъ. Такое положеніе совершенно невѣрно: понятіе о сливаніи племенъ и о союзѣ между ними посредствомъ общихъ жертвоприношеній появилось одновременно или даже, пожалуй, раньше у другихъ народовъ [2]).

Мы уже упоминали о томъ, что общія жертвоприношенія служили для образованія союза и связи между племенами. Впослѣдствіи, кромѣ жертвоприношеній, для выраженія принадлежности къ одному и тому же исповѣданію служатъ и другіе символы. Такимъ символомъ, между прочимъ, было въ христіанствѣ крещеніе. По единодушному мнѣнію первоначальной церкви, всѣ стоящіе внѣ церкви, т. е. непринявшіе крещенія, были обречены на вѣчное осужденіе. Такова же была судьба новорожденнаго дитяти, пока оно не подвергалось крещенію. Тридентскій соборъ призналъ безусловную необходимость крещенія для блаженства человѣка и присовокуплялъ, что крещеніе должно быть произведено настоящей водой, а не чѣмъ-либо другимъ. Въ сочиненіи „De fide“ сказано: „будьте увѣрены и не сомнѣвайтесь, что не только люди, умѣющіе разсуждать, но и маленькія дѣти, которыя начали жить въ утробѣ матери и тамъ умерли или непосредственно послѣ своего появленія на свѣтъ умерли, не принявъ таинства крещенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа, подвергнутся вѣчному мученію неугаси-

---

[1]) Das Judenthum und seine Geschichte. 2 Aufl. Breslau. 1865. I. стр. 88.
[2]) См. между прочимъ Мэнъ. Древнее право. стр. 103.

маго огня" [1]. Лютеране въ аугсбургскомъ исповѣданіи признали безусловно необходимость крещенія съ такой же настойчивостью, какъ и тридентскіе богословы.

Исповѣданія, на которыя распалось само христіанство, въ сущности, въ свою очередь, были выраженіемъ того же начала, по которому только лица, соблюдающія извѣстнаго рода обряды, могутъ считаться объединенными, между тѣмъ какъ лица, хотя бы принадлежащія къ тому же христіанскому исповѣданію, но соблюдающія нѣсколько отличные обряды, не объединены между собою. Словомъ, не смотря на то, что чрезъ посредство христіанскаго догмата оказалось возможнымъ объединить массу народовъ и племенъ, но обособленность, раздѣльность и вражда между племенами выразилась, между прочимъ, въ томъ, что христіанство у каждаго народа или у каждой группы народовъ получило совершенно отличный и даже, пожалуй, враждебный другимъ такимъ же христіанскимъ народамъ характеръ. Точно также, какъ христіанство сначала противопоставлялось язычеству и еврейству, точно также потомъ каждое отдѣльное изъ христіанскихъ исповѣданій противопоставляло себя другимъ такимъ же христіанскимъ исповѣданіямъ и служило выраженіемъ не единенія, а раздѣльности племенъ и народовъ. „Держитесь крѣпко,—говоритъ одинъ римско-католическій писатель,—и не сомнѣвайтесь, что не только всѣ язычники, но и евреи, еретики, схизматики (т. е. люди, принадлежащіе къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ), которые разстаются съ этой жизнью, не будучи въ лонѣ католической церкви, попадутъ въ вѣчное пламя". Синодъ въ Цертѣ въ 412 г. опредѣляетъ: „Кто находится внѣ католической церкви, какъ бы ни была невинна его жизнь, но за одно то, что онъ отдѣлился отъ общенія съ Христомъ (въ формѣ римско-католической), онъ не будетъ имѣть жизни, а гнѣвъ Божій будетъ надъ нимъ". Ясно, слѣдовательно, что на смѣну принципу общей крови, обусловливающему единство, въ культурномъ развитіи человѣчества выступаетъ принципъ общаго отправленія религіозныхъ символовъ и обрядовъ, которыми, въ свою очередь, устанавливается единство, причемъ разъединеніе между племенами выражается въ томъ, что даже народы, исповѣдующіе общіе основные догматы христіанства, усвоиваютъ обрядовыя особенности, являющіяся внѣшнимъ выраженіемъ и обоснованіемъ существующей раздѣльности. И только на самой высшей ступени развитія общественныхъ группъ принципомъ единенія является жительство на извѣстной территоріи, т. е. принципъ территоріальный.

---

[1] Zecky. Geschichte der Aufklärung. I. S. 270, 280, 282 и 284.

ГЛАВА IX.

Символика въ жизни, исторіи и правѣ (продолженіе).

Почему въ символическихъ дѣйствіяхъ воспроизводятся явленія внѣшней природы?—Благоговѣніе предъ случаемъ.—Право перваго захвата.—Жребій.—Испытаніе преступниковъ огнемъ, водою, желѣзомъ, косциномантія.—Бросаніе топора, молота.—Молотокъ при аукціонныхъ продажахъ.—Сѣченіе подростковъ при межеваніи.—Дранье за уши подростковъ и вообще свидѣтелей.—Межевые знаки: камни, холмы, деревья.—Бѣлорусскій Чуръ.—Происхожденіе Гермеса.—Мѣсто древняго суда.—Наѣзды и грабежи.—Хожденіе по межѣ съ глыбою земли.—Образное хожденіе.—Поле, поединокъ.—Сѣченіе, какъ эквивалентъ истязанія и убійства.—Выраженіе дружбы и подчиненія.—Прикосновеніе.—Происхожденіе этихъ символическихъ дѣйствій.—Обращеніе съ врагомъ.—Кольцо при заключеніи брака.—Купля женъ.—Обмѣнъ женщинъ на скотъ и лошадей.—Символы при вступленіи въ личную зависимость.—Снятіе шапки.—Происхожденіе main morte.—Краткій очеркъ исторіи наслѣдованія движимыхъ имуществъ.—Запряганіе женщины въ видѣ наказанія.—Различные способы изувѣченія въ видѣ наказанія.—Осрамительныя наказанія.

Мнѣ кажется, что приведенными до сихъ поръ данными достаточно разъяснено, почему извѣстныя символическія дѣйствія, практиковавшіяся у многихъ народовъ въ прошломъ и практикуемыя еще и въ настоящее время среди массы народной и культурныхъ классовъ, сложились въ ту, а не въ другую форму. Символы и обрядовыя дѣйствія воспроизводятъ извѣстное опредѣленное понятіе, представленіе физическимъ образомъ, причемъ этому физическому воспроизведенію придается такой характеръ, какъ будто бы природа независимо отъ воли человѣка производила эти дѣйствія, иначе говоря: люди стараются подражать природѣ въ своихъ искусственныхъ дѣйствіяхъ. Ничего страннаго, конечно, нѣтъ въ томъ, что человѣкъ во всемъ подражаетъ природѣ, такъ какъ у него никакихъ другихъ моделей и образцовъ для его дѣятельности нѣтъ. Вспомнимъ здѣсь то, что между прочимъ гово-

ритъ Клеммъ въ своемъ сочиненіи „Объ орудіяхъ и оружіи“ и полковникъ Лэнъ Фоксъ въ своихъ чтеніяхъ о войнѣ у первобытныхъ народовъ; они говорятъ, что первоначальное развитіе искусства происходитъ не по слѣпому инстинкту, а по выбору, подражанію и постепенному примѣненію усовершенствованія предметовъ и дѣйствій, которые природа, наставница первобытнаго человѣка, представляетъ ему. Генералъ Питтъ-Риверсъ наглядно показалъ, съ какою точностью человѣкъ пользуется во время войны пріемами, которымъ онъ научился у низшихъ животныхъ, какъ его оружіе, подражаетъ ихъ рогамъ, костямъ, зубамъ и жалу, до ядовитости послѣдняго включительно; какъ человѣкъ защищаетъ себя бронею, представляющею подражаніе шкурѣ и чешуѣ животныхъ [1]). Такимъ образомъ наставническою ролью природы объясняется характеръ и форма произведеній первобытнаго человѣка. По словамъ Тейлора, мы можемъ съ полной увѣренностью въ большинствѣ случаевъ объяснить замѣчательное сходство каменныхъ лопатокъ, кремневыхъ ножей, топоровъ, наконечниковъ копій и стрѣлъ, принадлежащихъ отдаленнымъ временамъ и мѣстностямъ, сходствомъ матеріаловъ и потребностей дикой жизни. Наставническую роль природы и ея вліянія на дѣятельность человѣка можно наглядно видѣть и понять между прочимъ изъ слѣдующихъ примѣровъ, приводимыхъ Тейлоромъ въ его „Первобытной культурѣ“.

Искусство опьянять рыбу свойственно многимъ дикимъ племенамъ, которыя легко могли открыть его, увидѣвъ какой нибудь лѣсной прудъ, куда попали ядовитыя растенія. Искусство ставить загородки для ловли рыбы во время отлива, столь общее у низшихъ племенъ, есть простая хитрость съ цѣлью помочь дѣйствіямъ природы.

Тоже происходило и въ другихъ искусствахъ, между прочимъ въ архитектурѣ и земледѣліи. „Какъ ни сложны, выработаны и разумны высшія ступени этихъ искусствъ,—говоритъ Тейлоръ,—не надо забывать, что ихъ низшія ступени начались съ простаго подражанія природѣ, съ копированія тѣхъ средствъ, которыя употребляетъ сама природа“. Понятно послѣ этого, что и въ дѣйствіяхъ, относящихся къ нравственной и умственной жизни человѣка, онъ долженъ былъ стараться подражать дѣйствіямъ природы. Подраженіе внѣшней природѣ въ сферѣ общественныхъ отношеній, вызывалось и другими побужденіями.

По первобытному воззрѣнію, человѣкъ долженъ былъ подчиняться велѣніямъ природы, къ которой онъ относился съ благоговѣніемъ. Но въ чемъ же проявлялись эти велѣнія, какъ не въ тѣхъ явленіяхъ

---

[1]) Тейлоръ. Антропологія. Русскій перев., стр. 218.

природы, которыя происходили помимо воли человѣка,—въ случаяхъ?—иначе говоря, случай, обнаруживая предполагавшуюся волю природы, былъ и законодателемъ во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми. Случай указывалъ, наставлялъ, какъ поступать и что̀ дѣлать. Характерныя данныя, указывающія на наставническую роль природы по отношенію къ общежитію, собраны у Тейлора. Мы воспользуемся ими здѣсь.

Индусы не станутъ спасать человѣка, который тонетъ въ священномъ Гангѣ; и жители малайскаго архипелага раздѣляютъ это жестокое понятіе. Изъ всѣхъ народовъ у грубыхъ камчадаловъ оно имѣетъ самую замѣчательную форму. Они считаютъ большой ошибкой,—говоритъ Крашенинниковъ,—спасать утопающаго: тотъ, кто спасаетъ его, утонетъ послѣ самъ. Разсказъ Штеллера еще необыкновеннѣе и вѣроятно относится только къ тѣмъ случаямъ, когда жертва дѣйствительно тонула; онъ говоритъ, что если человѣкъ падалъ случайно въ воду, то для него было большимъ грѣхомъ выбраться изъ нея: если ему предназначено было утонуть, то онъ дѣлаетъ грѣхъ, спасаясь отъ утопленія, и никто не сталъ бы пускать его къ себѣ въ домъ, говорить съ нимъ, давать ему пищу или жену, считая его за умершаго; если бы человѣкъ упалъ въ воду даже въ присутствіи другихъ, они не стали бы помогать ему вылѣзть изъ воды, напротивъ, еще силою утопили бы его. Въ Богеміи,—какъ говоритъ недавній разсказъ (1864),—рыбаки не отваживаются вытаскивать изъ воды утопающаго человѣка: они боятся, чтобы водяной не отнялъ у нихъ добычи въ рыбной ловлѣ или при первомъ случаѣ не утопилъ бы ихъ самихъ. Такое объясненіе предубѣжденія противъ спасанія жертвъ водяныхъ духовъ,—оканчиваетъ Тейлоръ,—могутъ подтвердить многіе факты, взятые изъ различныхъ странъ; между прочимъ, обыкновенный способъ принесенія жертвы колодцу, рѣкѣ или морю состоитъ просто въ томъ, что вещь, животное или людей бросаютъ въ воду, которая беретъ ихъ себѣ.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ данныхъ явствуетъ, что первобытный человѣкъ не только не противодѣйствуетъ вредному вліянію природы на жизнь человѣка, не только не старается устранить тѣ условія, которыя ведутъ къ физической гибели его; но, напротивъ, изъ случаевъ въ родѣ того, что люди утопаютъ, дѣлаетъ заключеніе, что необходимо водѣ приносить извѣстную жертву, или, вѣрнѣе, онъ противодѣйствуетъ природѣ, стремится устранить ея разрушительную дѣятельность умилостивленіемъ ея, принесеніемъ одного человѣка или одного предмета въ жертву за многихъ. Мы не будемъ здѣсь касаться стороны религіозной, для насъ важно указать только, что явленіе, часто повторяющееся въ

природѣ, первобытный человѣкъ беретъ за мѣрило своей собственной дѣятельности, иначе говоря подражаетъ природѣ: если люди во множествѣ утопаютъ, то первобытный человѣкъ въ свою очередь считаетъ себя обязаннымъ производить самому, по собственной волѣ, это же дѣйствіе. Природа наставляетъ его и указываетъ ему, чтò и какъ дѣлать не только въ сферѣ природы, но и въ сферѣ чисто людскихъ, общественныхъ отношеній. Для того, чтобы указать на то значеніе, какое люди еще до настоящаго времени придаютъ случаю, припомнимъ, что наиболѣе, такъ сказать, непререкаемымъ способомъ пріобрѣтенія недвижимой собственности является пріобрѣтеніе ея естественнымъ путемъ; хотя бы, положимъ, когда вода отрываетъ извѣстный клочекъ земли и присоединяетъ его къ другому берегу. По нашимъ гражданскимъ законамъ [1]) владѣльцу земли предоставляется право пользоваться обсохшею землею, оставшеюся отъ уклоненія воды, а также если берегъ порубежной рѣки отъ наносимаго непримѣтно водою песка получитъ приращеніе, то приращеніе дѣлается собственностью того, кому принадлежитъ этотъ берегъ. Припомнимъ затѣмъ то уваженіе, которымъ пользовалось и пользуется еще въ настоящее время въ правѣ у всѣхъ народовъ упомянутое уже нами выше [2]) правило: prior tempore—potior jure (первый по времени владѣетъ правомъ); случайное появленіе на извѣстное мѣсто раньше другихъ, случайное совершеніе дѣйствія раньше другихъ считается самымъ раціональнымъ основаніемъ для пріобрѣтенія какого-либо права. Просмотрите нашъ X-й томъ—и вы увидите, какое значеніе имѣетъ это положеніе права. У насъ право собственности опредѣляется такимъ образомъ: „кто былъ *первымъ* пріобрѣтателемъ имущества или... кому власть сія отъ *перваго* ея пріобрѣтателя дошла непосредственно..., тотъ имѣетъ на сіе имущество право собственности“. Время, случай, какъ извѣстно, рѣшаютъ также и потерю права, между прочимъ по нашему закону: „кто въ теченіе десятилѣтней давности иска не предъявилъ или, предъявивъ, хожденія въ присутственныхъ мѣстахъ не имѣлъ, тотъ теряетъ свое право [3]). Приложеніе принципа: prior tempore — potior jure (первый по времени владѣетъ правомъ) или принципъ захвата существуетъ, какъ мы уже видѣли выше, и въ русскомъ обычномъ правѣ. По указаніямъ г. Соколовскаго, въ землѣ Войска Донскаго, землею въ прежнія времена пользовались также на правѣ перваго захвата. Первоначально каждый казакъ

---

[1]) Т. X ч. I ст. 426.
[2]) См. выше, стр. 16.
[3]) Т. X ч. I ст. 692.

имѣлъ право, гдѣ ему было угодно, распахивать землю, косить траву, рубить въ лѣсу деревья и т. д. Да и въ настоящее время, по свѣдѣніямъ г. Харузина, каждый казакъ воленъ въ степи распахивать „гдѣ угодно и сколько угодно. По обычаю, разъ захваченныя пашни остаются во владѣніи захватившаго, доколѣ онъ ихъ обрабатываетъ. Если же въ теченіе 1, или 2, или 3, или 4, или 5 (въ разныхъ мѣстахъ не одинаково) годовъ пашня прежнимъ ея хозяиномъ остается необработанной, то взять ее можетъ всякій желающій“ [1]). Это право перваго захвата, осуществляемое притомъ съ помощью одного лишь символическаго дѣйствія, ведетъ въ настоящее время къ большимъ злоупотребленіямъ. Бѣдняки мало пользуются этимъ правомъ, богатые же казаки извлекаютъ изъ этого права большіе барыши. Они „не довольствуются тѣмъ количествомъ земли, которое они въ силахъ вспахать и обработать сами. Чтобы извлечь возможно болѣе выгодъ, они прибѣгаютъ къ слѣдующимъ средствамъ. Они ограничиваются лишь тѣмъ, что *опахиваютъ* кругомъ, „загоняютъ“, по мѣстному выраженію, извѣстное пространство земли, т. е. проводятъ нѣсколько бороздъ по бокамъ нивы, оставляя середину нетронутою („обойдя залежь два, три раза и рѣдко до семи разъ“) и затѣмъ переѣзжаютъ на другое мѣсто, гдѣ повторяютъ то же самое. По стародавнему обычаю, всѣ *отмѣченныя* такимъ образомъ пашни считаются для остальныхъ неприкосновенными. Захвативши этимъ способомъ нѣсколько участковъ, они часть ихъ обрабатываютъ сами, другую же часть отдаютъ тайно въ аренду пришлымъ иногороднымъ крестьянамъ подъ предлогомъ нанятія ихъ къ себѣ въ годовые работники“ [2]).

Точно также и въ землѣ Уральскаго войска часть земель выдѣлена въ пользованіе станицъ, а остальною землею казаки пользуются по праву перваго захвата. У черноморскихъ казаковъ принципъ этотъ примѣняется еще въ большемъ размѣрѣ. Этотъ же принципъ перваго захвата существуетъ и при ловлѣ рыбы. У казаковъ, напримѣръ, на рѣкѣ Поноѣ (крайнемъ селеніи на Терскомъ берегу) къ концу августа, по окончаніи главнаго лова семги на морскихъ тоняхъ, всѣ желающіе участвовать въ ловлѣ семги на этой рѣкѣ собираются съ особаго рода сѣтями, гарвами и поѣздами, въ деревню Поной 24-го августа; послѣ молитвы, всѣ разомъ бросаются къ лодкамъ, поставленнымъ у берега. Каждый спѣшитъ къ избранному имъ на рѣкѣ мѣсту, достигнувъ котораго *забиваетъ два-три кола* въ знакъ того, что беретъ его въ свое владѣніе.

---

[1]) Харузинъ. Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону, стр. 10.
[2]) Харузинъ, ibid. стр. 12.

Затѣмъ въ продолженіе всей осени захватившій спокойно пользуется ловомъ на своей „заводи“. День для начала ловли назначается по общему согласію. (Совершенно тотъ же порядокъ при ловлѣ рыбы практикуется у уральскихъ казаковъ). Точно также въ селеніи Тулгасѣ, холмогорскаго уѣзда, зимою, когда ловъ вольный, тотчасъ по замерзаніи Двины, каждый спѣшитъ на берегъ съ цѣлью захватить рыболовный участокъ, которымъ онъ и пользуется цѣлую зиму; для охраны владѣнія и здѣсь считается достаточнымъ лишь забить колъ [1]).

Вообще въ обыденной жизни указанное общее положеніе считается высшею справедливостью, критеріемъ правильности или неправильности дѣйствія, такимъ критеріемъ, относительно котораго никакихъ сомнѣній не допускается, а между тѣмъ, повторяемъ, въ этомъ положеніи заключается не что иное какъ благоговѣніе, преклоненіе передъ случаемъ. Извѣстенъ разсказъ Геродота о томъ-какъ послѣ убійства Лжесмердиса шесть персовъ выбрали изъ своей среды царя. Они предоставили рѣшеніе этого вопроса случаю: на восходѣ солнца они должны были сѣсть верхомъ на лошадей, и чья лошадь заржетъ первая, тому и быть царемъ. Жеребецъ Дарія заржалъ первый, и этотъ фактъ освятилъ его избраніе въ цари. „Прочіе персы сошли съ лошадей и преклонились предъ Даріемъ, какъ предъ царемъ“ [2]). Но если такъ преклоняются передъ случаемъ, если случай считается самымъ авторитетнымъ средствомъ для рѣшенія всякаго рода вопросовъ общественной и индивидуальной жизни, то понятно, что тогда, когда случай не является на подмогу человѣку, онъ старается его вызвать.

На этомъ основано значеніе жребія въ правовыхъ и другихъ отношеніяхъ. Какъ въ древней Италіи,—говоритъ Тейлоръ,—оракулы давали отвѣты посредствомъ рѣзныхъ жеребьевъ, такъ новѣйшіе индусы рѣшаютъ свои споры, бросая жребій передъ храмами съ криками: окажи намъ справедливость, укажи невиннаго! Нецивилизованный человѣкъ думаетъ, что жребій или кости при своемъ паденіи располагаются соотвѣтственно тому значенію, какое онъ придаетъ ихъ положенію. У моравскихъ братьевъ былъ обычай избирать женъ для своихъ молодыхъ людей посредствомъ бросанія жребія съ молитвами. Маорисы бросаютъ жребій для того, чтобы найти вора среди подозрѣваемыхъ людей. Въ древней Греціи вынимаютъ жребій изъ шапки Атрида Агамемнона, чтобы узнать, кто долженъ идти на битву съ Гекторомъ, „на помощь хорошо во-

---

[1]) Соколовскій. Очеркъ исторіи сельской общины. Спб. 1877, стр. 164, 166, 168.

[2]) Геродотъ, III, 84, 85, 86.

оруженнымъ грекамъ". Подобно маорисамъ, и у насъ въ землѣ Войска Донскаго, когда не извѣстно, кто совершилъ воровство, берутъ обрѣзокъ украденной вещи и кладутъ въ кузнечный мѣхъ; тотъ, кто укралъ, станетъ пухнуть и умретъ въ теченіе года; то же самое будетъ, ежели бросить часть того, что украдено подъ мельничный жерновъ [1]). Точно также и германскій жрецъ или отецъ семейства, по разсказамъ Тацита, вынималъ три жребія изъ отмѣченныхъ вѣтокъ плодоваго дерева, разсыпанныхъ на чистой бѣлой одеждѣ и по ихъ знакамъ истолковывался отвѣтъ природы. Такимъ образомъ, человѣкъ пріурочиваетъ къ своимъ цѣлямъ такія явленія природы и такіе случаи, которые никакого прямаго отношенія въ сущности къ данному факту не имѣютъ.

Извѣстно, что тамъ, гдѣ у насъ, въ Россіи, существуютъ передѣлы общинной земли, они производятся по жребію. Вотъ какъ производится жеребьевка по разсказу одного крестьянина: „Вышли въ поле—и давай дѣлить землю; размѣряли, по чемъ на жеребій приходится, потомъ каждый жеребной участокъ раздѣлили на $21^1/_2$ жеребей; отмѣряли, сколько саженей придется на каждаго человѣка и отрѣзали сохою; когда всѣ $21^1/_2$ жеребій нарѣзаны, начали жеребья закладывать; кому первый достался, тотъ и взялъ первую землю; за первымъ второй и т. д. Жеребья деревянные; каждый жребій особо отмѣчается: кто дѣлаетъ зарубку, кто крестикъ, кто полоску, кто два зарубка и т. п.; жеребья кладутся въ шапку; изъ нея ихъ и трясутъ, т. е. вынимаютъ жеребья" [2]). Однородные разсказы мы имѣемъ о томъ, какъ производится жеребьевка при передѣлахъ земли и въ другихъ мѣстахъ Великороссіи. Такъ, въ другомъ мѣстѣ того же сборника матеріаловъ о поземельной общинѣ мы читаемъ: „Передѣлъ производится такъ: крестьяне всѣмъ міромъ выходятъ въ поле; всякій домохозяинъ, имѣющій право на надѣлъ, дѣлаетъ себѣ жеребій, отрѣзывая кусочекъ палки и дѣлая на ней особый значокъ: крестикъ, кружокъ, нарѣзку; затѣмъ всѣ жеребья бросаются въ шапку, откуда ихъ поочередно вынимаетъ маленькая дѣвочка или мальчикъ а иногда пользующійся общимъ довѣріемъ и уваженіемъ старикъ; тому, чей жребій вынутъ первый, тотчасъ отрѣзывается отъ края участка столько полосъ, сколько считается въ его дворѣ ревизскихъ душъ и въ концѣ послѣдней полосы на межнинѣ выкапывается небольшая ямка; слѣдующему вынутому жребію отрѣзывается полоса тотчасъ за первымъ и т. д. Та же процедура повторяется въ каждомъ изъ подвергающихся передѣлу участковъ поля [3]).

---

[1]) Якушкинъ. Обычное право. Стр. XLVI.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для изученія поземельной общины. Спб. 1880. Т. I, стр. 187.

[3]) Тамъ же, стр. 213, 230, 232.

Бываетъ и такъ, что жребій кидаютъ по палкѣ; кто возьметъ верхвій конецъ, тому первая полоса, второму — вторая и т. д. „конаются на палкѣ".

Такъ называемыя испытанія преступниковъ огнемъ, водою, желѣзомъ принадлежатъ къ разряду этихъ же явленій. Англійскій король Яковъ говоритъ въ своей Демонологіи: „повидимому Богъ указалъ сверхъестественный признакъ чудовищнаго нечестія вѣдьмъ въ томъ, что вода должна отказываться принимать въ свое лоно тѣхъ, кто отряхнулъ съ себя священную воду крещенія" и проч. Такое же испытаніе водой извѣстно и въ древней германской исторіи, и его значеніе объяснялось тѣмъ, что стихія сознательно отвергаетъ виновнаго (si aqua illum velut innoxium receperit—innoxii submerguntur aqua, culpabiles supernatant—если вода приметъ его, какъ бы невиннаго — невинные погружаются въ воду, виновные плаваютъ поверхъ). Уже въ IX столѣтіи законы запрещали этотъ обычай, какъ остатокъ суевѣрія. Испытаніе водой мы встрѣчаемъ, въ числѣ правильныхъ судебныхъ испытаній, въ индусскихъ законахъ Ману; если вода не допускаетъ обвиняемаго плавать сверху, когда его бросятъ туда, его клятва вѣрна. Такъ какъ этотъ древній индійскій сводъ законовъ, безъ сомнѣнія, былъ составленъ по матеріаламъ еще болѣе древняго времени, то мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью полагать, что это сходство испытанія водой у европейскихъ и азіатскихъ отраслей арійскаго племени указываетъ его начало въ періодѣ отдаленной древности [1]). Этимъ мы не хотимъ сказать однако, что испытаніе огнемъ, водой и желѣзомъ свойственно только арійскому племени. Напротивъ, это судебное доказательство является однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ на всемъ земномъ шарѣ. Одною изъ самыхъ обыкновенныхъ классическихъ и средневѣковыхъ ордалій была, такъ называемая, косциномантія, или, какъ описывается въ Гудибрасѣ, „оракулъ рѣшета и ножницъ, который вертится также вѣрно, какъ сферы". Рѣшето виситъ, привязанное на шнуркѣ или на остріяхъ ножницъ, воткнутыхъ въ его края, и можетъ повертываться или падать при имени вора. Христіанскій судъ божій, по Библіи и ключу, все еще нерѣдко употребляемый, есть варіантъ этого древняго обряда: самое лучшее средство открыть вора по этому способу — читать такимъ образомъ 49-й псаломъ, и когда читается стихъ „Водя вора, соглашаешься съ нимъ", этотъ аппаратъ повернется къ виновному [2]).

---

[1]) Тейлоръ. Первобытная культура. I, стр. 132.
[2]) Idem. I, стр. 120.

Мы, конечно, только намѣтили способы гаданія, нисколько не думая исчерпать здѣсь случаи ихъ примѣненія.

Повиновеніемъ случаю, вызванному волею человѣка, какъ проявленію воли природы, объясняются также и нижеслѣдующія символическія дѣйствія, ведущія за собою установленіе извѣстныхъ юридическихъ отношеній. По древне-германскому праву вступающій въ общину, въ древне-германскую марку, получаетъ отъ сообщинниковъ кусокъ земли съ помощью слѣдующаго символическаго дѣйствія: онъ (или кто-либо изъ его людей) долженъ, стоя на возу, бросить правою рукою молотъ черезъ лѣвую ногу, и до того мѣста, куда онъ бросилъ, отводится ему надѣлъ; словомъ, его владѣнія простираются на столько, на сколько далеко брошенъ молотъ. Точно также каждому члену общины предоставляется взять изъ общинныхъ земель для засѣянія лѣсомъ столько, сколько онъ, стоя у своей межи, граничащей съ общиннымъ лугомъ, можетъ досягать молотомъ, брошеннымъ черезъ лѣвую ногу; вообще границы марки простираются до того мѣста, куда досягаетъ топоръ, брошенный съ границы марки вокругъ всей марки [1]). Точно также и право господства владѣтельныхъ лицъ опредѣлялось такими же вызванными случаями. „Нашъ майнцскій владѣтель, говорится въ одной древне-германской уставной грамотѣ, долженъ на лошади въѣхать въ рѣку Рейнъ такъ далеко, на сколько онъ можетъ и на сколько далеко онъ можетъ отсюда бросить молотомъ, до тѣхъ поръ простирается его право суда. Въ позднѣйшее время и береговое право простиралось до того мѣста, до котораго могъ достигнуть брошенный даннымъ лицомъ топоръ. Такимъ образомъ, здѣсь отъ чисто случайнаго обстоятельства, отъ вызваннаго случая зависитъ право владѣнія и господства данныхъ лицъ. Чѣмъ позже, тѣмъ право, основанное на случаѣ, все болѣе и болѣе стѣсняется и становится чисто фиктивнымъ; напр., въ томъ случаѣ, когда территорія, по которой можетъ летать курица отъ поля владѣльца по хлѣбному полю (такъ какъ она тамъ наноситъ вредъ), опредѣляется слѣдующимъ образомъ: владѣлецъ долженъ босыми ногами стать на заостренной изгороди и бросить черезъ ногу молотъ и до того мѣста, куда онъ достигнетъ имъ, курица можетъ летать. Очевидно, тутъ условіе ставится довольно затруднительное—именно, стать ногами на острыя изгороди и затѣмъ нагибаясь бросить молотъ. Такое же значеніе имѣетъ право, пріобрѣтаемое посредствомъ стрѣлянія изъ лука. Извѣстно преданіе, по которому между Персіей и Тураномъ границы были очень долго спорными и затѣмъ согласились, чтобы Аремъ, лучшій стрѣлокъ, спустилъ съ горы

---

[1]) Grimm. Rechtsalterthümer. S. 56 и далѣе.

Дамарентъ обозначенную стрѣлу, и тамъ, гдѣ она упала, должна быть проведена граница.

Остаткомъ обычая бросать молотъ для установленія права собственности является еще въ настоящее время молотокъ, употребляемый при аукціонныхъ продажахъ. Молотокъ, какъ извѣстно, употребляется въ этихъ случаяхъ въ Германіи [1]), употреблялся и у насъ на основаніи 2 ч. X т. „Продажа чрезъ аукціонистовъ движимаго имущества, сказано тамъ (ст. 2200), производится съ употребленіемъ молотка. При прекращеніи наддачи (по ст. 2202) аукціонистъ произноситъ слова „никто больше", и если на оныя не будетъ объявлено еще наддачи, онъ ударяетъ молоткомъ, послѣ чего наддача уже не пріемлется". Точно также молотокъ употребляется на основаніи судебныхъ уставовъ (Приведенная выше статья 2 ч. X т. прямо перенесена въ уставъ гражд. судопроизводства съ маленькими измѣненіями относительно лица, производящаго торгъ; см. ст. 1054 уст. гр. суд.). Очевидно, что молотъ, игравшій роль при пріобрѣтеніи недвижимаго имущества, не играетъ въ настоящее время никакой роли и употребляется какъ символическое дѣйствіе лишь при пріобрѣтеніи движимаго имущества. Употребленіе молота для пріобрѣтенія имущества Гриммъ объясняетъ тѣмъ, что молотъ былъ орудіемъ божества громовника-Тора и что этимъ святымъ орудіемъ санкціонировалось всякое правовое дѣйствіе. Мы думаемъ, что качество орудія — то обстоятельство, что оно было священнымъ—имѣло, по крайней мѣрѣ, въ самые ранніе періоды культуры мало значенія для пріобрѣтенія права. Мы видѣли, что молотъ не употреблялся для удара, какъ теперь, а для метанія на извѣстное пространство, и особое значеніе въ этомъ юридическомъ дѣйствіи нужно присвоить метанію. Иначе говоря, пространство владѣнія даннаго лица зависѣло отъ того, какъ далеко былъ брошенъ молотъ. Конечно, болѣе сильный могъ бросить молотъ дальше, чѣмъ менѣе сильный. Во всякомъ случаѣ пріобрѣтеніе права зависѣло отъ случая, вызваннаго человѣкомъ, и не обусловливалось молотомъ, какъ священнымъ орудіемъ. Впослѣдствіи, когда пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ стало производиться съ помощью письменныхъ актовъ, сфера употребленія молота ограничилась только движимыми имуществами, причемъ о метаніи для опредѣленія границъ владѣнія не могло быть и рѣчи, а ударъ молоткомъ сталъ играть ту же роль, какую играетъ во многихъ другихъ случаяхъ звонокъ, т.-е. для обозначенія начала или конца торга.

Возможно, впрочемъ, что возникновеніе символовъ, съ помощью которыхъ пріобрѣтались территоріальныя права, вызвано первона-

---

[1]) Grimm. Rechtsalt. 65; Аѳанасьевъ. Поэтич. воззрѣнія. I, стр. 254.

Мы, конечно, только намѣтили способы гаданія, нисколько не думая исчерпать здѣсь случаи ихъ примѣненія.

Повиновеніемъ случаю, вызванному волею человѣка, какъ проявленію воли природы, объясняются также и нижеслѣдующія символическія дѣйствія, ведущія за собою установленіе извѣстныхъ юридическихъ отношеній. По древне-германскому праву вступающій въ общину, въ древне-германскую марку, получаетъ отъ сообщинниковъ кусокъ земли съ помощью слѣдующаго символическаго дѣйствія: онъ (или кто-либо изъ его людей) долженъ, стоя на возу, бросить правою рукою молотъ черезъ лѣвую ногу, и до того мѣста, куда онъ бросилъ, отводится ему надѣлъ; словомъ, его владѣнія простираются на столько, на сколько далеко брошенъ молотъ. Точно также каждому члену общины предоставляется взять изъ общинныхъ земель для засѣянія лѣсомъ столько, сколько онъ, стоя у своей межи, граничащей съ общиннымъ лугомъ, можетъ досягать молотомъ, брошеннымъ черезъ лѣвую ногу; вообще границы марки простираются до того мѣста, куда досягаетъ топоръ, брошенный съ границы марки вокругъ всей марки [1]). Точно также и право господства владѣтельныхъ лицъ опредѣлялось такими же вызванными случаями. „Нашъ майнцскій владѣтель, говорится въ одной древне-германской уставной грамотѣ, долженъ на лошади въѣхать въ рѣку Рейнъ такъ далеко, на сколько онъ можетъ и на сколько далеко онъ можетъ отсюда бросить молотомъ, до тѣхъ поръ простирается его право суда. Въ позднѣйшее время и береговое право простиралось до того мѣста, до котораго могъ достигнуть брошенный даннымъ лицомъ топоръ. Такимъ образомъ, здѣсь отъ чисто случайнаго обстоятельства, отъ вызваннаго случая зависитъ право владѣнія и господства данныхъ лицъ. Чѣмъ позже, тѣмъ право, основанное на случаѣ, все болѣе и болѣе стѣсняется и становится чисто фиктивнымъ; напр., въ томъ случаѣ, когда территорія, по которой можетъ летать курица отъ поля владѣльца по хлѣбному полю (такъ какъ она тамъ наноситъ вредъ), опредѣляется слѣдующимъ образомъ: владѣлецъ долженъ босыми ногами стать на заостренной изгороди и бросить черезъ ногу молотъ и до того мѣста, куда онъ достигнетъ имъ, курица можетъ летать. Очевидно, тутъ условіе ставится довольно затруднительное — именно, стать ногами на острыя изгороди и затѣмъ нагибаясь бросить молотъ. Такое же значеніе имѣетъ право, пріобрѣтаемое посредствомъ стрѣлянія изъ лука. Извѣстно преданіе, по которому между Персіей и Тураномъ границы были очень долго спорными и затѣмъ согласились, чтобы Аремъ, лучшій стрѣлокъ, спустилъ съ горы

---

[1]) Grimm. Rechtsalterthümer. S. 56 и далѣе.

Дамарентъ обозначенную стрѣлу, и тамъ, гдѣ она упала, должна быть проведена граница.

Остаткомъ обычая бросать молотъ для установленія права собственности является еще въ настоящее время молотокъ, употребляемый при аукціонныхъ продажахъ. Молотокъ, какъ извѣстно, употребляется въ этихъ случаяхъ въ Германіи [1]), употреблялся и у насъ на основаніи 2 ч. X т. „Продажа чрезъ аукціонистовъ движимаго имущества, сказано тамъ (ст. 2200), производится съ употребленіемъ молотка. При прекращеніи наддачи (по ст. 2202) аукціонистъ произноситъ слова „никто больше", и если на оныя не будетъ объявлено еще наддачи, онъ ударяетъ молоткомъ, послѣ чего наддача уже не пріемлется". Точно также молотокъ употребляется на основаніи судебныхъ уставовъ (Приведенная выше статья 2 ч. X т. прямо перенесена въ уставъ гражд. судопроизводства съ маленькими измѣненіями относительно лица, производящаго торгъ; см. ст. 1054 уст. гр. суд.). Очевидно, что молотъ, игравшій роль при пріобрѣтеніи недвижимаго имущества, не играетъ въ настоящее время никакой роли и употребляется какъ символическое дѣйствіе лишь при пріобрѣтеніи движимаго имущества. Употребленіе молота для пріобрѣтенія имущества Гриммъ объясняетъ тѣмъ, что молотъ былъ орудіемъ божества громовника-Тора и что этимъ святымъ орудіемъ санкціонировалось всякое правовое дѣйствіе. Мы думаемъ, что качество орудія — то обстоятельство, что оно было священнымъ—имѣло, по крайней мѣрѣ, въ самые ранніе періоды культуры мало значенія для пріобрѣтенія права. Мы видѣли, что молотъ не употреблялся для удара, какъ теперь, а для метанія на извѣстное пространство, и особое значеніе въ этомъ юридическомъ дѣйствіи нужно присвоить метанію. Иначе говоря, пространство владѣнія даннаго лица зависѣло отъ того, какъ далеко былъ брошенъ молотъ. Конечно, болѣе сильный могъ бросить молотъ дальше, чѣмъ менѣе сильный. Во всякомъ случаѣ пріобрѣтеніе права зависѣло отъ случая, вызваннаго человѣкомъ, и не обусловливалось молотомъ, какъ священнымъ орудіемъ. Впослѣдствіи, когда пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ стало производиться съ помощью письменныхъ актовъ, сфера употребленія молота ограничилась только движимыми имуществами, причемъ о метаніи для опредѣленія границъ владѣнія не могло быть и рѣчи, а ударъ молоткомъ сталъ играть ту же роль, какую играетъ во многихъ другихъ случаяхъ звонокъ, т.-е. для обозначенія начала или конца торга.

Возможно, впрочемъ, что возникновеніе символовъ, съ помощью которыхъ пріобрѣтались территоріальныя права, вызвано первона-

---

[1]) Grimm. Rechtsalt. 65; Аѳанасьевъ. Поэтич. воззрѣнія. I, стр. 254.

чально не преклоненіемъ предъ случаемъ, а тѣмъ, что на раннихъ ступеняхъ культуры, какъ и впослѣдствіи, границы территорій устанавливались борьбою сосѣднихъ племенъ или общинъ, и что молотъ, какъ и многіе другіе предметы и дѣйствія, о которыхъ мы сейчасъ поведемъ рѣчь, являются обрядовыми остатками этой борьбы.

Недавно въ печати [1]) было сдѣлано сообщеніе о весьма любопытномъ обычаѣ, существовавшемъ до послѣдняго времени въ Малороссіи и заключавшемся, по разсказамъ старожиловъ, въ слѣдующемъ. Сельскій начальникъ (соотвѣтствующій нынѣшнему старостѣ) отъ времени до времени обходилъ границы общественныхъ земель въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ „хлопчиковъ" (подростковъ 14—15 лѣтъ) и обращалъ ихъ вниманіе на живыя урочища и признаки—въ видѣ балочекъ, горбиковъ (бугровъ), одиночныхъ деревьевъ или пней и пр., разсказывалъ болѣе или менѣе подробныя исторіи перехода земель и т. д., а для того, чтобы все это ярче отпечатлѣлось въ памяти хлопцевъ, подвергалъ то одного, то другого изъ нихъ, сѣченію на какомъ нибудь изломѣ межи, отсчитывая шагами разстояніе до куста, горбика и т. п., и числомъ шаговъ опредѣлялъ число ударовъ. Это сѣченіе и называлось „памьятковымъ прочуханомъ". Авторъ этого сообщенія, г. Василенко, передаетъ, что въ матеріалахъ по обычному праву, собранныхъ А. Ф. Кистяковскимъ, также имѣются свѣдѣнія о слѣдахъ этого оригинальнаго обычая. По этимъ свѣдѣніямъ, „прочухана" получали многіе изъ тѣхъ, которымъ впослѣдствіи доводилось быть въ качествѣ понятыхъ при началѣ межевыхъ работъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, и экзекуція производилась какъ сельскимъ начальствомъ, такъ и нѣкоторыми заботливыми дѣдами и отцами, на тотъ конецъ, чтобы сыновья и внуки могли „заприсягнуть", что межа была въ томъ или другомъ мѣстѣ и направлялась такъ или иначе. „Памьятковый прочуханъ" не считался позорнымъ или обиднымъ, хотя производился, такъ сказать, публично. Тотъ же авторъ приводитъ выдержку изъ Высочайше утвержденныхъ въ 1797 году правилъ должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія, въ которой хотя и не упоминается о самомъ обычаѣ сѣченія дѣтей при проведеніи межи, но зато узаконяется обстоятельство, сопровождавшее сѣченіе молодыхъ людей, т. е. требуется присутствіе ихъ при осмотрѣ межи. Вотъ эта выдержка: „О цѣлости во всѣхъ селахъ и деревняхъ недвижимыхъ имѣній, дабы они по ихъ ограниченіи ненарушимо пребывали, сельскимъ выборнымъ недреманнымъ окомъ бдѣть и оныя

[1]) «Кіевск. Старина», май 1885.

всякую весну въ свободное отъ работъ время объѣзжать и осматривать, бравъ съ собою изъ молодыхъ и понятыхъ людей по нѣскольку, которые бы всякое урочище и межу примѣчали и твердо памятовать для будущаго свѣдѣнія могли".

О. И. Левицкій, авторъ многихъ изслѣдованій по южно-русской исторіи, обратилъ мое вниманіе на „Историческую записку о Дубенской Кресто-Воздвиженской пустыни", въ которой тоже приводится, между прочимъ, фактъ сѣченія подростковъ при проведеніи границы. При возстановленіи Дубенской Кресто-Воздвиженской пустыни, въ 1860 году, возникъ споръ между этой пустынью и сосѣднимъ римско-католическимъ женскимъ монастыремъ кармелитокъ о принадлежности земли, на которой пустынь начала строить мостъ. И вотъ, изъ числа вызванныхъ свидѣтелей, одинъ, 82-лѣтній старикъ, указалъ на столбики, обозначавшіе межу, и высказалъ, что „эти столбики вбивались при немъ, и что онъ самъ, по обычаю того времени, своеручно далъ пять розогъ одному изъ мальчиковъ, ломоть хлѣба съ масломъ и злотый (15 к.), съ цѣлію, чтобы они сохранили надолго межи въ памяти" [1]).

О. И. Левицкій передалъ намъ другой фактъ, происходившій на его глазахъ на границѣ Полтавской и Екатеринославской губерній, при спорѣ о межѣ крестьянскаго общества съ помѣщикомъ. Здѣсь крестьянинъ, давая показанія, заявилъ, что онъ хорошо помнитъ межу, такъ какъ на извѣстномъ разстояніи отъ „копки" (холмъ), сдѣланной для обозначенія межи, его подвергли сѣченію. Однородные обряды при производствѣ межеванія существовали въ Землѣ Войска Донскаго. Граждане, разсказываетъ г. Тимощенковъ, сошедшись съ гражданами другихъ пограничныхъ станицъ, согласились насчетъ межъ и поставили грани. Для того, чтобы онѣ лучше помнились въ народѣ, граждане собрали всѣхъ взрослыхъ мальчиковъ, какъ изъ своей, такъ и изъ всѣхъ другихъ станицъ, водили ихъ толпою по межѣ и сѣкли розгами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли грани. Какъ кого высѣкутъ, такъ и пустятъ бѣжать домой. Дѣлая это, они надѣялись, что каждый мальчикъ до старости будетъ помнить то мѣсто, гдѣ онъ былъ сѣченъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ казаки сообщали г. Харузину, что и пастуховъ въ прежніе годы сѣкли на границахъ, дабы они помнили ихъ и не гоняли скотину, куда не слѣдуетъ. Кромѣ того, гранями между юртами служили какія-либо урочища, каменныя бабы на курганахъ и т. п. [2]).

---

[1]) Щегловъ. «Историч. Зап.» (Изъ «Вол. Еп. Вѣд.» за 1884 г.), стр. 39.

[2]) Харузинъ. Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону, стр. 262.

О томъ, что этотъ обычай существовалъ гораздо раньше, свидѣтельствуетъ Чацкій, въ одномъ изъ его примѣчаній къ Литовскому Статуту. Онъ видѣлъ актъ объѣзда границы въ царствованіе Сигизмунда I, въ которомъ упоминается о сѣченіи дѣтей, съ тою цѣлью, чтобы они помнили о мѣстахъ, гдѣ были насыпаны холмы [1].

Судя по приведеннымъ даннымъ, выходитъ, что сѣченію при осмотрѣ или проведеніи межи подвергались лишь подростки 14—15 лѣтъ. Но дѣло было не совсѣмъ такъ. По крайней мѣрѣ, г. Харузинъ сообщаетъ о сѣченіи пастуховъ вообще, не только малолѣтнихъ. Проф. И. В. Лучицкій точно также сообщилъ намъ о случаѣ сѣченія, и даже „засѣченія" взрослаго человѣка, при проведеніи межи. Очевидно, сѣченію подростковъ предшествовалъ болѣе ранній фазисъ этого обычая, когда сѣченію якобы „для памяти" подвергались не одни лишь подростки. Да и независимо отъ этого трудно думать, чтобы сѣченіе подростковъ на мѣстахъ было установлено съ цѣлью заставить ихъ помнить о характерѣ и направленіи межи, о томъ, когда и гдѣ она была проведена. Если примемъ во вниманіе, что и теперь еще въ деревняхъ сѣкутъ не только дѣтей, но и взрослыхъ, въ весьма многихъ случаяхъ и по самымъ различнымъ поводамъ, то нельзя будетъ не усомниться въ томъ, чтобы въ болѣе раннія времена сѣченіе подростковъ въ извѣстномъ мѣстѣ могло считаться событіемъ, памятнымъ для подростковъ во всю ихъ жизнь и, слѣдовательно, способствующимъ достиженію той цѣли, которой, будто-бы, старались достигнуть, запѣчатлѣвая въ дѣтскихъ умахъ моментъ проведенія межи.

Обычай сѣченія подростковъ на межахъ не есть, конечно, наше исключительное достояніе. Уже Чацкій указываетъ на то, что у Балузія и Гейнекціуса можно найти указанія на сѣченіе дѣтей на насыпанныхъ пограничныхъ холмахъ [2].

Объ этомъ обычаѣ встрѣчаются частныя упоминанія въ законодательныхъ памятникахъ германскихъ народовъ, но не въ формѣ одного только сѣченія, а и въ формѣ дранья за уши или нанесенія оплеухи. И у германскихъ племенъ проведеніе межи происходило весьма торжественно, въ особенности, если отмежевывались цѣлыя села или волости, въ присутствіи населенія размежевываемыхъ мѣстъ и сосѣдей. При этомъ присутствовали дѣти, и ихъ сѣкли на клавшихся пограничныхъ камняхъ, или драли за

---

[1] «O Litewskich i polskich prawach» (1801 г.). II. p. 180.
[2] «O Litewskich i polskich prawach» l. c.

уши, или давали имъ оплеухи. И тамъ цѣлью подобныхъ дѣйствій выставлялось запечатлѣніе факта въ умѣ подростковъ [1]).

Обычай этотъ весьма древній, и о немъ упоминается уже въ законѣ франковъ рипуарскихъ, причемъ цѣлью этого обычая опять-таки выставляется запоминаніе факта. Si quis,—говорится тамъ,—villam aut vincam vel quamlibet possessiunculam ab alio comparaverit et testamentum accipere non potuerit, si modiocris res est, cum sex testibus, et si parva cum tribus, quodsi magna cum duodecim ad locum traditionis cum totidem numero pueris accedat, et sic praesentibus eis pretium tradat et possessionem accipiat et unicuique de parvulis alapas donet et torqueat auriculas, ut ei in postmodum testimonium praebeant.

Еще въ прошломъ вѣкѣ, во многихъ мѣстахъ Германіи существовалъ обычай, по которому подростковъ слегка драли за уши или давали имъ оплеухи, не только при проведеніи межи, но и при возведеніи фундамента, при нахожденіи клада, и опять-таки цѣлью этого обычая выставлялось то, чтобы они во всю свою жизнь помнили это событіе; при этомъ они получали и подарки [2]).

Насколько дранье за уши и сѣченіе розгами могло въ Германіи служить средствомъ для запечатлѣнія въ памяти юношества извѣстнаго событія, можно судить, между прочимъ, по слѣдующимъ фактамъ. Не только въ средніе вѣка, но и въ болѣе позднія времена розга—virga—была главнымъ средствомъ наказанія юношества и примѣнялась такъ часто, что всякая школа нуждалась въ большомъ запасѣ розогъ, постоянно пополняемомъ. Для этой цѣли во многихъ школахъ такъ-называемымъ кустодамъ, т. е. ученикамъ, назначеннымъ въ качествѣ наблюдателей, предоставлялся день для срѣзыванія розогъ въ лѣсу. Такой порядокъ существовалъ еще въ 1627 году въ ревельской церковной школѣ. Затѣмъ, во многихъ германскихъ городахъ, съ незапамятныхъ временъ существовалъ обычай, по которому въ лѣтній день все школьное юношество отправлялось въ лѣсъ для заготовленія необходимыхъ розогъ. Въ Базелѣ это называлось лозовымъ шествіемъ (Ruthenzug); въ другихъ мѣстахъ этотъ походъ носилъ латинско-нѣмецкое названіе: Virgatum Gehen, ибо ученики, по выраженію одного училищнаго устава 1578 г., virgatum, ut vocant, producuntur. Ученики, ведомые учителемъ и сопровождаемые массою городскаго населенія, шли въ лѣсъ и затѣмъ, нагруженные орудіями истязанія, возвращались въ городъ, распѣвая соотвѣтствующія случаю пѣсни [3]).

---

[1]) Grimm. «Deutsche Rechtsalterthümer». S. 545.
[2]) Grimm, ibid. S. 143, 144.
[3]) Kriegk. «Deutsches Bürgerthum im Mittelalter» (1871). S. 97, 98.

Затѣмъ и въ Германіи дранью за уши подвергались не только подростки, но, напримѣръ, по баварскому праву, вообще свидѣтели, взрослые люди. Въ баварскомъ законѣ говорится: „Si quis vendiderit possessionem suam alicui, terram cultam, non cultam, prata vel silvas, post acceptum pretium aut per chartam aut per testes comprobetur firma emptio; ille testis per aurem debet esse tractus, quia sic habet lex vestra".

Дранье за уши — tractio aurium — существовало не только въ германскомъ правѣ, но и въ римскомъ процессѣ, вообще по отношенію къ свидѣтелямъ [1]).

Изъ сказаннаго очевидно, что обычай сѣченія подростковъ и, вообще, болѣе или менѣе дурнаго обращенія съ свидѣтелями во время совершенія акта пріобрѣтенія имущества или отмежеванія его находится въ связи съ характеромъ первобытнаго процесса вообще и о недвижимомъ имуществѣ въ частности.

Но, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ, остановимся на другихъ дѣйствіяхъ, съ помощью которыхъ совершалось отграниченіе земельныхъ участковъ, или, иначе говоря, на внѣшнихъ, матеріальныхъ признакахъ границы.

Орудіями размежеванія въ древнія времена были ремни и шесты; въ нѣкоторыхъ древнихъ германскихъ документахъ упоминается о размежеваніи посредствомъ шестовъ и прутьевъ [2]). Затѣмъ, признакомъ раздѣла являлись камни, деревья, холмы, столбы; въ особенности употреблялись камни и деревья. У древнихъ германцевъ требовалось три камня, и они назывались Mahlsteine. На нихъ, какъ и на деревьяхъ—Mahlbäume, служившихъ признакомъ раздѣла, часто дѣлались кресты. Такіе камни и деревья считались священными и неприкосновенными; съ деревьевъ не дозволялось снимать ни коры, ни вѣтвей. За перемѣщеніе пограничнаго камня, за перестановку съ одного мѣста на другое, нѣмецкое обычное право грозитъ жестокими наказаніями: преступника закапывали въ землю до головы и перерѣзывали горло плугомъ [3]). За снятіе коры или срываніе вѣтвей съ пограничныхъ деревьевъ нѣмецкое обычное право предписывало: разрѣзать преступнику животъ, вынуть кишку, пригвоздить ее къ попорченному дереву и ходить съ нею вокругъ и около дерева до тѣхъ поръ, пока дерево будетъ прикрыто или пока всѣ кишки выйдутъ [4]). Подобныя же наказанія, вообще, полагались за порчу деревьевъ. Случайное выкапываніе

---

[1]) Grimm, ibid. S. 146.
[2]) Grimm. S. 540, 541.
[3]) Grimm. S. 542, 543, 544, 546, 547.
[4]) Grimm. S. 519.

пограничныхъ камней, очевидно, не вмѣнялось въ вину, и они должны были быть возстановлены въ присутствіи сосѣдей [1]).

О громадномъ значеніи межевыхъ знаковъ и жестокихъ наказаніяхъ за уничтоженіе межи или грани свидѣтельствуетъ и русскій Судебникъ 1497 г. „А кто—читаемъ мы въ 62 ст.—съоретъ межу или грани ссѣчетъ изъ великаго князя земли, боярина и монастыря, или боярской и монастырской у великаго князя земли, или боярской или монастырской у боярина, или боярской у монастыря, и кто межу съоралъ или грани ссѣкъ, ино того бити кнутіемъ, да истцу взяти на немъ рубль. А христіяне (крестьяне) промежу себя, въ одной волости или въ селѣ, кто у кого межу переоретъ или перекоситъ, ино волостелемъ или посельскому имати на томъ за боронъ по два алтына, и за року присудятъ посмотря по человѣку, и по року, и по разсужденію". Однородныя же постановленія мы встрѣчаемъ въ царскомъ Судебникѣ 1550 года [2]).

И у славянъ, въ качествѣ межевыхъ знаковъ, употреблялись деревья, въ особенности дубъ („дубъ знаменный" Русской Правды ст. 84), холмы, бугры, курганы, ямы съ положенными въ нихъ *камнями:* 5-ю въ починныхъ ямахъ и 3-мя въ послѣдующихъ [3]). Мы видѣли, что въ Малороссіи и Литвѣ, для обозначенія границы, дѣлались „копки" (копци). Для обозначенія границъ, кромѣ этихъ „копцевъ", почти постоянно упоминаются въ актахъ „могилы", съ крестами или камнями на нихъ [4]). Когда пограничные холмы были насыпаны, то отряженный для этой цѣли въ Польшѣ коморникъ всходилъ на каждый изъ этихъ холмовъ и объявлялъ по нѣскольку разъ, что граница установлена, что она никѣмъ не должна быть оспариваема, и каждый долженъ въ будущемъ имѣть ее въ виду [5]). У словенцевъ перемѣщать межевые знаки считается величайшимъ грѣхомъ; кто это дѣлаетъ, того наказываютъ злые духи [6]).

Весьма возможно, что это есть перифразъ извѣстнаго библейскаго запрета нарушать межу: „Не нарушай межи ближняго твоего,—говорится тамъ,—которую положили предки въ удѣлѣ твоемъ, доставшемся тебѣ въ землѣ, которую Господь, Богъ твой, даетъ

---

[1]) Idem. S. 547.

[2]) См. ст. 87.

[3]) См. Сборн. документовъ по дѣлу Павловскихъ старожиловъ Воронежск. губ. Спб. 1887, стр. 5. (Межевая книга).

[4]) «O Litewskich i polskich prawach». Rozdzial IX, p. 204. «Археографич. Сборн. Сѣв.-зап. Руси» (Вильно, 1867). I, стр. 106, 110, 114, 115, 117, 122, 124. Лучицкій: «Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины въ Полт. губ.» (Кіевъ. 1884 г.), стр. 136, 137, 142, 143, 145, 146, 150, 155, 170 и др.

[5]) Maceiowski. «Slavische Rechtsgeschichte». IV. S. 477.

[6]) Аѳанасьевъ. «Поэтическія воззрѣнія славянъ». III, стр. 799.

тебѣ во владѣніе". Санкціи для этого запрета, въ смыслѣ фактическаго наказанія, не имѣется, кромѣ висящаго надъ головою преступника проклятія. „Проклятъ нарушающій межи ближняго своего! И весь народъ скажетъ: аминь" [1]). Нѣмецкое народное суевѣріе, а также чешское, въ свою очередь, знаетъ о проклятіи, висящемъ надъ лицами, сдвинувшими межу или пограничные камни, и это проклятіе выражается въ очень опредѣленной формѣ. Душа преступника и послѣ его смерти не находитъ покоя въ могилѣ и въ наказаніе вѣчно должна носить съ собою или сдвинутый пограничный камень, или же голову подъ мышкой [2]). Нѣмецкое представленіе о посмертномъ наказаніи, очевидно, вполнѣ соотвѣтствуетъ фактическому наказанію, производившемуся надъ нарушителемъ межи, — ему, какъ мы видѣли, срѣзывали голову плугомъ.

Бѣлоруссы на межахъ своихъ участковъ насыпаютъ земляные бугры, огораживая ихъ частоколомъ, и такого бугра никто не посмѣетъ разрыть, изъ опасенія разгнѣвить божество. Такимъ божествомъ является Чуръ,—богъ, оберегающій границы поземельныхъ владѣній и вообще собственности [3]). Какъ указываетъ Аѳанасьевъ, „глаголъ: чураться — въ областныхъ городахъ значитъ не только „клясться Чуромъ", но и очерчиваться (въ переносномъ смыслѣ: удаляться, отстраняться отъ кого-нибудь); а слово „чуръ" получило значеніе проведенной черты (межи), какъ это очевидно изъ нарѣчія: черезъ-чуръ, и пословицы: „черезъ чуръ и конь не ступитъ". Согласно съ своимъ основнымъ характеромъ, чуръ является въ заклинаніяхъ и божествомъ, освящающимъ право собственности: „чуръ, пополамъ!"—„чуръ, вмѣстѣ или одному!"—„чуръ, мое!" [4]).

Дюлоръ, въ своей „Histoire abrégée des cultes", видитъ начало камнепоклоненія въ томъ уваженіи, какое оказывалось пограничнымъ камнямъ. „Нѣтъ никакого сомнѣнія,—прибавляетъ къ этимъ словамъ Леббокъ,—что почитаніе нѣкоторыхъ камней было слѣдствіемъ этой причины. Очевидно, что подобное же происхожденіе имѣло поклоненіе Гермесу, или Термесу, и этимъ, пожалуй, можно объяснить отличительныя черты Гермеса, или Меркурія, символомъ котораго былъ вертикально стоящій камень" [5]). Дѣло въ томъ, что Меркурій, или Гермесъ, или Термесъ (граница, межа) — не только покровитель путешественниковъ, пастуховъ и купцовъ, — онъ же сопровождалъ въ адъ души умершихъ. Леббокъ указы-

[1]) «Второзаконіе», XIX, 14 и XXVIII, 17.

[2]) Wuttke. «Der deutsche Volksaberglaube» (1869), §§ 758 и 761. Аѳанасьевъ. II, стр. 91 и 92.

[3]) Аѳанасьевъ. ibid, II, стр. 90.

[4]) Аѳанасьевъ, II, стр. 92, 93.

[5]) Леббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 220.

ваетъ на то, что такая функція, приписываемая Гермесу, обязана, по всей вѣроятности, своимъ происхожденіемъ весьма древнему обыкновенію ставить на могилахъ памятники, въ формѣ вертикально стоящихъ камней [1]). Во всѣхъ мѣстностяхъ южной Индіи изрѣдка можно встрѣтить четыре или пять камней, вымазанныхъ красною краскою и поставленныхъ въ рядъ посреди хлѣбнаго поля; они считаются охранителями полей и извѣстны подъ именемъ пяти Пандусовъ. Полковникъ Форбесъ-Лесли предполагаетъ, что красная краска должна изображать кровь [2]).

Нельзя не присоединиться къ мнѣнію Леббока, что Гермесу приписывается сопровожденіе въ адъ умершихъ, именно благодаря тому, что на могилахъ умершихъ кладутся или ставятся камни, причемъ на основаніи массы данныхъ, сгруппированныхъ, между прочимъ, Либрехтомъ, можно думать, что прикрываніе могилъ умершихъ или убитыхъ камнемъ является болѣе раннею функціею камней, такъ что они получаютъ у первобытныхъ народовъ священное значеніе, именно, вслѣдствіе этой ранней функціи. Еще и теперь въ очень многихъ мѣстахъ, въ Исландіи, Швеціи, Германіи, Англіи и т. д., простонародье, встрѣчая холмы или камни, связываетъ съ ними легенды о покоящихся подъ ними лицахъ умершихъ или убитыхъ [3]). То же воззрѣніе встрѣчается и у внѣевропейскихъ народовъ. Въ пользу такой первоначальной функціи камней и холмовъ можетъ служить и то, что камни—мы видѣли—вообще вымазываются красною краскою (символъ крови) или, что на нихъ вырѣзываются кресты. Прибавимъ здѣсь же, что и на межевыхъ знакахъ въ Польшѣ, Литвѣ и Малороссіи дѣлались кресты (znamiona na krzyż) [4]).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію древняго суда вообще и суда о недвижимомъ имуществѣ въ частности, насколько данныя объ этихъ предметахъ могутъ служить къ выясненію значенія внѣшнихъ знаковъ межи и межевыхъ обрядовъ.

Гдѣ происходилъ древній судъ?—Онъ происходилъ подъ открытымъ небомъ, то подъ деревьями, то подъ однимъ деревомъ, часто дубомъ (sub quercu); весьма часто судъ, какъ и вообще собраніе народное, происходилъ на горахъ и въ особенности холмахъ, отчего мѣсто суда носило иной разъ названіе mahlberg или mahlstedt; судъ происходилъ также у большихъ камней. Встрѣчается

---

[1]) Idem, 221.
[2]) Леббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 222.
[3]) Liebrecht. Zur Volkskunde. S. 268—276.
[4]) Maceiowski. IV. S. 473.

и одинъ каменъ (apud longum lapidem), и три камня; происходилъ, наконецъ, судъ и на площади, гдѣ было кладбище [1]), Вообще, одно изъ древнѣйшихъ названій суда у германскихъ народовъ,—это mahal, mal, mallum, malstatt, и т. д. [2]).

Изъ приведенныхъ только что данныхъ очевидно, что обстановка древняго суда совпадаетъ съ внѣшними признаками размежеванія, что, затѣмъ, и названія межевыхъ знаковъ—Mahl—совпадаютъ съ названіемъ мѣста древняго суда.

Если судъ вообще происходилъ подъ открытымъ небомъ, то тѣмъ болѣе судъ о недвижимомъ имуществѣ, о границахъ владѣнія происходилъ на спорномъ мѣстѣ. Такъ, въ судебникѣ короля Казиміра, данномъ Литвѣ, 1468 г., въ статьяхъ 20, 22 указывается, что если будетъ земное дѣло, т. е. дѣло о землѣ, то требуется вызвать ѣздоковъ на спорное мѣсто. Въ 22 ст., между прочимъ, опредѣляется: „А коли бы два мѣли ся правовать, а возьмутъ себѣ ѣздоки и судьи: ино учинити имъ рокъ, а дати вѣдомо за чотыри недѣли, штобы ся оба-два заготовили къ тому року передъ тыи судьи; судьамъ же и ѣздокамъ тамъ выѣхати на реченое мѣстьцо. А который бы изъ дву тыхъ сутяжаевъ не выѣхалъ, тотъ безъ суда виноватъ; а который выѣхалъ, того оправити въ томъ, чого будеть искати“. Однородныя постановленія о мѣстѣ суда по поводу недвижимаго имущества мы встрѣчаемъ и въ другихъ законодательныхъ постановленіяхъ славянскихъ народовъ. Такъ, если у поляковъ были нарушены границы владѣнія, то истецъ вмѣстѣ съ судьями-коммиссарами (то же, что наши ѣздоки) отправлялись на данный поземельный участокъ; тамъ судьи выслушивали показанія свидѣтелей истца и отвѣтчика, обыкновенно стариковъ, и сообразно съ этимъ рѣшали спорный вопросъ. Такія же коммисіи отправлялись на спорное недвижимое имущество и въ Моравіи. Здѣсь стороны сначала заявляли свои претензіи и возраженія. Затѣмъ судьи обращались къ свидѣтелямъ со слѣдующими словами: „Сосѣди и друзья, вы слышали, о чемъ идетъ рѣчь; отойдите въ сторону и посовѣтуйтесь между собою, въ чью пользу можете показать. Помните о Богѣ и о спасеніи вашей души, ибо знайте, что мы, опираясь на ваши показанія, будемъ сообразно имъ рѣшать дѣло“ [3]). Въ Черногоріи еще и донынѣ, впрочемъ, по свѣдѣніямъ 1839 г., споръ о землѣ происходитъ на спорномъ объектѣ [4]).

---

[1]) Crimm. S. 793, 794, 795, 801, 802, 803, 805, 796.
[2]) Idem, S. 746, 798.
[3]) Maceiowski. IV, S. 478, 479.
[4]) Idem. IV. S. 478.

Судя по 106 и 78 статьямъ псковской судной грамоты, и въ Псковѣ судъ о землѣ производился на мѣстѣ, и межа опредѣлялась на основаніи показаній стариковъ („и межниковъ возмутъ и тои втведутъ оу стариковъ свою часть").

Изъ приведенныхъ до сихъ поръ постановленій мы видимъ, что судъ, производившійся на тѣхъ поземельныхъ участкахъ, о которыхъ шелъ споръ, состоялъ въ выслушиваніи свидѣтелей сосѣдей, въ особенности старожиловъ, и въ рѣшеніи согласно этимъ показаніямъ. Но не такова была древняя форма суда о недвижимомъ имуществѣ. Она состояла въ наѣздѣ или грабежѣ въ земномъ дѣлѣ, какъ выражается новгородская судная грамота (1471 г.), въ наведеніи или насыланіи людей,—въ порубахъ и наѣздахъ, какъ выражается судебникъ короля Казиміра [1]). Въ цитируемыхъ нами постановленіяхъ рѣчь идетъ уже объ отмѣнѣ формы древняго суда о недвижимомъ имуществѣ. „А кому будетъ о землѣ дѣло, о селѣ, или о дву, или больше или менши: ино ему до суда на землю не наѣзщать, ни людей своихъ не насылать, а о землѣ позвати къ суду" [2]). „А порубовъ и наѣздовъ не надобѣ никому же чинити" [3]). Тотъ, кто это совершилъ, считается, что онъ „и съ права земьского выступилъ, а надъ право сягнулъ" [4]). Несомнѣнно, однако, что въ болѣе раннія времена эта процедура суда была вполнѣ правомѣрною. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, судебная процедура въ Сербіи, отмѣненная царемъ Душаномъ. Тотъ, кто предъявлялъ притязаніе на извѣстный участокъ, заявлялъ своему противнику, что онъ явится къ извѣстному сроку на этомъ участкѣ и возьметъ свое. Этотъ образъ дѣйствій назывался najezda ili sila pochwalna [5]). На это же указываетъ и одна формальность въ чешскомъ судѣ. И тамъ истецъ, вмѣстѣ съ коморникомъ, послами и свидѣтелями для заявленія спора о недвижимомъ имуществѣ, долженъ былъ явиться на спорный участокъ. Но законъ предвидитъ случай, когда истецъ будетъ опасаться явиться на мѣсто суда. Онъ, въ такомъ случаѣ, долженъ послать коморника къ своему противнику и получить отъ него удостовѣреніе въ томъ, что онъ не нападетъ на него,—удостовѣреніе въ мирномъ его настроеніи—przymierze, treuga [6]). Очевидно, что это постановленіе вызвано прежними порядками, при которыхъ споръ о недвижимыхъ имуществахъ рѣшался боемъ, насиліемъ. Столь же

---

[1]) Новг. Суд. Грам., ст. 6, 7, 10, 11. Суд. кор. Каз., ст. 20 и 21.
[2]) Новг. Суд. Грам., ст. 7.
[3]) Суд. кор. Каз., ст. 20.
[4]) Ibid., ст. 21.
[5]) Maciejowski. II. S. 108.
[6]) Idem. l. c.

характерно указаніе въ чешскомъ правѣ о томъ, какъ противники, въ случаѣ спора о поврежденіи недвижимаго имущества, должны явиться на мѣсто спора. Оба они должны снять съ себя тяжелое платье и ходить по полю пѣшкомъ. Характерно и то, что послѣ мимическаго изображенія со стороны истца, какъ былъ причиненъ вредъ, и мимическаго же возраженія отвѣтчика о непричиненіи вреда, процедура оканчивается тѣмъ, что обѣ стороны, въ случаѣ признанія за кѣмъ нибудь изъ нихъ вины, обязываются лишиться своего имущества въ пользу суда, причемъ это обязательство носитъ названіе: pogrzeb [1]).

Этому термину, впрочемъ, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ обрядъ присяги, употреблявшійся въ Россіи при спорахъ о землѣ и межахъ. Вотъ почему я и остановлюсь здѣсь на этомъ предметѣ. Одинъ изъ тяжущихся клалъ себѣ на голову кусокъ земли, вырѣзанной вмѣстѣ съ растущею на ней травою на самомъ спорномъ полѣ, и шелъ съ нимъ по тому направленію, гдѣ должна была проходить законная граница; показаніе это принималось за полное доказательство... Митрополитъ Евгеній указалъ на свидѣтельства XVII вѣка изъ писцовыхъ книгъ, данныхъ Сольвычегодскому монастырю на покосы и пожни: „и въ томъ (спорѣ) имъ (тяжущимъ) данъ судъ, и съ суда имъ учинена вѣра, и отвѣтчикъ Окиѳенко далъ истцу Олешкѣ *на душу*. И Олешка *положа земли себѣ на голову, отвелъ той пожнѣ межу*". — „И съ суда дана имъ *вѣра*, и отвѣтчикъ Ероѳеенко въ томъ далъ *на душу* старцамъ и слугамъ (служкамъ); и монастырской служка Пронька Михайловъ, *положа земли на голову, ту спорную землю обшелъ*, и между имъ впередъ учинили, куда шелъ Пронька Михайловъ". Этотъ старинный обычай сохранился еще по настоящее время на сѣверѣ-же, въ каргопольскомъ уѣздѣ олонецкой губерніи. Когда двое хозяевъ заспорятъ о межѣ, то для разрѣшенія спора одинъ изъ спорщиковъ говоритъ другому: „пусть разсудитъ насъ мать сыра земля". Если на эти слова согласенъ другой спорщикъ, то одинъ изъ нихъ вырываетъ кусокъ дерна съ землею, полагаетъ его на голову и идетъ по тому мѣсту, гдѣ, по его мнѣнію, должна быть дѣйствительно пограничная межа покосовъ; всю обойденную имъ землю признаетъ и противникъ: „бери, что обошелъ, такъ разсудила насъ мать сыра земля". Объясненіе этого обычая можно найти въ слѣдующемъ фактѣ, который разсказываетъ М. Н. Макаровъ, видѣвшій исполненіе того же обычая близъ города Сапожка, въ рязанской губерніи. Тамъ одинъ простолюдинъ, оспаривая принадлежность луга, „*вырѣзалъ дернину и, по-*

---

[1]) Maceiowski. II. S. 108.

ложивъ ее на голову и оградясь крестомъ, клялся передъ свидѣтелями, что если право свое на покосѣ онъ утверждаетъ ложно, то *пусть сама мать-родная земля прикроетъ его навѣки*" [1]). Изъ только-что приведенныхъ словъ смыслъ этого обряда—хожденія по межѣ съ глыбою земли—выясняется самъ собою. По указаніямъ г. Матвѣева, обычай обходить спорную межу съ дерномъ на головѣ извѣстенъ и въ Грузіи, гдѣ къ нему часто прибѣгаютъ [2]).

Въ своей рѣчи о символизмѣ права, Калмыковъ цитируетъ изъ оппельнскаго земскаго устава 1562 года опредѣленіе объ однородномъ же обрядѣ присяги: „Присяга должна быть принимаема на межахъ по древнему обычаю, и затѣмъ постановлено для крестьянъ: крестьяне должны раздѣться до рубахи, стать на колѣни въ ямѣ, вырытой на одинъ локоть въ глубину, держать на головѣ дернъ, не имѣть при себѣ ни ножа, ни оружія, и такимъ образомъ произносить присягу" [3]). Извѣстно, что этотъ Божій судъ, производившійся безъ помощи оружія, т.-е. присяга, есть не что иное, какъ замѣна болѣе ранняго Божьяго суда, производившагося съ оружіемъ въ рукахъ—поединка, поля.

Чтобы покончить съ присягой, употреблявшейся при спорахъ о межахъ, напомнимъ здѣсь же, что въ Россіи хожденіе по межѣ съ глыбою земли было замѣнено обрядомъ „образнаго" хожденія, узаконеннымъ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича [4]). Обходъ межи спорныхъ полей совершался не съ глыбою земли, а съ иконою на головѣ, и это технически называлось „отводить землю по Пречистой". Этотъ видъ присяги уничтоженъ въ 1683 году, чтобы „душевредства" не было [5]). Тѣмъ не менѣе и впослѣдствіи въ Землѣ Войска Донскаго споры о границахъ рѣшались такимъ образомъ, что поручали кому-нибудь изъ стариковъ съ иконою въ рукахъ пройти тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, должна была проходить старая межа. Какъ онъ опредѣлялъ границу, тому и вѣрили. Это называлась „общая правда" [6]).

Всѣ эти косвенныя доказательства служатъ только подтвержденіемъ прямыхъ данныхъ, что въ наиболѣе раннія времена споры о границахъ недвижимаго имущества, о владѣніи большею или меньшею частью его, заключались въ физическомъ состязаніи, въ борьбѣ съ кровопролитными результатами—ранеными и убитыми,

---

[1]) Аѳанасьевъ, I, стр. 147, 148.

[2]) Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. I. Замѣтка по обычному праву. Стр. 19.

[3]) Ibid., стр. 149.

[4]) Гл. XVII, ст. 52. Гл. X, ст. 236 и 237.

[5]) Аѳанасьевъ, I, стр. 148. Кавелинъ, Соч., I, стр. 168.

[6]) Харузинъ. Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ. Стр. 327.

причемъ вмѣсто цѣлыхъ массъ съ одной и другой стороны, вмѣсто взаимныхъ кровопролитныхъ наѣздовъ и грабежей, могли происходить поединки, единоборства, „поле“ между взрослыми или подростками съ той и другой стороны.

Извѣстно, что, вообще, древнею формою суда былъ поединокъ, поле: кто превозмогалъ, тотъ былъ правъ. Такое же значеніе поле имѣло и въ спорѣ о земельныхъ границахъ и, вообще, о владѣніи земельными участками.

10-ою ст. псков. судной грамоты требуется, чтобы спорящіе о землѣ доказали свои права по грамотамъ и затѣмъ „межникамъ межничество сняли“; если же споръ не можетъ быть рѣшенъ этимъ путемъ, то должно быть присуждено поле, и кто превозможетъ, тотъ, конечно, правъ. Вплоть до судебниковъ дозволялось въ случаѣ спора „лѣзть на поле“ [1]).

Тоже происходило и среди германскихъ народовъ, причемъ и тутъ поединокъ служилъ замѣной войнѣ цѣлыми массами. Въ качествѣ лицъ, вступающихъ въ единоборство, съ обѣихъ сторонъ часто упоминаются юноши (cujus puer vicerit, regionem sine certamine obtinebit) [2]). Для опредѣленія границы, вмѣсто дѣйствительнаго поединка, часто употреблялась встрѣча двухъ прибѣжавшихъ изъ двухъ различныхъ пунктовъ. Тамъ, гдѣ они сталкивались, проводилась граница. Швейцарское сказаніе передаетъ, какъ два пастуха Ури и Гларуса опредѣлили этимъ путемъ границу. Однородный разсказъ существуетъ о проведеніи границы между Карѳагеномъ и Киренами [3]). О томъ, что поединокъ употреблялся при рѣшеніи поземельныхъ вопросовъ среди германскихъ народовъ, имѣются прямыя данныя: Si quis contenderit super agris, vineis, pecunia, ut devitentur perjuria, duo eligantur ad pugnam et duello litem decidant [4]).

Что поединки были замѣной, эквивалентомъ массовой борьбы двухъ сторонъ, видно также изъ многочисленныхъ запрещеній, существующихъ въ различныхъ памятникахъ русскаго права, брать пособниковъ, и изъ запрещенія въ судебникахъ стряпчимъ и поручникамъ брать съ собою доспѣхи, дубины, ослопы и вообще орудія борьбы [5]).

Изъ всѣхъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ можетъ быть сдѣланъ, повидимому, одинъ выводъ, а именно, что всѣ межевые

---

[1]) Суд. 1498 г., ст. 48. Суд. 1550, ст. 11, 12, 16, 62.
[2]) Grimm. S. 548, 928, 934.
[3]) Ibid. S. 85, 86.
[4]) Grimm. S. 929.
[5]) Пск. Суд. Гр., ст. 58. Новг. Суд. Гр., ст. 41. Суд. 1497, ст. 68. Суд. 1550, ст. 13.

знаки, употребляемые для разграниченія собственности, а также обрядовое сѣченіе и, вообще, дурное обращеніе со свидѣтелями—суть не что иное, какъ обрядовые остатки пограничныхъ войнъ. Подъ тѣми холмами и буграми, которые впослѣдствіи стали насыпаться для обозначенія границы, подъ тѣми камнями, которые сооружались на межѣ, покоились въ былыя первобытныя времена тѣла мертвыхъ враговъ, спорившихъ о принадлежности территоріи той или другой сторонѣ. Вслѣдствіе того, что насыпаніе холмовъ, бугровъ и постановка камней были результатомъ кровопролитной борьбы, они получали, разумѣется, непререкаемое значеніе для опредѣленія межи. Вотъ почему и самое сдвиганіе съ мѣста этихъ межевыхъ знаковъ сопровождалось жестокими наказаніями, соотвѣтствовавшими жестокимъ событіямъ, вызвавшимъ постановку межевыхъ знаковъ. Обрядовое сѣченіе подростковъ, дранье ихъ, какъ и свидѣтелей вообще, за уши, нанесеніе имъ пощечинъ, въ свою очередь, были обрядовымъ эквивалентомъ первоначальной борьбы между спорящими сторонами и свидѣтелями, которые, въ сущности, были также заинтересованы въ дѣлѣ, такъ какъ въ болѣе раннія времена они являлись не въ качествѣ „послуховъ", а въ качествѣ пособниковъ съ доспѣхами, дубинами, ослопами и т. д. [1]). Прутья и ремни, употреблявшіеся впослѣдствіи для размежеванія, были, конечно, раньше весьма подходящимъ орудіемъ для производства сѣченія; что сѣченіе можетъ служить эквивалентомъ дѣйствительнаго лишенія жизни, видно, между прочимъ, изъ сѣченій, производившихся надъ дѣтьми въ Спартѣ, у алтаря Артемиды Орфія, что̀, какъ извѣстно, было замѣной принесенія въ жертву дѣтей [2]). Въ пользу этого мнѣнія свидѣтельствуетъ и вскользь упомянутый нами фактъ, что и при возведеніи фундамента для какого-нибудь сооруженія вообще производилось сѣченіе или дранье за уши дѣтей. Стоитъ только вспомнить о тѣхъ многочисленныхъ фактахъ погребенія живыхъ существъ, въ особенности дѣтей, подъ фундаментами или въ стѣнахъ вновь возводимыхъ сооруженій [3]). Въ данномъ случаѣ нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что въ сѣченіи или драньѣ за уши подростковъ мы имѣемъ дѣло съ эквивалентомъ болѣе жестокаго факта, совершавшагося въ раннія времена.

И въ нынѣшнія времена, въ международныхъ отношеніяхъ, направленіе границъ освящается наилучшимъ образомъ пролитою человѣческою кровью. И теперь, слѣдовательно, кровопролитные пограничные споры не представляютъ собою архаической, давно

---

[1]) Сергѣевичъ. Лекціи по исторіи русскаго права. (1883). Стр. 570.
[2]) Schoemann. «Griechische Alterthümer». (1861) I. S. 266. 267.
[3]) См. выше стр. 24.

забытой черты, и если мы можемъ чѣмъ-либо утѣшаться, то развѣ тѣмъ, что подобные факты происходятъ, во всякомъ случаѣ, не часто, такъ что и сѣченіе, являющееся отдаленнымъ отзвукомъ подобныхъ побоищъ между селами, въ свою очередь, потеряло серьезное значеніе. Въ очень отдаленныя отъ насъ времена былъ уже выставленъ принципъ, что если между князьями „учинится каково дѣло, ино съѣдутся бояре наши на рубежъ, да межи насъ поговорятъ" [1]). Надо надѣяться, что наступитъ, наконецъ, время, когда и европейская дипломатія или снаряжаемыя ею делимитаціонныя коммиссіи будутъ являться на мѣсто дѣйствія не post factum, а, наоборотъ, съѣхавшись заранѣе на рубежъ и „поговорившi", будутъ тѣмъ предупреждать кровопролитныя столкновенія.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію еще нѣкоторыхъ символическихъ дѣйствій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ враждебнымъ отношеніямъ, существующимъ на раннихъ ступеняхъ культуры между лицами, принадлежащими къ разнымъ племенамъ.

Женщины у африканскаго народа ваніамвезіевъ привѣтствуютъ мужчинъ и даже подростающихъ юношей, наклоняясь всѣмъ корпусомъ до тѣхъ поръ, пока концы ручныхъ пальцевъ не коснутся конца ногъ, или перегибаютъ тѣло на сторону, хлопая въ ладоши [2]). Напротивъ мужчины этого племени, встрѣчаясь другъ съ другомъ, сначала протягиваютъ другъ другу руки, затѣмъ схватываютъ другъ друга за локти и начинаютъ тереть другъ другу руки. Объ однородныхъ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной разсказываетъ и Ливингстонъ. Такъ, разсказывая о женѣ одного начальника, Ливингстонъ говоритъ, что при приближеніи мужа она всегда сторонилась, чтобы дать ему дорогу, даже становилась на колѣни и оставалась въ такомъ положеніи, пока онъ не проходилъ. Очевидно, если прикосновеніе считается признакомъ единенія, то для того, чтобы выразить разъединеніе, тщательно избѣгаютъ всякаго прикосновенія. Если какому либо лицу у арабовъ угрожаетъ опасность отъ другаго лица и ему удастся стать подъ защиту третьяго, добѣжавши до него или прикоснувшись къ неодушевленному предмету, который это третье лицо держитъ въ рукахъ или находится въ соприкосновеніи съ какой нибудь частью его тѣла, или же онъ очутится на такомъ разстояніи отъ третьяго лица, что можетъ попасть въ него плевкомъ или бросить въ него камнемъ и крикнуть „Ана дахейль"—я нахожусь подъ твоимъ покровительствомъ — то онъ уже внѣ всякой опасности, и лицо, къ которому онъ обра-

---

[1]) Догов. Гр. кн. Дмитрія Ив. 1368. Владимірскій-Будановъ. Хрестоматія. II. Стр. 16, 17.

[2]) Стэнли. Какъ я нашелъ Ливингстона. Русскій пер., стр. 436 и 437.

тился, обязано его защищать. Впрочемъ, въ защитѣ нѣтъ никакой надобности, ибо нападающее лицо тотчасъ-же отпускаетъ его съ миромъ. Въ виду этого араба, попавшагося къ кому нибудь въ плѣнъ, при появленіи постороннихъ лицъ, подъ защиту которыхъ онъ могъ бы прибѣгнуть, заставляютъ дать словесно отреченіе отъ этой привилегіи. Отреченіе это обязательно, впрочемъ, лишь въ тотъ день, когда оно дано. Если плѣнному арабу удастся получить кусокъ хлѣба отъ ребенка, то онъ можетъ предъявить претензію на освобожденіе его на томъ основаніи, что онъ ѣлъ совмѣстно съ этимъ ребенкомъ. Это правило не распространяется однако на дѣтей того лица, у котораго онъ находится въ плѣну [1]).

Независимо отъ соприкосновенія и отъ избѣжанія совмѣстной ѣды, мы видимъ, что женщины для выраженія своего подчиненнаго отношенія должны наклонятъся, нагибаться. Но такой же символъ мы встрѣчаемъ въ отношеніяхъ между побѣдителями и побѣжденными. „У большей части дикихъ народовъ, говоритъ фонъ-Марціусъ, мы находимъ символъ, состоящій въ томъ, что плѣнникъ, падая ницъ, ставитъ ногу своего новаго повелителя на свою голову". Очевидно, что наклоненіе головы въ данномъ случаѣ, въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной, есть символъ, совершенно аналогичный съ только-что приведеннымъ, причемъ обходится только безъ послѣдней части, т.-е. безъ того, чтобы высшій ставилъ ногу на голову или на спину низшаго. Въ Тонга-табу туземцы падаютъ ницъ передъ своимъ повелителемъ и кладутъ его ногу на свою шею. То же происходитъ и въ Африкѣ. Путешественникъ Лэрдъ разсказываетъ, что каждый изъ пословъ короля Фундаха преклонился передъ нимъ и положилъ его ногу на свою голову.

Въ древней Америкѣ, именно у чипчасовъ, тѣ, которые приходили къ кацику, должны были припадать къ его ногамъ и притомъ такъ, чтобы лица ихъ касались земли. Не мало примѣровъ того же представляетъ намъ Азія. Принося жалобу, хондъ долженъ припасть къ землѣ лицомъ внизъ со сложенными руками. Впрочемъ этотъ способъ выраженія подчиненія встрѣчается въ самыхъ различныхъ странахъ и въ самые различные періоды жизни человѣчества. У береговыхъ африканскихъ негровъ туземецъ при посѣщеніи начальника или при случайной встрѣчѣ съ нимъ немедленно падаетъ на колѣни и три раза послѣдовательно цѣлуетъ землю.

Происхожденіе этого способа проявленія подчиненія достаточно разъясняется слѣдующимъ (передаваемымъ у Льюиса и Кларка) разсказомъ объ одной группѣ американскихъ шошоновъ, встрѣ-

[1]) Klemm. Kulturgeschichte. VI. S. 177, 178.

ченныхъ ими. „Двое изъ нихъ, разсказываютъ они, престарѣлая женщина и маленькая дѣвочка, замѣтивъ наше приближеніе и видя невозможность убѣжать отъ насъ, опустились на землю и склонили головы, конечно, примирившись со смертью, которая, какъ онѣ полагали, неминуемо ожидала ихъ".

Врагъ-побѣдитель, такимъ образомъ, какъ будто бы приглашается нанести ударъ, причемъ побѣжденные этимъ выражаютъ, что всякая надежда на спасеніе исчезла [1]). Подчиненіе можетъ также выразиться *снятіемъ орудія вражды* или дареніемъ его непріятелю, такъ какъ за этимъ непремѣнно должно слѣдовать прекращеніе боя. У цѣлаго ряда путешественниковъ мы находимъ указанія на то, что снятіе оружія при приближеніи чужеземцевъ является знакомъ миролюбивыхъ намѣреній. У кафровъ вѣстникъ мира узнается потому, что еще на разстояніи двухъ сотенъ шаговъ отъ жилища того поселенія, куда онъ посланъ, онъ кладетъ на землю свои ассагай или копье и подходитъ уже съ распростертыми руками [2]). Современный генералъ отдаетъ свою шпагу въ знакъ капитуляціи арміи; точно также свободные черные дѣлаются добровольно рабами, совершивъ простой, но выразительный обрядъ ломанія копья въ присутствіи будущаго господина. Ломаніе шпаги еще и въ настоящее время совершается на эшафотѣ у насъ надъ осужденными преступниками, принадлежащими къ дворянскому сословію на основ. 4 п. 963 ст. устава уголовн. судопр. Очевидно, ломаніемъ шпаги въ сущности выражается то же низведеніе осужденнаго съ того общественнаго положенія, въ которомъ онъ находился.

Сходство обращенія съ женщинами, выражающееся въ приведенныхъ символическихъ дѣйствіяхъ, съ поведеніемъ по отношенію къ врагу достаточно объясняется тѣмъ, конечно, что на извѣстныхъ ступеняхъ культуры жены добываются посредствомъ похищенія, умычки; вслѣдствіе этого и обращеніе съ ними отличается тѣмъ же характеромъ, какое носитъ обращеніе съ плѣнными, съ лицами враждебнаго племени, доставшимися въ качествѣ добычи. Этимъ объясняется и употребляющійся еще въ настоящее время при бракѣ перстень или кольцо. Я разсматриваю кольцо какъ остатокъ цѣпи, которая употреблялась въ первобытныя времена при похищеніи женщинъ. Что кольцо есть одно изъ звеньевъ цѣпи, что это, слѣдовательно, остатокъ того времени, когда употреблялась дѣйствительная цѣпь для прикованія женщинъ, видно изъ того, что у древнихъ германцевъ женихъ, являясь

---

[1]) Спенсеръ, Обрядовое правительство (Русск. перев.), стр. 179, 180, 182.
[2]) Спенсеръ, стр. 31—33.

со своей свитой изъ другаго поселенія въ поселеніе своей невѣсты, обхватывалъ палецъ своей будущей жены кольцомъ, сплетеннымъ изъ вѣтви, сорванной на его земельномъ участкѣ, т. е. женихъ этимъ какъ будто бы привязываетъ невѣсту къ своему участку [1]). Связь кольца съ похищеніемъ женщинъ видна также изъ сосѣдства его съ мечемъ. Англо-саксонская картина VIII вѣка изображаетъ, какъ женихъ передаетъ своей невѣстѣ кольцо на мечѣ или на палкѣ. Затѣмъ въ одномъ стихотвореніи X вѣка, мы опять встрѣчаемъ то же сосѣдство меча съ кольцомъ [2]). Кромѣ кольца, мы встрѣчаемъ также и ленту—опять остатокъ привязыванія, связыванія. Въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ при заключеніи брака играетъ роль кузнецъ: онъ куетъ бракъ [3]). У римлянъ женихъ передавалъ своей будущей женѣ желѣзный перстень и только въ болѣе позднія времена—золотой [4]). Все это указываетъ, что этотъ символическій предметъ обязанъ своимъ происхожденіемъ именно тому отдаленному періоду, когда господствовало похищеніе женщинъ и слѣдовательно приковываніе, привязываніе ихъ къ тому мѣсту, куда онѣ были доставлены похитителемъ, и только въ позднѣйшія времена въ Европѣ кольцо стала носить не только привязывавшаяся нѣкогда невѣста, но и женихъ. У евреевъ и англичанъ еще въ настоящее время только женщина носить кольцо — золотыя оковы, какъ называетъ его Максъ Мюллеръ.

Вообще, значительная часть обрядовъ, сопровождающихъ совершеніе свадьбы и брака, обязана своимъ происхожденіемъ тому, что на извѣстныхъ ступеняхъ культуры жены берутся обыкновенно изъ другаго племени тѣмъ или другимъ способомъ. Такихъ способовъ въ исторіи два: похищеніе и купля. Въ качествѣ остатка похищенія является перстень, о которомъ мы только-что говорили, являются и другіе символическіе обряды.

На смѣну похищенія является купля. Еще въ настоящее время въ городѣ Нерехтѣ и его окрестностяхъ выкупаютъ невѣсту за деньги. „Не только бѣдные поселяне, но и богатые,—говоритъ Терещенко,—почитаютъ себѣ за безчестіе отдать дочь безъ денегъ; чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты, о чемъ провозглашается немедленно въ деревнѣ“ [5]). Изъ трудовъ коммиссіи о волостныхъ судахъ мы можемъ видѣть, что плата за невѣсту

---

[1]) Unger. Die Ehe in ihrer welthistorischen Entwickelung. Wien, 1881, S. 106.

[2]) Weinhold. Frauen im Mittelalter, I. S. 342.

[3]) Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія на природу, т. I, стр. 466, 468.

[4]) Friedländer. Sittengeschichte. I. S. 456.

[5]) Терещенко. Бытъ русскаго народа II. стр. 170.

доходитъ иной разъ до 100 рублей [1]). Въ каневскомъ уѣздѣ кіевской губерніи мы имѣемъ только остатокъ этого обычая купли: женихъ долженъ поднести отцу невѣсты пшеничный хлѣбъ, испеченный въ видѣ бороны, мѣдный грошъ и рюмку водки. „Такой законъ ужъ изстари ведется,—говорятъ крестьяне,—и вся отцу тутъ плата за то, что дочку выдаетъ" [2]). Очевидно, въ данномъ случаѣ, мѣдный грошъ является уже символомъ, напоминающимъ о прежнемъ обычаѣ купли и продажи. Въ самой первобытной формѣ купля происходитъ еще у русскихъ инородцевъ. У самоѣдовъ невѣсту покупаютъ обыкновенно за нѣсколько песцовъ, лисицъ или оленей; у состоятельныхъ плата за жену гораздо выше, напримѣръ, у авамскихъ самоѣдовъ платятъ 100 оленей, 4—5 волковъ, десятка полтора песцовъ и т. д., у енисейскихъ или карасинскихъ — 20 оленей, нѣсколько волковъ, песцовъ, лисицъ, а если нѣтъ, то деньгами отъ 15 до 30 рублей. Переговоры съ отцомъ невѣсты ведутся при посредствѣ свата; какъ скоро отецъ невѣсты изъявитъ согласіе на выдачу невѣсты за предлагаемаго жениха, сватъ подаетъ ему бирку для того, чтобы тотъ надрѣзалъ на ней то число зарубокъ, которое показываетъ, сколько онъ хочетъ взять за дочь свою животныхъ; сватъ срѣзываетъ съ нихъ сколько ему покажется лишнихъ, потомъ условливается о днѣ отдачи выкупа [3]). Точно также и у остяковъ переговоры о платѣ за невѣсту ведутся при помощи свата; цѣна различна въ разныхъ мѣстностяхъ. Вообще дочь богатаго человѣка стоитъ 50—100 оленей, дочь бѣднаго—20—25 оленей. У якутовъ плата за невѣсту простирается до 80 головъ скота; когда будетъ передано все уговоренное количество скота, тогда невѣста переходитъ въ домъ мужа. У тунгузовъ за невѣсту платятъ или деньгами, или оленями, или шкурами звѣрей; плата за невѣсту скотомъ или деньгами существуетъ также у черемисовъ, чувашей, вотяковъ, мордвы, киргизовъ, башкиръ, калмыковъ. Буряты за невѣсту платятъ калымъ отъ 20 до 80 головъ разнаго скота [4]). Обмѣнъ женщины на скотъ мы находимъ и у современныхъ первобытныхъ народовъ Африки и Америки; у племени кру—3 коровы и 1 овца, это цѣна женщины; у кафровъ за невѣсту платятъ также извѣстнымъ количествомъ скота, 10—70 штукъ [5]).

[1]) Труды коммиссіи. III, 319, 323.
[2]) Тамъ же, V, 233.
[3]) Смирновъ. Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа. Москва, 1878.
[4]) Потанинъ. Очерки сѣверо-западной Монголіи. IV (1883), стр. 30.
[5]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker II, 110, 388; Klemm. Kulturgeschichte. III, 277.

У индѣйцевъ-навайосовъ мужчина покупаетъ женщину цѣною лошадей, число которыхъ зависитъ отъ цѣнности, которую онъ придаетъ невѣстѣ; точно также и абипонцы, вступая въ бракъ, уплачиваютъ за нее 4—5 лошадей; о патагонскихъ индѣйцахъ Фалькнеръ разсказываетъ, что они заключаютъ свои свадьбы посредствомъ покупки женъ за лошадей. Весьма понятно, что женщины въ первобытные періоды обмѣниваются на животныхъ, такъ какъ другаго средства для обмѣна—денегъ еще не существуетъ и, какъ извѣстно, въ эти періоды всякій продуктъ оцѣнивается на извѣстное количество скота. Но этого мало; эта плата скотомъ и въ особенности оленями и лошадьми указываетъ на то, что плата была сначала символомъ мира между двумя племенами, члены которыхъ заключали брачный союзъ. Олени въ настоящее время у тѣхъ первобытныхъ народовъ, о которыхъ мы говорили, исполняютъ ту же службу, которую исполняли лошади, а о лошадяхъ мы знаемъ, что онѣ въ древнія времена у египтянъ и вообще въ Азіи не употреблялись ни для чего другаго, какъ только для воинственныхъ цѣлей [1]). Точно также и въ Индіи лошадь употреблялась только во время войны, а не во время мира для перевозки тяжестей. Отсюда ясно слѣдующее: такъ какъ лошади обыкновенно употреблялись при похищеніи женщинъ, т. е. при нападеніи лицъ одного племени на другое племя, то миръ между ними могъ быть заключенъ только тогда, когда выдавались лошади; отдавая лошадей, они этимъ отказывались отъ дальнѣйшей вражды, слѣдовательно, уже благодаря тому, что лошади и вообще скотъ сначала отдавался для пріобрѣтенія женщины, эти предметы стали впослѣдствіи монетой и именно потому, что единственно важный предметъ, который можно было пріобрѣтать изъ другой общины, получался взамѣнъ лошадей и скота. Первымъ предметомъ оборота между двумя общинами былъ обмѣнъ женщинъ одной общины на лошадей, а впослѣдствіи на скотъ, принадлежавшій другой общинѣ. Извѣстно, что и у грековъ, какъ можно видѣть у Гомера, женихъ давалъ отцу невѣсты цѣну ея, состоящую изъ скота и другихъ цѣнныхъ вещей [2]). И у древнихъ германцевъ цѣна невѣсты состояла, по Тациту, изъ скота, взнузданной лошади, щита, копья и меча [3]). Уже изъ того, что вмѣстѣ съ взнузданной лошадью въ качествѣ платы дается щитъ, копье и мечъ, очевидно, что это есть не что иное, какъ сдача непріятелю, сим-

---

[1]) Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere, 28.

[2]) Иліада, XI, 241. Одиссея, XI, 281. Schoemann. Griechische Alterthümer. I, 52.

[3]) Tacitus. Germania. C. 18.

волъ заключенія мира, отказъ отъ дальнѣйшаго веденія войны. Замѣчательно, что въ одной изъ древне-германскихъ формулъ церемонія передачи меча носитъ названіе comendatio per gladium et clamidam; слово comendatio напоминаетъ о другомъ юридическомъ дѣйствіи, которое сопровождалось тѣми же символами, какъ покупка женъ въ древнія времена. Какъ при покупкѣ женъ, такъ и при comendatio, препорученіи, т. е. при вступленіи въ вассалы, вассалъ давалъ своему сюзерену лошадей, оружіе, украшенія, а также и другіе подарки [1]).

Въ эдиктѣ Конрада Салическаго 1037 г. этотъ символъ признается общимъ правиломъ. „Servato usu,... говорится тамъ, in fragendis armis equisque suis senioribus" [2]). Какъ и при куплѣ жены, символъ этотъ и въ данномъ случаѣ означаетъ нечто иное, какъ то, что получившій жену или участокъ земли на правахъ лена долженъ отказаться отъ всякой вражды къ ленному владѣльцу. Онъ лишаетъ себя права, которымъ онъ прежде владѣлъ— права вести войну, совершать грабежи—будетъ ли предметомъ грабежа женщина или земля и другіе предметы имущества. Въ обоихъ случаяхъ тому лицу, съ которымъ заключаютъ миръ, передаютъ необходимыя принадлежности войны—лошадь и мечъ.

Есть и нѣкоторыя другія данныя для подтвержденія того, что именно таковъ былъ смыслъ этого символа въ болѣе раннія времена. Тѣ, которые сдавались на войнѣ, которые отказывались отъ дальнѣйшаго веденія войны, должны были ходить безъ меча: „ibant.... totis gladiis spoliati" [3]). Вмѣстѣ съ передачей лошади и меча при препорученіи соблюдались еще нѣкоторые обряды, которые, въ свою очередь, могутъ служить подтвержденіемъ того, что символъ этотъ имѣлъ указанное нами значеніе. Дававшій клятву въ томъ, что онъ будетъ находиться въ ленной зависимости отъ извѣстнаго лица, являлся для совершенія этого акта съ непокрытой головой, безъ шапки и безъ пояса; затѣмъ онъ, преклоняя колѣни, клалъ свои сложенныя руки въ руки леннаго владѣльца [4]). Рука, говоря словами Вайтца—это символъ власти, силы, и вступающій въ ленную зависимость кладетъ ихъ въ руки леннаго владѣльца. Затѣмъ по салическому закону, люди, сдающіеся на милость и немилость, должны снять поясъ и обувь, должны ходить „discincti et discalceati" [5]). Что касается шапки, то намъ извѣстно, что она

---

[1]) Waitz, Verfassungsgeschichte. IV, 211. Hallam. Middle age. I, 89.

[2]) Hallam. Middle Age. I. p. 89. Прим. 1.

[3]) Grimm. R. A. S. 166.

[4]) Hallam. I. p. 86. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. IV S. 207—208. Grimm. RA. S. 139.

[5]) Lex. Sallica 61. I. Grimm. RA. S. 157.

была признакомъ свободы или, вѣрнѣе, сверженія ига; такъ, при низверженіи Нерона римскій народъ выразилъ свою независимость одѣваніемъ шляпы „tantumque gaudium publice praebuit, говоритъ Светоній, ut plebs pileata tota urbe discurreret [1]). У германцевъ шапка, подобно знамени, была боевымъ символомъ: кто надѣвалъ шляпу, приглашалъ народъ слѣдовать за собою на войну и обнаруживалъ этимъ свое право приглашать [2]). Въ знакъ этого права князья носили шапки [3]). Такъ какъ вступающій въ ленную зависимость отказывается отъ этого права, то онъ снимаетъ шапку.

Спеціальныя обязательства, которыя принимаетъ на себя лицо, вступающее въ ленную зависимость по отношенію къ женщинамъ, находящимся въ родствѣ съ леннымъ владѣльцемъ, въ свою очередь, даютъ возможность истолковать приведенный выше символъ въ указанномъ смыслѣ. По іерусалимскимъ ассизамъ, вассалъ не долженъ былъ употреблять насилія по отношенію къ женѣ сеньора, его дочери, его сестрѣ до тѣхъ поръ, пока она, какъ дѣвица, остается въ замкѣ своего брата: Home ne doit à la feme de son seigneur, ne à sa fille requerre villainie de son cor, ne a sa socur tant com elle est demoiselle en son hostel [4]). Дѣйствія, совершенныя вопреки этому правилу, считаются преступленіями, которыми нарушается ленная связь, какъ это прямо выражено во многихъ постановленіяхъ въ Libri Feudorum, въ одномъ законѣ короля Эдуарда III въ Англія и въ одномъ постановленіи Людовика Святаго во Франціи [5]).

Такимъ образомъ при заключеніи леннаго союза категорически возбраняется похищеніе женщины—одна изъ важнѣйшихъ принадлежностей первобытныхъ войнъ. Иначе говоря: право, принадлежавшее прежде обѣимъ заключившимъ миръ сторонамъ, упразднено леннымъ договоромъ для контрагентовъ его въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Вступившій въ ленную зависимость лишался права вести войну и пользоваться всѣми послѣдствіями ея. У руки его отнята присущая ей сила; въ тотъ моментъ, когда онъ отдалъ лошадь и орудіе, она считается умершею: la main est morte.

Все, что мы говорили до сихъ поръ, даетъ намъ возможность разъяснить одинъ обычай, названіе и происхожденіе котораго вызывало столько недоумѣній среди изслѣдователей старины и историковъ. Мы говоримъ объ обычаѣ Main morte—мертвой руки но-

---

[1]) Sueton. Nero. 57. Grimm. RA. S. 162.
[2]) Grimm. RA. S. 151.
[3]) Grimm. ibid. S. 242.
[4]) Assises de Jerusalem, c. 265. Hallam. I, p. 86.
[5]) Hallam, ibid, l. c.

сившей по-нѣмецки названіе Besthaupt, т. е. лучшая голова стада, лучшій экземпляръ. Одинъ изъ изслѣдователей—Сюгенгеймъ, утверждаетъ, что этотъ обычай и его наименованіе—consuetudinem illam quae *mortua manus* dicebatur—возникли изъ господствовавшаго въ средніе вѣка обычая, по которому при вступленіи въ крѣпостное состояніе лица, неимѣющаго никакого движимаго имущества, ему отрубали будто-бы правую руку и отдавали крѣпостному владѣльцу—en signe que le Seigneur n'en auroit plus aucun service [1]). Если даже допустить существованіе такого обычая, о которомъ мы свѣдѣній не имѣемъ, то онъ могъ бы объяснить только обязательства, лежавшія на наслѣдникахъ крѣпостныхъ людей. Но мы знаемъ, что не только наслѣдники крѣпостныхъ, низшихъ вассаловъ, неимущихъ людей, но и наслѣдники высшихъ вассаловъ обязаны были дать лучшую голову конскаго табуна, „благороднѣйшаго коня“ наслѣдодателя ленному владѣльцу [2]). Въ болѣе позднія времена крѣпостные могли, вмѣсто коня, дать голову другаго скота или вообще что-либо, тѣмъ не менѣе лошадь и оружіе всегда предпочитались. Такъ, мы читаемъ въ источникахъ: „a viris decedentibus optimum equum, vel si equo careat optimum caput pecoris... Или: „Stirbet er, so suln sin Erben sin beste Vihes Houbet geben... hat er das niht, so sal man geben wat *wafen*, als er gieng zu Kirchen und zu Strassen“ [3]). Въ одной нѣмецкой уставной грамотѣ мы читаемъ: „Пробсту принадлежитъ лучшій экземпляръ изъ того имущества, владѣлецъ котораго умеръ. Такимъ образомъ, если онъ находитъ коня, то онъ можетъ его увести. Если нѣтъ коня, то замѣной можетъ служить экземляръ какой-нибудь другой живности до пѣтуха включительно. Остальное имущество предоставляется женѣ и дѣтямъ. Въ другой уставной грамотѣ мы находимъ видоизмѣненіе этого обычая, нѣсколько затрудняющее выполненіе его въ томъ смыслѣ, что владѣльцу можетъ достаться не лучшій, а худшій экзепляръ. Одинъ изъ дворовыхъ людей долженъ взять бѣлую палку, подойти къ лошадамъ или коровамъ не лицомъ, а спиною и коснуться палкой изъ-за спины какого-нибудь экземпляра изъ стоящихъ животныхъ. То животное, на которое онъ попадаетъ, принадлежитъ крѣпостному владѣльцу, больше онъ ничего не можетъ взять [4]). Такой образъ дѣйствій, очевидно, знаменуетъ уже атрофированіе обычая.

Какъ бы то ни было, но изъ сказаннаго до сихъ поръ ясно,

---

[1]) Sugenheim. Aufhebung der Leibeigenschaft. S. 101, прим. 4.
[2]) Grimm. R. A. S. 364, 373.
[3]) Grimm. R. A. S. 365, 366.
[4]) Grimm. R. A. S. 368, 369.

что manus mortua, mortuarium, или обычай „лучшей головы", находится въ тѣсной связи съ символами вступленія въ вассалы, съ обрядами commendatii. Наслѣдники, вступая во владѣніе оставшимся имуществомъ, отдавая оружіе, лошадь или другіе экземпляры скота, а взамѣнъ ихъ и предметы имущества изъ доставшагося имъ наслѣдства, признаютъ этимъ свою зависимость отъ крѣпостнаго или леннаго владѣльца, совершаютъ такой же обрядъ, какой совершилъ виновникъ наслѣдства.

Несомнѣнно, впрочемъ, что какъ обычай main morte, такъ и обряды, сопровождающіе вступленіе въ крѣпостные или вассалы, находятся въ связи *съ исторіею наслѣдованія движимыхъ имуществъ* вообще и исторіей феодальной власти въ частности.

На раннихъ ступеняхъ культуры все движимое имущество, составляющее достояніе отдѣльнаго лица, дѣлитъ участь своего владѣльца, т. е. сожигается или хоронится вмѣстѣ съ владѣльцемъ. Нагляднымъ подтвержденіемъ этого положенія, кромѣ многочисленныхъ извѣстій и данныхъ, имѣющихся объ этомъ предметѣ, является масса вещей, находимыхъ въ могильникахъ при раскопкахъ [1]). Съ теченіемъ времени, однако, повальное сожиганіе или погребеніе вмѣстѣ съ умершимъ всего его движимаго имущества замѣняется сожиганіемъ или погребеніемъ только *лучшихъ*, наиболѣе близкихъ его сердцу, дорогихъ ему вещей. Къ числу такихъ принадлежатъ по отношенію къ мужчинѣ его лошадь, его мечъ, предметы его вооруженія, одна или нѣсколько женъ и т. д.; по отношенію къ женщинѣ, если не въ самыя раннія времена, когда она, подобно мужчинѣ, участвуетъ въ войнѣ [2]), то въ болѣе позднія—предметы рукодѣлья, орудія, которыми они производятся, различныя украшенія и т. д. Остальные, несожигающіеся и не предающіеся погребенію предметы движимаго имущества составляютъ достояніе всей общины. Каждый желающій можетъ воспользоваться ими. Такъ, между прочимъ, у гренландцевъ, по словамъ Кранца, имущество человѣка, не оставившаго взрослыхъ (?) дѣтей считалось имуществомъ безхозяйнымъ. Каждый бралъ все, что угодно, или, по крайней мѣрѣ, все, что онъ могъ добыть, не обращая ни малѣйшаго вниманія на несчастную вдову и ея дѣтей. Вмѣстѣ съ покойникомъ хоронились только его лодка, его стрѣлы и ежедневно употреблявшееся имъ оружіе, вмѣстѣ съ покойницей—ея ножи и орудія шитья [3]).

---

[1]) Положеніе это подробно развито въ моей статьѣ въ Zeitschrift für Ethnologie за 1878 г. Heft 3—Intercommunale Ehe durch Raub und Kauf. S. 214—218.

[2]) Новѣйшія раскопки (г. Мазараки въ полтавской губ.) показали, что былинныя сказанія объ удалыхъ поленицахъ далеко не мифы.

[3]) Леббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 338, 339.

Почти то же разсказываетъ Галэ объ обычаѣ, господствовавшемъ у селишей въ Америкѣ. Дѣти, теряющія своего отца, говоритъ онъ:—весьма часто подвергаются тяжелой участи: у нихъ отбираютъ почти все имущество [1]. Разсказовъ этихъ не слѣдуетъ, конечно, принимать буквально; изъ нихъ и многихъ другихъ подобныхъ же данныхъ явствуетъ только, что, за исключеніемъ лучшихъ экземпляровъ движимаго имущества, сожигаемыхъ или хоронимыхъ вмѣстѣ съ покойникомъ, остальное достается всѣмъ членамъ общины безразлично—дѣтямъ или другимъ лицамъ, такъ какъ между всѣми членами первобытныхъ общинъ на раннихъ ступеняхъ культуры существуетъ самая тѣсная связь, и только тогда, когда эта связь слабѣетъ, права членовъ общины все болѣе и болѣе ограничиваются, права дѣтей и близкихъ родственниковъ все болѣе и болѣе увеличиваются. Мы, къ сожалѣнію, не можемъ входить здѣсь въ подробности, подтверждающія указанный нами ходъ развитія права наслѣдованія движимыхъ имуществъ; скажемъ только, что весь этотъ процессъ заканчивается тѣмъ, что дѣти и близкіе родственники окончательно присвоиваютъ себѣ всѣ права на имущество, остающееся послѣ смерти даннаго лица, причемъ остаткомъ прежнихъ правъ общины является только погребальное пиршество и переходъ къ представителямъ общины тѣхъ лучшихъ экземпляровъ инвентаря покойника, которые въ прежнія времена предавались погребенію или сожженію. Съ появленіями феодализма такимъ представителемъ общины является ленный владѣлецъ, духовный или свѣтскій; ему-то и достаются лучшія головы скота, лучшіе экземпляры изъ имущества, оставшагося послѣ смерти подвластнаго ему лица, такъ называемый Besthaupt, main morte.

Все уголовное право на первобытныхъ ступеняхъ культуры, или, иначе говоря, система наказаній за дѣянія, признаваемыя преступными, есть не что иное, какъ перенесенный въ мирный гражданскій бытъ способъ обращенія съ врагами-плѣнниками. Уже Якушкинъ, говоря объ обычаѣ навѣшиванія краденнаго на шею укравшаго, объ обычаѣ, на которомъ мы остановимся ниже, указываетъ на то, что это наказаніе напоминаетъ торжественный приводъ плѣнника, захваченнаго враждебнымъ ему племенемъ, и дѣлаетъ предположеніе, что этой сферѣ отношеній и слѣдуетъ приписать возникновеніе упомянутаго обычая. О такомъ происхожденіи наказаній особенно свидѣтельствуетъ существующій и по днесь обычай запряганія женщинъ въ телѣгу. Въ 1872 г. въ тамбовскомъ окружномъ судѣ судили крестьянина Ѳедора Минюшина за то, что онъ употребилъ это наказаніе по отношенію къ женѣ, убѣжавшей

[1] Waitz. Anthropologie. III. S. 343.

отъ него. Нашедши ее, онъ при помощи отца привязалъ ее толстой веревкой къ нахлесткѣ телѣги, погналъ лошадей и заставилъ жену бѣжать рядомъ, стегая ее и лошадей кнутомъ. Въ 1874 году, въ екатеринославской губерніи былъ такой же случай: мужъ привязалъ жену, убѣжавшую отъ него и найденную имъ, къ оглоблѣ вмѣсто пристяжной и шибко погналъ лошадей, осыпая жену ударами нагайки съ узломъ на концѣ. Въ одной слободѣ острогожскаго уѣзда такое наказаніе наложено было *деревенскимъ сходомъ*: крестьянинъ принесъ жалобу, что жена его ведетъ неприличную жизнь, вслѣдствіе дурнаго вліянія тещи. По рѣшенію деревенскаго схода мать и дочь были выведены на слободскую площадь, гдѣ имъ было приказано очищать ее отъ навоза. Послѣ этого онѣ были запряжены въ телѣгу, наполненную навозомъ, на которую взлѣзъ принесшій жалобу мужъ и сталъ на нихъ прикрикивать, чтобы онѣ бѣжали шибче. Къ нему присоединилось потомъ еще два, три человѣка. Женщины, запряженныя въ телѣгу, бѣжали, хотя и не скоро. Онѣ вывезли навозъ за слободу и потомъ подвезли телѣгу, вмѣстѣ съ сидящими на ней крестьянами, къ крыльцу волостнаго правленія [1]).

Въ этомъ фактѣ, не смотря на сравнительно съ приведенными прежде фактами мягкое обращеніе съ запряженными въ телѣгу женщинами,—не смотря на отсутствіе плети, яснѣе проглядываетъ источникъ происхожденія этого обычая. Мы имѣемъ въ виду утилитарную сторону этого факта—очищеніе и вывозку навоза. Наказаніемъ въ данномъ случаѣ, очевидно, является такой способъ обращенія съ женщинами и такая работа, которая возлагалась на рабовъ и рабынь, которыми и были, на самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры, забранные въ плѣнъ женщины и мужчины. Я указалъ выше, [2]) что женщины, забранныя въ плѣнъ, были первыми живыми существами, утилизировавшимися для работы—и между прочимъ для переноски и перевозки тяжестей, для чего впослѣдствіи только стали употреблять животныхъ.

Разъ мы признаемъ ту исходную точку, что первые способы наказанія были тѣ же, какіе практиковались по отношенію къ врагамъ, мы поймемъ, почему на самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры убійство или, иначе говоря, смертная казнь преступника, было универсальнымъ и единоспасающимъ способомъ наказанія, затѣмъ обращеніе въ рабство съ присовокупленіемъ изувѣченій.

Изувѣченіе преступника, производившееся въ началѣ безразлично по отношенію ко всѣмъ частямъ тѣла, стало дифференци-

---

[1]) Якушкинъ. Обычное право. XLII—XLIII.

[2]) См. гл. VII.

роваться съ теченіемъ времени и производиться по отношенію къ извѣстнымъ частямъ тѣла.

Тотъ органъ, тотъ членъ человѣческаго тѣла, который оказывается прямымъ, непосредственнымъ виновникомъ совершеннаго дѣянія, долженъ потерпѣть извѣстное страданіе,—и наказаніе должно коснуться именно его. Такого рода изувѣченіе, совершаемое надъ рукою отцеубійцы, клятвопреступника (ибо при присягѣ и при клятвѣ обыкновенно дѣятельную роль играетъ рука), затѣмъ изувѣченіе губъ и языка кощунствующаго, диффаматора, еретика — явленіе общее всему архаическому періоду жизни человѣчества. Зубъ-за-зубъ, око-за око или qua parte peccassent, eadem mulcturi—вотъ формула этого способа наказаній. Въ древней Мексикѣ за ложь, произнесенную во вредъ другому лицу, отрѣзывали часть губъ, а иногда и уши. У гондурасовъ воровство наказывалось тѣмъ, что похитителю отрѣзывали руки и уши [1]). Новеллы императоровъ Льва и Константина наказываютъ отрѣзываніемъ языка клятвопреступника (ложно присягнувшаго). Старинные королевскіе ордоннансы во Франціи отрѣзываютъ языкъ, прокалываютъ его, отрѣзываютъ губы въ случаѣ повторительнаго кощунства, и надо замѣтить, что эти ордоннансы, возобновленные Людовикомъ XIV и Людовикомъ XV, самымъ строгимъ образомъ соблюдались до 1748 г. Такое же значеніе имѣетъ изувѣченіе пальцевъ или рукъ, налагаемое на лжесвидѣтеля, который лживо положилъ свои руки на священное писаніе, на невѣрныхъ счетчиковъ (императоромъ Гальбой), на сборщиковъ податей за совершаемое ими воровство (Юстиніанъ), на авторовъ еретическихъ сочиненій, на фальшивыхъ монетчиковъ (Лотаръ, ломбардскій король), на воровъ (коранъ и ломбардскіе законы); всѣ эти наказанія относятся именно къ тому члену или органу, который является физическимъ орудіемъ преступленія. Тотъ же смыслъ въ наказаніи, налагавшемся римлянами на бѣглыхъ рабовъ,—отрѣзываніе ноги или подошвы; подобное же наказаніе налагалось Людовикомъ XIV на рабовъ негровъ изъ французскихъ колоній; въ случаѣ рецидива имъ отрѣзывались колѣна. По ордоннансу Карла VI, въ городѣ Вьеннѣ (въ Дофинэ) лица, входившія въ чужіе виноградники и причинившія здѣсь поврежденія, наказывались выбиваніемъ одного или нѣсколькихъ зубовъ.

Не нужно доказывать, что отрѣзываніе рукъ, губъ, ушей у преступниковъ есть не что иное, какъ наказаніе, заимствованное изъ способа обращенія съ врагами. Извѣстно, что трофеями, приносимыми съ войны, были руки врага. Рамзейеръ, описывая войну, происходившую во время его плѣна у ашантіевъ, разсказываетъ

---

[1]) Спенсеръ. Обрядовыя учрежденія. Русск. пер. Стр. 89.

что ашантіи пощадили лишь одного плѣнника, но обрили ему голову, отрѣзали носъ и уши и заставили носить королевскій барабанъ. Одинъ стѣнной рисунокъ въ храмѣ Мединетъ-Абу, въ Ѳивахъ, изображаетъ поднесеніе царю цѣлой кучи рукъ; изображеніе сопровождается надписью, разсказывающею о побѣдѣ египетскаго царя надъ ливанцами, гдѣ говорится, что у побѣжденныхъ отрѣзывали руки и везли ихъ на ослахъ вслѣдъ за возвращающейся арміею [1]). Въ той же надписи разсказывается, что у враговъ отрѣзывали и фаллическіе органы. Объ этомъ обычаѣ мы узнаемъ изъ Библіи [2]). Но, какъ извѣстно, отрѣзываніе дѣтородныхъ органовъ или кастрація употреблялась у многихъ народовъ какъ наказаніе за прелюбодѣяніе и вообще за посягательство на честь женщинъ. Салическій законъ наказывалъ кастраціей рабовъ, застигнутыхъ при прелюбодѣяніи. Такому же наказанію подвергался всякій въ Испаніи за подобное же дѣяніе. Примѣры подобнаго наказанія мы встрѣчаемъ и у римлянъ. Законъ вестготовъ наказывалъ вообще всякое посягательство на добрые нравы кастраціей [3]).

Исторія указываетъ не мало бытовыхъ случаевъ, которые являются переходными способами наказанія между этимъ и сохранившимся еще въ настоящее время среди русскаго населенія наказаніемъ за прелюбодѣяніе и вообще за дурное поведеніе.

Наиболѣе позднимъ способомъ осрамительнаго наказанія является просто обнаженіе и хожденіе въ сопровожденіи толпы въ обнаженномъ или полуобнаженномъ видѣ по улицѣ лицъ, совершившихъ эти преступленія; это очевидно, остатокъ того способа наказанія, когда обнажали для того, чтобы поступать болѣе жестокимъ образомъ, т. е. когда привязывали къ чему либо согрѣшившій органъ, съ тѣмъ чтобы отрѣзать его, или чтобы онъ самъ собою отпалъ, вслѣдствіе гніенія; привязываніе исчезло, осталось одно только обнаженіе; въ этомъ видѣ—обнаженія мы встрѣчаемъ древній способъ наказанія за противныя добрымъ нравамъ дѣянія и въ русскомъ крестьянскомъ быту. По обычному праву женщину за развратъ привязываютъ къ столбу у воротъ или, посадивъ въ телѣгу вмѣстѣ съ ея полюбовникомъ, возятъ смѣха ради, называя виновныхъ новобрачными или, *обнаживъ* ихъ, водятъ по улицѣ; при этомъ виновной женщинѣ остригаютъ иногда волосы и почти всегда сѣкутъ ее [4]). Этотъ способъ наказанія, т.-е. обнаже-

[1]) Спенсеръ. Стр. 67, 68.

[2]) 1-я книга царствъ. XVIII, 25, 27.

[3]) О различныхъ формахъ изувѣченія за различныя преступленія. См. Chassan. Essai sur la symbolique du droit. Paris, 1847, p. 206, 208, 209 и др.

[4]) Ср. Якушина. XL.

ніе и обрѣзываніе волосъ очевидно практиковался еще, судя по Тациту [1]), у германскихъ племенъ; что касается обрѣзыванія волосъ, то этотъ символъ есть не что иное, какъ признакъ вступленія въ бракъ, и въ данномъ случаѣ этимъ символомъ пользуются въ качествѣ наказанія для описанія факта; словомъ, въ наказаніи выражается суть преступнаго дѣянія.

Этимъ способомъ наказанія обычное право очевидно переходитъ къ новой системѣ наказаній, заключающейся въ томъ, что *въ наказаніи символическимъ образомъ изображается дѣяніе*. То есть взамѣнъ juris talionis, взамѣнъ матеріальнаго эквивалента содѣяннаго преступленія, на сравнительно болѣе поздней ступени культуры способомъ наказанія является символическое изображеніе самаго преступленія. Такъ, для наказанія вора употребляется навѣшиваніе на него украденнаго. Это практикуется и у первобытныхъ народовъ, и у насъ среди крестьянскаго населенія. Вору, пойманному съ поличнымъ, связываютъ руки и надѣваютъ ему на шею или привязываютъ на спину украденную вещь: кусокъ полотна, снопъ хлѣба, живую курицу; ежели онъ укралъ сѣно, его обвязываютъ сѣномъ, ежели укралъ овцу, на него надѣваютъ овечью шубу. Если въ воровствѣ попалась женщина, то ее обнажаютъ, или подымаютъ ей подолъ и навѣшиваютъ на нее украденное; обматываютъ шею холстомъ, ежели похищенъ холстъ; надѣваютъ на шею нанизанный на веревку картофель, если она украла картофель. Якушкинъ, у котораго мы цитируемъ только что приведенные факты, разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ, бывшемъ въ 1874 году. Крестьянка села Ермакова, ярославской губерніи, была обвинена въ похищеніи полотна. Волостной сходъ призналъ ее виновной и рѣшилъ раздѣть ее донага и, обернувъ полотномъ, водить по улицѣ; Евдокимова не дала раздѣть себя; тогда ее обнажили до пояса, обвернули полотномъ, привязали ей руки къ колу и въ сопровожденіи толпы народа водили по улицѣ; при этомъ звонили въ колокольчики, бубенчики и били въ заслонки.

Въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губерніи на шею вора вѣшаютъ даже мелкій скотъ, какъ, напр., телятъ, поросятъ, овецъ, козъ и проч., конечно, по одной штукѣ, и въ такомъ видѣ водятъ по улицѣ. Когда поймаютъ тамъ конокрада, то украденную лошадь обыкновенно ведутъ за нимъ. Очевидно, что это наказаніе есть не что иное какъ образное изображеніе самаго факта преступленія.

Такое же образное или символическое изображеніе встрѣчается не только по отношенію къ воровству, но и по отношенію ко многимъ другимъ дѣяніямъ, осуждаемымъ и порицаемымъ обществен-

---

[1]) Tac. Germ., c. 19.

нымъ мнѣніемъ какъ проступки или преступленія. Такъ, когда въ Малороссіи новобрачная оказывается порочною и это обнаруживается на свадьбѣ, тогда въ наказаніе пробиваютъ въ печи дыру, обмазываютъ стѣны грязью, бьютъ окна; кто-нибудь изъ „бояръ" (дружекъ) лѣзетъ на крышу хаты съ ведромъ воды и оттуда каждому раздаетъ воду, что̀ означаетъ продажность женщины; или же матери порочной невѣсты надѣваютъ на голову рѣшето, сбрасываютъ ей очипокъ и проч. Есть и другіе способы изображенія въ наказаніи того же факта; такъ, на воротахъ дома родителей новобрачной дружки водружаютъ рогожу или же вѣшаютъ „мазныцю". Бываетъ и такъ, что въ случаѣ нецѣломудрія невѣсты, матери ея подносятъ стаканъ со скважиной, наполненный пивомъ или медомъ; когда мать беретъ стаканъ въ руки, тогда питье течетъ чрезъ скважину.—Впрочемъ, въ этихъ случаяхъ, т. е. во время свадьбы, не только дурное дѣяніе, но и дѣяніе одобряемое, въ свою очередь, сопровождается довольно извѣстными ȯбразными дѣйствіями и символами... [1]).

---

[1]) Ср. Сборникъ юридическихъ обычаевъ, статья проф. Кистяковскаго: о цензурѣ нравовъ у народа. I. Стр. 161—191, а также Якушкина, стр. XXXIX.

ГЛАВА X.

Символика въ жизни, исторіи и правѣ (окончаніе).

Происхожденіе символическихъ дѣйствій.—Узаконенная анархія въ герцогствѣ Каринтіи, у нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ, на Сандвичевыхъ островахъ и на островѣ Таити.—Появленіе въ Догомеѣ фикціи «король не умеръ».—Анархія послѣ смерти императора въ Германіи.—Выборы кошевого въ Запорожской сѣчи.—Обряды коронованія на островѣ Таити.—Выборы герцога въ Каринтіи.—Выборы царей въ древнемъ Римѣ.—Interrex.—Столкновеніе между наслѣдственнымъ и выборнымъ принципомъ въ исторіи Англіи. — Выборы короля въ Польшѣ.—Общій выводъ.

Все изложенное до сихъ поръ служило для разъясненія характера символовъ и обрядовыхъ дѣйствій, ихъ физіономіи, причинъ, по которымъ они складывались въ ту, а не въ другую форму, но этимъ еще не объяснено, почему вообще стали прибѣгать къ помощи символовъ и обрядовъ, чѣмъ вызывалась потребность въ символическихъ дѣйствіяхъ и что способствовало сохраненію, упроченію и развитію ихъ въ исторіи человѣчества.

Прежде всего, что такое символы? Это — изображенія физическимъ языкомъ извѣстныхъ идей, представленій и предметовъ. Разсказываютъ о великомъ моголѣ Акбаръ-ханѣ, что онъ захотѣлъ узнать, какимъ языкомъ стали бы говорить дѣти безъ всякаго обученія. Для этого онъ взялъ двѣнадцать грудныхъ дѣтей, заключилъ ихъ въ замокъ и отдалъ на воспитаніе двѣнадцати нѣмымъ кормилицамъ. Когда они достигли двѣнадцатилѣтняго возраста, то онъ велѣлъ привести ихъ къ себѣ и призвалъ въ свой дворецъ людей, знающихъ всѣ языки. Когда дѣти предстали предъ царемъ, всѣ были поражены удивленіемъ: они не говорили вовсе ни на какомъ языкѣ, они выражали свои мысли одними жестами, которые замѣняли имъ слова. Этотъ анекдотъ служитъ какъ бы указаніемъ на первобытное состояніе человѣчества и имъ какъ бы

подсказывается мнѣніе, что на наиболѣе раннихъ ступеняхъ развитія человѣкъ вовсе не владѣлъ словомъ, а выражалъ свои мысли, идеи и представленія жестами, указаніями на предметы. Такая теорія была бы, конечно, въ значительной степени вѣроятна, но прямыхъ данныхъ, подтверждающихъ ее, мы не имѣемъ и, слѣдовательно, намъ приходится ограничиться другими данными, указывающими, если не на полное отсутствіе языка въ смыслѣ системы звуковъ у первобытныхъ народовъ, то во всякомъ случаѣ на недостаточность, неполноту языка, вслѣдствіе чего и приходится прибѣгать къ тѣлодвиженіямъ, жестамъ, вообще къ символическимъ движеніямъ.

Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ жизни первобытныхъ народовъ, которые бросятъ нѣкоторый свѣтъ на возникновеніе символовъ. Спиксъ и Марціусъ, описывая бразильскія племена пурисовъ и короадесовъ, разсказываетъ, что различныя племена эти разговариваютъ между собою жестами. Мерсеръ, описывая низкое состояніе цивилизаціи у нѣкоторыхъ племенъ на островѣ Цейлонѣ, говоритъ, что ихъ нарѣчіе не только непонятно сингалезцамъ, но что даже, объясняясь между собою, они употребляютъ жесты и гримасы. Точно также докторъ Милиганъ разсказываетъ, что на Вандименовой землѣ весьма распространена привычка употреблять жесты и знаки для дополненія смысла словъ. Такое же значеніе имѣетъ сообщеніе Бёртона о сѣверо-американскихъ индійцахъ, по которому эти индійскія племена въ сношеніяхъ между собою въ такомъ обиліи употребляютъ знаки, что имъ довольно трудно разговаривать между собою въ темнотѣ [1]). Словомъ, жестикуляція или изображеніе предметовъ и представленій знаками, несомнѣнно является одною изъ насущныхъ потребностей въ первобытные періоды для полнаго и яснаго воспроизведенія ихъ. Мы знаемъ, что и въ настоящее время жестикуляція не потеряла своего значенія. Конечно, тѣ народы, которые въ настоящее время самымъ сильнымъ образомъ жестикулируютъ, вовсе не принадлежатъ къ числу первобытныхъ или такихъ, у которыхъ слова недостаточно выражаютъ понятія, но несомнѣнно, что чѣмъ раньше, тѣмъ менѣе слова могли служить для полнаго и всесторонняго изображенія предметовъ и идей. Очевидно, что чѣмъ раньше, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ чаще приходилось прибѣгать къ символамъ, къ символическимъ изображеніямъ, тѣмъ всестороннѣе была примѣнимость символизма.

Совершаемыя въ теченіе извѣстнаго времени по необходимости для выраженія чувства и понятій, символическія дѣйствія полу-

---

[1]) Тейлоръ. Доистор. бытъ. Русскій пер. Москва, 1878, стр. 99—101.

чаютъ освященіе, становятся традиціонными, составляютъ необходимую составную часть житейскаго ритуала даже въ то время, когда языкъ является достаточнымъ орудіемъ для выраженія этихъ чувствъ и понятій. Но если освящались временемъ и упрочивались извѣстныя дѣйствія, имѣющія лишь служебное значеніе по отношенію къ словамъ, то тѣмъ болѣе должны были увѣковѣчиться и стать необходимымъ обрядомъ дѣйствія, которыя и въ болѣе ранніе времена имѣли самостоятельное значеніе. Иначе говоря: извѣстныя жизненныя явленія, повторяясь, время отъ времени, въ видѣ фактовъ, неизбѣжныхъ при данныхъ условіяхъ жизни, должны были съ теченіемъ времени превратиться въ обрядъ, такъ какъ они съ незапамятныхъ временъ были связаны съ извѣстнымъ событіемъ, сопровождали его. Обрядовое сѣченіе подростковъ и взрослыхъ при проведеніи межи, о чемъ рѣчь шла выше, можетъ служить, между прочимъ, иллюстраціей нашей мысли о томъ, какъ факты, связанные съ извѣстнымъ событіемъ, превращаются съ теченіемъ времени въ установленный обычаемъ или закономъ институтъ. Еще болѣе яркою иллюстраціей въ этомъ отношеніи являются нижеслѣдующія обрядовыя дѣйствія, сопровождавшія у многихъ народовъ вступленіе на престолъ новаго властителя.

Гриммъ сообщаетъ разсказъ о странномъ обычаѣ, господствовавшемъ въ довольно позднія времена въ одной изъ нѣмецкихъ территорій, въ герцогствѣ Каринтіи (Kärnthen) во время выбора новаго герцога. Вотъ самый разсказъ, какъ онъ приводится Гриммомъ. „До тѣхъ поръ, пока новоизбранный князь сидитъ на стулѣ, Граднекерцы (жители одного изъ тамошнихъ селъ) имѣютъ *съ давнихъ временъ* (von Alters her) право скашивать повсюду столько сѣна, сколько могутъ, если это право не будетъ своевременно выкуплено у нихъ; грабителямъ предоставляется на волю грабить и похищать, а жителямъ Портендорфа пускать краснаго пѣтуха повсюду, во всей странѣ, гдѣ бы они ни пожелали, если по добровольному соглашенію это право не будетъ у нихъ выкуплено. — Происхожденіе этого обычая не перестаетъ быть для насъ темнымъ, хотя мы узнаемъ отъ леобенскаго монаха, что этотъ обычай возникъ въ царствованіе императора Карла, въ 790 году, при герцогѣ Инго, принявшемъ христіанство“ [1]).

Объяснять существованіе этой, такъ сказать, узаконенной и освященной обычаемъ, анархіи мотивами цѣлесообразности, какъ это мы привыкли дѣлать по отношенію ко всякаго рода явленіямъ общественной и государственной жизни, нѣтъ никакой возможности. Подобный разгулъ страстей, очевидно, не могъ удовлетворять

---

[1]) Grimm. Rechtsalterthümer, стр. 503, 502, 254.

никакой дѣйствительной общественной потребности. Благодаря этому дикому обычаю разрушались, хотя бы временно, всѣ основы матеріальнаго благосостоянія населенія и общественнаго спокойствія. Похищали, грабили и жгли; давалась пища самымъ алчнымъ животнымъ инстинктамъ, ихъ поддерживали и развивали искусственными мѣрами, чѣмъ отчасти подкапывалась возможность общественнаго порядка во всякое другое время, когда господства анархіи не полагалось. Для всякаго очевидно, что по отношенію къ такому обычаю немыслимы вопросы: зачѣмъ, къ чему? для какой цѣли? Единственными возможными вопросами въ данномъ случаѣ являются только слѣдующіе: какъ, какимъ образомъ возникъ этотъ жестокій и вредный обычай, и при какихъ общественныхъ условіяхъ могъ онъ возникнуть? Мы имѣемъ здѣсь, очевидно, дѣло съ историческимъ наслѣдіемъ. Узаконенная анархія можетъ являться только выродившимся остаткомъ болѣе ранняго нормальнаго состоянія, воспоминаніемъ объ обычномъ порядкѣ вещей, господствовавшемъ нѣкогда. Тѣмъ не менѣе до тѣхъ поръ, пока намъ извѣстенъ фактъ существованія условно терпимой анархіи только въ одномъ мѣстѣ и притомъ въ періодѣ довольно позднемъ отъ момента его возникновенія, мы относительно значенія и смысла такого факта все-таки не можемъ придти ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Намъ остается обратиться къ другому способу изслѣдованія, который одинъ въ состояніи разъяснить множество непонятныхъ и странныхъ явленій, какъ современной общественной жизни, такъ и болѣе раннихъ историческихъ періодовъ. Если мы крѣпко утвердимся въ той не разъ уже высказывавшейся мысли, что нынѣшніе первобытные народы переживаютъ еще теперь тѣ состоянія, чрезъ которыя прошли предки современныхъ цивилизованныхъ народовъ, то путь къ рѣшенію нашей задачи сдѣлается яснымъ самъ собою. Изъ разсказовъ многихъ путешественниковъ мы узнаемъ о существованіи у ашантіевъ въ Африкѣ обычая всеобщей анархіи и вражды послѣ смерти одного властителя и до вступленія на престолъ новаго. „Когда властитель ашантіевъ умираетъ, его жены,— по словамъ путешественниковъ, — истребляютъ всѣ его драгоцѣнности, наступаетъ всеобщая безнаказанная анархія. Грабежъ и разбой свирѣпствуютъ въ странѣ. Въ Видахѣ, Іарибѣ и Бенинѣ въ подобныхъ же случаяхъ возникаетъ такая же всеобщая неурядица, личность и собственность жителей нисколько тогда не обезпечены. Но такое отсутствіе гарантіи всякой безопасности продолжается въ Видахѣ всего въ теченіе *пяти дней*“ [1]). Эти данныя Вайцъ

[1]) Waitz. II. стр. 147.

сопровождаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Обычай ограничилъ господство анархіи опредѣленнымъ и притомъ непродолжительнымъ временемъ. Изъ этого прежде всего явствуетъ, что анархія эта не есть результатъ разрушенія всѣхъ узъ общественной жизни, а должна быть разсматриваема, какъ внезапное и временное потрясеніе основъ общественнаго порядка, и несмотря на всеобщую разнузданность страстей, надъ этой неурядицей властвуетъ обычай, вслѣдствіе чего она и не можетъ повести къ дѣйствительному распаденію общественнаго строя“.

Что легальная анархія есть только временное потрясеніе общественнаго порядка, мы видѣли и въ разсказѣ Гримма. Разница только въ томъ, что въ Каринтіи анархія продолжалась только въ теченіе того времени, которое вновь избранный герцогъ просиживалъ на стулѣ — срокъ во всякомъ случаѣ довольно краткій, — между тѣмъ, какъ здѣсь, у африканскихъ народовъ, мы видимъ гораздо болѣе продолжительный срокъ ея господства, а именно, у одного изъ этихъ народовъ пять дней.

Но въ той же Африкѣ есть народы, среди которыхъ узаконенная анархія господствуетъ въ теченіе гораздо болѣе продолжительнаго срока. Въ Лоанго „со смертью властителя наступаетъ всеобщая анархія, длящаяся *нѣсколько мѣсяцевъ* сряду, въ теченіе которыхъ не занимаются даже и воздѣлываніемъ земли“ [1]. Путешественники сообщаютъ о существованіи анархіи и въ дагомейскомъ царствѣ, причемъ разсказываютъ, что о смерти царя тамъ возвѣщаютъ населенію только по истеченіи *18 мѣсяцевъ* со дня его смерти, въ продолженіе которыхъ его именемъ управляетъ страною наслѣдникъ вмѣстѣ съ двумя высшими сановниками [2]. Эти 18 мѣсяцевъ и указываютъ, повидимому, продолжительность господства анархіи, если не въ нынѣшнее, то въ болѣе раннее время. Изъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ изъ жизни африканскихъ народовъ мы могли убѣдиться уже, что повсюду анархія сопровождаетъ прекращеніе дѣятельности одного властителя и продолжается до вступленія на вакантное мѣсто новаго. Тѣ восемнадцать мѣсяцевъ, о которыхъ мы говорили, и были, по всей вѣроятности, такимъ промежуточнымъ временемъ, и хотя въ настоящее время за умершимъ въ Дагомеѣ королемъ непосредственно слѣдуетъ его преемникъ, тѣмъ не менѣе онъ во все продолженіе обычаемъ установленнаго срока управляетъ не отъ своего собственнаго имени, а отъ имени прежняго. Этотъ послѣдній представляется не умершимъ, а только бездѣйствующимъ. Этой фикціей обычай

---

[1]) Waitz. II, 153.

[2]) Тамъ же, II, 147.

анархіи, какъ мы видѣли, не уничтоженъ окончательно въ Дагомеѣ, но онъ по всей вѣроятности сведенъ этой фикціей на сравнительно меньшій срокъ.

Мы знаемъ также о существованіи анархіи у маровисовъ „подъ предлогомъ *траура* по смерти властителя—Малибо". Наконецъ, Ливингстонъ, говоря о господствѣ временной анархіи у баніейцевъ, прибавляетъ: „Если *до выборовъ* и господствуетъ анархія, то она прекращается съ окончаніемъ ихъ" [1]).

Всѣ тѣ африканскіе народы, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, несомнѣнно стоятъ на лѣстницѣ общечеловѣческаго развитія гораздо ниже, чѣмъ жители герцогства Каринтіи въ ту пору, когда у нихъ господствовалъ обычай легальной анархіи въ описанномъ видѣ. Вотъ почему мы имѣли возможность ознакомиться съ помощью наблюденій надъ жизнью африканскихъ народовъ гораздо подробнѣе съ этимъ обычаемъ. Мы имѣли возможность видѣть его въ дѣйствіи въ пору, гораздо болѣе близкую ко времени его возникновенія, и вслѣдствіе этого наше пониманіе этого явленія значительно расширилось. Мы узнали, что этотъ обычай не связанъ исключительно съ временемъ сидѣнія вновь избраннаго князя на стулѣ, что онъ въ болѣе ранній періодъ простирается на болѣе продолжительный срокъ, что онъ господствуетъ въ теченіе всего промежутка времени, длящагося между уходомъ со сцены одного властителя и появленіемъ другаго. А такъ какъ въ наслѣдственныхъ монархіяхъ, гдѣ преемникъ тутъ же подъ рукою, такой промежутокъ совершенно излишенъ, то возникновеніе этого обычая слѣдуетъ отнести къ такому историческому моменту въ жизни народовъ, когда глава государства получалъ свой санъ по выбору. О томъ, что этотъ обычай связанъ съ выборами новаго главы государства, свидѣтельствуетъ уже фактъ, приведенный Гриммомъ, но онъ получилъ сильное подтвержденіе, благодаря разсказу Ливингстона. Если этотъ институтъ существуетъ и тогда, когда достоинство властителя становится преемственнымъ, то очевидно, онъ является уже остаткомъ болѣе ранняго историческаго періода.

Хотя мы съ помощью приведенныхъ данныхъ и приблизились къ моменту возникновенія этого института, но мы тѣмъ не менѣе къ самому моменту еще не подошли. Да и форма, которую принимаетъ легальная анархія, для насъ еще не достаточно ясна. Въ то время, какъ въ нѣмецкомъ разсказѣ мы видимъ спеціализацію разрушительныхъ дѣяній: жители одного села скашиваютъ чужое сѣно, жители другаго жгутъ, и только профессіональные разбойники грабятъ, разсказы объ анархіи среди африканскихъ народовъ

[1]) Waitz. II. 398.

сообщають о всеобщемъ грабежѣ и разбоѣ и о пріостановкѣ всякой производительной дѣятельности, въ родѣ воздѣлыванія земли. Для разъясненія всѣхъ недоразумѣній, намъ необходимо воспользоваться наблюденіями надъ жизнью народовъ, стоящихъ въ культурномъ отношеніи ниже тѣхъ африканскихъ народовъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. Такими являются нѣкоторые изъ южно-океанійскихъ народовъ.

Весьма немногимъ обогащаются наши свѣдѣнія, когда мы узнаемъ, что и на Сандвичевыхъ островахъ со смертью властителя наступаетъ всеобщая анархія и всякаго рода преступныя дѣянія совершаются безнаказанно [1]). Но когда мы читаемъ, что въ Таити анархія послѣ смерти властителя выражается въ томъ, что *сосѣднія территоріи ведутъ между собою фиктивныя войны*, которыя оканчиваются, однако, истребленіемъ имущества и грабежемъ [2]), то мы, благодаря этому факту, проникаемъ въ самую суть обычая, о которомъ идетъ рѣчь.

Продолжатель „Антропологіи" Вайца, Герландъ объясняетъ мимоходомъ это явленіе общественной жизни слѣдующимъ образомъ: „Анархія—это, повидимому, не что иное, какъ проявленіе траура всей страны, наносящей самой себѣ раны, точно также, какъ это дѣлаютъ родственники частныхъ лицъ послѣ ихъ смерти" [3]). Мы дѣйствительно видѣли, что въ одномъ случаѣ трауръ выставляется предлогомъ анархіи. Точно также и разбиваніе драгоцѣнностей короля женами его у ашантіевъ относится къ этому разряду явленій. Это—остатокъ общепринятаго порядка на болѣе раннихъ ступеняхъ культуры, когда, какъ мы указывали это въ другомъ мѣстѣ, вмѣстѣ со смертью лица умираетъ, прекращаетъ свое существованіе и все то, что считается частною собственностью его [4]). Но за то всѣ остальныя явленія, сопровождающія анархію, никоимъ образомъ не могутъ быть объяснены съ этой точки зрѣнія: какъ уже выше было замѣчено, легальная анархія сопровождаетъ прекращеніе дѣятельности властителя, чѣмъ бы это прекращеніе ни вызывалось, смертью или какимъ бы то ни было другимъ способомъ, и продолжается до появленія новаго. Фиктивныя войны, ведомыя сосѣдними территоріями на островѣ Таити, однѣ только могутъ пролить надлежащій свѣтъ на это загадочное явленіе. Припомнимъ, что на Таити существуетъ федеральный строй, что со смертью главы союза федерація распадается на свои составныя части, на отдѣльныя

---

[1]) Waitz-Gerland. VI, 203.
[2]) Тамъ же. VI, 224.
[3]) Тамъ же. VI, 203.
[4]) См. Zeitschrift für Ethnologie etc. 1878. Heft III, стр. 214—218.

территоріи, находящіяся во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Отсюда и фактивныя войны между прилежащими другъ къ другу территоріями, сопровождающіяся, однако, послѣдствіями отнюдь не фиктивнаго характера. Воскресла исконная вражда, характеризующая отношенія отдѣльныхъ общинъ. Этому способствуетъ и борьба между общинами за гегемонію. Предводитель какой общины долженъ быть главою союза—великимъ княземъ?—вотъ тотъ вопросъ, который стоитъ на очереди съ прекращеніемъ дѣятельности прежняго властителя. Когда этотъ глава союза избранъ и федеративныя связи снова возстановлены, тогда только прекращаются враждебныя отношенія между снова объединенными общинами. Онѣ опять входятъ въ составъ одного и того же политическаго тѣла и должны хотя бы внѣшнимъ образомъ ладить другъ съ другомъ. И такъ, обычай временной легальной анархіи есть остатокъ того наиболѣе ранняго состоянія человѣчества, когда сосѣднія общины ведутъ между собою постоянныя, непрерывныя и отнюдь не фиктивныя войны, предаютъ разрушенію и пламени все, что добываютъ изъ достоянія враждебной имъ общины. При федеративномъ строѣ эта борьба общинъ прекращается на все время существованія федеративныхъ связей и возгорается съ полною силою на все время прекращенія этихъ связей, такъ какъ она поддерживается инстинктивною взаимною ненавистью жителей разныхъ территорій. Вторичное возстановленіе федеративныхъ связей, благодаря избранію новаго главы союза, кладетъ предѣлъ внѣшнему проявленію враждебныхъ чувствъ. Существованіе обычая легальной анархіи въ такихъ странахъ, въ которыхъ власть главы государства получается не по выбору, а по наслѣдству, ясно указываетъ на то, что въ этихъ странахъ нѣкогда существовало федеративное устройство съ выборнымъ главою. Прямымъ подтвержденіемъ этого предположенія является то, что у одного изъ тѣхъ африканскихъ народовъ, у которыхъ мы встрѣтили обычай легальной анархіи, у ашантіевъ, мы находимъ старинное преданіе, по которому въ прежнія времена тамъ была федерація, состоявшая изъ 12-ти территорій [1]). Въ настоящее время, власть короля ашантіевъ преемственная.

Нетрудно понять, какъ, благодаря неизбѣжности обычая временной анархіи при федеративномъ строѣ, этотъ строй долженъ уступить мѣсто другому, разъ въ населеніи союзныхъ территорій, благодаря постоянному общенію, инстиктивное чувство вражды затихаетъ. Не трудно понять, какъ стремленіе отдѣльныхъ семействъ усвоить себѣ верховную власть въ качествѣ наслѣдственнаго достоянія можетъ находить себѣ сторонниковъ въ населеніи, въ виду

---

[1]) Waitz. II, 55—56, 152.

временной узаконенной анархіи, угрожающей странѣ при каждомъ перерывѣ, при каждыхъ новыхъ выборахъ. Нетрудно понять также, какъ уже по установленіи принципа наслѣдственности верховной власти признается важнымъ установить принципъ непрерывности этой власти, принципъ, по которому престолъ не остается вакантнымъ, король никогда не умираетъ. Совершенно независимо отъ европейскихъ юристовъ, въ Дагомеѣ создается фикція, что король не умеръ и наслѣдникъ управляетъ страною отъ его имени. Устраняется всякій поводъ къ возникновенію анархіи, устраняется все, что могло бы служить поддержкой для стариннаго обычая. Нѣтъ ни выборовъ новаго властителя, связанныхъ съ борьбою и агитаціею, ни смерти стараго властителя. Le roi est mort, vive le roi. И если обычная анархія все-таки существуетъ тамъ, гдѣ приняты всѣ мѣры, чтобы упразднить ее, то только какъ тѣнь прошлаго. Въ странахъ, управляемыхъ деспотически, эта тѣнь становится грозною. Видоизмѣняясь по формѣ, обычай временной анархіи выражается въ тѣхъ кровавыхъ дѣяніяхъ, которыми сопровождается смерть правителей и которыми запятнаны страницы исторіи всѣхъ деспотическихъ государствъ. Промежутокъ времени между вступленіемъ на престолъ и коронацiей главы государства, существующій во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, въ настоящее время, является рамками, въ которыя нѣкогда вставлялись картины невеселыхъ событій. Картины выпали, а рамки остались.

Профессоръ И. В. Лучицкій обязательно указалъ намъ на нѣсколько мѣстъ изъ сочиненія Егера, имѣющихъ отношеніе къ разсматриваемому нами вопросу. Данныя, приводимыя у Егера, относятся къ ступени культуры болѣе поздней сравнительно съ фактами, приведенными изъ Гримма. Эти данныя относятся ко времени феодолизма и указываютъ на тѣ превращенія, которымъ подвергался первобытный обычай на пути къ окончательному исчезновенію его подъ вліяніемъ духа времени и господствовавшихъ историческихъ условій.

Въ то же время эти данныя показываютъ, что путь, по которому идутъ изслѣдователи въ области сравнительной исторіи культуры, вовсе не такъ рискованъ, какъ это кажется многимъ, привыкшимъ къ рутиннымъ способамъ изслѣдованія; что на основаніи данныхъ, доказывающихъ существованіе извѣстнаго института у одного народа и въ одномъ мѣстѣ, мы можемъ предположить существованіе этого института и у другихъ народовъ и въ другихъ мѣстахъ, хотя бы въ ту минуту, когда мы дѣлаемъ такое предположеніе, у насъ не было подъ рукою соотвѣтствующихъ фактовъ. Эти факты найдутся при большемъ изученіи различныхъ сторонъ народной жизни въ ихъ исторіи и современныхъ формахъ.

„Долго,—говоритъ Егеръ,—господствовало въ народѣ воззрѣніе, что со смертью верховнаго главы страны (Landesfürst) всѣ обезпеченныя государственнымъ правомъ и частными сдѣлками права охоты исчезаютъ, законы, относящіеся къ этому предмету, eo ipso отмѣняются и все, за чѣмъ можно охотиться въ воздухѣ, гоняться на землѣ и ловить въ водѣ, становится безхозяйнымъ. Въ виду этого каждому предоставляется по усмотрѣнію охотиться, забирать въ сѣти и удить всюду, гдѣ ему угодно. Особенно рѣзко господство этого воззрѣнія въ народѣ сказалось послѣ смерти Максимиліана I, въ 1519 году. Крестьяне толпами отправлялись на охоту, нисколько не соображаясь съ тѣмъ, кому территорія, на которой они производили охоту, принадлежала по праву, верховному властителю (королю), прелату или свѣтскому владѣльцу.

„Въ нѣкоторыхъ округахъ право охоты въ это время признавалось только по отношенію къ извѣстнаго рода дичи. Такъ въ однихъ округахъ свобода охоты относилась къ Rothwild, въ другихъ къ Gemsen... То-есть, свобода охоты давалась въ это время по отношенію именно къ той дичи, которая въ обыкновенное время особенно бережно и старательно охранялась отъ посягательства крестьянъ-охотниковъ, охранялась съ помощью страшныхъ каръ и жестокихъ казней. Въ округѣ Винтшгау, впрочемъ, также безпрепятственно удили рыбу во всѣхъ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ, кому бы они ни принадлежали, духовнымъ или свѣтскимъ владѣльцамъ, и гдѣ бы они ни были расположены“ [1]).

Эти послѣднія данныя, впрочемъ, въ большей мѣрѣ могутъ служить доказательствомъ того, что въ былыя времена всѣ эти предметы были предметами общиннаго владѣнія, причемъ наступленіе смерти верховнаго владѣльца временно возстановляло характеръ этихъ предметовъ, какъ общиннаго достоянія, которымъ каждый можетъ пользоваться до вступленія на престолъ новаго властителя. Но отъ этого выставленное нами общее положеніе, что обычай легальной анархіи обязанъ своимъ возникновеніемъ періоду междуобщинной вражды, не можетъ пострадать, ибо въ позднѣйшія времена остатки разныхъ институтовъ сливаются и образуютъ одно сложное цѣлое, въ которомъ трудно отдѣлить другъ отъ друга составные его элементы.

Положеніе, что на основаніи данныхъ, доказывающихъ существованіе извѣстнаго института у одного народа и въ одномъ мѣстѣ, мы имѣемъ право предположить существованіе этого института и у другихъ народовъ и въ другихъ мѣстахъ, хотя бы у насъ подъ рукою не было соотвѣтствующихъ фактовъ, высказанное

---

[1]) Jäger. Geschichte der landständigen Verfassung Tirols. I, 65.

мною въ 1882 году [1]), нашло себѣ еще болѣе блестящее подтвержденіе въ любопытныхъ документахъ, напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ" въ 1883 г. Въ этихъ документахъ описывается порядокъ выборовъ кошеваго атамана, судьи, писаря и есаула всего войска запорожскаго въ половинѣ XVIII вѣка. Въ виду громаднаго интереса, который имѣютъ эти документы въ связи съ приведенными до сихъ поръ данными изъ жизни первобытныхъ народовъ, мы приведемъ изъ нихъ нѣсколько выдержекъ, причемъ, впрочемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что авторы этихъ документовъ, относясь враждебно къ древнимъ обычаямъ „славетнаго войска запорожскаго низоваго" и къ его самоуправленію, значительно сгустили краски, и хотя признаютъ порядокъ выборовъ установленнымъ по обычаю, тѣмъ не менѣе считаютъ этотъ порядокъ безобразіемъ.

Въ одномъ изъ этихъ документовъ кратко разсказывается слѣдующее: „Въ Запорожской Сѣчи при войсковомъ кошу, во время выбору въ кошовые и въ протчую старшину, соберутся изо всѣхъ мѣстъ и изъ степей запорожскихъ и изъ куреней множество народу.. Притомъ выборѣ *великія страженія курень съ куренемъ имѣютъ*, а паче тѣ злодѣи, согласясь для своего въ воровствѣ угодія между собой, и тѣхъ добросовѣстныхъ казаковъ, кои хотятъ выбирать достойныхъ въ старшину, нѣсколько до смерти убиваютъ, а кои, хотя и не до смерти убиты, но и тѣ отъ такихъ побоевъ лежавъ нѣсколько времени, помираютъ же, и при тѣхъ частыхъ выборахъ народу весьма множество отъ того пропадаетъ, а знатные и заслуженные старики отъ того выбору не тако уже, како въ древнія времена бывало, что при такихъ выборахъ они въ первенствѣ находилися, но и убѣжавъ въ незнакомыя мѣста или запершись въ то время въ коморы, гдѣ-бъ ихъ и сыскать не могли, страха ради въ такомъ смертномъ убивствѣ и мятежѣ, убѣгаютъ" [2]).

Уже въ этомъ описаніи мы имѣемъ нѣкоторые признаки института легальной анархіи, вызываемой выборомъ главы запорожскаго товарищества—кошеваго атамана, т. е. главы федераціи куреней. „Страженія", которыя ведутъ курени между собою, прямо указываютъ на то, что съ наступленіемъ момента выборовъ союзъ распался и установились враждебныя отношенія между куренями до выбора новаго главы федераціи.

Въ другомъ документѣ, извлеченномъ изъ кіевскаго архива тѣмъ же авторомъ, передаются подробности выборовъ, производившихся въ 1749 г., значительно дополняющія многими любо-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы». Февраль 1882 г., стр. 753.

[2]) «Кіевская Старина», т. VI, Май 1883 г., статья А. А. Андріевскаго, стр. 137.

пытными чертами только-что приведенную характеристику выборовъ вообще.

„Ради наибольшаго собранія казаковъ, разсказывается тамъ, довбишъ или литаврщикъ билъ на литаврахъ, къ чему еще много съѣхалось, такъ что многимъ не токмо чего слышать, но ниже того видѣть можно было. По прибытіи того сбора, Кошевой отаманъ, судья, писарь и эсаулъ всему войску запорожскому на всѣ стороны кланялись и громкимъ голосомъ благодарили за начальство. Чернь, выслушавъ сіе, закричали весьма громко, всякій своимъ голосомъ, и нѣкоторые, браня оную старшину скверными и непотребными словами, говорили, что надобно ихъ скинуть, упоминая при томъ, что де казачьяго хлѣба уже наѣлись, и кричали же „положи" (сіе „положи" значитъ тако: когда уже старшину съ общаго согласія лишатъ того достоинства, тогда Кошевой, судья и эсаулъ повинны шапки свои положить на землю, а поверхъ того жалованныя трости и печати, а писарь чернильницу, а послѣ, взявъ тѣ шапки, убѣгаютъ въ курени или куда далѣе скрываются, дабы убить не могли). Прочіе же, по большей части держащіе партію Кошевого отамана, кричали, что быть сему Кошевому и писарю, полагая на ихъ главы песокъ и землю, а иные и за волосы тянули, говоря: будьте, паны, здоровы и сырны,—противники-жъ тому выбору вступили въ драку, которую жестоко и на долгій часъ производили". Наконецъ, выборы были произведены, послѣ чего, „взявъ Кошевого отамана, судью, писаря и эсаула, также и полковниковъ, вели въ комору Кошевого отамана съ такою порядочною честью: ови за волосы тянули, а ови по бокамъ кулачьемъ и пинками били и такъ едва живыхъ до того мѣста довели и не оставили одного ребра, чтобъ которое помято не было. И вошедъ онъ, Кошевой, съ помянутою старшиною въ свою комору, заперся и никого болѣе не пустилъ, и такъ до самаго вечера, пребывая тамъ, отдыхали". Это было 1-го января. 2-го января производились выборы еще нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, по окончаніи которыхъ „ни малая часть выборщиковъ, говоря словами документа, прибѣжавъ къ Кошевому, просили, дабы онъ неотмѣнно на ихъ раду шелъ, который по необходимости и крайне опечалився, взявъ по ихъ обычаю войсковую печать и церемоніальную трость, а таковую-жъ и судьѣ давъ, пошли на раду. И какъ онъ Кошевой съ судьею и эсауломъ къ церкви выступили, тогда тѣ всѣ сиромахи, бросившись къ нему, возвратили въ его покои съ такою же честью, какъ выше упомянуто, говоря при томъ, что ты нашъ батько и будь паномъ на здоровье и до тебе ведемъ вновь выбранныхъ судью и эсаула, и такъ оные пришедши въ покои заперлись". Пока избранныя власти сидѣли взаперти,

чернь или „сиромахи“ принялись было разбивать и разгонять „живущихъ за городкомъ ихъ же запорожскихъ казаковъ, всѣми потребностями торгующихъ, тако-жъ котляровъ, кузнецовъ, пушкарей, шинкарей, тожъ великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, грековъ и армянъ, для торгу здѣсь пребывающихъ, а лавки отбивъ, всѣ лежащіе деньги и товары растащить, а напитки изъ бочекъ выпустить. Какъ скоро базарные о таковомъ бунтѣ провѣдали, тогда, ради защищенія себя и недопущенія до раззоренья, тотчасъ собрались съ ружьемъ и дубьемъ до четырехъ сотъ человѣкъ и оныхъ бунтовщиковъ, не допуская ихъ до намѣреннаго дѣла, встрѣтили при самой колокольнѣ (которая стоитъ надъ самымъ рвомъ и служитъ за башню) и вонъ изъ городка въ форштатъ не выпустили; а хотя нѣкоторые оттуда и выбѣжали, оныхъ били дубьемъ смертельно, причемъ и изъ куренныхъ атамановъ одного били немилосердно. И такъ между ними происходила суетная драка, шибая изъ стороны въ сторону полѣньемъ, а сиромахи, видя озорность базарныхъ людей, принуждены были надъ колокольнею ворота запереть, а означенные базарные, опасаясь нападенія, принуждены чрезъ всю ночь не спать и при самыхъ воротахъ и при нужныхъ проходахъ стоять съ дрекольемъ. Кошевой отаманъ въ самое то время съ судьею, писаремъ и эсауломъ, сидя въ своей коморѣ, чрезъ посыланныхъ отъ себя служителей всячески трудились, дабы куренные отаманы, всякій своего куреня, старались сиромахъ отъ такого бунта отвратить, а сами для того изъ коморы выйти опасались; почему нѣкоторые старые и умные отаманы, слушаясь того повелѣнія, своихъ подчиненныхъ отъ злаго намѣренія битьемъ палками и всякимъ увѣщеваніемъ отвратили“. 3-го января происходилъ финалъ выборовъ: анархія кончена, союзъ снова возстановленъ и порядокъ водворился. Власти вступили въ отправленіе своихъ функцій. „По отслушаніи божественной литургіи, разсказывается въ документѣ, Кошевой отаманъ Акимъ Игнатовичъ учинилъ куреннымъ атаманамъ сходку и о вчерашнемъ зломъ сиромаховомъ предпріятіи имъ отаманамъ напоминалъ и увѣщевалъ, дабы своевольниковъ унимали и таковыхъ въ куреняхъ отнюдь не держали. По окончаніи того разошлись всѣ по своимъ куренямъ и такъ, по благодати Божской, тотъ день прошелъ безъ всякаго мятежа и пьяныхъ рѣдко было, понеже Кошевой отаманъ во всѣхъ шинкахъ винную продажу запретилъ“ [1]).

Этотъ документъ составленъ лицомъ, не входившимъ въ со-

[1]) А. А. Андріевскій. Запорожскіе выборы и порядки. «Кіевская Старина», Т. VI. Май 1883, стр. 131—135.

ставъ „товариства“, а потому ему, очевидно, не было извѣстно, что драки, которыя описаны имъ, происходили между представителями различныхъ куреней, но зато онъ сообщаетъ многія внѣшнія данныя, бросавшіяся въ глаза постороннему человѣку, а именно, что анархія продолжалась въ теченіе двухъ дней и что только на третій день вновь выбраннымъ кошевымъ атаманомъ устанавливался порядокъ; сообщаетъ и о томъ, что избранные представители власти запирались въ „комору“, изолировались, причемъ анархія происходила какъ бы въ ихъ отсутствіи. Впрочемъ вновь выбранныя власти всетаки озабочены, чтобы безпорядки не выходили изъ предѣловъ, установленныхъ обычаемъ, и стараются вліять на толпу, принимающую участіе въ анархіи, но только косвенно. Весьма цѣнны также свѣдѣнія объ отношеніи выборщиковъ къ выбраннымъ. Таская ихъ за волосы, нанося имъ удары и пинки, выборщики въ то же время говорятъ имъ: „ты нашъ батько, будь паномъ на здоровье“. Ниже мы выяснимъ значеніе этого противорѣчія между словомъ и дѣломъ, теперь же отмѣтимъ еще одну подробность, что вновь выбраннымъ кошевому и писарю клали на головы песокъ и землю, а „иные и за волосы тянули“.

Такое отношеніе толпы къ будущимъ ея властителямъ было бы совершенно непонятно для насъ, если бы мы не встрѣтились съ нѣкоторыми однородными фактами какъ въ жизни первобытныхъ народовъ, такъ и у предковъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ народовъ.

Вотъ какъ путешественники передаютъ обряды коронованія верховнаго властителя на островѣ Таити: „Сопровождаемый всѣми предводителями, а также густою массою народа, верховный властитель шествовалъ на площадь храма, такъ называемое Маре. Тамъ онъ возсѣдалъ у алтаря, предводители противъ него, народъ усаживался вокругъ него на извѣстномъ разстояніи. Начало торжества провозглашалось барабанами, послѣ чего предъ алтаремъ и образомъ божества приносилась человѣческая жертва. По окончаніи жертвоприношенія предъ сѣдалищемъ властителя ставились носилки, сдѣланныя изъ дерева и носившія названіе „великое ложе бога Оро“. Тогда властитель подымался, чтобы шествовать къ морю. Впереди его шелъ жрецъ, который носилъ изображеніе божества Оро. Достигши морскаго берега, гдѣ стояла пышно убранная пирога, жрецъ всходилъ на пирогу, туда же былъ поставленъ образъ, между тѣмъ какъ властитель, совершенно разоблаченный жрецами, входилъ въ море. Тутъ жрецъ божества Оро наносилъ ему ударъ по спинѣ мокрою вѣткою; затѣмъ властитель, въ свою очередь, усаживался въ лодку и опоясывался священнымъ поясомъ. Все это сопровождалось молитвой. Молитва начиналась словами:

„распространи власть короля надъ моремъ до святаго острова". Эта часть торжества заканчивалась криками народа и музыкою, послѣ чего лодка съ королемъ уходила далеко въ море. По возвращеніи, новаго властителя усаживали на ложе Оро и торжественно приносили снова къ алтарю. Тутъ-то происходили явленія, которыя имѣютъ для насъ наибольшій интересъ. На площадь являлись голые мужчины и женщины и самымъ безстыднымъ образомъ плясали около сидѣвшаго здѣсь властителя. То и дѣло они прикасались къ нему задними частями тѣла и обливали его нечистотами и въ особенности мочею. Когда раздавались звуки трубъ, неистовства эти оканчивались. Однородный обычай при коронованіи властителя мы находимъ на архипелагѣ Товарищества" [1]). Такимъ образомъ мы и здѣсь, хотя и въ нѣсколько иной формѣ, встрѣчаемся съ ударами, наносимыми властителю, и съ забрасываніемъ нечистотами, т. е. съ обрядами крайняго униженія даннаго лица, предшествующими его возвышенію.

Въ той же Каринтіи, въ которой, какъ мы видѣли выше, при вступленіи на престолъ новаго герцога господствовала освященная обычаемъ анархія еще въ XIII и XIV в., самъ герцогъ при возведеніи въ этотъ санъ долженъ былъ подвергаться извѣстнымъ обрядовымъ дѣйствіямъ, направленнымъ къ униженію его.

Одинъ изъ крестьянъ усаживался въ Цольфельдѣ на камнѣ, именовавшемся—мраморнымъ герцогскимъ стуломъ. Вокругъ камня необозримыми рядами стоялъ народъ, ожидая новаго герцога. Послѣдній одѣвалъ сѣрую свиту съ краснымъ поясомъ, кожанымъ ягдташемъ, въ которомъ находились хлѣбъ, сыръ и т. п. На ногахъ онъ носилъ лапти, на головѣ сѣрую шапку, въ рукахъ пастушескій посохъ. Сопровождаемый двумя феодальными владѣльцами, онъ приближался къ стулу; рядомъ съ нимъ шли черный быкъ и тощая крестьянская кляча; за ними пышно одѣтые рацари со знаменами. Когда процессія приближалась къ мраморному камню и крестьянинъ замѣчалъ новаго герцога, онъ восклицалъ на вендскомъ языкѣ: „Кто это шествуетъ такъ гордо?" На что толпа отвѣчала ему: „Это князь". Крестьянинъ снова вопрошалъ: „справедливый ли онъ судья? Дорожитъ ли онъ благомъ страны? Свободенъ ли онъ и законно ли онъ рожденъ?" На что толпа отвѣчала: „Такъ оно есть и такъ оно будетъ".—„Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ крестьянинъ:—я спрашиваю, на какомъ основаніи онъ меня устранитъ съ этого стула?"—на что одинъ изъ приближенныхъ давалъ отвѣтъ: „Онъ его купитъ у тебя за 60 пфениговъ. Этотъ живой инвентарь останется за тобою; тебѣ же будетъ передана одежда князя"

[1]) Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker. VI. S. 197, 198, 199.

и т. д. Тогда крестьянинъ наносилъ князю легкую пощечину, убѣждая его быть справедливымъ, сходилъ съ камня и забиралъ съ собою быка и коня. Новый герцогъ усаживался на камнѣ, махалъ обнаженнымъ мечемъ во всѣ стороны и давалъ обѣщаніе творить судъ и соблюдать справедливость; затѣмъ онъ выпивалъ глотокъ свѣжей воды, зачерпнутой въ шапку. По окончаніи этого обряда герцогъ снималъ крестьянское платье, наряжался по-княжески и устраивалъ пиршество для рыцарства. Въ тотъ же день герцогъ отправлялся къ склону холма, на которомъ также находился каменный стулъ. Герцогъ усаживался и съ обнаженною головою и поднятыми горе пальцами клялся въ томъ, что будетъ защищать права страны; затѣмъ онъ принималъ присягу и раздавалъ лены [1]).

Изъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ очевидно, что обряды, направленные къ уничиженію властителя до возведенія его въ этотъ санъ, отнюдь не возникли изъ метафизической идеи о необходимости противопоставить наглядно низменное и возвышенное положеніе человѣка въ общественномъ строѣ, какъ это можно было бы предполагать на основаніи теоріи о цѣлесообразности. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ, очевидно, исконныя, старинныя явленія жизни, сопровождавшія междуцарствія и выборъ новаго властителя, превратились въ постоянное учрежденіе, окаменѣли въ видѣ обрядовъ, считавшихся необходимою принадлежностью вступленія на престолъ новаго властителя. Во время междуплеменной борьбы, происходившей при выборѣ новаго верховнаго представителя, немало униженій и оскорбленій долженъ былъ претерпѣть, конечно, претендентъ на это достоинство. Эти-то факты и были драматизированы впослѣдствіи въ обрядѣ вступленія на престолъ, когда онъ совершался при мирныхъ условіяхъ.

Въ приведенномъ выше обрядѣ коронованія герцога въ Каринтіи заслуживаетъ также вниманія роль крестьянина, у котораго герцогъ выкупаетъ новый санъ. Крестьянинъ этотъ, очевидно, является здѣсь тѣмъ же, чѣмъ былъ interrex въ такъ называемомъ царскомъ періодѣ римской исторіи, а также и во времена республики. Иначе говоря: новый герцогъ, получая свое достоинство отъ крестьянина, этимъ самымъ свидѣтельствуетъ, что оно не могло быть получено имъ по наслѣдству, не могло перейти къ нему отъ восходящаго родственника, а должно было быть признано за нимъ народомъ, въ руки представителя котораго—т. е. крестьянина—герцогская власть перешла послѣ смерти его предшественника.

Мнѣ кажется, что какъ только-что указанная аналогія, такъ

---

[1]) Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer. S. 253, 254.

и приведенныя выше данныя проливаютъ совершенно новый свѣтъ на событія царскаго періода римской исторіи, передаваемыя въ первой книгѣ Тита Ливія и признаваемыя новѣйшими историками, начиная отъ Нибура, легендарными.

Сущность этихъ разсказовъ заключается вкратцѣ въ томъ, что въ томъ родѣ, откуда по преимуществу выбирались верховные властители первоначальной римской федераціи, стало проявляться желаніе укрѣпить достоинство верховнаго властителя наслѣдственно, уничтоживъ избирательную борьбу, временнаго властителя—interrex'а—и необходимость согласія соединенныхъ племенныхъ общинъ на переходъ достоинства верховнаго властителя къ новому лицу. Судя по разсказу Тита Ливія, Сервію Тулію удалось достигнуть этого съ помощью такого же пріема, къ какому, какъ мы видѣли выше, прибѣгаютъ и въ Дагомеѣ. Въ теченіе извѣстнаго времени онъ скрывалъ фактъ смерти Тарквинія Приска, правилъ именемъ его и такимъ образомъ, говоря словами Тита Ливія, закрѣпилъ за собою власть въ качествѣ замѣстителя. Когда, наконецъ, было возвѣщено народу о смерти Тарквинія, Сервій Тулій продолжалъ править уже прямо отъ своего имени [1]). Убилъ ли Тарквиній Гордый Сервія Тулія злокозненно, или его убійство была обыкновенная участь одряхлѣвшихъ стариковъ, забытая впослѣдствіи, а потому изображаемая Титомъ Ливіемъ въ мрачныхъ краскахъ, но несомнѣнно одно, что Тарквиній Гордый продолжалъ политику Сервія Тулія и принялъ бразды правленія помимо interrex'а, помимо избирательной борьбы, помимо согласія племенъ [2]). Попираніе ногами избирательныхъ правъ народа, установленіе наслѣдственности достоинства верховнаго властителя въ данномъ родѣ повело и къ дальнѣйшимъ посягательствамъ на права союзнаго населенія [3]). Это и вызвало насильственное низверженіе Тарквинія и установленіе института временныхъ властителей—консуловъ вмѣсто пожизненныхъ—царей, чѣмъ отнята была возможность перехода правъ на высшій санъ по наслѣдству. Возстановлено было также достоинство interrex'а на время избирательной борьбы. Къ сказанному считаю нелишнимъ прибавить, что и самъ Титъ Ливій, разсказывая о борьбѣ за верховную власть, происходившей послѣ исчезновенія Ромула, прямо говоритъ, что это была борьба не партій, а племенъ [4]), среди которыхъ, очевидно, съ временнымъ распаденіемъ федераціи, съ исчезновеніемъ верховнаго властителя воскресала исконная взаимнаго вражда.

---

[1]) Titus Livius. I. 41.
[2]) Idem. I. 49.
[3]) Loc. cit.
[4]) Idem. I. 17.

Такимъ образомъ и у римлянъ interrex былъ ничѣмъ инымъ, какъ остаткомъ того отдаленнаго времени, когда, вслѣдствіе смерти пожизненнаго главы федераціи, между союзными племенами происходили ожесточенныя столкновенія изъ-за того, кто долженъ быть возведенъ въ достоинство верховнаго властителя, или, вѣрнѣе, властитель какого племени долженъ получить значеніе главы федераціи, такъ какъ съ этимъ связано было рѣшеніе вопроса, какое племя должно получить преобладающее значеніе въ союзѣ. Что именно таковъ былъ смыслъ избирательной борьбы въ раннія времена римскій исторіи, прямо свидѣтельствуетъ Титъ Ливій [1]).

Вообще, если имѣть въ виду, что на раннихъ ступеняхъ культуры верховный глава федераціи обыкновенно получаетъ свое достоинство по выбору, но въ то же время остается властителемъ пожизненно, то уже изъ этого факта вытекаетъ неизбѣжность столкновеній послѣ его смерти. Пожизненный глава, или его семейство, обыкновенно старается обезпечить достоинство верховнаго главы за однимъ изъ членовъ его семьи наслѣдственно, но въ то же время другіе члены своей семьи, а также постороннія лица оспариваютъ переходъ по наслѣдству достоинства верховнаго главы на томъ основаніи, что этотъ переходъ долженъ быть совершенъ по выбору, долженъ быть санкціонированъ волею союзнаго собранія. Въ древнемъ Римѣ, какъ мы видѣли, эти неизбѣжныя столкновенія наслѣдственнаго съ выборнымъ принципомъ устранены были тѣмъ, что верховная власть изъ пожизненной стала временною функціею. Этимъ путемъ надолго былъ упроченъ выборный принципъ. Нѣсколько иначе вышла Англія изъ этой коллизіи. И тамъ, очевидно, со смертью верховнаго главы, даже послѣ нормандскаго завоеванія, устанавливалась анархія. Вотъ какъ описываютъ лѣтописцы событія, послѣдовавшія за смертью Вильгельма Завоевателя: „Медики и другія лица, проводившія около него ночь, видя его умершимъ, бросились къ своимъ лошадямъ и пустились по домамъ, каждый для охраненія своего имущества. Служители и вассалы низшаго разряда, послѣ бѣгства высшихъ, захватили посуду, одежды, бѣлье, оружіе, всю движимость и также убѣжали, оставивъ почти обнаженный трупъ на полу" [2]). Грабительскіе инстинкты послѣ смерти верховнаго главы распространялись, конечно, не только на его имущество, но и вообще на имущество жителей. Вотъ почему всѣ и каждый „суетились и кидались въ разныя сто-

---

[1]) Titus Livius. I. 17, 18.

[2]) Мы передаемъ выдержки изъ лѣтописцевъ въ изложеніи Тьерри: Исторія завоеванія Англіи норманами (русск. перев.). 1868. II, стр. 121.

роны, начали переносить и прятать свою движимость и старались сбыть ее съ рукъ—хотя бы и съ убыткомъ.... Сыновья, братья, всѣ родственники и приближенные королевскіе уже къ нему не являлись—ихъ не было налицо, некому было заботиться и о его похоронахъ; какой-то простой дворянинъ Герлюэнъ, по душевной добротѣ и страху Божію, говорятъ тогдашніе лѣтописцы, принялъ на себя труды и издержки по этому дѣлу. Онъ на свой счетъ поставилъ гробовщиковъ и дроги, перевезъ трупъ на берегъ Сены, а оттуда на баркѣ—по рѣкѣ и моремъ—до города Каэна" [1]). Отсутствіе сыновей, конечно, совершенно понятно. Одинъ изъ нихъ Вильгельмъ Рыжій, узнавъ о смерти своего отца, „поспѣшилъ въ Винчестеръ, складочное мѣсто королевскихъ сокровищъ, и склонивъ обѣщаніями казнохранителя, получилъ ключи отъ кладовыхъ. Онъ велѣлъ все обстоятельно сосчитать и свѣсить: оказалось 60,000 ливровъ чистаго серебра, и много золота и драгоцѣнныхъ камней. Потомъ онъ созвалъ всѣхъ высокихъ норманскихъ бароновъ, находившихся въ Англіи, объявилъ имъ о смерти Вильгельма, былъ выбранъ ими въ короли и посвященъ архіепископомъ Ланфранкомъ въ винчестерскомъ соборѣ.... Между тѣмъ, бароны англо-норманскіе, не участвовавшіе въ избраніи Вильгельма Рыжаго, переплыли проливъ; они были раздражены противъ него за то, что онъ сталъ королемъ помимо ихъ согласія, и рѣшились низложить его и возвести на престолъ старшаго его брата Роберта, герцога Нормандскаго". Послѣ продолжительныхъ военныхъ столкновеній обѣ стороны сошлись на томъ, чтобы король Вильгельмъ Рыжій, если переживетъ герцога, наслѣдовалъ ему въ герцогствѣ Нормандіи,—въ противномъ случаѣ герцогъ получитъ королевство Англіи: 12 лицъ со стороны короля и 12 со стороны герцога клятвенно утвердили этотъ договоръ [2]).

Однородныя явленія происходили послѣ смерти Вильгельма Рыжаго, умершаго во время охоты. „Послѣ первой вѣсти о смерти короля, всѣ участвовавшіе въ охотѣ поскакали изъ лѣса, спѣша каждый по своимъ дѣламъ. Братъ короля, Генрихъ направился въ Винчестеръ къ королевской казнѣ, а трупъ Вильгельма Рыжаго „остался на землѣ, покинутый всѣми, также какъ нѣкогда былъ покинутъ трупъ Завоевателя. Короля, пронзеннаго стрѣлою, нашли угольщики; они положили его на свою повозку, обернувъ въ тряпье, просачиваясь сквозь которое, кровь покойника струилась на дорогу. Такъ останки втораго норманскаго короля прибыли къ Винчестерскому за̀мку.... Генрихъ, захвативъ казну, при-

---

[1]) Тьерри, ibid., стр. 122.
[2]) Тьерри, ibid., стр. 124, 126, 128, 129.

былъ въ Лондонъ, куда собрались и значительнѣйшіе изъ норманновъ; три дня спустя послѣ смерти Вильгельма, они выбрали его королемъ и торжественно короновали" [1]). Какъ намъ извѣстно, верховная власть на основаніи договора Вильгельма Рыжаго съ герцогомъ Робертомъ должна была перейти къ послѣднему, и дѣйствительно многіе англо-норманскіе сеньоры стали на сторону Роберта. Дѣло кончилось, однако, миромъ: Робертъ отказался отъ своихъ притязаній за ежегодную пенсію въ 2,000 ливровъ серебра [2]).

Король Генрихъ I, желая устранить анархію послѣ своей смерти, созвалъ еще при жизни бароновъ англійскихъ и норманскихъ „и потребовалъ, чтобы они признали наслѣдниками и въ герцогствѣ и въ королевствѣ дѣтей его дочери, послѣ него и послѣ нея; они, повидимому, согласились и дали въ томъ клятву. Спустя два года, король Генрихъ I умеръ въ Нормандіи, и передъ кончиной былъ въ полной увѣренности, что оставляетъ безспорно корону своей дочери и своему внуку, но вышло иначе. По первому слуху о его смерти Стефанъ де-Блуа, его племянникъ, спѣшно отплылъ въ Англію, гдѣ и былъ избранъ королемъ" [3]). И опять, благодаря этому захвату власти, все норманское населеніе Англіи раздѣлилось на двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла за племянника короля Генриха I, Стефана, а другая за дочь короля. Обѣ партіи наблюдали, говоря словами историка, другъ за другомъ съ недовѣрчивостью: сосѣдъ подозрѣвалъ сосѣда, другъ друга, братъ брата [4]). Долго тянулась борьба между Стефаномъ и Матильдой и кончилась тѣмъ, что англійскій престолъ въ концѣ концовъ перешелъ къ сыну Матильды, Генриху II.

Смерть Генриха II, въ свою очередь, сопровождалась явленіями, съ которыми мы уже знакомы. „Когда король умеръ, то служившіе ему поступили съ его тѣломъ такъ же, какъ поступили нѣкогда съ останками Вильгельма Завоевателя: снявъ немедленно съ покойника послѣднее платье и все, что было драгоцѣннаго въ комнатѣ и въ домѣ, всѣ они его покинули. Король Генрихъ желалъ быть погребеннымъ въ знаменитомъ женскомъ аббатствѣ Фонтевро, находившемся въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ Шинона. Съ трудомъ можно было найти людей для покрытія тѣла саваномъ и лошадей для перевозки. Покойникъ былъ уже поставленъ въ большой церкви аббатства, въ ожиданіи похоронъ, когда графъ Ричардъ по народной молвѣ узналъ о

[1]) Тьерри, ibid., стр. 141, 142.
[2]) Тьерри, стр. 142, 149.
[3]) Тьерри, стр. 172.
[4]) Idem, стр. 204.

смерти своего отца. Онъ пріѣхалъ въ церковь и нашелъ умершаго короля въ гробу съ открытымъ лицомъ, обезображенныя черты котораго ясно показывали признаки жестокой предсмертной муки. Это зрѣлище заставило графа невольно вздрогнуть. Онъ сталъ на колѣни предъ алтаремъ и молился; черезъ нѣсколько минутъ всталъ; прошло времени не болѣе того, сколько нужно для прочтенія „Отче нашъ", говорятъ историки того вѣка, какъ Ричардъ уже вышелъ и болѣе не возвращался" [1]). Очевидно, что и послѣ смерти Генриха II повторились традиціонныя явленія, вызывавшіяся пренебрежительнымъ отношеніемъ къ старикамъ вообще и одряхлѣвшимъ королямъ въ частности, но этимъ и ограничилась анархія послѣ смерти Генриха II, такъ какъ престолъ перешелъ прямо по наслѣдству къ старшему сыну Ричарду I.

Если до сихъ поръ мы старались возстановить игнорировавшійся до сихъ поръ институтъ легальной анархіи, установленный обычаемъ, по отдѣльнымъ обрывкамъ его, сохранившимся въ лѣтописяхъ исторіи, то по отношенію къ одному народу, именно польскому, мы находимся въ нѣсколько иномъ положеніи.

Польша вплоть до окончательнаго раздѣла сохранила первобытное федеративное устройство. Вотъ почему вплоть до послѣднихъ минутъ ея самобытнаго существованія сохранились тѣ порядки, которые составляютъ неизбѣжную принадлежность первоначальнаго федеративнаго строя: сохранилась узаконенная обычаемъ анархія послѣ смерти короля, вслѣдствіе распаденія составныхъ частей Польши—этого страннаго, на взглядъ современныхъ государствовѣдовъ, королевства, имѣвшаго видъ республики, сохранилось значеніе такъ называемыхъ конфедерацій, т. е., частныхъ союзовъ, предназначенныхъ для проведенія извѣстныхъ мѣръ и задачъ, сохранилась власть interrex'а, сохранился, наконецъ, институтъ междуцарствія въ видѣ обязательно существовавшаго промежутка между смертью короля, какъ представителя федераціи, и выборомъ новаго представителя ея. Все это и многое другое сохранилось, не смотря на то, или, вѣрнѣе, именно потому, какъ утверждали представители польскаго народа, что эти старинные порядки и обычаи, господствовавшіе во время interregnum'а, никогда не были облечены въ форму закона. „Какъ только обнародованъ законъ, говорили польскіе магнаты одному венеціанскому посланнику, люди выдумываютъ средства для обхода его, мы поэтому лучше не издадимъ никакого закона" [2]). Вотъ почему мы въ записанныхъ польскими историками обрядахъ выбора новаго короля

[1]) Тьерри. III. стр. 90.
[2]) Hüppe. Verfassung der Republik Polen (1867 г.). S. 96.

и событіяхъ, происходившихъ во время междуцарствій, имѣемъ кусокъ обычнаго права наиболѣе раннихъ временъ, кусокъ, весьма мало изуродованный позднѣйшими прибавками и наслоеніями. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что развитіе культуры и новыхъ запросовъ жизни должно было отразиться на порядкахъ, унаслѣдованныхъ отъ отдаленнаго прошлаго, какъ въ смыслѣ улучшенія ихъ, такъ и въ смыслѣ ухудшенія, какъ въ отношеніи большей мягкости нравовъ въ борьбѣ между представителями земель, составлявшихъ польскую федерацію, такъ и въ отношеніи все большей и большей деморализаціи этихъ представителей, дѣлавшихся доступными для подкуповъ и всевозможной корысти. Каковы бы однако ни были внутренніе мотивы, по которымъ дѣйствовали представители Польши при выборѣ новаго короля, и способы борьбы изъ-за претендента на престолъ, какъ бы внѣшнимъ образомъ ни смягчились нравы и внутренно ни деморализировались люди, все-таки порядки оставались традиціонными, закрѣплены были исконнымъ обычаемъ и, если подвергались измѣненіямъ подъ вліяніемъ культуры, то въ духѣ тѣхъ первоначальныхъ зародышей, которые лежали въ основѣ федеративнаго строя. Вотъ почему анархія во время междуцарствія никогда не была упразднена въ Польшѣ. И какъ къ выборамъ короля въ XVI вѣкѣ, такъ и къ выборамъ короля въ XVIII могло быть примѣнено слѣдующее характерное изреченіе: „во время выборовъ польскаго короля Богъ творитъ бо̀льшія чудеса, чѣмъ Онъ совершилъ при сотвореніи міра, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ не имѣлъ дѣла съ сопротивляющейся матеріей, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ матеріалъ оказывался безконечно сопротивляющимся всякой организаціи“ [1]). Ни попытки закрѣпить власть верховнаго главы федераціи въ одномъ родѣ, ни мѣры, повидимому принимавшіяся для сокращенія промежутка между смертью короля и выборомъ новаго, не успѣли утвердиться въ Польшѣ. Одною изъ такихъ мѣръ слѣдуетъ считать обычное правило, по которому вслѣдъ за погребеніемъ умершаго короля долженъ происходить, лишь съ промежуткомъ въ нѣсколько дней, актъ коронаціи новаго [2]). Но это правило приводило лишь къ тому, что короля или хоронили два раза—одинъ разъ частнымъ образомъ, а другой разъ въ присутствіи его преемника, или же оставляли тѣло короля вплоть до окончанія выборовъ въ Варшавѣ, резиденціи короля, а затѣмъ, по окончаніи выборовъ, привозили

---

[1]) Hüppe. ibid. S. 96.

[2]) Hüppe. ibid. S. 103. Lengnich. Prawo pospolite polskiego królestwa (1836 г.) p. 86, 89. 90.

его въ Краковъ, мѣсто коронаціи [1]). О превращеніи пожизненнаго короля въ избраннаго на опредѣленный срокъ верховнаго представителя Рѣчи-Посполитой и не думали очевидно. Такимъ образомъ, явленія, сопровождающія смерть короля и выборъ новаго, были заурядным явленіемъ въ польской исторіи.

Меньше всего свѣдѣній мы имѣемъ о расхищеніи имущества и раззореніи достоянія умершаго короля, хотя сохранившійся обычай уничтоженія печатей, ломанія оружія и знаменъ при погребеніи короля [2]), на нашъ взглядъ, является несомнѣннымъ остаткомъ этого обычая. Есть также полное основаніе допускать всеобщую анархію въ смыслѣ грабежей, разбоевъ, поджоговъ, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ отдѣльные частные факты этого рода, происходившіе во время безкоролевья [3]), такъ въ особенности установленіе такъ называемыхъ „каптуровыхъ судовъ" во время и на время междуцарствія въ каждой отдѣльной мѣстности. Каптуровые судьи выбирались на областныхъ сеймикахъ, и задачей ихъ было сурово наказывать нарушителей общественнаго спокойствія. Суды эти вѣдали главнымъ образомъ именно тѣ преступленія, которыя наиболѣе часто совершались во время междуцарствія, т. е.—убійства, поджоги, грабежи и вообще выдающіяся злодѣянія [4]). Съ одной стороны, необходимость установленія каптуровыхъ судовъ, какъ и указывается въ источникахъ, вызывается распаденіемъ федераціи послѣ смерти короля, а вслѣдствіе этого и пріостановкой дѣятельности обыкновенныхъ судовъ, черпающихъ свою силу отъ „источника справедливости"—короля [5]), но съ другой стороны необходимость установленія спеціальныхъ судовъ на время безкоролевья прямо свидѣтельствуетъ о массѣ бытовыхъ фактовъ, устраненіе которыхъ было задачею этихъ судовъ. Да это и понятно, такъ какъ уже одно распаденіе всего населенія на партіи вслѣдствіе разноголосицы въ мнѣніяхъ о претендентахъ на престолъ, должно было повести къ личной враждѣ между сторонниками различныхъ претендентовъ и повліять на усиленіе статистики преступныхъ дѣйствій. Мало того; какъ указываетъ Бартошевичъ въ анализѣ одной изъ каптуровыхъ книгъ, сами каптуровые суды превратились впослѣдствіи въ орудіе выборной агитаціи, мало заботясь объ объективной справедливости и направляя свои усилія къ ослабленію политическихъ противниковъ; иначе говоря, каптуровые

---

[1]) Hüppe, ibid. 103. Lengnich, ibid, p. 87.

[2]) Lengnich, p. 89.

[3]) См. между прочимъ Bartoszewicz. Studia historiczne и literackie. II (1881) p. 15.

[4]) Lengnich, p. 34, 35.

[5]) Lengnich, p. 34. Hüppe, S. 298.

суды проявляли энергическую дѣятельность въ интересахъ одной изъ выборныхъ партій [1]). Такимъ образомъ то, что должно было служить цѣлебнымъ средствомъ противъ анархіи, если и не усилило ее, то стало новымъ орудіемъ въ рукахъ политическихъ борцовъ. Прибавимъ, что, по мнѣнію изслѣдователей, специальные суды эти назывались каптуровыми отъ слова „Kaptur"—накрываніе головы [2]), очевидно въ знакъ траура.

Мы уже знаемъ, что въ Польшѣ существовалъ замѣститель короля, interrex, который вѣдалъ неотложныя дѣла во время безкоролевья. Достоинство это принадлежало архіепископу Гнѣзненскому, который и признавалъ (nominat) короля, когда состоялись выборы его [3]) подобно тому, какъ это дѣлалъ крестьянинъ, занимавшій герцогскій стулъ въ Каринтіи.

Мѣсто выборовъ—поле между Варшавой и Волей—въ позднѣйшія времена считалось освященнымъ, огражденнымъ отъ возможности столкновеній на немъ враждебныхъ партій. Тѣмъ не менѣе уже одно то, что избиратели являлись на это поле вооруженными, что они группировались по воеводствамъ и повѣтамъ, что они такимъ образомъ имѣли видъ вооруженнаго лагеря, что шляхта подавала голоса, сидя на лошадяхъ [4]), свидѣтельствуетъ, что на этомъ полѣ не могло обойтись безъ военныхъ столкновеній и замѣшательствъ. И дѣйствительно, хотя и возбранялась, между прочимъ, въ 1674 году стрѣльба на избирательномъ полѣ и вообще насильственное воздѣйствіе на избирателей [5]), все-таки выборы короля рѣдко кончались безъ замѣшательствъ, стрѣльбы, убійствъ и т. п. дѣяній, которыя обыкновенно оставались безнаказанными [6]). Вѣдь для того, чтобы состоялись выборы короля, требовалось единогласіе [7]), а такъ какъ единогласіе рѣдко достигалось и образовывались двѣ или три партіи, изъ которыхъ каждая выставляла своего кандидата, то, очевидно, являлась необходимость предоставить рѣшеніе вопроса оружію, прибѣгнуть къ ultima ratio въ неразрѣшимомъ спорѣ, къ войнѣ, т. е. одной партіи, чувствовавшей на своей сторонѣ большую силу, приходилось подавить другія партіи, заставить ихъ насильно подчиниться, отречься отъ своего кандидата и волей неволей примкнуть къ партіи, одержавшей побѣду. Такъ оно и происходило на самомъ дѣлѣ [8]). Выражаясь языкомъ

---

[1]) Bartoszewicz, ibid. II, p. 33, 34, 35.
[2]) Lengnich p. 34.
[3]) Hüppe. S. 97, 101. Lengnich, 32, 33, 71.
[4]) Lengnich, p. 45, 50, 68. Hüppe. S. 99, 100. Bartoszewicz. II, p. 11, 156.
[5]) Lengnich, p. 49.
[6]) Lengnich, p. 52, 53.
[7]) Lengnich, p. 71. Hüppe. S. 101.
[8]) Hüppe, S. 102. Lengnich, p. 71, 72, 74.

польскаго государственнаго права, въ такихъ случаяхъ образовывались конфедераціи для проведенія данной цѣли. Всякія средства допускались для достиженія этой цѣли или, какъ выражались въ актахъ конфедерацій, дозволялось „довести противниковъ конфедераціи (враговъ отечества, какъ они именовались) къ гибели и уничтоженію" [1]). Въ насмѣшку надъ своими соотечественниками, одинъ полякъ выразился, что въ Польшѣ право облекается въ форму анархіи, а анархія облекается въ форму права [2]), но въ сущности въ этой фразѣ описывается лишь тотъ фактъ, что го время междуцарствія въ Польшѣ допускалась легальная анархія, институтъ, съ которымъ мы встрѣчались и у другихъ народовъ, и если онъ здѣсь сохранился въ наиболѣе чистомъ видѣ въ сравнительно близкія къ намъ времена, то лишь потому, что вплоть до новѣйшихъ временъ сохранился неприкосновеннымъ первобытный федеративный строй, принадлежностью котораго является изображенный нами институтъ.

Не могу не повторить въ заключеніе словъ К. Д. Кавелина, въ которыхъ мысль, проведенная въ настоящей главѣ, выражена со свойственною Кавелину образностью. „Прежде понятій, прежде обычаевъ, говоритъ онъ, первой формы правильныхъ общественныхъ и житейскихъ отношеній, нераздѣльно и исключительно преобладалъ непосредственный, грубый фактъ во всей случайности или внѣшней необходимости: за нимъ ничего не было. Слѣпо покорялся ему первобытный человѣкъ... Здѣсь зародышъ убѣжденій и обычаевъ. Ихъ содержаніе не отвлеченная мысль, не психологическая или философская истина, а непосредственныя отправленія и дѣйствія внѣшней природы *или грубыя явленія первоначальной общественности*" [3]).

Мы уже знаемъ, что однимъ изъ основныхъ „грубыхъ фактовъ", изъ котораго выросла цѣлая масса символовъ, обрядовъ и учрежденій, была междуплеменная вражда, которая даже послѣ того, когда она прекратилась въ наиболѣе жестокой своей формѣ, тѣмъ не менѣе накладывала свою печать на учрежденія, вызванныя ею. Яркую иллюстрацію этого положенія представляютъ исторія торговли вообще и торговли движимымъ капиталомъ — деньгами въ частности. Къ разсмотрѣнію этихъ предметовъ мы и перейдемъ.

---

[1]) Hüppe. S. 153, 154. См. между прочимъ Bartoszewicz. II, p. 139, 150, 163.
[2]) Hüppe. S. 152.
[3]) Кавелинъ. Сочиненія. Т. IV, стр. 59.

ГЛАВА XI.

Торговля и торговый классъ.

Отсутствіе торговли на раннихъ ступеняхъ культуры.—Заочная торговля.—Нѣмая торговля.—Остатки нѣмой торговли—языкъ пальцевъ. — Нѣмая торговля въ древней Россіи. — Чѣмъ она вызвана? — Переживаніе заочной торговли въ Россіи до новѣйшихъ временъ.—Нейтральныя мѣста. — Федеративныя собранія, рынки при храмахъ.—Миръ на время торга.—Ярмарки на монастырскихъ площадяхъ. — Происхожденіе торговыхъ рядовъ. — Образованіе городскихъ поселеній.—Гостиные дворы.—Оптовая торговля.—Происхожденіе купеческихъ гильдій и артелей.—Торговлей въ каждой странѣ занимаются иностранцы. — Возникновеніе косвенныхъ налоговъ и покровительства купцамъ со стороны правительственной власти.—Необходимость вмѣшательства этой власти въ торговыя дѣла.—Появленіе доморощенныхъ купцовъ.

Уже Генри Мэнъ замѣчаетъ въ своемъ сочиненіи о „Деревенскихъ общинахъ", что политико-экономы исходятъ въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ совершенно невѣрнаго предположенія о томъ, что купля-продажа, спросъ и предложеніе, конкурренція, торговый обмѣнъ, словомъ, всѣ явленія современной цивилизаціи суть исконныя явленія общественной жизни [1]), что они составляютъ неизбѣжное достояніе всякаго человѣческаго общества. Изъ сопоставленныхъ ниже данныхъ мы, въ свою очередь, убѣдимся въ неправильности этого предположенія. Мало того: мы увидимъ, что требовался весьма значительный періодъ времени въ жизни человѣчества для того, чтобы выработать, превратить „человѣка" въ торговца, „купца", сдѣлать человѣка пригоднымъ по нравственнымъ качествамъ къ торговому дѣлу, вызвать въ немъ то нравственное настроеніе, которымъ обусловливается существованіе такого общественнаго явленія, какъ конкурренція—этого нерва торговаго дѣла.

---

[1]) Village-Communities. London, 1876, стр. 196, 197, а также 192—193.

Въ первобытной общинѣ нѣтъ мѣста для торговли въ какой бы то ни было формѣ, нѣтъ мѣста для покупки и продажи. Если поэтому намъ сообщаютъ спеціально объ ашантіяхъ, что имъ совершенно чуждо самое представленіе о торговлѣ въ такой мѣрѣ, что они не постигаютъ, „какъ можетъ кто либо пріобрѣтать то, что не предназначено для его *личнаго потребленія*" [1]), то это сообщеніе нисколько не представляется неожиданнымъ. Оно подтверждаетъ на частномъ случаѣ то, что относится ко всѣмъ однороднымъ общественнымъ группамъ, находящимся на одинаковой ступени развитія. На этой ступени развитія уже одно пріобрѣтеніе какого либо предмета *за соотвѣтствующее вознагражденіе* для личнаго потребленія даже есть аномалія, пріобрѣтеніе же съ цѣлью перепродажи—колоссальная несообразность. Извѣстный англійскій путешественникъ Маринеръ въ первые дни своего пребыванія на южно-океанійскомъ островѣ Тонга находился въ большомъ затрудненіи относительно добыванія съѣстныхъ припасовъ. „Когда онъ въ бесѣдѣ съ владыкой острова, Финовымъ, затронулъ этотъ мучительный для его желудка вопросъ, Финовъ не могъ достаточно надивиться глупости *бѣлыхъ*. Онъ сталъ разспрашивать Маринера, какимъ образомъ англичане добываютъ себѣ необходимую имъ пищу, и когда онъ узналъ, что всякій *пріобрѣтаетъ за деньги то*, что потребно для него и его семейства, что обѣдъ въ гостяхъ допускается только тогда, когда этому предшествовало формальное приглашеніе, что приглашеніе обыкновенно дѣлается только съ цѣлью и въ виду желанія знакомиться, *то онъ залился смѣхомъ*, труня надъ скаредничествомъ и своекорыстіемъ европейцевъ. Онъ объяснилъ затѣмъ Маринеру, что господствующій на о. Тонга обычай гораздо лучше англійскаго: когда онъ почувствуетъ голодъ, ему стоитъ только войти въ ближайшую избу, гдѣ пьютъ и ѣдятъ, и присоединиться къ обществу ѣдоковъ, не дожидаясь приглашенія и никого не предувѣдомляя". Съ тѣхъ поръ среди тонганцевъ нравы европейцевъ стали предметомъ шутокъ и остротъ. Надъ всякимъ, входившимъ въ какую либо избу, чтобы участвовать въ ѣдѣ, они подшучивали въ такомъ родѣ: „Отнынѣ навсегда мы будемъ поступать по примѣру папалонговъ (европейцевъ). Идите домой и ѣшьте то, что вы успѣли пріобрѣсть для себя, а мы будемъ ѣсть то, что мы пріобрѣли" [2]).

Подобное испыталъ Дюмонъ д'Юрвиль въ Новой-Зеландіи [3]).

Если кому-нибудь изъ камчадаловъ, разсказываетъ Крашенинни-

---

[1]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker. II. S. 107.
[2]) Klemm. Allgemeine Kulturgeschichte. IV. S. 398.
[3]) Waitz-Gerland. VI. S. 110.

ковъ, нужна вещь, которая имѣется у сосѣда, то онъ идетъ къ нему, хотя бы онъ не былъ знакомъ съ нимъ, и сообщаетъ ему о своемъ желаніи. Владѣлецъ, согласно господствующимъ обычаямъ, удовлетворяетъ просьбу. Въ случаѣ нужды послѣдній, въ свою очередь, обращается съ подобною же просьбою и не получаетъ отказа. Такимъ образомъ, оканчиваетъ путешественникъ, каждый легко добываетъ то, что ему нужно [1]).

Буряты помогаютъ другъ другу въ нуждѣ, въ несчастьи, въ сиротствѣ и т. п. Во всѣхъ улусныхъ общинахъ безродные сироты, бѣдные ходятъ по юртамъ, какъ по своимъ роднымъ жилищамъ, и находятъ тамъ пріютъ и пропитаніе. Они могутъ сами, безъ всякаго спроса, взять, что увидятъ въ юртѣ съѣстнаго, и родичи-одноулусники за это не гонятъ, не попрекаютъ ихъ. Если въ какой-нибудь юртѣ закалываютъ барана, готовятъ „жаренину", то буряты всѣхъ сосѣднихъ одноулусныхъ юртъ могутъ, не стѣсняясь, идти на жаренину, какъ на общую трапезу: хозяева дѣлятъ мясо всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, жиръ по равнымъ частичкамъ. „У братскихъ бурятъ, говорилъ одинъ манзурскій крестьянинъ Щапову, все не по-нашему, все артелью; ломоть хлѣба раздѣлятъ всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, кто-бы ни случился въ улусѣ, мясо дѣлятъ всѣмъ" [2]).

Для предупрежденія недоразумѣній, я считаю необходимымъ повторить здѣсь то основное положеніе, которое я выставилъ въ началѣ этого сочиненія, а именно: отношенія, подобныя вышеизложеннымъ, существуютъ только среди членовъ данной общины, среди „своихъ" или по отношенію къ такимъ чужеродцамъ, которые зачислены въ составъ общинниковъ, но отнюдь не по отношенію ко *всѣмъ людямъ*. На извѣстныхъ ступеняхъ развитія по отношенію къ чужеземцамъ, къ членамъ другихъ общинъ невозможны какого бы то ни было рода мирныя отношенія. Ясно, что и торговыя отношенія не могутъ быть завязаны между членами различныхъ общинъ. Такимъ образомъ, на извѣстной ступени развитія торговыя отношенія между сочленами одной и той же общины *ненужны*—все принадлежитъ всѣмъ; торговыя отношенія между лицами, принадлежащими къ различнымъ общинамъ, *невозможны:* каждая изъ общинъ составляетъ особый замкнутый „міръ", враждебный всѣмъ другимъ „мірамъ".

Впервые мирныя отношенія между различными сосѣдними об-

---

[1]) Kracheninnikof. Histoire de Kamtschatka. II, p. 99. Зиберъ. Очерки первобытной культуры, стр. 129.

[2]) Соколовскій. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи. Спб., 1878, стр. 92.

щинами зарождаются и устанавливаются, благодаря возникающей покупкѣ женъ. Купля и продажа женъ есть, какъ я уже выше указалъ, первый актъ обмѣна между различными общинами, за которымъ слѣдуетъ и начинаетъ развиваться взаимный обмѣнъ и другихъ продуктовъ, которыми обладаютъ различныя общины.

Сохранилось нѣсколько фактическихъ данныхъ, по которымъ мы можемъ возстановить первые робкіе шаги зарождающагося обмѣна, торговли, судить о томъ, какъ торговля „началась" въ первобытныхъ общественныхъ группахъ.

Со страхомъ и трепетомъ приближаются другъ къ другу лица, принадлежащія къ различнымъ „мірамъ". Взаимно мирныя отношенія могутъ быть прерваны въ каждую данную минуту, и каждая изъ сторонъ считаетъ необходимымъ держаться поодаль, чтобы не попасть въ бѣду, не подвергнуться нападенію. *Покупатель и продавецъ—враги*, вѣчные, неумолимые враги. Они пріостановили вражду, только временно, *съ тѣмъ*, чтобы сдѣлать возможнымъ обмѣнъ продуктовъ, *и на то время*, пока обмѣнъ продолжается. Сходятся на нейтральной полосѣ, на порубежной чертѣ, отдѣляющей территоріи общинъ другъ отъ друга, и расходятся, какъ только дѣло окончено, чуть только обмѣнъ произведенъ. Для пониманія развитія торговли и тѣхъ порядковъ, которые понынѣ въ ней господствуютъ, для пониманія того нравственнаго облика, который носилъ издавна и носитъ понынѣ купеческій, торговый міръ, необходимо удержать въ памяти и постоянно имѣть въ виду ту исходную точку, на которую мы указали. Въ первоначальномъ своемъ видѣ *торговыя отношенія суть отношенія враждебно настроенныхъ другъ къ другу лицъ.*

Эти общія положенія станутъ для насъ болѣе ясными, когда мы представимъ факты, на основаніи которыхъ они построены.

Фонъ-Марціусъ разсказываетъ о бразильскихъ индѣйцахъ, что, сходясь въ опредѣленномъ мѣстѣ, для торговаго обмѣна, они одновременно снимаютъ съ себя свои боевые доспѣхи и кладутъ ихъ рядомъ. Чуть только обмѣнъ произведенъ, обѣ стороны одновременно же хватаются за оружіе [1]). У нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ, живущихъ у береговъ р. Нигеръ, мы также находимъ первобытныя формы торговаго обмѣна. „Продавецъ, разсказываетъ Винтерботтомъ, кладетъ свои товары на землю, на опредѣленномъ мѣстѣ, и *удаляется;* является затѣмъ другой и кладетъ рядомъ со сложенными предметами то, что онъ считаетъ возможнымъ дать за нихъ. Онъ, въ свою очередь, *удаляется на приличное разстояніе* и выжидаетъ, будетъ ли принятъ и забранъ предложен-

---

[1]) Bastian. Der Mensch in der Geschichte. III. S. 368.

ный имъ эквивалентъ или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ или рѣшается прибавить, или забрать принадлежащій ему товаръ [1]). Въ Фернандо-По, на мѣстѣ обмѣна, „въ пескѣ проводится черта, по обѣимъ сторонамъ которой кладутся продукты для обмѣна, причемъ дальнѣйшій образъ дѣйствія, соблюдаемый торговцами, совершенно схожъ съ вышеизображеннымъ" [2]). Въ приведенныхъ случаяхъ, для предотвращенія всякихъ случайностей, торговцы считаютъ, очевидно, необходимымъ держаться поодаль, на почтительной дистанціи другъ отъ друга. Обмѣнъ, ставши необходимостью, вызываетъ и необходимость *временно-мирныхъ* отношеній между общинами. Тѣмъ не менѣе даже эти временно-мирныя отношенія маскируются, облекаются въ нѣчто другое. Обмѣнъ *не производится людьми, а происходитъ* какъ будто *самъ собою*. Люди отсутствуютъ, фигурируютъ одни только продукты. Отсюда и необходимость ретироваться и совершенное безмолвіе, царящее на этомъ первобытномъ рынкѣ. Уже Геродотъ разсказываетъ о торговомъ обмѣнѣ невидимыхъ покупателей и продавцевъ во многихъ мѣстахъ Африки и между прочимъ въ Конго. „Есть въ Ливіи страна и народъ по ту сторону Геракловыхъ Столбовъ, разсказываетъ Геродотъ. Приходя къ нимъ для торговли, карѳагеняне выгружаютъ свои товары изъ кораблей, раскладываютъ ихъ рядомъ на морскомъ берегу, потомъ возвращаются на свои суда и разводятъ дымъ. Замѣтивши дымъ, туземцы подходятъ къ морю, за товары оставляютъ золото и удаляются обратно. Корѳагеняне выходятъ на сушу и разсматриваютъ, достаточно-ли оставлено золота за товары; если достаточно, то золото они забираютъ и отплываютъ; если-же недостаточно, то снова всходятъ на корабли и тамъ выжидаютъ; туземцы опять появляются, прибавляютъ золота столько, чтобы удовлетворить карѳагенянъ. По словамъ карѳагенянъ, никогда одна сторона не обижаетъ другой: карѳагеняне никогда не прикасаются къ золоту прежде, чѣмъ по стоимости оно не равняется товару; равнымъ образомъ туземцы уносятъ съ собою товары только тогда, когда золото взято карѳагенянами" [3]). Португальцы, въ свою очередь, производили торговлю съ царствомъ Макуа, лежащимъ на югъ отъ Мозамбика, совершенно безмолвно [4]).

Переходя къ Азіи, мы находимъ наблюденія Коцебу надъ торговлей чибоковъ и чукчей. „Сперва, разсказываетъ онъ, чужеземецъ кладетъ нѣкоторые изъ своихъ товаровъ на берегу и уда-

[1]) Waitz. II. S. 102.
[2]) Waitz. ibid., l. c.
[3]) Геродотъ. (Русскій перев. Ѳ. Г. Мищенка). IV. 196.
[4]) Bastian. III. S. 366.

ляется. Чибокъ является, осматриваетъ товары и кладетъ рядомъ столько кожъ, сколько онъ по приблизительной оцѣнкѣ считаетъ возможнымъ дать, и, въ свою очередь, удаляется. Чужеземецъ снова приближается, подвергаетъ изслѣдованію предложенную ему цѣну и уноситъ кожи съ собою, оставляя на мѣстѣ принадлежащіе ему товары, если считаетъ себя удовлетвореннымъ. Въ противномъ случаѣ онъ оставляетъ нетронутыми и кожи, и товары, и снова удаляется, ожидая прибавки со стороны покупателя. Такимъ-то *нѣмымъ и безмолвнымъ образомъ* производится у нихъ торговый обмѣнъ [1]). Мы говорили выше, что купля-продажа женъ есть первый актъ обмѣна между лицами, принадлежащими къ различнымъ общинамъ. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что и эта купля-продажа у остяковъ производится нѣмымъ и безмолвнымъ образомъ. „На невѣсту, разсказываетъ Кривошанкинъ, накидываютъ покрывало и двѣ остячки садятся около нея. Приноситъ женихъ съ другими остяками котелъ съ разными нарядами и уходитъ; невѣста пересматриваетъ даръ, причемъ, если находитъ недостаточнымъ, выбрасываетъ и садится попрежнему подъ покрывало, поддерживаемое съ боковъ двумя остячками. Женихъ со свитой входитъ, видитъ, что все разбросано, собираетъ, уноситъ въ свой чумъ, дополняетъ, перемѣняетъ и снова приноситъ. Въ видѣнныхъ двухъ случаяхъ невѣста оставалась недовольна и во второй разъ также выбрасывала. Все это дѣлается молча, никто словечка не проронитъ. Наконецъ, въ третій разъ невѣста откидывала покрывало, пересматривала вещи, оставалась довольна, укладывала все въ порядкѣ обратно въ котелъ и садилась по-прежнему. Женихъ входитъ, видитъ, что дѣло на ладу и остается въ томъ же чумѣ. Остячки снимаютъ съ невѣсты покрывало и тутъ женихъ съ невѣстой цѣлуются; женихъ беретъ невѣсту за руку и отправляется въ церковь“ [2]). Не лишне будетъ обратить здѣсь же *мимоходомъ* вниманіе на поразительную аналогію въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ среди племенъ на берегахъ Атлантическаго океана, съ одной стороны, и Тихаго океана, съ другой.

Аналогичность образа дѣйствія при торговомъ обмѣнѣ не ограничивается, конечно, одними чукчами и чибоками. На островѣ св. Лаврентія обмѣнъ съ чужеземцами производится, въ свою очередь, такимъ образомъ, что покупатели и продавцы невидимы другъ для друга [3]). Айносы, находясь въ торговыхъ сношеніяхъ съ жителями Курильскихъ острововъ, кладутъ свои товары на берегу и

[1]) Klemm. Allgem. Kulturgesch. II. S. 301.
[2]) Кривошанкинъ. Енисейскій округъ и его жизнь. Спб. 1865, стр. 141—142.
[3]) Bastian. III. S. 368.

пріѣзжаютъ снова черезъ нѣкоторое время только, чтобы получить обмѣненные продукты [1]). Малайскіе купцы, производя торговлю съ племенемъ орангъ-кубу, собирающимъ бензоинъ-гумми въ лѣсахъ Суматры, кладутъ свои товары на опушкахъ лѣса и ударяютъ въ гонгъ, и только чрезъ недѣлю они возвращаются на то же мѣсто, гдѣ они *находятъ* обмѣненные продукты [2]). Плиній и Помпоній Мела разсказываютъ слѣдующее о торговлѣ, производившейся жителями Тапробаны и римскими купцами съ серрерами, жившими по ту сторону Гималая. „Иностранцы складывали свои товары на берегу рѣки, протекавшей на границѣ ихъ страны, рядомъ съ товарами, предложенными серрерами для сбыта; серреры уносили съ собою иностранные товары, если они считали себя удовлетворенными... Вслѣдствіе *такого отсутствія корысти* и простоты нравовъ, господствовавшей среди нихъ, одинъ римскій географъ назвалъ ихъ весьма справедливымъ народомъ и разсказывалъ, что они стали весьма извѣстны, благодаря практикуемому ими способу торговли, который состоитъ въ томъ, что они складываютъ свои товары въ *уединенныхъ мѣстахъ* и затѣмъ удаляются“ [3]).

Такіе разсказы, какъ и разсказы Геродота объ африканскихъ народахъ, считались нѣкогда баснями. Благодаря очной ставкѣ съ фактами изъ жизни первобытныхъ народовъ, записанными новѣйшими наблюдателями, они оказываются вполнѣ достовѣрными и даже болѣе историческими, чѣмъ многое изъ того, что выдается за исторію. Послѣ приведенныхъ фактовъ не трудно, конечно, допустить, что и китайцы, какъ разсказываютъ, производили на островѣ Лопка торговлю съ невидимыми покупателями [4]).

Остаткомъ нѣмой торговли является, очевидно, обычай заключенія торговыхъ сдѣлокъ безъ словъ, съ помощью пальцевъ. Французскій путешественникъ Тавернье, покупавшій въ 1652 г. жемчугъ въ Голкондѣ, въ Индіи, описываетъ этотъ способъ заключенія сдѣлки слѣдующимъ образомъ: покупатель и продавецъ не произносятъ ни одного слова; они усаживаются другъ противъ друга; одинъ изъ нихъ снимаетъ съ себя широкій поясъ; затѣмъ продавецъ беретъ правую руку покупателя, покрываетъ ее поясомъ и подъ покровомъ этого пояса заключаетъ сдѣлку. Если продавецъ беретъ всю руку покупателя, то это означаетъ тысячи, если онъ ее жметъ нѣсколько разъ, то это означаетъ столько тысячъ рупій, сколько разъ онъ пожалъ руку. Захватываніе пяти паль-

---

[1]) Bastian, ibid., l. c.
[2]) Bastian, ibid. S. 366.
[3]) Lassen. Indische Alterthumskunde. III, 1857. S. 85.
[4]) Bastian. III. S. 368.

цевъ означаетъ пятьсотъ, одного пальца—сто, кончикъ пальца до перваго сочлененія—десять, до втораго сочлененія—пятьдесятъ и т. д. Двѣсти лѣтъ тому назадъ Шарденъ нашелъ тѣ же торговые пріемы въ Испагани и въ др. мѣстахъ Персіи. Нибуръ упоминаетъ о существованіи этихъ торговыхъ пріемовъ въ Аравіи. На верблюжьемъ рынкѣ въ Кукухотѣ торговыя сдѣлки заключаются маклерами. Какъ только дѣло доходитъ до установленія цѣны, они нѣмѣютъ; маклера хватаютъ другъ друга за руку и, подъ покровомъ широкихъ рукавовъ, пальцами сговариваются о цѣнѣ. Англійскій путешественникъ Мичи наблюдалъ тотъ же языкъ пальцевъ на конной ярмаркѣ въ Калганѣ [1]).

О нѣмомъ способѣ обмѣна русскихъ племенъ между собою и съ иноземцами въ болѣе раннія времена свидѣтельствуютъ многія данныя. „Иностранцы, говоритъ Аристовъ, свидѣтельствуютъ, что даже въ XVI вѣкѣ производилась нѣмая торговля съ лапландцами и въ Сибири, около Оби. Есть статья въ сборникахъ XVI вѣка: „О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ"; въ ней описываются сибирскіе народы... Сквозь фантастическія выдумки виднѣется правдоподобный разсказъ о нѣмыхъ торговыхъ отношеніяхъ съ ними [2]). На основаніи этихъ данныхъ, приведенныхъ Аристовымъ, и нѣкоторыхъ другихъ, онъ самъ же приходитъ къ заключенію, что вообще „торговля русскихъ съ иностранцами на первыхъ порахъ была *нѣмая*" [3]). Вслѣдъ за симъ, онъ прибавляетъ и объясненіе этого факта. Торговля была нѣмая, говоритъ онъ, „по незнанію языка" [4]). Изъ сопоставленія съ приведенными выше данными можно убѣдиться, что первобытные продавцы и покупатели не *пытались* даже говорить другъ съ другомъ, что они тщательно избѣгали другъ друга и такимъ образомъ нѣмота торговаго обмѣна отнюдь не можетъ быть объяснена „незнаніемъ языка". Въ этомъ же можно убѣдиться изъ извѣстнаго разсказа Гюряты-Роговича (новгородца) о торговлѣ Югры въ XI в. и Герберштейна—о торговлѣ грустинцевъ и серпентовцевъ въ позднѣйшія времена съ Югрой. Торговля „чудная, *нигдѣ такъ не торгуютъ*... югорцы кладутъ на извѣстныя мѣста товары... приходятъ купцы изъ земли названныхъ выше народовъ, берутъ товары, а на мѣсто ихъ свои кладутъ; случается, что... югорцы бываютъ недовольны мѣною: отсюда у нихъ съ сосѣдями споры и войны слу-

---

[1]) Andree. Geographie des Welthandels. I. S. 120, 121, 122.
[2]) Аристовъ. Промышленность древней Руси. Спб. 1886, стр. 209, прим. 654.
[3]) Idem., стр. 201.
[4]) Idem. l. c.

чаются“ [1]). Очевидно, изображенный способъ обмѣна нисколько не вызывается незнаніемъ языка, а исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что продавцы и покупатели принадлежатъ не къ одному и тому же „міру“, а къ различнымъ враждебнымъ „мірамъ“. Арабскій писатель X вѣка, Истахри, разсказываетъ о нравахъ одного изъ русскихъ племенъ, которое онъ называетъ арта, слѣдующее: „Что же касается арты, то никто туда не входитъ, ибо они (жители) *убиваютъ всякаго чужестранца, путешествующаго по ихъ землѣ;* только что они спускаются по водѣ и торгуютъ, но никому не разсказываютъ о своихъ дѣлахъ и *не допускаютъ никого провожать ихъ*“ [2]). Такого рода отношеніе къ купцамъ-чужеземцамъ мы можемъ найти *у всѣхъ безъ исключенія* народовъ на извѣстной ступени культуры и у русскихъ племенъ въ болѣе позднюю пору, чѣмъ та, которая изображена арабскимъ писателемъ.

Ограничиваясь пока одними фактами изъ русской жизни, мы увидимъ, что они одинаково относились какъ къ купцамъ изъ сосѣднихъ русскихъ территорій, такъ и къ иноземцамъ. Знаніе или „незнаніе языка“ тутъ никакой роли не играло и не вліяло на характеръ отношеній къ тому или другому племени вообще и къ купцамъ, выходившимъ изъ среды этихъ племенъ, въ особенности.

Такъ, „новгородцы грабили нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ“, разбивали ихъ гостиный дворъ, а „нѣмцы били и грабили русскихъ гостей“ [3]). Эти убійства и грабежи купцовъ какъ будто чередовались другъ съ другомъ, вызывали другъ друга. Въ 1274 году новгородцы „насильственно отнимали товары у любекскихъ купцовъ на нѣмецкомъ дворѣ въ Новгородѣ“ [4]). Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1283 г., „внидоша нѣмци ратію Невою въ озеро Ладожское и избиша новгородцевъ обонѣжскихъ купцовъ [5]). Чрезъ пять лѣтъ, „въ 1288 г., русскіе отняли товары у нѣмецкихъ гостей при проѣздѣ ихъ отъ Новгорода къ Пскову“ [6]). Таковы же были отношенія русскихъ къ болгарскимъ купцамъ и наоборотъ. Въ 1185 г. „русскіе многіе, собрався тайно, по Волгѣ купцовъ болгарскихъ грабили“. Вскорѣ послѣ этого болгары русскимъ „великое раззореніе учинили“ [7]). Таково же, какъ мы уже упоминали, было от-

---

[1]) Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства. Спб. 1863. I, стр. 419. Аристовъ, ibid., стр. 112, прим. 342, стр. 181, прим. 559.

[2]) Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. Спб., 1870, стр. 193.

[3]) Аристовъ, стр. 249.

[4]) Аристовъ, стр. 249, прим. 764.

[5]) Idem., l. c.

[6]) Loc. cit.

[7]) Аристовъ, стр. 193, прим. 596.

ношеніе русскихъ къ купцамъ изъ сосѣднихъ русскихъ же племенъ и территорій. Въ Переяславль Суздальскій „пріѣзжали новгородскіе и смоленскіе купцы; въ 1216 г. Ярославъ (Переяславскій) запряталъ новгородскихъ купцовъ („иже бяху зашли гостьбою въ землю его") въ погребы, и ихъ задохлось 150 человѣкъ" [1]). Изъ договора 1317 г. Новгорода съ Тверью видно, „что тверской князь грабилъ по своей волости гостинный товаръ и купецкій у новгородцевъ, которые *то же* дѣлали съ гостями тверскими" [2]). Въ томъ же столѣтіи, „въ 1372 г. новгородцы пограбили въ Торжкѣ купцовъ тверскихъ, а князь тверской Михаилъ ограбилъ тамъ же торговцевъ новгородскихъ и новоторжскихъ" [3]). Точно также поступали тверитяне съ московскими купцами, приходившими къ нимъ. Въ 1398 г. „были пограблены ихъ повозки съ товарами" [4]).

Уже послѣ того, какъ была напечатана въ „Словѣ" за 1878 г. моя статья о происхожденіи и развитіи торговли, я познакомился съ статьею П. С. Ефименко о „Юридическихъ знакахъ", напечатанной еще въ 1874 г., въ которой онъ въ свою очередь останавливается на заочной торговлѣ, существовавшей въ Россіи въ древнія времена, и указываетъ на нѣкоторые остатки заочной торговли близъ Уральскихъ горъ въ новѣйшія времена. Между прочимъ, онъ приводитъ описаніе заочной торговли начальника уральской экспедиціи г. Гофмана.

„За устьемъ рѣчки Пирсъ-ю (зырянское названіе), или Липкая (остяцкое), впадающей съ лѣвой стороны въ Илычъ (притокъ Печоры), который течетъ здѣсь по лѣсистой, пустынной равнинѣ, Гофманъ и его товарищи разбили на ночь свои палатки подлѣ уединеннаго бревенчатаго сруба, къ которому были прислонены два балагана". „Постройки эти", говоритъ Гофманъ, „принадлежали знакомому моихъ гребцовъ (зырянъ), который ежегодно выѣзжаетъ сюда на все лѣто отъ береговъ Печоры для рыбной ловли; изба была на этотъ разъ пуста; дверь ея была изнутри заперта замкомъ, но ключъ торчалъ тутъ же въ стѣнѣ. Внутренность избы была раздѣлена бревенчатою перегородкой на двѣ части, изъ которыхъ одна была обращена въ баню, а другая въ амбаръ для запасовъ. Эта кладовая была наполнена кадушками съ соленой рыбой, большими кучами вяленыхъ на солнцѣ щукъ и коробами изъ березовой коры съ рыбьимъ жиромъ. Подъ балаганомъ висѣла пара остяцкихъ мѣховъ на шестахъ подъ свѣжею березовою по-

---

[1]) Аристовъ, стр. 178, прим. 547.
[2]) Аристовъ, стр. 253, прим. 772.
[3]) Idem., стр. 177, прим. 544.
[4]) Idem., стр. 180, прим. 555.

крышкою и стояло на доскахъ множество новыхъ посудинъ изъ березовой коры различной величины вмѣстѣ съ другою хозяйственною утварью, принадлежавшею къ издѣліямъ лѣсныхъ жителей. Гребцы мои знали, что все это было приготовлено для продажи, и опредѣляли цѣну каждой вещи. Они просили меня купить пудъ сушеной щуки и нѣсколько фунтовъ рыбьяго жиру для приготовленія обѣда. Деньги за это я могъ положить на видномъ мѣстѣ въ хижинѣ и быть увѣренъ, что они будутъ въ рукахъ у хозяина, потому что такой способъ покупки здѣсь очень обыкновененъ. Предполагая встрѣтить владѣльца хижины въ верховьяхъ рѣки, я рѣшился привести въ исполненіе эту странную сдѣлку, которая основывается на взаимной честности и довѣріи" [1]).

Однородные же факты приводитъ г. Ефименко изъ быта крестьянъ архангельской губерніи. Тамъ крестьяне, вынимая изъ воды свои сѣтки, часто вмѣсто рыбы находятъ деньги, завернутыя въ тряпицу. Это плата за взятую рыбу какого-нибудь прохожаго человѣка и плата, всегда соотвѣтствующая ея стоимости. Таковъ обычай, издавна установившійся и свято соблюдаемый. Въ глухихъ мѣстностяхъ пинежскаго уѣзда, въ свою очередь, сохранилось между крестьянами, занимающимися извозомъ, слѣдующее обыкновеніе: они, имѣя надобность въ сѣнѣ для лошадей, сами берутъ его изъ зародовъ, находящихся на пути, въ далекомъ разстояніи отъ жилья, а деньги, въ количествѣ, какое, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ уплатить, вѣшаютъ тутъ же на шестѣ зарода, завязавъ ихъ въ тряпку. Сообщеніе это Ефименко заканчиваетъ слѣдующими словами: „Понятно, что такой обычай, требующій большаго уваженія къ чужой собственности, какъ со стороны извощиковъ, такъ и со стороны постороннихъ лицъ, не могъ удержаться на большихъ дорогахъ, гдѣ шляется всякій народъ" [2]).

Приведенные только-что факты и заключенія г. Ефименко могутъ казаться противорѣчащими выставленному нами положенію, что нѣмая заочная торговля вызвана первоначально враждою, недовѣріемъ другъ къ другу торгующихъ сторонъ. Они, казалось-бы, свидѣтельствуютъ, напротивъ, о полномъ довѣріи собственниковъ къ невидимымъ покупателямъ вещей; но при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что обнаруживаемое въ этихъ случаяхъ довѣріе обусловливается именно тѣмъ, что нарушеніе довѣрія можетъ повлечь за собою самыя тяжелыя послѣдствія для нарушителя. Такъ,

---

[1]) Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пайхой. Спб., 1856 г., Т. 2, стр. 66. Ефименко. «Юридическіе знаки». Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. Ноябрь 1874 г., стр. 160, 161.

[2]) Ефименко, ibid., 159, 160.

между прочимъ, въ той-же архангельской губ. «никто изъ крестьянъ не рѣшится вынуть изъ чужого силка птицу... Послѣдній поступокъ онъ считаетъ грѣшнымъ въ высшей степени. Конечно, въ семьѣ не безъ урода: были примѣры, что огромный тетеревъ или вкусный рябчикъ соблазняли вѣрность и правду мужика, но эти примѣры такъ рѣдки и мужики-воры такъ бываютъ наказаны за свои поступки всеобщимъ посмѣяніемъ, что, вѣроятно, болѣе не захотятъ нарушать издревле принятаго правила: „не моги ворошить въ чужихъ сильяхъ птицъ" [1]).

Нечего прибавлять, конечно, что въ первобытныя времена нарушеніе довѣрія, т. е. установленныхъ правилъ относительно нѣмой, заочной торговли, влекло за собою не посмѣяніе только, а разоренія, грабежи, убійства, и притомъ не для отдѣльнаго лица, а для всей общины, къ которой онъ принадлежалъ. Результатомъ взаимнаго недовѣрія, взаимной вражды на первобытныхъ ступеняхъ культуры и является поэтому установленіе гарантій довѣрія и временныхъ дружественныхъ связей между входящими въ торговыя сношенія племенными общинами.

Такимъ образомъ, повторяю: враждою племенныхъ общинъ, возможностью взаимныхъ грабежей и разбоевъ объясняется отсутствіе торговцевъ на первобытномъ рынкѣ, нѣмой и безмолвный торгъ на этомъ рынкѣ; объясняется также устройство первобытныхъ рынковъ на границахъ различныхъ земель, на такъ называемыхъ *нейтральныхъ*, никому непринадлежащихъ полосахъ земли, на межахъ.

Устройство нейтральныхъ мѣстъ для торговли свойственно всѣмъ народамъ на первобытной ступени ихъ развитія. „Въ древнія времена было общепринято оставлять извѣстныя пространства земли между владѣніями различныхъ племенъ въ качествѣ нейтральной полосы... Такіе невоздѣланные участки земли служили пастбищами и были *мѣстомъ сбора для купцовъ*, которые на этихъ нейтральныхъ мѣстахъ сбывали произведенія своей родины; здѣсь же, кромѣ того, заключались международные договоры и учреждались общественныя игры и увеселенія" [2]). Такъ какъ эти нейтральныя полосы были границами сосѣднихъ, сопредѣльныхъ территорій и отдѣлялись камнями отъ заселенныхъ и воздѣланныхъ мѣстностей, то эти пограничные камни, или, по-гречески, Термесъ или Гермесъ—Меркурій—считались хранителями и покровителями, словомъ, богами торговли и купечества. Сообразно съ первоначальнымъ характеромъ сценъ, разыгрывавшихся на нейтральной полосѣ,

---

[1]) Ефименко, ibid., 152.

[2]) Леббокъ. Начало цивилизаціи, стр. 220.

съ характеромъ тогдашней торговли и международныхъ сношеній, богъ этотъ характеризуется слѣдующимъ образомъ. Онъ былъ „хранителемъ путешественниковъ и пастуховъ... и покровительствовалъ не только ораторамъ, купцамъ и глашатаямъ, но и грабителямъ, карманнымъ ворамъ и всевозможнымъ мошенникамъ“ [1]).

Благодаря только-что приведенной характеристикѣ бога торговли—Термеса или Гермеса—мы незамѣтно перешли отъ первоначальной физіономіи рынка къ позднѣйшему его виду,—отъ молчаливаго, безмолвнаго пустыря или берега пограничной рѣки къ шумной площади, на которой раздаются зазыванія купцовъ, ведутся хороводы, учреждаются игры, совершаются всякаго рода торжественныя дѣйствія, общественныя и религіозныя и т. д. и т. д. Мы перескочили такимъ образомъ на новую ступень культуры, гдѣ рынокъ получаетъ новый, соотвѣтствующій этой ступени культуры обликъ. Необходимо ближе присмотрѣться къ причинамъ, вызвавшимъ такое превращеніе.

Независимо отъ временно-мирныхъ отношеній, устанавливающихся для торговаго обмѣна, съ теченіемъ времени между общинами, соприкасающимися другъ съ другомъ, завязываются и болѣе прочные и устойчивые *политическіе союзы*. Возникаютъ федераціи. Съ цѣлью наступательной и оборонительной, съ цѣлью отвращенія общей опасности, временно или постоянно грозящей многимъ сосѣднимъ общинамъ, между ними устанавливается единеніе. Внѣшнимъ выраженіемъ такого политическаго единенія, такихъ междуобщинныхъ союзовъ являются *между прочимъ* всеобщія народныя собранія, происходящія періодически, въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ заранѣе опредѣленныя, установленныя времена. Это время и это мѣсто устанавливаются вовсе не случайно, а сообразно закону, проявляющему свою силу повсюду и всегда. Въ то время, когда вся природа оживаетъ, когда въ сильной степени пробуждается половая жизнь, стремленіе къ передвиженію и т. д., *весною и осенью*,—въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сходятся дороги изъ многихъ областей, гдѣ граничатъ предѣлы многихъ территорій—на такихъ нейтральныхъ мѣстахъ и площадяхъ учреждаются и собранія соединенныхъ общинъ. Ясно, что эти годичныя народныя собранія, которыя вершатъ политическія дѣла, касающіяся союза, должны сопровождаться также народными увеселеніями и торговлей, происходящими, обыкновенно, въ это время и въ этихъ мѣстахъ. Этотъ фактъ не можетъ, конечно, служить возраженіемъ противъ выставленнаго нами выше общаго положенія, что торговыя отношенія суть временно-мирныя отношенія враговъ. Единство поли-

[1]) Loc. cit.

тическое, вхожденіе племенъ въ составъ союза нисколько не обусловливаютъ собою единенія экономическаго. Характеръ отношеній между племенными общинами, вошедшими въ федеративный союзъ, видоизмѣняется тѣмъ, что появляются *нѣкоторые общіе интересы*, но такими общими интересами являются только нѣкоторые, но отнюдь, конечно, не всѣ. Исконная вражда прикрывается дружелюбными формами обращенія, отчасти даже ослабляется, но тѣмъ не менѣе не исчезаетъ вполнѣ. Пока каждая племенная община во внутреннемъ своемъ составѣ представляетъ собою сплоченное цѣлое,—а такою она является на первыхъ порахъ и при федеративномъ строѣ, — пока въ экономическомъ отношеніи все принадлежитъ всѣмъ, пока эти отношенія не расшатаны элементами, привходящими извнѣ, какъ это бываетъ въ позднѣйшую пору федеративныхъ связей — каждая община продолжаетъ относиться враждебно ко всѣмъ другимъ общинамъ, и тамъ, гдѣ сходятся лица принадлежащія къ такимъ различнымъ общественнымъ группамъ, и тогда, когда они сходятся, *только* и *возможны* торговыя отношенія. Въ предѣлы территоріи какой-либо отдѣльной общины торговцы по-прежнему не имѣютъ права входить, и только на нейтральныхъ, никому непринадлежащихъ мѣстахъ они имѣютъ право появляться въ извѣстное время на такъ называемыхъ Jahrmarkten—годовыхъ рынкахъ, или ярмаркахъ.

Наибольшее количество данныхъ о торговомъ обмѣнѣ, сопровождающемъ союзныя народныя собранія, мы имѣемъ изъ жизни древней Греціи.

Древне-эллинскіе народы, жившіе около горъ Парнасса и Оты, по берегамъ рѣкъ Сперхея и Пенея, издревле составляли союзъ, извѣстный подъ названіемъ всеобщихъ *амфиктіоній*. (Слово *амфиктіонія* значитъ *окрестные жители, сосѣди* [1]). Ежегодно весною и осенью, то въ Дельфахъ, то въ Антеллѣ, неподалеку отъ Ѳермопилъ, собирались представители союзныхъ народовъ для улаженія международныхъ споровъ. *Торговля*, состязанія въ бѣгѣ и всякаго рода увеселенія сопровождали этотъ дельфійскій *союзъ всеобщаго мира* [2]). При содѣйствіи дельфійскаго оракула, средоточія амфиктіоній, учреждались всеобщія національныя празднества, между прочимъ, олимпійскія. Божій миръ былъ установленъ для участвующихъ въ этихъ празднествахъ и во все время продолженія этихъ празднествъ. Этотъ олимпійскій божій миръ—олимпійская *экейхерія*—возвѣщался заранѣе, и враждебныя между со-

---

[1]) Schoemann. Griechische Alterthümer. II (изд. 2). 27.

[2]) Kortüm. Confoderation въ Staatslexicon von Rottek und Welcker. IV. 1860. S. 2.

бою племена получали право прохода чрезъ чужія территоріи для участія въ празднествахъ. Впрочемъ, и въ обыкновенное время, независимо отъ празднествъ, вся та полоса земли, которая окружала олимпійское святилище, считалась страною мира. У предѣловъ его боевой шумъ, бушевавшій вокругъ и около, долженъ былъ затихать. „Военныя полчища, проходившія чрезъ страну, должны были отдавать свое оружіе на границѣ и могли получать ихъ обратно только при выходѣ изъ предѣловъ этой мѣстности [1]). Кромѣ всеобщихъ амфиктіоній, были въ Греціи и другія мѣстныя амфиктіоніи, обнимавшія меньшее количество племенъ и территорій: на островѣ Каловреа, въ Аргосѣ и другихъ мѣстахъ. Повсюду народныя собранія сопровождались торговлей и увеселеніями [2]). Переселившаяся въ Малую Азію колонія іонійцевъ образовала союзъ, имѣвшій своимъ средоточіемъ Эфесъ. Туда сходились союзные народы для рѣшенія политическихъ вопросовъ. Тамъ же, во время народнаго собранія, совершались торжественныя жертвоприношенія, гимнастическія упражненія, тамъ же совершалась и торговля [3]). Дорійцы, поселившіеся на островахъ Косѣ и Родосѣ, въ свою очередь, образовали федерацію. Мѣстомъ схожденія ежегодныхъ народныхъ собраній былъ храмъ Тріопійскаго Аполлона. Тамъ же вмѣстѣ съ увеселеніями совершалась торговля [4]).

Въ первобытныя времена греческой жизни *только здѣсь*, между племенами различныхъ общественныхъ группъ, различныхъ племенныхъ общинъ, и совершалась торговля. То же было въ древности на Апеннинскомъ полуостровѣ. Рынки (mercatus) примыкали къ междуплеменнымъ сходбищамъ и празднествамъ. Въ древнемъ Римѣ они были связаны съ празднествомъ въ *союзномъ* храмѣ на Авентинской горѣ [5]). Такое значеніе имѣло для Этруріи *ежегодное* народное собраніе у храма Вольтумны. Здѣсь совершался и торговый обмѣнъ [6]). На порубежной чертѣ между этрусскими и сабинскими землями, у одиноко стоящаго холма въ рощѣ Фероніи былъ наиболѣе значительный изъ тогдашнихъ италійскихъ рынковъ. Правильно и въ опредѣленныя времена являлись сюда римскіе купцы,—и посягательства на личность и имущество купцовъ весьма часто вызывали столкновенія между римлянами и сабинянами [7]), однородныя съ тѣми столкновеніями, ко-

[1]) Schoemann. Griech. Alterthümer. II. S. 50, 51, 52.
[2]) Kortüm, ibid. S. 3.
[3]) Kortüm, ibid. S. 4.
[4]) Loco cit.
[5]) Mommsen. Römische Geschichte. Berl. 1874 (6 Aufl.) I. S. 193.
[6]) Mommsen, ibid. S, 194.
[7]) Mommsen, l. c.

торыя происходили, какъ мы видѣли выше, между русскими племенами. Средоточіемъ и мѣстомъ собранія для союза латинянъ была гора Альба, гдѣ происходило „латинское празднество" (feriae Latinae). Во время этого празднества, какъ и во время эллинскихъ празднествъ, устанавливался божій миръ во всемъ Лаціумѣ, и находившіяся во враждѣ племена получали право прохода черезъ племенныя территоріи. „Латинское празднество поэтому прямо и называлось „indutiae", т. е. перемиріе, пріостановка военныхъ дѣйствій. Во все время продолженія празднества начатіе войны безусловно возбранялось" [1]).

Мы имѣемъ объ этомъ предметѣ весьма мало наблюденій изъ жизни современныхъ первобытныхъ народовъ. То, что мы знаемъ, однако, изъ жизни американскихъ и африканскихъ народовъ, вполнѣ совпадаетъ съ приведенными до сихъ поръ данными изъ архаическаго быта. „Сѣверно-американскіе индѣйцы имѣли большой рынокъ у береговъ Миссисипи... Туда всѣ они сходились для торговли. Какія бы племена ни наталкивались здѣсь другъ на друга, они должны были подавлять свою вражду и воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій". Такимъ же найтральнымъ мѣстомъ и пріютомъ мира считались Красныя горы [2]). Въ Андахъ, по разсказу Пеппига, было опредѣленное мѣсто, гдѣ туземныя племена сходились для торговли съ бѣлыми [3]). Когда въ Гузулѣ открывалась ярмарка, возвѣщался всеобщій миръ (trève), и такимъ образомъ купцы изъ негрскихъ племенъ могли являться туда для торговли [4]). У береговъ Мароко испанцы владѣютъ нѣкоторыми пунктами, среди которыхъ Сеута является важнѣйшимъ. Окрестное населеніе—рифины, слывутъ ожесточенными врагами христіанъ и занимаются разбоемъ на сушѣ и пиратствомъ на морѣ. Тѣмъ не менѣе, между ними и испанцами съ теченіемъ времени установились торговыя связи. Рифины являются съ съѣстными припасами для продажи и располагаются на извѣстномъ разстояніи отъ крѣпости. На этомъ рынкѣ испанскій гарнизонъ до извѣстнаго часа пріобрѣтаетъ всѣ припасы. Торговля идетъ бойко и мирно: еще не было случая, чтобы миръ на рынкѣ былъ кѣмъ-либо нарушенъ. Но какъ только раздается ударъ колокола, которымъ возвѣщается окончаніе торговли, какъ все принимаетъ другой оборотъ. Испанцы бѣгутъ въ крѣпость и запираютъ за собою всѣ ворота; рифины,

---

[1]) Mommsen. I. S. 38, 39, а также прим.
[2]) Klemm. Allg. Kulturg. II. S. 133.
[3]) Loco cit.
[4]) Bastian. Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern der Erde. S. LXIX, Anm. 63.

уложивъ свои товары, сейчасъ же вооружаются и слѣдятъ за тѣмъ, не покажется ли гдѣ-либо испанецъ. Если кто-нибудь изъ нихъ высунетъ голову изъ-за крѣпостного вала, его привѣтствуютъ пулей. Тѣ же испанцы, съ которыми рифины только-что мирно и дружественно вели торговлю, являются мишенью для ихъ ружей [1]).

Аналогичныя явленія мы находимъ въ среднія вѣка и въ Европѣ. Съ празднествами и пилигримствами въ мѣста святыни связывалась торговая дѣятельность [2]). Вслѣдствіе этого, преимущественно церкви и монастыри были сборными пунктами для торговцевъ, мѣстами торговаго обмѣна [3]). Иначе говоря, церкви, монастыри и окружавшая ихъ мѣстность были *нейтральными мѣстами* для соприкасавшихся съ ними поселеній, для различныхъ общинъ. „Народъ стекался въ епархіальныя церкви и въ монастыри для молитвы и торга; „Божій миръ", витавшій надъ священными мѣстами", надъ мѣстами духовнаго благочестія, „одновременно осѣнялъ и торговлю" [4]). Во Франціи уже въ раннія времена, въ 1275 году, лицамъ, отправлявшимся на рынки и ярмарки, давалось, какъ у первобытныхъ и классическихъ народовъ, право свободнаго прохода и проѣзда для этой цѣли [5]). Духовенство провозглашало въ извѣстныя празднества этотъ Божій миръ (treuga Dei) и грозило небесными карами всякому нарушителю его [6]). Вотъ чѣмъ объясняется тотъ любопытный фактъ, что первоначально во всей Европѣ на площадяхъ церковныхъ и монастырскихъ сосредоточивалась вся торговля, „что купцы занимали эти именно мѣста для того, чтобы въ торговые дни и во времена большихъ ярмарокъ продавать здѣсь свои товары [7]). Чѣмъ большею славою пользовался святой, для котораго въ какомъ-либо мѣстѣ учреждалось празднество, тѣмъ больше былъ туда и притокъ окрестныхъ жителей для торговли [8]).

Наконецъ, въ Россіи, которая выработала совершенно „особую культуру", по мнѣнію старыхъ славянофиловъ и новѣйшихъ славянофильствующихъ всякаго рода и вида, нравы и бытъ которой совершенно *не были похожи* на нравы и бытъ Запада, мы нахо-

---

[1]) Andree. Geographie des Welthandels. I. S. 52.

[2]) Hüllmann. Städtewesen. I. S. 285 и сл. Бэръ. Исторія всемірной торговли. Русскій пер. I. 109.

[3]) Бэръ, l. c.

[4]) Бэръ. I, стр. 115.

[5]) Schaeffner. Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs. Frankfurt. 1859. II. S. 426.

[6]) Schaeffner. I. S. 9, 10.

[7]) Бэръ. I, стр. 118 и 119.

[8]) Brand. Popular Antiquities of Great Britain. 1870. II, p. 6.

димъ *тѣ же явленія*, какъ на Западѣ. „Достойно замѣчанія, говоритъ Костомаровъ, что большею частью торги открывались въ *монастырскихъ* имѣніяхъ... Такъ, лучшія наши ярмарки, и въ томъ числѣ макарьевская, возникли въ монастырскихъ имѣніяхъ и подъ монастырскимъ наблюденіемъ и управленіемъ. *Вообще торжища въ древней Россіи происходили по поводу престольныхъ праздниковъ...* Чѣмъ святѣе мѣсто, тѣмъ болѣе пріѣзжало туда людей, и для благочестія, и для мірскихъ выгодъ, а равно и для мірскаго веселія" [1]). Такъ, макарьевская ярмарка собиралась каждогодно въ іюлѣ мѣсяцѣ подъ монастыремъ св. Макарія Желтоводскаго [2]). Кромѣ макарьевской ярмарки, встрѣчается между прочимъ ярмарка „въ день *Рождества Христова* въ имѣніи Евфиміевскаго монастыря, въ селѣ Ковровѣ... Въ городѣ Торжкѣ на посадѣ торгъ былъ въ распоряженіи Спасо-Прилуцкаго монастыря [3]). Три большія ярмарки происходили въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ и одна близъ Александро-Свирской пустыни [4]). Во многихъ мѣстахъ „самое устройство церквей приспособлено было къ торговымъ требованіямъ: такъ, въ подвалѣ сохранялся товаръ, въ притворѣ онъ взвѣшивался" [5]). Такая тѣсная связь между церковью и торговлей произошла, очевидно, оттого, что въ Россіи церкви возводились на тѣхъ нейтральныхъ полосахъ, на которыхъ совершался торговый обмѣнъ *между различными общинами*. Спеціально-русскія данныя подтверждаютъ этотъ выводъ, основанный на приведенныхъ до сихъ поръ фактахъ изъ жизни другихъ народовъ. Этими данными мы займемся теперь. Во всѣхъ почти городахъ Московской Руси торговля производилась въ такъ называемыхъ „рядахъ" [6]). Какова была первичная форма этихъ рядовъ, какимъ образомъ они очутились внутри большихъ поселеній-городовъ? На вопросъ о первоначальной формѣ „рядовъ" и о дальнѣйшемъ ихъ развитіи отвѣчаетъ, на основаніи данныхъ изъ писцовыхъ книгъ, преждевременно умершій молодой ученый, покойный Ильинскій. Въ новгородской области, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ, было множество поселковъ, носившихъ названіе „рядовъ" или „рядковъ" [7]). Уже Бѣляевъ замѣтилъ, что „рядокъ былъ предшественникомъ, почин-

---

[1]) Костомаровъ. Очеркъ торговли москов. госуд. Спб. 1862. стр. 134—135.
[2]) Idem., стр. 101 и 102.
[3]) Idem.. стр. 135.
[4]) Idem., стр. 97—99.
[5]) Аристовъ. Промышленность древней Руси. Стр. 207.
[6]) Костомаровъ, ibid., стр. 132, 86.
[7]) Ильинскій. Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ. «Журн. Мин. Народн. Просв. 1876 г., іюнь, стр. 214.

комъ города" [1]). Послѣ тщательной провѣрки данныхъ, извлеченныхъ изъ писцовыхъ книгъ, Ильинскій болѣе точнымъ образомъ опредѣляетъ первоначальный характеръ этихъ „рядковъ" и ихъ первоначальное значеніе. „И по формѣ, и по значенію, говоритъ Ильинскій, рядокъ былъ простымъ торжкомъ, торговою площадью, рядомъ лавокъ, амбаровъ и другихъ торговыхъ зданій, вырваннымъ (?) изъ населенной мѣстности и переставленнымъ (?) *на пустынную площадь безъ дворовъ и людей, кромѣ церквей и церковнослужителей. Въ опредѣленное время года на эту площадь съѣзжаются торговые люди, производятъ мѣну товаровъ и удаляются:* рядокъ остается совершенно пустъ, и только настроенныя лавки, амбары и всякаго рода торговыя помѣщенія даютъ знать, что это—рядокъ" [2]). Все въ этомъ опредѣленіи, и въ особенности подчеркнутое нами мѣсто, совершенно подходитъ къ той физіономіи рынка, которую мы охарактеризовали выше, помимо и независимо отъ данныхъ о русскихъ „рядкахъ". Нѣкоторое недоумѣніе возбуждаютъ только слова, которыя мы обозначили вопросительными знаками. Они возбуждаютъ представленіе, несоотвѣтствующее дѣйствительности, а именно, что эти лавки, амбары и т. д. будто бы перенесены изъ людного мѣста на пустынную площадь, что они „вырваны" изъ какого-либо поселенія и „переставлены" на церковную площадь. Самъ Ильинскій говоритъ потомъ, въ дальнѣйшей части своего труда, что „*городской посадъ* былъ крайнимъ *восходящимъ пунктомъ*" [3]) для рядковъ, что, слѣдовательно, городской посадъ развился изъ рядковъ, а не наоборотъ, что къ первоначальному рядку примкнули, впослѣдствіи, поселенія, откуда эти поселенія, соединенныя съ рядками, и стали называться городскими посадами. Эти рядки не были, слѣдовательно, откуда-то „вырваны" и куда-то „переставлены", и Ильинскій употребилъ шокирующія насъ въ его опредѣленіи слова, очевидно, только по недосмотру. Въ самыхъ писцовыхъ книгахъ ничего не говорится о перенесеніи или перестановкѣ рядковъ, а лишь о самобытномъ возникновеніи ихъ. Такъ, между прочимъ, въ описи рядковъ Богословскаго монастыря въ Удомлѣ въ 1551 г. говорится: „Да у монастыря жъ, на церковной землѣ на монастырской, торговые люди *изставили* лавки" [4]). Не переносили, а просто поставили.

Говоря о городскомъ посадѣ, мы уже успѣли мимоходомъ объяснить, какимъ образомъ „рядки" или ряды очутились впослѣдствіи

[1]) Бѣляевъ. Разсказы изъ русской исторіи. II, изд. 2, стр. 27. Ильинскій, l. c.

[2]) Ильинскій, стр. 221.

[3]) Idem., стр. 236.

[4]) Idem., стр. 212.

въ городахъ, *внутри поселеній*, а не внѣ ихъ, гдѣ они были первоначально. Все дальше и дальше расширялись окружавшія „рядки" поселенія, все ближе и ближе придвигались поселенія къ нимъ, все тѣснѣе и тѣснѣе сжимали ихъ и, наконецъ, окружили и обняли, чему способствовало, конечно, и расширеніе самихъ „рядковъ", превращеніе ихъ въ торговые „ряды". Разрозненныя, обособленныя сначала общины слились такимъ образомъ и образовали одно нераздѣльное городское населеніе [1]). Избы и дома примыкали другъ къ другу, стали примыкать и люди. Тѣмъ не менѣе, мѣстный участковый патріотизмъ долго еще сохранялся и тлѣетъ до сихъ поръ подъ различными формами и видами.

Тѣ же условія, которыя вызвали появленіе и поддерживали существованіе рынковъ, торговыхъ рядовъ на церковныхъ площадяхъ, обусловили и возникновеніе гостиныхъ „дворовъ". То же разъединеніе, та же вражда между различными племенными общинами, между различными общественными группами, близкими или отдаленными, выразились въ появленіи первообразовъ современныхъ гостиныхъ дворовъ.

Въ Новгородъ нѣмецкіе купцы имѣли право пріѣзжать только *два раза* въ годъ. Они пріѣзжали со своими товарами и обязаны были удалиться изъ отведеннаго для нихъ *двора*, какъ только товары были обмѣнены и заранѣе опредѣленный срокъ ихъ пребыванія истекъ [2]). Распорядокъ, господствовавшій въ этомъ и другихъ гостиныхъ дворахъ, показываетъ, что они возникли именно вслѣдствіе того, что свободное общеніе съ чужеземцами было невозможно. Эти дворы повсюду стоятъ особнякомъ,—отдѣлены отъ всѣхъ другихъ построекъ того города, въ которомъ они находятся. Они отнюдь не принадлежатъ городской общинѣ, а образуютъ отдѣльное политическое цѣлое, отдѣльную общественную группу, отдѣльную общину, которая управляется по особымъ правиламъ и обычаямъ. Нѣмецкій и готландскій дворы составляли собственность общинъ, пріѣзжавшихъ туда, „вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ они были построены" [3]). „На восемь шаговъ кругомъ около иноземныхъ дворовъ было незастроенное мѣсто" [4]). Это была, очевидно, та завѣтная полоса земли, которая отдѣляла временно-

---

[1]) Этимъ мы не хотимъ сказать, конечно, что всѣ городскія поселенія возникли изъ сліянія сельскихъ общинъ. Устройство крѣпостей, въ свою очередь, приводило къ образованію городскаго поселенія вокругъ этого центра военной защиты.

[2]) Бэръ. I, 218. Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства. Спб. 1863. II, стр. 193.

[3]) Костомаровъ, ibid., стр. 197.

[4]) Костомаровъ, ibid., стр. 190.

пребывавшую тамъ общину чужеземцевъ отъ городской общины. „Внутреннія дѣла нѣмецкаго двора ни въ какомъ случаѣ не подлежали разсмотрѣнію и вмѣшательству новгородскаго правительства" [1]). Временно-пребывавшая здѣсь община управлялась выборными лицами изъ собственной среды на манеръ общинъ, остававшихся дома. Во главѣ двора стоялъ альдерманъ, старѣйшина, избиравшійся на все время пребыванія нѣмцевъ въ Новгородѣ. Вмѣстѣ съ четырьмя ратманами (Rathmänner), совѣтниками, онъ творилъ судъ и расправу надъ сообщинниками. Ему принадлежало право и смертной казни. Онъ созывалъ и общее собраніе — стевенъ [2]). Прежде, чѣмъ приведемъ данныя о другихъ гостиныхъ дворахъ въ Россіи, мы укажемъ на аналогичныя явленія въ различныхъ странахъ Европы.

Подобно тому какъ въ Новгородѣ, нѣмцы, торговавшіе въ средніе вѣка съ Венеціею, имѣли тамъ особый гостиный дворъ, носившій названіе „fondaco di Tedeschi [3]); въ свою очередь, и венеціанцы, торговавшіе съ кипчакскими татарами, имѣли въ Танѣ дома и амбары на особомъ, отведенномъ для того мѣстѣ [4]). Такіе же участки земли съ построенными на нихъ амбарами венеціанцы имѣли въ нѣкоторыхъ городахъ Византійской имперіи [5]). Точно также и генуэзцы, торговавшіе съ Мессиной, имѣли тамъ амбары или гостиные дворы въ „особой части города" [6]). Совершенно особая часть города принадлежала нѣмецкой купеческой общинѣ въ Бергенѣ, въ Норвегіи. Во главѣ этой общины стоялъ альдерманъ, который вмѣстѣ съ совѣтомъ, состоявшимъ изъ выборныхъ лицъ, рѣшалъ всѣ дѣла. Торговля съ жителями Бергена производилась по заранѣе установленнымъ общиною правиламъ. За предѣлами той части города, которая отведена была нѣмцамъ, „никто не смѣлъ на ночь оставаться" [7]). Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ мы, очевидно, имѣемъ передъ собою совершенно самостоятельныя, организованныя общины, замкнутыя въ извѣстные территоріальные предѣлы. Громадные гостиные дворы, отдѣленные отъ другихъ построекъ, служатъ внѣшними выразителями той отчужденности и розни, которыя существовали между общинами, находящимися въ торговыхъ сношеніяхъ.

Для кельнскихъ купцовъ въ Лондонѣ отведенъ былъ особый

---

[1]) Костомаровъ, ibid., стр. 186.
[2]) Бэръ. I, 218. Костомаровъ, ibid, стр. 193, 194, 195.
[3]) Бэръ. I, 160.
[4]) Idem., 158.
[5]) Idem., 154.
[6]) Idem., 167.
[7]) Idem., 221, 222.

гостиный дворъ, называвшійся „гильдейскою палатою" (Gildehalle)[1]. Впослѣдствіи дворъ этотъ былъ расширенъ и подъ новымъ наименованіемъ „стального двора" (Stahlhof) принадлежалъ общинѣ ганзейскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Лондономъ. Во главѣ этой общины стоялъ альдерманъ и совѣтъ изъ 12 выборныхъ членовъ. Ежегодно въ полномъ собраніи общины читались и утверждались правила, съ которыми всѣ члены купеческой общины обязаны были сообразоваться. Цѣлью этихъ постановленій было сохранить, удержать неприкосновеннымъ исконное „отчужденіе членовъ двора отъ интересовъ англійскаго міра". Враждебное отношеніе купеческой общины къ сосѣдней городской общинѣ выражалось также въ томъ, что каждый изъ купцовъ по этимъ правиламъ долженъ былъ держать „наготовѣ латы и оружіе"[2]). Перерывъ мирныхъ отношеній между торгующими, очевидно, заранѣе предусматривался.

По вѣнскому городовому положенію XIII вѣка, „подъ страхомъ пени въ двѣ марки золотомъ, воспрещалось иноземнымъ купцамъ „швабамъ"—какъ называли тогда нѣмцевъ по ту сторону Пассау и Регенсбурга—возить свои товары дальше Вѣны. Притомъ въ самой Вѣнѣ они имѣли право пребывать въ теченіе *двухъ мѣсяцевъ только* и обязаны были продавать свой товаръ однимъ лишь вѣнскимъ жителямъ[3]). Наконецъ, по кельнскому городовому положенію 1254 года, утвержденному въ 1355 году Карломъ IV, иноземцы не имѣли права пріѣзжать внутрь города, а должны были останавливаться въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ пунктахъ, не доѣзжая до него. Всякаго иноземца, преступавшаго это правило, горожанинъ имѣлъ право „связать тростникомъ и осокой и подвергнуть установленному закономъ наказанію". Такое дѣйствіе носило техническое названіе „ганзовать" (hansen). „Если бы, гласитъ дальше городовое положеніе, иноземецъ дерзнулъ порвать стебель", которымъ онъ былъ связанъ, „онъ выдается головою и кладью горожанину[4]), т. е., очевидно, на потокъ и разграбленіе. Сверхъ того, иноземные купцы имѣли право пребывать въ этихъ загородныхъ пунктахъ не свыше шести недѣль и пріѣзжать ежегодно не больше трехъ разъ[5]).

Скажемъ здѣсь же, что первоначальнымъ характеромъ торговли,—тѣмъ, что она производилась *только* между различными общинами, что внутри самой общины ничего не продавалось и не покупалось,—объясняется та черта торговли, на которой съ нѣкоторымъ

[1]) Бэръ, I, 206.
[2]) Idem., стр. 223 и 224.
[3]) Idem., стр. 200.
[4]) Idem., стр. 206.
[5]) Loc. cit.

недоумѣніемъ останавливается Н. И. Костомаровъ. „Замѣчательною чертою нашей старой торговли, говоритъ онъ, было то, что продажа была чаще всего оптовая". Товары покупались на продолжительное время и даже „на годъ" [1]). Эта черта торговли является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того характера торговли, который мы до сихъ поръ изображали. Разъ торговля была явленіемъ временнымъ, непостоянныхъ, она должна была быть оптовою. Вслѣдствіе этого, конечно, и „иностранцамъ запрещено было торговать въ розницу". Такъ, „сукна можно было продавать только кипами и поставами, шелковыя матеріи косяками, вѣскіе товары—пудами, а платья—бочками" [2]). Подобный же порядокъ долженъ былъ существовать въ Англіи, такъ какъ по закону, изданному въ 1275 году иноземные купцы обязаны были „распродать свои товары въ 40 дней по пріѣздѣ" [3]).

Еще въ періодъ времени отъ 1530 до 1688 года хозяйки въ Англіи обыкновенно закупали осенью „всѣ предметы, необходимые для зимы". Фактъ этотъ и въ Англіи находитъ свое объясненіе въ томъ, что даже въ этотъ поздній періодъ развитія англійской общественной жизни „въ небольшихъ городахъ и деревняхъ вовсе не было лавокъ" еще, и жители получали товары только „чрезъ посредство разнощиковъ" [4]). Объ оптовой торговлѣ только говорили и въ древнемъ Римѣ какъ о дозволенномъ способѣ торговли [5]).

Вернемся теперь на минуту къ русскимъ гостинымъ дворамъ. Точно такъ же, какъ и въ Новгородѣ, иноземные купцы, торговавшіе со Псковомъ, имѣли особый дворъ. Тамъ „гостиный дворъ для пріѣзда иноземныхъ купцовъ былъ не въ самомъ городѣ, но подъ городомъ" [6]). Въ Москвѣ каждый народъ: англичане, греки и т. д. имѣли особые гостиные дворы [7]). „Въ Астрахани было нѣсколько гостиныхъ дворовъ... особыхъ для каждаго народа [8]).

Эти гостиные дворы, возникновеніе которыхъ, какъ мы видѣли, обусловлено было первоначальнымъ характеромъ международныхъ сношеній, получили право гражданства и сохранились и впослѣдствіи, когда стимулъ, вызвавшій ихъ, стушевался, успѣлъ уже изгладиться. Гостиные дворы стали привелегированными, излюбленными мѣстами торговли совершенно независимо отъ лицъ, уча-

---

[1]) Костомаровъ. Очеркъ торговли московскаго госуд., стр. 158.
[2]) Idem., стр. 71.
[3]) Спенсеръ. Описательн. соціологія. Таблица II.
[4]) Idem., стр. 282.
[5]) Бэръ. I стр. 180.
[6]) Костомаровъ, ibid., стр. 94.
[7]) Idem., 96.
[8]) Idem., 108.

ствовавшихъ въ производствѣ торговли. „Во всякомъ посадѣ, гдѣ былъ торгъ, долженъ былъ находиться и гостиный дворъ" [1]). Гостиные дворы сохранили и впослѣдствіи тѣ же черты, какія они они имѣли, когда находились въ исключительномъ обладаніи одного какого либо народа. „Это были обширные дворы, обнесенные заборами, съ кровлями и воротами подъ навѣсомъ, съ висячими замками" [2]).

Исходная точка, которая служила намъ для объясненія данныхъ, приведенныхъ до сихъ поръ, послужитъ намъ и для объясненія цѣлаго ряда другихъ данныхъ. Мы уже видѣли, что купцы первоначально организовались въ общины. Купецъ былъ такимъ образомъ въ первобытныя времена не единичнымъ лицомъ, дѣйствовавшимъ на свой собственный страхъ и рискъ. Это былъ членъ общины со всѣми правами и обязанностями таковаго. Необходимость взаимной защиты противъ враждебно-настроеннаго населенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ производится торговый обмѣнъ, вызываетъ и поддерживаетъ солидарность между купцами, неизбѣжно ведетъ къ образованію общинъ, гильдій, артелей. Подобно богу, покровительствующему купцамъ, подобно Гермесу, эти артели, эти странствующія общины—двоякаго характера. Торгуютъ тамъ, гдѣ грабить открыто не представляется возможности, и грабятъ тамъ, гдѣ прибѣгать къ хитрымъ торговымъ уловкамъ представляется излишнимъ. Слова Мефистофеля у Гёте ярко характеризуютъ купеческіе нравы въ теченіе продолжительнаго историческаго періода и даже вплоть до новѣйшаго времени:

Man hat Gewalt, so hat man Recht.
. . . .
Krieg, Handel und Piraterie
Dreieinig sind sie, nicht zu trennen.

„Кто имѣетъ силу, тотъ обладаетъ и правомъ... Война, торговля и пиратство тріедины, нераздѣльны" [3]). Любовь и единеніе между членами общины, вражда и ненависть къ населенію торговыхъ мѣстъ—вотъ тотъ принципъ, которымъ проникнуты артели, купеческія общины, какъ и всякія общины въ первобытныя времена.

Въ артели и корпораціи организовывались и финикіяне, торговавшіе съ Греціей [4]). Артели-конвенты съ преторомъ во главѣ образовывали римскіе купцы—negotiatores—въ разныхъ странахъ, съ которыми они торговали [5]). Точно также и въ средніе вѣка

[1]) Idem., 129.
[2]) Loc. cit.
[3]) Faust. 2 Theil, 5 Aufzug.
[4]) Бэръ. I, 49.
[5]) Bastian. Rechtsverhältnisse bei verschied. Völkern. S. 76.

купцы изъ одного мѣста, производившіе „торговые обороты въ одномъ и томъ же направленіи, для охраны торговыхъ операцій соединялись въ товарищества: гильдіи, ганзы" [1]). Венеціанскія купеческія артели, или экспедиціи, отправлявшіяся для торговли, сопровождались „вооруженными галерами" [2]). Жители Генуи, въ свою очередь, были „распредѣлены по артелямъ, компаніямъ" [3]), такъ какъ всѣ они занимались торговыми оборотами и притомъ съ различными мѣстами. Повторяемъ, объ отдѣльныхъ, единичныхъ личностяхъ, самостоятельно производящихъ торговлю, мы вовсе не слышимъ въ тѣ времена. Повсюду купецъ есть членъ артели, составная часть купеческой общины.

Уже Брентано высказываетъ, въ видѣ предположенія, что артели, гильдіи, организованныя для торговли съ чужеземцами, съ болѣе отдаленными общественными группами, были первообразами всѣхъ артелей и гильдій, возникавшихъ въ позднѣйшія времена [4]). То-есть: изъ первоначальной сельской общины выдѣляется группа людей для производства торговаго обмѣна съ какимъ либо пунктомъ, болѣе или менѣе отдаленнымъ. Эта группа людей, гильдія, артель— та же община, но въ меньшемъ размѣрѣ сравнительно съ тою, изъ которой она выдѣлилась. Мы видѣли, что условія первоначальнаго торговаго обмѣна таковы, что онъ могъ производиться только чрезъ посредство миніатюрныхъ общинъ-артелей. Ясно, что торговый обмѣнъ долженъ былъ впервые вызвать возникновеніе артелей.

У англо-саксовъ мы находимъ купеческія гильдіи уже въ VIII вѣкѣ [5]). Такими были гильдія дуврская, гильдія кентербрійская и такъ называемая gilda mercatoria (торговая гильдія) въ Лондонѣ [6]). Позднѣе въ Англіи является нѣсколько гильдій съ такимъ же торговымъ характеромъ: іоркская gilda mercatoria, беверлейская и т. д. [7]). Точно также мы встрѣчаемъ въ весьма раннія времена во Франціи парижскую ганзу. Она производила торговлю по Сенѣ, между Парижемъ и Руаномъ [8]).

Тѣ же причины, которыя вызвали купеческія общины, артели на сравнительно первобытныхъ ступеняхъ культуры, вызывали ихъ въ болѣе позднія времена въ видѣ такъ называемыхъ торговыхъ

---

[1]) Бэръ. I, 118.
[2]) Idem., 160.
[3]) Idem., 166.
[4]) Brentano. Arbeitergilden der Gegenwart. Leipzig. 1871. I. S. 29.
[5]) Brentano, 10.
[6]) Idem., 17.
[7]) Loc. cit.
[8]) Бэръ. I, 118.

компаній, для торговли съ Россіей, Остъ-Индіей, Америкой и т. д. Необходимость солидарности, единенія, взаимной защиты отъ чужеземцевъ, отъ покупателей, поддерживала общинную организацію купцовъ.

Точно такъ же, какъ и во всей Европѣ, русскіе „купцы соединялись въ артели по единству торговыхъ интересовъ". Эти „общины имѣли свое управленіе, ввѣряемое старостамъ и тысяцкимъ, свои общинные капиталы, накопляемые отъ вклада въ артель" [1]). Русскія купеческія артели отличались тѣмъ же сугубымъ характеромъ, о которомъ мы упоминали выше. „При постоянныхъ препятствіяхъ и опасностяхъ, говоритъ Аристовъ, купецъ необходимо долженъ былъ имѣть воинскую отвагу, да и дѣйствительно купцы нерѣдко обращались въ разбойниковъ и грабили товары другихъ купцовъ" [2]). Мало-русскіе купцы-чумаки, въ свою очередь, образовывали артели. Позже такія купеческія общины назывались *валками*. Всѣ члены артели были вооружены. Во главѣ артели стоялъ избранный изъ ихъ среды атаманъ, который устанавливалъ весь распорядокъ путешествія и торговыхъ сношеній [3]). Торговая прибыль принадлежала всѣмъ членамъ чумацкой артели сообща [4]).

Для производства торговли по бассейнамъ рѣкъ или берегамъ морей, купеческія суда „шли вмѣстѣ другъ съ другомъ, въ сопровожденіи отряда стрѣльцовъ, плывшихъ на передовомъ суднѣ. Это конвойное судно снабжалось орудіями [5]). Понятно, что къ такимъ купеческимъ артелямъ, всегда готовымъ прибѣгать къ оружію, относились недовѣрчиво: „Опасеніе грековъ и недовѣріе ихъ къ русскимъ купцамъ ясно выражалось въ договорахъ Олега и Игоря: тамъ означено, въ какомъ числѣ они должны входить въ городъ, сколько времени гостить въ Греціи" и т. д.

Мы успѣли до сихъ поръ разсмотрѣть двѣ ступени развитія торговли и купечества. Первоначально сосѣднія, окрестныя сельскія общины сходятся въ извѣстное время для торговаго обмѣна. Позже изъ этихъ общинъ начинаютъ выдѣляться отдѣльныя группы людей въ видѣ кочующихъ купеческихъ артелей-каравановъ для производства торговаго обмѣна съ болѣе отдаленными общинами. Торговля становится специфическимъ занятіемъ этой группы лицъ,

---

[1]) Аристовъ, стр. 207.
[2]) Idem., 208.
[3]) Рудченко. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ. 1874, стр. 6, 16, 32.
[4]) Idem., 33.
[5]) Костомаровъ. Торговля московск. госуд., стр. 104.

этихъ странствующихъ общинъ. Съ теченіемъ времени эти кочующія артели становятся осѣдлыми, онѣ водворяются на постоянное жительство въ тѣхъ мѣстахъ, съ которыми до сихъ поръ находились въ торговыхъ сношеніяхъ. Онѣ входятъ какъ постоянный, необходимый элементъ въ составъ общинъ, но отнюдь не тѣхъ общинъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ по рожденію. Такъ какъ торговый обмѣнъ возникъ первоначально между членами различныхъ общинъ, между врагами, то и въ позднѣйшія времена торговля разсматривается общиной какъ занятіе, направленное противъ интересовъ членовъ общины. Туземецъ, членъ общины, не можетъ и не долженъ заниматься обираніемъ своихъ членовъ, своихъ земляковъ. Враждебныя дѣйствія, обманъ и надувательство дозволительны только по отношенію къ чужеземцу. Ясно, что торговыя артели, водворяясь на постоянное жительство для торговыхъ цѣлей, могутъ водворяться только на чужбинѣ, что первыми осѣдлыми купцами въ каждой общинѣ могли быть не члены той же общины, а чужеземцы. Члены всякой общины могли заниматься торговымъ дѣломъ временно или постоянно, но только не у себя дома, а среди чужихъ. Этимъ объясняется тотъ кажущійся непонятнымъ фактъ, что даже въ весьма позднія времена, въ европейскихъ государствахъ оказывали предпочтеніе „внѣшней торговлѣ передъ внутренней" [1]), что эти государства давали торговыя привилегіи первоначально только иностранцамъ, а не „своимъ", и хлопотали о привилегіяхъ „своихъ" въ иностранныхъ государствахъ. Мы увидимъ ниже, какимъ образомъ и когда „свои" стали купцами среди „своихъ". Теперь займемся данными о купцахъ-чужеземцахъ.

Въ Борну торговлей занимаются не туземцы, а мавры. Точно также и въ Ваддаѣ торговлю ведутъ чужеземцы джеллабы [2]). Среди арабскихъ племенъ торговлей занимаются исключительно выходцы изъ Дамаска [3]). Точно также и въ древней Греціи торговля находилась въ рукахъ чужеземцевъ или вольноотпущенныхъ [4]) т. е., опять-таки чужеземцевъ, отпущенныхъ на волю изъ рабства. Въ Палестинѣ первыми торговцами были не жители ея—евреи, а финикіяне [5]). Въ Римѣ „промышленныя дѣла сплошь да рядомъ производились рабами" [6]), т. е. забранными въ плѣнъ чужеземцами. А между тѣмъ тѣ же римляне, которые не позволяли себѣ

[1]) Бэръ. II, 41.
[2]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker. II, S. 102.
[3]) Klemm. Allg. Kulturg. IV. S. 174.
[4]) Schoemann. I. S. 542.
[5]) De-Wette. Hebräisch-jüdische Archäologie. 393. Бэръ. I, 48.
[6]) Бэръ. I, 83.

грязнить своего достоинства торговымъ дѣломъ на родинѣ, весьма усердно занимались обираніемъ чужеземцевъ съ помощью торговли. Съ торговою цѣлью они „въ большомъ числѣ водворялись въ важнѣйшихъ торговыхъ мѣстахъ западныхъ и восточныхъ странъ Европы, въ Африкѣ и Азіи" [1]). Въ Испаніи торговое дѣло въ XVI вѣкѣ сосредоточилось въ рукахъ итальянцевъ [2]), между тѣмъ, какъ уроженцы той же Испаніи водворяются въ качествѣ купцовъ на Родосѣ и Кипрѣ [3]). Во Франціи въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ торговля находится въ рукахъ евреевъ [4]) и итальянцевъ. „Банковое дѣло въ теченіе среднихъ вѣковъ во Франціи всецѣло находилось въ рукахъ итальянцевъ, которыхъ въ Нимѣ водворилось множество" [5]). Въ Венгріи торговлей занимались по преимуществу водворенные туда нѣмецкіе колонисты" [6]). Точно также и въ Богеміи „торговля находилась большею частью въ рукахъ иностранцевъ: евреи, нѣмцы и итальянцы водворялись въ Прагѣ и наживали значительныя богатства" [7]). Въ свою очередь, чехи дѣятельно занимались торговлей въ Польшѣ и въ Венгріи [8]). Въ Англіи, классической странѣ торговли, „обширная дѣятельная внутренняя торговля прозводилась" водворившимися тамъ иностранцами. Въ ихъ рукахъ сосредоточивалась вся внутренняя продажа товаровъ [9]). „Мѣнялы изъ Лукки, Флоренціи, Сіены и Рима, какъ вездѣ, такъ и въ Англіи, занималась ростовщичествомъ [10]). Въ Германіи лѣтописцы, въ качествѣ торговцевъ, упоминаютъ по преимуществу вендовъ и евреевъ" [11]). Наконецъ, и въ Россіи внутренняя торговля была въ рукахъ чужеземцевъ. На это, кромѣ другихъ данныхъ, указываетъ наименованіе „гость", гостебникъ, гостинникъ [12]), которое носилъ купецъ у всѣхъ русскихъ племенъ.

Мы считаемъ сгруппированные только что факты, однообразно повторяющіеся во всемъ мірѣ, весьма важными для исторіи, такъ какъ ими опредѣляется и объясняется вся дальнѣйшая судьба буржуазіи, роль и значеніе ея вплоть до нашего времени. Такъ

---

[1]) Idem., 93.
[2]) Idem., 183.
[3]) Idem., 185.
[4]) Idem., 188.
[5]) Idem., 191.
[6]) Idem., 203.
[7]) Idem., 204.
[8]) Loc. cit.
[9]) Pictorial history of England. II, 181.
[10]) Бэръ. II. 248.
[11]) Бэръ. I, 196.
[12]) Аристовъ. 209.

какъ купцы были повсюду, гдѣ они водворялись, чужеземцами, то они только тогда могли пользоваться личною и имущественною безопасностью на чужбинѣ, когда находились подъ покровительствомъ политическаго представителя той страны, гдѣ они поселялись—подъ защитою епископа, герцога, короля, царя. Они не могли сноситься, входить въ сдѣлки съ населеніемъ иначе, какъ чрезъ посредство той же политической власти. За покровительство и посредничество между населеніемъ и купцами послѣдніе, конечно, должны были вносить въ казну верховной власти извѣстную часть тѣхъ доходовъ, которые добывали торговлей, сбытомъ своихъ произведеній. Такимъ образомъ, условія, въ которыхъ находились купцы-чужеземцы, впервые вызвали то постоянно возростающее покровительство со стороны политической власти торговому сословію, буржуазіи, которое замѣчено въ исторіи европейскихъ народовъ. Эти условія вызывали необходимость регламентаціи торговаго дѣла со стороны политическихъ представителей страны, необходимость посредничества при различныхъ торговыхъ сдѣлкахъ со стороны этой власти, необходимость спеціальныхъ заботъ о торговлѣ. Эти условія вызвали также появленіе косвенныхъ налоговъ, налоговъ со сбываемыхъ купцами продуктовъ, сначала въ видѣ натуральномъ, а затѣмъ въ денежной формѣ. Оба эти отпрыска одного и того же корня: покровительство купцамъ, связанное съ регламентаціей торговли, и взиманіе налоговъ съ потребителей продуктовъ чрезъ посредство купцовъ, растутъ и развиваются параллельно въ исторической жизни народовъ. На мѣсто чужеземцевъ-купцовъ становятся впослѣдствіи туземцы, но косвенные налоги, разъ установленные, продолжаютъ взиматься, а вслѣдствіе этого продолжается регламентированіе и лелѣяніе купечества и покровительство, оказываемое ему политическими представителями различныхъ странъ.

Мы намѣтимъ и подтвердимъ данными только первые шаги на этомъ длинномъ историческомъ пути, который пришлось пройти буржуазіи, а именно до той поры, когда покровительство, оказываемое политическою властью купцамъ-чужеземцамъ, переходитъ на туземныхъ купцовъ.

Въ Лоанго, Сулиманѣ и многихъ другихъ африканскихъ странахъ, королевскіе чиновники являются необходимыми посредниками при всякихъ торговыхъ сдѣлкахъ [1]). Благодаря необходимости посредничества въ сношеніяхъ между туземцами и чужеземцами, короли часто сами становятся торговцами, монополизируютъ

[1]) Waitz., II. S. 130.

занималось торговыми операціями, и самъ царь, какъ выразился одинъ англичанинъ, былъ первый купецъ въ Россіи" [1]). Правительство покупало „воскъ, поташъ, пеньку и проч., отправляло въ Архангельскъ и промѣнивало на заграничные товары" [2]).

Такимъ образомъ, какъ мы видѣли, повсюду учителями въ торговомъ дѣлѣ являлись *иностранцы*. Каждый народъ научался торговать, торгуя съ иностранцами. Среди каждаго народа успѣла уже появиться группа личностей, которыя обладали всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы торговать. Этому искусству они научились на иноплеменникахъ, эти качества они пріобрѣли въ торговыхъ сношеніяхъ съ иностранцами и стали затѣмъ примѣнять ихъ въ сношеніяхъ съ одноплеменниками, стали хитрить со „своими", обманывать для сбыта товаровъ „своихъ", стали врагами по отношенію къ „своимъ", какъ были до сихъ поръ по отношенію къ чужеродцамъ. Длинный путь должна была пройти каждая община, прежде чѣмъ между членами ея установились отношенія, только-что изображенныя, прежде чѣмъ отдѣльныя личности стали отдѣлять собственные интересы отъ интересовъ цѣлой общины, прежде чѣмъ, взамѣнъ прежней солидарности, установилась торговая рознь и вражда—конкурренція. Необходимо было, чтобы отношенія между членами общины перепутались, перемѣшались, чтобы въ каждой общинѣ водворились элементы, къ ней непринадлежавшіе, необходимо было, словомъ, чтобы составъ членовъ общины значительно измѣнился для того, чтобы произошелъ тотъ переворотъ въ нравственныхъ чувствахъ, который создаетъ условія для возникновенія самороднаго, туземнаго купечества, рядомъ съ чужеземнымъ,—купечества, сбывающаго товары „своимъ", не только „чужимъ". Этотъ переворотъ совершался во всѣхъ европейскихъ странахъ въ теченіе ихъ исторической жизни. Наступленіе этого нравственнаго перелома обыкновенно обнаруживается въ требованіяхъ, предъявляемыхъ туземнымъ купечествомъ объ уничтоженіи привилегій иноземнаго купечества, или, иначе, объ уравненіи туземныхъ купцовъ въ правахъ и повинностяхъ съ иноземными. Туземные купцы желаютъ быть допущенными на рынокъ, на который они не могутъ теперь явиться только по неравенству условій, въ которыя поставлены туземные купцы сравнительно съ иноземными. Понятно, что эти желанія сбываются. Уничтожая привилегіи ганзейскихъ купцовъ въ Даніи, въ началѣ XVII вѣка, датскій король Христіанъ высказывается слѣдующимъ образомъ: „Въ ганзейцахъ болѣе не нуждаются; теперь и безъ нихъ найдется

[1]) Idem., 83.
[2]) Idem., 162.

много торговцевъ для снабженія государства товарами, изъ за чего они, по собственному своему признанію, только и получали прежде льготы" [1]). Этотъ мотивъ—появленіе большаго количества самородныхъ торговцевъ—повсюду ведетъ къ уничтоженію привилегій иностранцевъ. Англійскіе купцы, возставая противъ привилегій ганзейскихъ купцовъ, жалуются, что они обездолены ганзейцами, которые вмѣстѣ съ тѣмъ наносятъ ущербъ королевскимъ доходамъ и разоряютъ Англію. Постепенно правительство уничтожаетъ дарованныя имъ льготы, и въ концѣ XVI столѣтія окончательно отнимаетъ ихъ [2]). Во Франціи привилегіи итальянцевъ уничтожены были Людовикомъ XI, послѣ чего промыслы, которыми итальянцы занимались тамъ, и между прочимъ банковое дѣло, перешли къ туземцамъ [3]). Наконецъ, въ Россіи ропотъ противъ привилегій иностранцевъ начинаетъ высказываться въ XVII столѣтіи. Въ 1649 году русскіе гости бьютъ челомъ на англичанъ, что они подрываютъ русское купечество, что они своей торговлей „оголодили русское царство", и просятъ „ограничить ихъ произволъ изданіемъ такихъ учрежденій, которыя бы *передали* торговлю въ руки русскихъ купцовъ" [4]). Царь Алексѣй Михайловичъ удовлетворяетъ ходатайство купцовъ и отмѣняетъ привилегіи [5]).

Съ этого момента, когда привилегіи иностранныхъ купцовъ отмѣняются, купечество въ каждой странѣ упрочивается, является существеннымъ, постояннымъ элементомъ населенія страны, образуетъ отдѣльное сословіе.

---

[1]) Бэръ. II, стр. 340.
[2]) Idem. II. стр. 255, 258.
[3]) Бэръ. I, стр. 191.
[4]) Костомаровъ. Торговля Московскаго госуд., стр. 31.
[5]) Полное собр. зак. I, № 9.

ГЛАВА XII.

Ростовщики и ростовщичество.

Первобытнымъ народамъ чуждо понятіе о возмездномъ займѣ.—Запрещеніе роста учителями вѣры и свѣтскими законодательствами. — Въ каждой странѣ первые ростовщики — иностранцы.—Отношенія между евреями и малороссами, между русскими и лопарями, между русскими и самоѣдами, между иноплеменными купцами и земледѣльческимъ населеніемъ въ британской Индіи.—Первые банки появляются въ храмахъ.—Появленіе доморощенныхъ ростовщиковъ.—Установленіе нормы процента.—Законный максимумъ процента въ сущности минимумъ.—Постановленія о нормѣ процента въ Россіи.—Отмѣна законовъ оростѣ. — Коллективная отвѣтственность за долги племенной общины, коллективная отвѣтственность рода, семьи,—индивидуальная отвѣтственность. Способы взысканія долговъ: убійство-истязаніе должника, заключеніе въ частную тюрьму, въ общественныя тюрьмы.—«Правежъ» въ Россіи, «грабуваніе» у малороссовъ.—Долговое рабство.—Кабальное холопство.—Установленіе крѣпостныхъ отношеній вслѣдствіе долговъ.—Задолжаніе помѣстныхъ владѣльцевъ и распродажа ихъ имѣній.—Пренія въ прусскомъ и германскомъ парламентахъ о мѣрахъ противъ ростовщичества.—Доводы въ пользу возстановленія нормы процента и наказаній за лихву.—Возраженія противъ возстановленія.—Ходъ развитія общественной жизни, соотношеніе между различными сторонами ея.

„Деньги не рождаютъ денегъ", говоритъ Аристотель въ своей „Политикѣ" [1]). Онъ считаетъ поэтому несправедливымъ и невозможнымъ, чтобы заимодавецъ „требовалъ отъ должника что нибудь сверхъ данной ему суммы". Воззрѣніе, аналогичное съ Аристотелевымъ, существуетъ у всѣхъ народовъ на первобытныхъ ступеняхъ культуры [2]). Если не вездѣ оно формулируется такимъ на-

---

[1]) Polit. Книга I, 3. 23.

[2]) «Про перваго изъ кочующихъ лопарей, котораго, съ большимъ трудомъ, убѣдили вложить свои деньги въ банкъ, разсказываютъ слѣдующее: Едва только онъ разстался со своимъ сокровищемъ и получилъ взамѣнъ непонятную для него квитанцію, какъ началъ горько плакать и требовалъ возвращенія денегъ. Въ этомъ ему было, однако, отказано и онъ съ отчаяніемъ

глядным и картинным образомъ, тѣмъ не менѣе оно, проявляется въ дѣйствiяхъ и взаимныхъ отношенiяхъ первобытныхъ людей. Весьма значительной части дикихъ народовъ чуждо еще въ настоящее время не только понятiе о займѣ, но и о ссудѣ. Они не знаютъ ни о возмездныхъ, ни о безвозмездныхъ обязательствахъ между отдѣльными лицами.

Мы уже привели выше характеристику краснокожихъ обитателей Сѣверной Америкѣ, сдѣланную Вильямомъ Пенномъ: „Богатство, говоритъ онъ, циркулируетъ у нихъ, какъ кровь въ человѣческомъ организмѣ; всѣ члены принимаютъ участiе въ матерiальныхъ благахъ, доставшихся имъ". Ясно, что, при такомъ отношенiи къ матерiальнымъ благамъ, среди членовъ индѣйскихъ племенныхъ общинъ не могло быть рѣчи о „моемъ" и „твоемъ", не могло быть рѣчи о возвращенiи того, что взято, а тѣмъ менѣе о возвратѣ ссуженнаго съ какимъ либо излишкомъ. Совершенно согласно съ этимъ общимъ основнымъ положенiемъ, характеризующимъ бытъ индѣйцевъ, путешественники разсказываютъ намъ, что у ирокезовъ жатва и добытое на охотѣ распредѣлялось между всѣми, сообразно съ *потребностями*. Иначе говоря, каждый бралъ изъ заготовленнаго запаса столько, сколько ему нужно было. У гуронцевъ лачуги для отдѣльныхъ лицъ выстраивались при общемъ содѣйствiи [1]). По разсказу Лафито, всякiй индѣецъ, вернувшiйся съ охоты или съ рыбной ловли, обязанъ раздѣлить значительную часть своей добычи между всѣми нуждающимися, если онъ не желаетъ быть опозореннымъ; а при наступленiи голода они распредѣляютъ между всѣми весь наличный запасъ средствъ [2]). Если въ Сѣверной Каролинѣ кто-либо потерпѣлъ убытокъ отъ пожара или другаго несчастнаго случая, то устраивается празднество, на которомъ всѣ присутствующiе щедро одариваютъ его [3]). Это, очевидно, прототипъ тѣхъ баловъ или танцовальныхъ вечеровъ съ благотворительной цѣлью, которые практикуются въ настоящее время среди цивилизованныхъ обществъ. По словамъ Карвера,

---

удалился въ свои тундры, въ полной увѣренности никогда болѣе не увидѣть своего богатства. Когда же, въ концѣ года, онъ понавѣдался о немъ и получилъ выплаченные ему золотомъ проценты, удивленiе его и радость не знали границъ. На этотъ разъ онъ въ восторгѣ возвратился домой, разсказывая всѣмъ и каждому: «Мои деньги, какъ олени, также рождаютъ ежегодно дѣтенышей!» (Бухаровъ. Поѣздка по Лапландiи. Спб. 1885, стр. 268). Разсказъ этотъ весьма любопытенъ и въ томъ отношенiи, что даже форма выраженiя, употребляемая лапландцемъ, аналогична съ формой выраженiя, употребляемаго Аристотелемъ.

[1]) Waitz, III. S. 129.
[2]) Waitz. III. S. 164.
[3]) Idem. III. S. 166.

«неравенство соціальнаго положенія и общественныхъ отношеній, обусловливаемыхъ въ культурныхъ обществахъ извѣстною суммою денегъ, заключеніе въ тюрьму человѣка за то, что онъ не въ состояніи уплатить, и т. п. вещи, казалось краснокожимъ индѣйцамъ колоссальною нелѣпостью и грубою насмѣшкою надъ справедливостью". По воззрѣніямъ индѣйцевъ, достоинство человѣка, его свобода и независимость—величина несоразмѣримая по отношенію къ цѣнности матеріальныхъ благъ. Эти блага въ сравненіи съ человѣкомъ—ничто [1]).

У эскимосовъ мы находимъ слѣдующія общеобязательныя правила о ссудѣ: „Если кто-либо даетъ въ ссуду лодку или другое какое-либо орудіе труда, то онъ не долженъ требовать исправленія его, въ случаѣ, если оно повреждено отъ употребленія или случайнымъ образомъ. Взявшій въ ссуду какую бы то ни было вещь не обязанъ вознаградить хозяина вещи, если онъ сломаетъ или потеряетъ ее. Этихъ обычаевъ они придерживаются и въ сношеніяхъ съ европейцами и не допускаютъ измѣненія ихъ, говоря: „таковъ уже старинный обычай" [2]). Очевидно, что и у эскимосовъ понятіе о строго опредѣленной личной собственности не находитъ приложенія. Усвоенное или произведенное однимъ изъ нихъ можетъ перейти въ безмездное пользованіе другихъ. Оно является, такимъ образомъ, общимъ достояніемъ, а не предметомъ личнаго, исключительнаго владѣнія.

Такой же режимъ мы встрѣчаемъ среди бушменовъ въ Африкѣ, о которыхъ Лихтенштейнъ разсказываетъ слѣдующее: „Если орда добыла что-либо на охотѣ или грабежемъ у другихъ племенъ, то всякій изъ членовъ ея, узнавшій, что есть съѣдобное, приходитъ и принимаетъ участіе въ трапезѣ, не спрашивая позволенія. Такъ какъ все является у нихъ *общимъ достояніемъ*, то тѣмъ менѣе можетъ быть отказано кому либо въ участіи въ добычѣ, если онъ предъявитъ желаніе на это" [3]).

Среди туземцевъ жиганскаго улуса, верхоянскаго округа, якутской области, практикуется слѣдующій способъ помощи единоплеменникамъ. Случается, что волки нападаютъ на стадо оленей, истребляютъ его наповалъ, и бѣднякъ якутъ или тунгузъ, среди безпредѣльныхъ и безжизненныхъ тундръ, подвергается опасности умереть отъ голода и холода. При первой возможности онъ обращается къ своимъ родовичамъ съ просьбою о помощи. Они ему тотчасъ же даютъ до 30 оленей, и бѣднякъ живетъ опять своимъ

[1]) Idem. III. S. 131.
[2]) Klemm. Allgemeine Kulturgeschichte. II. S. 294—295.
[3]) Idem. I. S 341.

домомъ и въ своей семьѣ. Священникъ Хитровъ зналъ одного якута, получавшаго такія пособія три года сряду [1]).

Среди черкесовъ обязательство взаимной помощи и полной солидарности всѣхъ членовъ общины было, по разсказамъ всѣхъ путешественниковъ, основой ихъ общежитія. Верховный принципъ, руководившій ими въ ихъ дѣйствіяхъ и постоянно высказывавшійся, былъ: „одинъ за всѣхъ и всѣ за одного" [2]). Діаметрально противоположенъ этому принципу принципъ, исповѣдуемый культурными европейскими обществами: „chacun chez soi, chacun pour soi", и „sauve, qui peut". Тѣмъ не менѣе и тѣ народы, которые въ настоящее время исповѣдуютъ это чреватое бѣдствіями начало, на первобытныхъ ступеняхъ культуры отнюдь не отличались по нравственнымъ воззрѣніямъ отъ современныхъ первобытныхъ народовъ [3]).

Частный примѣръ такихъ воззрѣній мы уже видѣли въ словахъ Аристотеля. Денежная помощь, оказываемая кому-либо, не должна быть вознаграждаема, ссуда должна быть безпроцентная. Эта мысль находитъ свое выраженіе во всѣхъ законодательствахъ: церковныхъ и свѣтскихъ. Если постановленія о недозволенности роста и заимствованы предками современныхъ культурныхъ народовъ преимущественно изъ еврейскаго законодательства, то, конечно, только потому, что они были достаточно ясно и полно формулированы въ этомъ законодательствѣ. Самостоятельное творчество было излишне тамъ, гдѣ достаточно было воспользоваться готовымъ. „Если братъ твой обнищаетъ, гласитъ библейское постановленіе, ты не долженъ брать у него роста и давать ему взаймы за вознагражденіе [4]). И точно также, какъ возбраняется брать ростъ съ денегъ, точно также запрещается брать вознагражденіе за ссуду хлѣба, или, говоря словами русскаго законодательства: „жито—въ присыпъ". Въ другомъ мѣстѣ того же памятника, говорится: „Если ты даешь взаймы деньги кому-либо изъ обѣднѣвшихъ въ народѣ, не наноси ему вреда, не взыскивай роста съ него [5]). Еще во времена Іосифа Флавія запрещеніе брать ростъ было въ силѣ среди земледѣльческихъ еврейскихъ общинъ, и доморощенные барышники пользовались позорною репутаціею [6]).

---

[1]) Записки сибирск. отд. географ. общ. 1856, I. Описаніе жиганскаго улуса. Соколовскій. Экономическій бытъ, стр. 110, 111.

[2]) Klemm. IV. S. 62.

[3]) Спеціально по отношенію къ росту Тацитъ характеризуетъ германцевъ слѣдующимъ образомъ: «Отдавать деньги въ ростъ и брать проценты—вещь у нихъ неизвѣстная, и это невѣдѣніе важнѣе для дѣла, чѣмъ запрещеніе». (Germania c. 26).

[4]) 3 Моис. 25, 35 и 36.

[5]) 2 Моис. 22 и 25.

[6]) Josephus. Alterth. Нѣмецкій пер. IV. 8. 25.

Изъ еврейскаго права запрещеніе взиманія роста перешло къ отцамъ церкви; оно составляло впослѣдствіи одно изъ фундаментальныхъ положеній каноническаго права [1]). Оригенъ возбраняетъ кредитору не только взиманіе процентовъ, но и обратное востребованіе самого капитала, причемъ, однако, внушаетъ въ то же время должнику возвращать занятую сумму вдвое [2]). Испанскій помѣстный соборъ въ 313 году повторяетъ постановленіе о недозволенности роста [3]). По Кончину ростъ—подъ которымъ, по ученію средневѣковыхъ богослововъ, подразумѣвалось всякое взиманіе процентовъ,—былъ осужденъ 17 папами и 28 соборами, изъ которыхъ шесть признаются римскою церковью вселенскими [4]). Въ послѣдній разъ безусловное запрещеніе брать проценты повторено было папой 19 января 1569 года.

Виновники реформаціи въ свою очередь относились отрицательно къ вопросу о взиманіи процентовъ.

„Перестань, говоритъ Лютеръ, хвастать и пріукрашивать... Если кто получаетъ больше или нѣчто лучшее, чѣмъ онъ далъ, то это называется ростомъ, и этимъ онъ отнюдь не оказываетъ услуги своему ближнему, а только вредъ, вполнѣ однородный съ тѣмъ вредомъ, который причиняется кражей и грабежомъ. Не все то можетъ быть названо услугой и благодѣяніемъ ближнему, что въ общежитіи именуется такимъ образомъ“ [5]).

Такого же мнѣнія о взиманіи роста держался и Меланхтонъ [6]).

Наконецъ, и пастыри русской церкви жестоко бичевали этотъ способъ обиранія ближняго—порокъ „рѣзоимства“. Вотъ, что говоритъ митрополитъ Никифоръ въ своемъ поученіи: „Аще ли постишися, емлюще рѣзъ (ростъ) на братѣ, ни коея же ти пользы бысть. Постя бо ся мниши себѣ, а мясо ядый—не мяса овчая, ни инѣхъ скотъ, ихъ же ти повелѣно, но плоть братню; рѣжа бо жилы и закалая его злымъ ножемъ лихоиманіемъ неправедныя мзды тяжкаго рѣза“ [7]).

Упомянемъ вкратцѣ, что и въ коранѣ [8]) существуютъ постановленія о недозволенности роста, и перейдемъ къ разсмотрѣнію свѣтскихъ законодательствъ европейскихъ народовъ.

---

[1]) Roscher. Grundlagen der Nationaloekonomie. S. 426, 427.
[2]) Idem. S. 427. Anm. 8.
[3]) Idem. S. 429. Anm. 1.
[4]) Lecky. Geschichte der Aufklärung. S. 203, 210 Anm.
[5]) Martin Luther. An die Pfarrherrn, wider den Wucher zu predigen etc. Wittenberg. 1540. Marx. Capital. (Aufl. 2). Hamburg, 1872. S. 182. Anm. 15.
[6]) Lecky. Geschichte der Aufklärung. S. 210—211.
[7]) Аристовъ. Промышленность древней Руси. Спб., 1866, стр. 218.
[8]) Сура 2.

Римскій законъ, изданный въ 412 году до Р. Х., воспрещалъ всякое взиманіе процентовъ [1]). Этотъ законъ былъ, очевидно, повтореніемъ постановленія XII таблицъ. Момзенъ утверждаетъ, напротивъ, что этотъ первобытный кодексъ дозволялъ будто бы взиманіе процентовъ въ размѣрѣ десяти [2]). Не говоря уже о томъ, что это предположеніе противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ намъ даннымъ объ отношеніи различныхъ народовъ на соотвѣтствующей ступени культуры къ вопросу о взиманіи роста, оно вмѣстѣ съ тѣмъ никоимъ образомъ не можетъ быть соглашено и примирено съ другимъ постановленіемъ того же памятника первобытнаго римскаго законодательства. По тѣмъ же XII таблицамъ ростовщичество вообще карается пенею и притомъ, какъ замѣчаетъ и Момзенъ, пенею гораздо болѣе тяжкою, чѣмъ воровство [3]). Запрещеніе взимать ростъ, высказанное рѣшительно и безусловно въ упомянутомъ выше законоположеніи 412 года, оставалось въ силѣ и въ позднѣйшія времена [4]). Завѣдомые ростовщики привлекались къ народному суду и подвергались наказаніямъ въ видѣ громадныхъ пеней [5]). Совершенно согласно съ законодательными постановленіями было и мнѣніе, господствовавшее среди римскаго общества о ростовщичествѣ. Одна комедія приравниваетъ ростовщиковъ къ своднямъ. Разница между этими ремеслами заключается, по мнѣнію автора комедіи, въ томъ, что одно производится втайнѣ, другое болѣе открыто. „Съ помощью процентовъ, говорится тамъ, ростовщики сдираютъ кожу съ людей, несмотря на многочисленныя законоположенія, изданныя римскими гражданами. Эти постановленія нарушаются одновременно съ изданіемъ ихъ. Лазейки всегда находятся подъ рукою. Какъ бы ни была горяча вода, она, наконецъ, застываетъ. Такова же участь законовъ о ростовщичествѣ [6]).

Еще энергичнѣе автора комедіи высказывается о ростовщичествѣ Катонъ: „Предки наши, говоритъ онъ, положили и закономъ постановили, что воръ подвергается пенѣ въ два раза противъ стоимости краденаго, а ростовщикъ—въ четыре раза противъ суммы полученныхъ имъ процентовъ. Отсюда можно видѣть, во сколько разъ предки наши считали ростовщика болѣе безчестнымъ и порочнымъ сравнительно съ воромъ“ [7]). Лонгобардскій законъ въ свою очередь караетъ штрафомъ за взиманіе роста: „Praecipimus, гово-

---

[1]) Mommsen. Römische Geschichte I (Aufl. 6). S. 300.
[2]) Idem. I. S. 281—282.
[3]) Idem. I. S. 282.
[4]) Idem. I. S. 300, 851.
[5]) Idem. I. S. 301.
[6]) Idem. I. S. 851.
[7]) Idem. I. S. 851.

рится тамъ, ut nemo usuram de aliqua causa exigere audeat. Quicumque hoc fecerit, bannum persolvat" [1]). Въ Пизѣ „постановленіемъ городской общины было запрещено въ 1286 году занимающимся денежными оборотами проживать въ городѣ, судьямъ—выслушивать жалобы ихъ, а гражданамъ — давать имъ у себя пріютъ" [2]). То-есть, гражданинъ, взимая проценты, этимъ самымъ, по воззрѣнію городской общины, выразившемуся въ приведенномъ постановленіи, выказываетъ отсутствіе связи и солидарности съ тѣми, которымъ давалъ деньги въ ростъ. Онъ прервалъ, такимъ образомъ, связи съ мѣстомъ родины; не допускается и впредь въ родную городскую общину, изгоняется изъ нея. Точно также и веронскій статутъ, стремясь къ уничтоженію той „serpentem pestam"—ядовитой змѣи, того „voracissimam bestiam"—прожорливаго звѣря, какимъ является въ глазахъ составителей статута ростовщичество, опредѣляетъ: „ростовщикамъ входъ *въ городъ и окрестности Вероны* запрещается". Къ этому статутъ присовокупляетъ: „что взимающій проценты теряетъ всю отданную имъ сумму, вмѣстѣ съ процентами, и еще другую, равную ей, въ видѣ пени за проступокъ [3]).

Французскій законъ VIII вѣка опредѣляетъ слѣдующее: „Usuram non solum clerici, sed nec laici christiani exigere debent".— Роста не должны требовать не только духовные, но и міряне—христіане [4]). Этотъ законъ былъ впослѣдствіи подтвержденъ Людовикомъ IX Святымъ [5]). Запрещеніе брать проценты подъ страхомъ *изгнанія* и конфискаціи продержалось во Франціи до революціи. Процентная ссуда „при какихъ бы то ни было условіяхъ и въ какомъ бы то ни было видѣ считалась лихоимствомъ" [6]). Постановленіе швабскаго зерцала гласитъ: „Воспрещается Богомъ, папой и императоромъ Карломъ всякому христіанину брать у другого христіанина ростъ—Gesuch, Wucher [7])

Первый законъ о недозволенности роста въ Англіи изданъ Эдуардомъ Исповѣдникомъ въ 1045 году [8]). Ричардъ I постановилъ: Christianum foeneratorem fieri prohibuit, aut quaecunque conventio-

---

[1]) Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. IV. S. 44, Anm.

[2]) Ротъ-Кауфманъ. Исторія банковъ. I, стр. 41.

[3]) Loc. cit.

[4]) Lecky. Geschichte der Aufklärung. S. 209. Anm. 1.

[5]) Loc. cit.

[6]) Schaeffner. Rechtsgeschichte. III. S. 268. Бэръ. Исторія всемірной торговли. II, стр. 69.

[7]) Zöpfl. Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. II. 2. Abth. (Stuttgart. 1847). S. 382. Anm. 13.

[8]) Roscher. S. 129. Anm.

nis occasione aliquid recipere ultra id, quod mutua concessit [1]). Въ 1341 году Эдуардомъ III снова воспрещено было взиманіе процентовъ, ибо „отъ нихъ гибнетъ торговля" [2]). Въ 1391 году нижняя палата рѣзко высказывалась противъ „позорнаго порока ростовщичества", и еще въ 1488 году всякое взиманіе процентовъ каралось пенею въ 20 ф. ст., выставленіемъ къ позорному столбу и полугодовымъ тюремнымъ заключеніемъ [3]). Въ Голландіи вплоть до 1657 года ростовщики не допускались къ причастію [4]), т. е. устранялись отъ религіозно-символическаго выраженія общности съ согражданами.

Одинъ изъ наиболѣе древнихъ памятниковъ русскаго законодательства „Законъ судный людемъ" въ свою очередь повторяетъ ветхозавѣтное постановленіе, воспрещающее взимать проценты: „Аще даси брату нищу взаимъ, говорится тамъ, не буди на нь нападая, ни за долги роста" [5]). Въ наиболѣе древней редакціи сборника русскаго обычнаго права, въ академическомъ спискѣ такъ-называемой „Русской Правды" нѣтъ и помина о процентахъ. Даже г. Владимірскій-Будановъ, который, какъ мы увидимъ ниже, допускаетъ существованіе узаконеннаго роста въ Россіи въ довольно раннія времена, признаетъ, что упоминаемыя въ 14 статьѣ этого списка 3 гривны за запирательство при взысканіи займа суть не проценты, а штрафъ. Тѣмъ не менѣе, проф. Аристовъ допускаетъ существованіе законодательныхъ правилъ о высотѣ роста уже въ XI вѣкѣ [6]). Если бы даже не было въ данномъ случаѣ прямыхъ доказательствъ, то уже по аналогіи съ другими народами нельзя было бы допустить существованіе законнаго дозволенія роста на той ступени культуры, на которой находились русскія племена въ XI вѣкѣ и даже въ болѣе позднія времена. По всѣмъ вѣроятіямъ, даже и тѣ русскіе публицисты, которые, во что бы то ни стало, отыскиваютъ „отличія" русскаго народа, не затруднятся отказать русскому народу въ незавидной чести представлять собою „unicum" среди всѣхъ народовъ по отношенію къ вопросу о дозволенности роста.

Изъ приведеннаго до сихъ поръ видно, что жизнь и нравы членовъ первобытныхъ общинъ, ихъ взаимныя отношенія отнюдь не допускаютъ возникновенія процентныхъ обязательствъ. Враждебное отношеніе всѣхъ законодательствъ, церковныхъ и свѣтскихъ, всѣхъ народовъ безъ исключенія къ подобнаго рода сдѣлкамъ, по

---

[1]) Lecky. S. 209. Anm. 1.

[2]) Roscher. S. 429. Anm. 3.

[3]) Loc. cit.

[4]) Idem. S. 438. Anm. 4.

[5]) Бѣляевъ. Лекціи по исторіи русскаго законодательства. Москва, 1879 Стр. 248.

[6]) Аристовъ, стр. 214.

чужеплеменники, и для нихъ такое занятіе считалось непредосудительнымъ, даже прямо дозволялось и разрѣшалось. Лѣтописецъ итальянскаго города Асти разсказываетъ слѣдующее: „Въ 1226 году граждане этого города начали давать деньги взаймы и заниматься денежными оборотами во Франціи и въ другихъ странахъ. Они нажили тамъ много денегъ, хотя также и немало пострадали лично и имущественно“ [1]). Для этой цѣли, равно какъ и для торговли, жители Асти и другихъ итальянскихъ городовъ въ послѣдніе вѣка средневѣковаго періода поселялись во всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ странахъ [2]). Заемные банки, устраиваемые итальянцами-флорентинцами, ломбардцами и другими въ разныхъ мѣстахъ, „никогда не брали менѣе 20%, а зачастую даже болѣе“ [3]). Одни флорентинскіе Медичи имѣли заемные банки въ 16 итальянскихъ городахъ [4]). Въ Вѣнѣ, Иглау и другихъ мѣстностяхъ чеканка монеты и завѣдываніе монетнымъ дѣломъ, связанное вездѣ съ заимодавчествомъ, передано было въ XIII вѣкѣ переселенцамъ изъ Фландріи (Flandrenses) [5]), причемъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ ростовщичество—„cambire et mercari“—предоставлено было флорентинцамъ, ломбардцамъ и евреямъ, т. е. отдавалось имъ на аренду, мѣстнымъ жителямъ запрещено было заниматься этимъ дѣломъ [6]). Весьма охотно дѣло монетное и заимодавческое отдавалось городскими общинами евреямъ, такъ какъ они были не только иноплеменники, но и нехристіане [7]). Впослѣдствіи и германское имперское законодательство дозволяло евреямъ, какъ иноплеменникамъ, взиманіе роста. Имъ позволялось брать 5%, „дабы и они могли найти себѣ средства пропитанія“ [8]). Во Франціи имъ предоставлено было въ 1360 году брать 86% [9]). Точно также и въ Англіи законъ, воспрещая христіанамъ „брать проценты или заниматься ростовщичествомъ“, не налагалъ никакихъ ограниченій на евреевъ [10]). То же право было предоставлено евреямъ въ кіевской Руси [11]). Въ сѣверной и сѣверовосточной Европѣ ростовщичествомъ занимались также и ганзейцы, поселявшіеся во многихъ городахъ

---

[1]) Ротъ-Кауфманъ, ibid. p. 45. Roscher. Grundlagen etc. S. 418. Anm. 2.
[2]) Roscher. Grundlagen etc. S. 417.
[3]) Бэръ, I, стр. 181. Roscher. Grundlagen. S. 409.
[4]) Wachsmuth. Allgemeine Kulturgeschichte. II. 1851. S. 290.
[5]) Maurer. Geschichte der Städteverfassung. Erlangen. II. 1870. S. 27.
[6]) Maurer, ibid. I. S. 305, 306.
[7]) Maurer, ibid. II. S. 29, 231.
[8]) Бэръ. Исторія всемірной торговли. II, стр. 68.
[9]) Roscher. Grundlagen etc. S. 432, Anm. 12.
[10]) Craik. History of Britisch Commerce. 1844. I, p. 113. Спенсеръ. Опис. соціол. Русскій перев., стр. 286.
[11]) Аристовъ, стр. 215.

для торговыхъ цѣлей [1]). Коверцы, занимавшіеся ростовщичествомъ въ прирейнскихъ городахъ, брали тамъ 60—70 процентовъ [2]).

Еще и въ настоящее время, повсюду, во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сходятся и сталкиваются два разныхъ племени, одно изъ нихъ неизбѣжно занимается обираніемъ другого всякими способами, между прочимъ, и посредствомъ ростовщичества, и такой образъ дѣйствія, такое третированіе иноплеменниковъ считается дозволительнымъ. Въ русской повременной литературѣ способность и желаніе наживаться и обогащаться насчетъ иноплеменниковъ считается специфическимъ свойствомъ еврейскаго племени и въ большинствѣ случаевъ приписывается однимъ только евреямъ.

Для того, чтобы показать неправильность этого принимаемаго почти всѣми на вѣру положенія, мы остановимся на двухъ изслѣдованіяхъ, касающихся интересующаго насъ предмета и напечатанныхъ почти одновременно. Въ статьѣ „Евреи-арендаторы въ черниговской губерніи", напечатанной въ 1878 г., г. Варзеръ изображаетъ отношеніе евреевъ-арендаторовъ къ мѣстному населенію весьма неприглядными красками. „Когда нужно что нибудь купить или достать „до зарѣзу", говоритъ тамъ г. Варзеръ, крестьянинъ находитъ у еврея все, хотя, конечно, за огромные проценты и цѣны; если въ нуждѣ надо что нибудь продать—еврей навѣрное купитъ и хлѣбъ, и коня, и вола, и курицу, и масло, хотя, конечно, все за баснословно низкую цѣну. Въ этой его торговой миссіи, при которой еврей въ селѣ захватываетъ въ свои руки сбытъ и куплю значительной части товаровъ села, заключается отчасти секретъ наживательства арендаторовъ" [3]). Всякія сдѣлки, разсказываетъ дальше г. Варзеръ, еврей арендаторъ заключаетъ съ крестьянами при помощи „водки" [4]). „Очень часто, говоритъ онъ, предлагая цѣну и даже хорошую цѣну, вы не найдете рабочихъ, но стоитъ дать имъ „порцію", которая дѣйствуетъ на крестьянъ съ какой-то магической, притягательной силой, и показать въ перспективѣ еще разъ ту же порцію, и они, какъ очарованные, сами идутъ въ руки къ еврею" [5]).

Не нужно далеко идти, чтобы найти совершенно и безусловно однородные факты въ той же Россіи, причемъ элементомъ эксплуатирующимъ и обирающимъ по силѣ возможности окажутся отнюдь не евреи.

Въ статьѣ г-жи Ефименко о „юридическихъ обычаяхъ лопарей,

---

[1]) Roscher. Grundlagen. S. 417.
[2]) Roscher, ibid. 409, 410. Anm. 2.
[3]) «Отечественныя записки», октябрь 1878 г., стр. 184, 185.
[4]) Ibid. Стр. 189.
[5]) Ibid. Стр. 195.

чужеплеменники, и для нихъ такое занятіе считалось непредосудительнымъ, даже прямо дозволялось и разрѣшалось. Лѣтописецъ итальянскаго города Асти разсказываетъ слѣдующее: „Въ 1226 году граждане этого города начали давать деньги взаймы и заниматься денежными оборотами во Франціи и въ другихъ странахъ. Они нажили тамъ много денегъ, хотя также и немало пострадали лично и имущественно“ [1]). Для этой цѣли, равно какъ и для торговли, жители Асти и другихъ итальянскихъ городовъ въ послѣдніе вѣка средневѣковаго періода поселялись во всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ странахъ [2]). Заемные банки, устраиваемые итальянцами-флорентинцами, ломбардцами и другими въ разныхъ мѣстахъ, „никогда не брали менѣе 20%, а зачастую даже болѣе“ [3]). Одни флорентинскіе Медичи имѣли заемные банки въ 16 итальянскихъ городахъ [4]). Въ Вѣнѣ, Иглау и другихъ мѣстностяхъ чеканка монеты и завѣдываніе монетнымъ дѣломъ, связанное вездѣ съ заимодавчествомъ, передано было въ XIII вѣкѣ переселенцамъ изъ Фландріи (Flandrenses) [5]), причемъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ ростовщичество—„cambire et mercari“—предоставлено было флорентинцамъ, ломбардцамъ и евреямъ, т. е. отдавалось имъ на аренду, мѣстнымъ жителямъ запрещено было заниматься этимъ дѣломъ [6]). Весьма охотно дѣло монетное и заимодавческое отдавалось городскими общинами евреямъ, такъ какъ они были не только иноплеменники, но и нехристіане [7]). Впослѣдствіи и германское имперское законодательство дозволяло евреямъ, какъ иноплеменникамъ, взиманіе роста. Имъ позволялось брать 5%, „дабы и они могли найти себѣ средства пропитанія“ [8]). Во Франціи имъ предоставлено было въ 1360 году брать 86% [9]). Точно также и въ Англіи законъ, воспрещая христіанамъ „брать проценты или заниматься ростовщичествомъ“, не налагалъ никакихъ ограниченій на евреевъ [10]). То же право было предоставлено евреямъ въ кіевской Руси [11]). Въ сѣверной и сѣверовосточной Европѣ ростовщичествомъ занимались также и ганзейцы, поселявшіеся во многихъ городахъ

---

[1]) Ротъ-Кауфманъ, ibid. p. 45. Roscher. Grundlagen etc. S. 418. Anm. 2.
[2]) Roscher. Grundlagen etc. S. 417.
[3]) Бэръ, I, стр. 181. Roscher. Grundlagen. S. 409.
[4]) Wachsmuth. Allgemeine Kulturgeschichte. II. 1851. S. 290.
[5]) Maurer. Geschichte der Städteverfassung. Erlangen. II. 1870. S. 27.
[6]) Maurer, ibid. I. S. 305, 306.
[7]) Maurer, ibid. II. S. 29, 231.
[8]) Бэръ. Исторія всемірной торговли. II, стр. 68.
[9]) Roscher. Grundlagen etc. S. 432, Anm. 12.
[10]) Craik. History of Britisch Commerce. 1844. I, p. 113. Спенсеръ. Опис. соціол. Русскій перев., стр. 286.
[11]) Аристовъ, стр. 215.

для торговыхъ цѣлей [1]). Коверцы, занимавшіеся ростовщичествомъ въ прирейнскихъ городахъ, брали тамъ 60—70 процентовъ [2]).

Еще и въ настоящее время, повсюду, во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сходятся и сталкиваются два разныхъ племени, одно изъ нихъ неизбѣжно занимается обираніемъ другого всякими способами, между прочимъ, и посредствомъ ростовщичества, и такой образъ дѣйствія, такое третированіе иноплеменниковъ считается дозволительнымъ. Въ русской повременной литературѣ способность и желаніе наживаться и обогащаться насчетъ иноплеменниковъ считается специфическимъ свойствомъ еврейскаго племени и въ большинствѣ случаевъ приписывается однимъ только евреямъ.

Для того, чтобы показать неправильность этого принимаемаго почти всѣми на вѣру положенія, мы остановимся на двухъ изслѣдованіяхъ, касающихся интересующаго насъ предмета и напечатанныхъ почти одновременно. Въ статьѣ „Евреи-арендаторы въ черниговской губерніи", напечатанной въ 1878 г., г. Варзеръ изображаетъ отношеніе евреевъ-арендаторовъ къ мѣстному населенію весьма неприглядными красками. „Когда нужно что нибудь купить или достать „до зарѣзу", говоритъ тамъ г. Варзеръ, крестьянинъ находитъ у еврея все, хотя, конечно, за огромные проценты и цѣны; если въ нуждѣ надо что нибудь продать—еврей навѣрное купитъ и хлѣбъ, и коня, и вола, и курицу, и масло, хотя, конечно, все за баснословно низкую цѣну. Въ этой его торговой миссіи, при которой еврей въ селѣ захватываетъ въ свои руки сбытъ и куплю значительной части товаровъ села, заключается отчасти секретъ наживательства арендаторовъ" [3]). Всякія сдѣлки, разсказываетъ дальше г. Варзеръ, еврей арендаторъ заключаетъ съ крестьянами при помощи „водки" [4]). „Очень часто, говоритъ онъ, предлагая цѣну и даже хорошую цѣну, вы не найдете рабочихъ, но стоитъ дать имъ „порцію", которая дѣйствуетъ на крестьянъ съ какой-то магической, притягательной силой, и показать въ перспективѣ еще разъ ту же порцію, и они, какъ очарованные, сами идутъ въ руки къ еврею" [5]).

Не нужно далеко идти, чтобы найти совершенно и безусловно однородные факты въ той же Россіи, причемъ элементомъ эксплуатирующимъ и обирающимъ по силѣ возможности окажутся отнюдь не евреи.

Въ статьѣ г-жи Ефименко о „юридическихъ обычаяхъ лопарей,

---

[1]) Roscher. Grundlagen. S. 417.
[2]) Roscher, ibid. 409, 410. Anm. 2.
[3]) «Отечественныя записки», октябрь 1878 г., стр. 184, 185.
[4]) Ibid. Стр. 189.
[5]) Ibid. Стр. 195.

кореловъ и самоѣдовъ Архангельской губерніи", напечатанной въ томъ же 1878 г., мы находимъ полную и обстоятельную характеристику отношенія сосѣднихъ русскихъ купцовъ и крестьянъ къ этимъ народностямъ. Посмотримъ на фактическія данныя, приводимыя г-жею Ефименко. „Главное достояніе лопарскихъ обществъ, цитируетъ она изъ статьи, составленной на основаніи оффиціальныхъ донесеній, составляютъ обильныя рыбныя ловли, преимущественно семги, въ устьяхъ многочисленныхъ рѣкъ Мурманскаго берега... Рыбныя ловли, принадлежащія лопарскимъ обществамъ, эксплоатируются двоякимъ способомъ: или онѣ *сдаются ими въ аренду* кольскимъ и поморскимъ капиталистамъ, или сами они занимаются ловлею рыбы и затѣмъ весь уловъ *продаютъ тѣмъ же капиталистамъ*". Отношенія эти на практикѣ „сложились въ безвыходную для лопарей кабальную зависимость отъ кольскихъ и поморскихъ торговцевъ. Пользуясь обстоятельствами, они захватили въ свои руки снабженіе лопарей предметами продовольствія, а также орудіями рыбной ловли, солью, порохомъ и вообще всѣмъ, что требуется въ неприхотливомъ быту инородца... Вслѣдствіе такого порядка, мало по малу лопари превратились въ неоплатныхъ должниковъ кольскимъ и поморскимъ торговцамъ, а потому и *все достояніе лопарей и весь трудъ ихъ поступили въ полное распоряженіе этихъ торговцевъ*" [1]). И здѣсь отношенія междру русскими и лопарями, прибыльныя для однихъ и гибельныя для другихъ, устанавливаются съ помощью той же пресловутой *водки*. „Такъ какъ лопари, говоритъ г-жа Ефименко, имѣютъ сильное пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, то никакое заключеніе договора и сдѣлки не обходится у нихъ безъ вина; оно играетъ видную роль при всякихъ подрядахъ, продажахъ и покупкахъ". Такимъ „пристрастіемъ лопарей къ завершенію дѣлъ виномъ пользуются русскіе промышленники для своихъ выгодъ; лишняя чарка водки часто рѣшаетъ дѣло въ ущербъ лопарю". [2]) Такъ какъ конкурренція между русскими купцами, приходящими въ соприкосновеніе съ лопарями, могла бы отчасти служить къ выгодѣ послѣднихъ, то русскіе купцы во многихъ мѣстахъ добровольно согласились не конкуррировать другъ съ другомъ, не мѣшать другъ другу въ обираніи лопарей. „Такъ, напримѣръ, лопари всей сѣверо-западной части Кольскаго полуострова... находились издавна въ кабалѣ *у двухъ* кольскихъ купцовъ, у которыхъ забирали и деньги для уплаты повинностей, и все необходимое, отдавая имъ за то всѣ свои промыслы по цѣнамъ, произвольно назначаемымъ этими купцами.

---

[1]) Сборникъ обычнаго права. Спб., 1878. I, отд. 2. стр. 41.
[2]) Ibid, стр. 35—36. См. также Максимовъ. Годъ на сѣверѣ, стр. 212.

Послѣдніе такъ безцеремонно относятся къ лопарямъ, что *подѣлили между собою ихъ погосты*, чтобы не мѣшать другъ другу въ *эксплоатаціи лапарей*. Попавъ разъ въ руки эксплоататоровъ, лопари уже не могутъ болѣе отъ нихъ освободиться, если на выручку не явится какой нибудь счастливый случай" [1]). Такимъ образомъ, на сѣверѣ и на югѣ, въ Черниговской и Архангельской губерніяхъ, мы встрѣчаемъ совершенно однородныя явленія. Картина отношеній между евреями и малорусскими крестьянами, съ одной стороны, и между русскими и лопарями, съ другой стороны, поражаетъ своимъ сходствомъ. Для характера самыхъ явленій, очевидно, совершенно безразлично, принадлежатъ ли дѣйствующія лица къ той или другой національности, играютъ ли въ нихъ роль евреи и малоросы, или русскіе и лопари. Специфическая принадлежность къ той или другой національности—это случайный или внѣшній признакъ, который не оказываетъ никакого вліянія на суть дѣла. Для того, чтобы получился извѣстный результатъ, нужно только, чтобы сошлись двѣ народности, изъ которыхъ одна сколько-нибудь интеллигентнѣе другой. Еще съ большею рельефностью справедливость мысли, которую мы здѣсь высказываемъ, выступаетъ въ отношеніяхъ ижемцевъ, а также русскихъ купцовъ и крестьянъ къ самоѣдамъ, обстоятельно изображенныхъ г-жею Ефименко. „Рыболовство, говоритъ г-жа Ефименко, могло бы служить очень важнымъ подспорьемъ въ самоѣдскомъ хозяйствѣ, если бы самоѣды были въ состояніи извлекать всѣ выгоды изъ множества рыбныхъ озеръ и рѣкъ, которыми изобилуетъ тундра. Но на самомъ дѣлѣ выходитъ не такъ; всѣми выгодами пользуются *зыряне и русскіе*. Они отбили у самоѣдовъ всѣ промысловыя мѣста, обзавелись нужными снастями и спарядами, которыхъ негдѣ взять бѣдному самоѣдину, и промышляютъ рыбу все лучшее время года, не подпуская самоѣдовъ; эти послѣдніе выжидаютъ для ловли осени, когда зыряне и русскіе возвращаются домой въ свои поселенія, и тогда начинаютъ ловить, если есть необходимые спаряды или удалось взять ихъ въ ссуду у русскихъ и ижемцевъ за часть улова". Такія явленія происходятъ среди большеземельскихъ самоѣдовъ. „Еще больше стѣснены въ рыбныхъ промыслахъ канинскіе и тиманскіе, такъ какъ мезенскіе крестьяне и мѣщане поселились при самыхъ выгодныхъ промысловыхъ мѣстахъ и совсѣмъ оттѣснили самоѣдовъ отъ пользованія ими [2]). Выгодными промыслами морскихъ звѣрей самоѣды, въ свою очередь, „занимаются мало, такъ какъ русскіе заняли всѣ лучшія промысловыя мѣста, какъ на канинскомъ и тиманскомъ бе-

---

[1]) Сборникъ обычн. пр., I отд., 2 стр. 39.
[2]) Ibid. стр. 168.

регахъ, такъ и около югорскаго шара; русскіе берутъ самоѣдовъ въ рабочіе, какъ отважныхъ и искусныхъ охотниковъ, но разумѣется, тогда всѣ выгоды промысловъ переходятъ въ руки русскихъ. То же бываетъ, когда самоѣды промышляютъ и самостоятельно; какъ бы ни была велика ихъ добыча, они все-таки должны сбыть ее русскимъ кулакамъ за безцѣнокъ, и притомъ не на деньги, а на товаръ" [1]). Въ дальнѣйшей части своего труда Ефименко объясняетъ, почему и вслѣдствіе какихъ причинъ торговый обмѣнъ съ русскими и ижемцами оказывается столь невыгоднымъ для самоѣдовъ. „Сдѣлки, разсказываетъ она, заключаются всегда съ помощью водки, такъ что самоѣды въ большинствѣ случаевъ, совершаютъ ихъ съ отуманенными головами" [2]). Водкой дѣйствуютъ на самоѣдовъ и ижемцы-зыряне, и русскіе пустозеры, и сосѣдніе русскіе крестьяне. Такъ: „самоѣды канинской тундры забираютъ" необходимые для нихъ продукты „большею частью у *крестьянъ* деревни Семжи весною. Осенью крестьяне-кредиторы, съ пустыми и наполненными виномъ бочками, являются за уплатою, *спаиваютъ самоѣдовъ* и потомъ предъявляютъ свои долги, собираемые мясомъ и шкурами оленей, которыхъ тутъ же и убиваютъ, разумѣется, двумя или тремя болѣе, чѣмъ значится по счету, и наполняютъ мясомъ пустыя бочки. Такимъ образомъ, крестьяне получаютъ двойной барышъ: во-первыхъ, отъ того, что за взятый самоѣдомъ товаръ они ставятъ гораздо болѣе его стоимости, а во-вторыхъ, что болѣе бьютъ оленей, чѣмъ слѣдовало бы по счету" [3]).

Въ дополненіе къ приведеннымъ даннымъ не можемъ не привести здѣсь выдержки изъ одной новѣйшей характеристики взаимныхъ отношеній русскихъ и инородцевъ въ Березовскомъ округѣ, тобольской губерніи. („Русск. Вѣд." 1887 г. № 175). „Существуетъ, говорится тамъ, одно громадное зло, немало вліяющее на увеличеніе смертности населенія и экономическую сторону его жизни; зло это—водка или, вѣрнѣе, тотъ видъ торговли водкой, который укоренился здѣсь со временъ князя Трубецкаго. Торговля водкой приняла въ послѣднее время эпидемическій характеръ. Все безъ исключенія русское населеніе отдалось наживѣ, вслѣдствіе чего самый край превратился какъ бы въ страну, отданную на разграбленіе непріятелю. Зло дошло до ужасающихъ размѣровъ. Въ Обдорскъ и Сургутъ, во время январской ярмарки, продолжающейся цѣлый мѣсяцъ, съѣзжается нѣсколько тысячъ инородцевъ. Тутъ производится торговля пушнымъ товаромъ, рухлядью,

[1]) Ibid, стр. 168—169.
[2]) Ibid, стр. 200.
[3]) Ibid, стр. 203—204.

рыбой, водкой и проч. Нынче на одну обдорскую ярмарку одной пушнины было привезено на 100 т. руб. и почти столько же привозится ея въ Сургутъ. Покупателями на этихъ ярмаркахъ, кромѣ мѣстныхъ торговцевъ, являются тобольскіе, тюменскіе и березовскіе купцы. Сдѣлка съ инородцами производится всегда съ помощью „кабацкаго зелья". Многіе изъ березовскихъ жителей, бывшіе казаки, ѣдутъ въ Обдорскъ съ исключительной цѣлью—поторговать водкой, ибо такая торговля, при отсутствіи постояннаго акцизнаго надзора, производящаяся почти открыто, даетъ баснословные барыши—отъ 3 до 7 р. на рубль. Да и не мудрено: бутылка водки, крѣпостью въ 10°, стоитъ 1 р. и доходитъ иногда до 2 р., а при обмѣнѣ на товаръ цѣна ея возвышается до 3-хъ руб.; часто такую водку приходится рубить топоромъ и (глызами) льдинами продавать остякамъ. Ужъ если березовскій житель, бывшій казакъ, лѣнивый по привычкѣ и не любящій дѣлать большихъ передвиженій, пускается въ Обдорскъ за 500 верстъ отъ насиженнаго мѣста и платитъ тамъ 10, 15 и 20 руб. за квартиру въ мѣсяцъ, то можете судить о тѣхъ барышахъ, какіе даетъ ему торговля разсуропленной водкой, въ которую для крѣпости кладется синій купоросъ, мухоморы, дурманъ и прочія наркотическія вещества".

Такіе же факты обиранія одного племени другимъ, такую же эксплоатацію нужды и невѣжества, и притомъ въ совершенно тождественныхъ формахъ, мы встрѣчаемъ въ настоящее время и въ Индіи. Изъ массы данныхъ, приведенныхъ въ статьѣ г-жи Найтингель объ этомъ предметѣ, мы можемъ воспользоваться только нѣкоторыми. Заимодавцами въ индійскихъ сельскихъ общинахъ являются чужеплеменные марвари и гезеры [1]). Заимодавцы одновременно и сельскіе кабатчики, и торговцы. Безъ опьяняющихъ напитковъ никакая сдѣлка съ крестьянами, конечно, не обходится" [2]). 36, 40, 50, 60 и даже 100, 200, 300 процентовъ,—это такая же обыкновенная вещь во внутренней Индіи, какъ 4, 6 и 10 процентовъ въ Англіи. Гораздо меньше нужно опасаться завоеванія Индіи Россіею, чѣмъ завоеванія и покоренія той же Индіи ростовщиками" [3]). Самая обыденная вещь, что хлѣбъ, ссужаемый на посѣвъ и возвращаемый во время жатвы, приноситъ 10% барыша [4]). И сколько сдѣлокъ, столько же надувательствъ; сколько земледѣльцевъ, столько разоренныхъ [5]). Приводимые въ

[1]) Nightingale. Peeple of India. Ninteenth Century. August, 1878, p. 202.
[2]) Loc. cit.
[3]) Idem., p. 204.
[4]) Idem., p. 202.
[5]) Idem., p. 214.

отчаяніе крестьяне нерѣдко мстятъ ростовщикамъ пожарами, а иной разъ и убійствами [1]). Все хуже и хуже съ каждымъ годомъ становится деморализація обоихъ народовъ и того, который занимаетъ деньги, и того, кто даетъ ихъ взаймы [2]).

Въ pendant ко всему сказанному приведемъ и тотъ фактъ, что въ Триполисѣ пришлое населеніе состоитъ изъ христіанъ-европейцевъ и евреевъ. И тѣ, и другіе занимаются тамъ ростовщичествомъ, и тѣ и другіе берутъ у мѣстнаго населенія—арабовъ по 5% въ мѣсяцъ и не меньше 2% [3]).

Ремесло ростовщика находилось и находится, такимъ образомъ, первоначально повсюду въ рукахъ иноплеменниковъ. Но рядомъ и одновременно съ этими иноземными ростовщиками являются, однако, уже на раннихъ ступеняхъ культуры ростовщики и изъ другого слоя населенія, изъ среды духовенства.

Выше [4]) мы указали, что на тѣхъ нейтральныхъ пунктахъ, гдѣ производился торговый обмѣнъ между сосѣдними племенными общинами, возникали церкви и монастыри. Вотъ почему въ жизни всѣхъ народовъ пилигримство къ святымъ мѣстамъ связано съ торговымъ дѣломъ, съ рынками, съ ярмарками или, какъ выражается арабская поговорка, „торговля тѣсно связана, неотдѣлима отъ религіи и вѣры“ [5]). Но разъ вѣра была тѣсно связана съ торговымъ рынкомъ, то понятно, что и служители вѣры, духовныя лица, жрецы и монахи должны были принимать дѣятельное участіе въ торговыхъ и денежныхъ оборотахъ. Сосѣдство и близость къ тому мѣсту, гдѣ разыгрывались страсти людскія, гдѣ изощрялись способности людскія въ дѣлѣ надувательства, должны были вовлечь въ это дѣло и тѣхъ, которые выдѣлялись изъ общинъ для служенія небу. Они роковымъ образомъ стали служить мамонѣ. Вмѣстѣ съ иноземными людьми они первые начинаютъ обирать приходящихъ къ нимъ на богомолье и поклоненіе, превращаютъ обязательство взаимной помощи въ возмездное, процентное обязательство, въ дѣло, приносящее крупный доходъ. Въ Греціи самымъ стариннымъ банковымъ учрежденіемъ былъ храмъ [6]). Изъ найденнаго въ Афинахъ Тайлоромъ одного изъ отчетовъ дельфійскаго храма видно, что храмъ отдавалъ изъ своей казны деньги взаймы городскимъ общинамъ и отдѣльнымъ лицамъ и взималъ за это

---

[1]) Idem., p. 207, 209, 212.

[2]) Idem., p. 211.

[3]) Roscher. Grundlagen der Nationaloeckonomie. S. 423.

[4]) Стр. 209.

[5]) Kisselbach. S. 207.

[6]) Ротъ-Кауфманъ. Исторія банковъ. I, стр. 7. Newton. The Religion of the Greeks etc. Ninteenth Century. June 1878, p. 1033.

проценты [1]). Въ западной Европѣ духовенство, начиная съ епископовъ, и монастыри весьма усердно и открыто занимались отдачей денегъ въ ростъ [2]). Въ виду этого, вселенскіе соборы IV вѣка и позднѣйшихъ внушаютъ имъ щадить христіанскія души и не заниматься этимъ позорнымъ дѣломъ [3]).

Въ Россіи духовенство и монастыри, въ свою очередь, занимались „торговлей и давали деньги въ ростъ" [4]). Въ поученіи митрополита Петра, возстающаго противъ этого обычая, говорится: „А который игуменъ или попъ, или чернецъ, торговалъ прежде сего или серебро давали въ рѣзы (въ ростъ)" и т. д. [5]) Новгородскій владыка Нифонтъ, жившій въ XII столѣтіи, говоритъ въ отвѣтъ на вопросы Корика: „Если попъ не перестанетъ давать въ ростъ, скажи, что ему недостойно служить" [6]). Съ особенною силою раздаются въ Россіи протесты духовенства противъ ростовщичества, рѣзоимства въ XIV вѣкѣ, въ періодъ татарскаго ига, но именно въ это время, какъ говоритъ проф. Аристовъ, „игумены и попы соблазнялись легкой наживой и отдавали сребро свое въ рѣзы" [7]).

Съ теченіемъ времени отдача денегъ въ ростъ получаетъ право гражданства въ каждой странѣ и производится уже не только иностранцами и духовенствомъ. На смѣну этимъ пришлымъ ростовщикамъ являются ростовщики изъ нѣдръ самихъ общинъ, собственные, самородные ростовщики. Это измѣненіе тѣмъ легче могло совершаться, что племенная обособленность исчезала, каждая племенная община смѣшивалась съ другими, на мѣсто племенныхъ общинъ возникали обширныя государства. Невозможно было различать между своимъ и чужимъ, и то, что прежде допускалось только по отношенію къ „чужимъ", стало допускаться и по отношенію къ „своимъ". Мы уже видѣли, что въ Римѣ, въ позднѣйшія времена, сами римскіе граждане подъ маской „латиновъ" стали заниматься отдачей денегъ въ ростъ. Въ концѣ XI вѣка и въ европейскихъ странахъ ростовщичество стало занятіемъ мѣстныхъ жителей. Созванный папой Александромъ III третій помѣстный соборъ (латеранскій) въ 1179 году уже жаловался на то, что ростовщичество развилось повсюду въ страшныхъ размѣрахъ [8])

---

[1]) Ротъ-Кауфманъ. I, стр. 10. Newton, ibid., p. 1037.
[2]) Hüllmann. Städtewesen S. 36 и сл.
[3]) Roscher. Grundlagen. S. 229. Anm. 1.
[4]) Аристовъ. Промышленность въ древней Руси. Стр. 218.
[5]) Idem., стр. 208, пр. 651.
[6]) Idem., стр. 217.
[7]) Idem., стр. 220.
[8]) Lecky. Geschichte der Aufklärung. S. 209.

Въ Линдау доморощенные ростовщики изъ граждань города брали неимовѣрную сумму процентовъ: $216^{2}/_{3}$% со ста [1]). Въ Цюрихѣ обычнымъ процентомъ мѣстныхъ ростовщиковъ было $43^{1}/_{3}$% [2]). Для того, чтобы уменьшить высоту процента, взимавшагося мѣстными гражданами—флорентинскими ростовщиками, флорентинцы пригласили евреевъ, причемъ послѣдніе обѣщали имъ не требовать больше 20% [3]). Въ резолюціи вѣнской гофкамеръ отъ 1617 года мы читаемъ: „Оказывается, что евреи для насъ гораздо болѣе полезны и сноснѣе въ дѣлѣ торговаго оборота, чѣмъ наши собственные сограждане—христіане. Ибо стало теперь всѣмъ извѣстнымъ, что въ среду купцовъ и лавочниковъ нашихъ согражданъ проникло великое ростовщичье живодерство, отъ котораго всякій безъ исключенія, какъ принадлежащій къ высшимъ сословіямъ, такъ и принадлежащій къ низшимъ, терпитъ разореніе и притѣсненіе“ [4]). Эти данныя отнюдь не покажутся намъ странными, если мы сопоставимъ ихъ съ данными, произведенными въ Россіи весьма точнымъ наблюдателемъ г. Варзеромъ, не относящимся съ особеннымъ благоволеніемъ къ евреямъ, какъ можно было видѣть изъ приведенной выше выписки. Вотъ что говоритъ г. Варзеръ, на основаніи собственныхъ наблюденій, о мѣстныхъ сельскихъ ростовщикахъ, выходящихъ изъ среды крестьянскаго же населенія, о такъ называемыхъ „богатыряхъ“. „Нашъ сельскій богатырь, говоритъ онъ, это вещь еще болѣе вредная, чѣмъ пресловутый жидъ“. Онъ, по народному выраженію, хоть и „хрещеный, а хуже жида“, безжалостнѣе въ дѣлѣ алчности къ наживѣ; его также ненавидятъ... какъ и еврея... Это тотъ же еврей, съ прибавкой крайней жестокости, высокомѣрія и знанія „своего брата мужика“, что даетъ ему возможность еще сильнѣе эксплоатировать его“ [5]). Какъ видно изъ данныхъ, приводимыхъ В. Семевскимъ въ одномъ изъ его изслѣдованій о крестьянахъ XVIII вѣка, міроѣдство появилось уже въ этомъ вѣкѣ среди крестьянскаго населенія. Оно сильно было развито на сѣверѣ европейской Россіи, а въ Сибири оно достигало уже и тогда „страшныхъ размѣровъ“ [6]). Объ одномъ изъ такихъ міроѣдовъ, крестьянинѣ заводскаго вѣдомства Новиковѣ, г. Семевскій приводитъ подробныя свѣдѣнія. Онъ жилъ „въ исходѣ XVIII и и первой четверти XIX столѣтія въ

---

[1]) Бэръ. I, стр. 126.
[2]) Loc. cit.
[3]) Roscher. Grundlagen etc. S. 409.
[4]) Hüllmann. Städtewesen II. S. 56, 62.
[5]) «Отечественныя Записки». Октябрь 1878 г. Стр. 203.
[6]) Семевскій Казенные крестьяне при Екатеринѣ II. «Русская Старина» 1879, т. XXIV, стр. 265.

кузнецкомъ округѣ верхне-томской волости въ деревнѣ Березовой" и занимался въ обширныхъ размѣрахъ хлѣбопашествомъ и торговлей скотомъ. „Крестьяне находились въ полной экономической зависимости" отъ него; „будучи постоянно у него въ долгу, они почти не осмѣливались продавать свои хлѣбъ и скотъ въ другія руки: все везлось къ нему и сдавалось прикащикамъ, а цѣны за принятый товаръ безапелляціонно назначалъ самъ Новиковъ [1])

Для того, чтобы изъ среды крестьянъ какой-либо деревни могъ появиться „богатырь", кулакъ, міроѣдъ, необходимо, конечно, чтобы солидарность членовъ общины рушилась, чтобы „принципъ взаимной помощи, который, какъ мы видѣли выше, составляетъ основу общинной жизни у всѣхъ народовъ, исчезъ изъ сознанія сообщинниковъ. Выражаясь словами, сказанными нами выше, необходимо, чтобы община „раскололась на семьи", чтобы „интересы семьи получили въ умѣ и чувствѣ отдѣльнаго человѣка больше значенія, чѣмъ интересы всей общины". Эти „обособленныя семейныя группы все еще сохраняютъ внѣшнюю связь, но только внѣшнюю".

Какъ видно изъ наблюденій Глѣба Успенскаго, такой подготовительный процессъ дѣйствительно совершился уже среди крестьянскаго населенія русскихъ деревень. „Первое, говоритъ онъ, что бросается въ глаза при наблюденіи надъ современными деревенскими порядками—это почти полное отсутствіе нравственной связи между членами деревенской общины" [2]). Каждый крестьянскій домъ, каждая крестьянская семья представляетъ для сосѣднихъ крестьянскихъ семей той же общины нѣчто въ родѣ „необитаемаго острова". Всѣ эти острова населены жителями, дѣйствующими и смотрящами на жизнь только во имя *своихъ собственныхъ* заботъ" и личныхъ интересовъ [3]).

По статистическимъ даннымъ, составленнымъ Г. П. Сазоновымъ на основаніи записей, сдѣланныхъ въ волостныхъ книгахъ сдѣлокъ и договоровъ по опочецкому уѣзду псковской губерніи, оказывается, что изъ числа 1905 деревенскихъ ростовщиковъ 1,630 составляютъ коестьяне, т. е. 82% общаго числа [4]). Цыфра эта, даже если не принимать во вниманіе нотаріальныхъ свѣдѣній о долговыхъ сдѣлкахъ, конечно не маленькая и свидѣтельствуетъ о глубокомъ внутреннемъ разложеніи крестьянскихъ общинъ. Надо думать, что если бы однородныя данныя были собраны по другимъ

[1]) Idem, стр. 264, 265.

[2]) Изъ деревенскаго дневника, «Отечественныя Записки» 1878 г. сентябрь, стр. 12.

[3]) Ibid., стр. 14.

[4]) Сазоновъ. Народный кредитъ и ростовщичество. «Сѣверный Вѣстникъ» 1887, апрѣль, стр. 131.

уѣздамъ и губерніямъ, то этотъ фактъ и тамъ выступилъ бы во всемъ краснорѣчіи громадныхъ цифръ.

Принципъ солидарности и „взаимной помощи" существовалъ въ средніе вѣка и въ западно-европейскихъ сельскихъ и городскихъ общинахъ [1]), какъ онъ существуетъ еще у современныхъ первобытныхъ народовъ. Члены одной и той же общины оказывали и обязаны были оказывать другъ другу помощь и защиту. Во Франціи это право и обязанность каждаго члена на помощь сосѣдей носило названіе vicinagium—право и обязанность сосѣдства [2]). При этомъ не только члены общины обязаны были заботиться другъ о другѣ, но и вся община, какъ цѣлое, о каждомъ изъ своихъ членовъ [3]). При такомъ строѣ городскихъ и сельскихъ общинъ немыслимо было, конечно, появленіе профессіональныхъ ростовщиковъ изъ среды самаго населенія. Вотъ почему монетное, мѣняльное и заимодавческое дѣло предоставлялось, какъ мы видѣли, въ городахъ только пришлымъ людямъ, немѣстному элементу. Но, подъ вліяніемъ условій жизни, принципъ взаимной помощи все болѣе и болѣе вытѣсняется. Положить душу „за други своя", заботиться и пещись о другихъ—оказывается непосильнымъ дѣломъ и излишнею роскошью для горожанъ. Культъ семейныхъ пенатовъ, заботы о матеріальномъ достаткѣ для одной только семьи, для собственной семьи, становится на первый планъ. Такъ какъ ростовщичествомъ можно разжиться, то этимъ ремесломъ перестаютъ гнушаться, оно становится выгоднымъ средствомъ для снискиванія пропитанія. Во Франкфуртѣ на Майнѣ торговля размѣномъ, связанная съ отдачей денегъ взаймы, была уступлена въ 1403 году городскимъ совѣтомъ нѣсколькимъ купцамъ—гражданамъ того же города [4]). Еще гораздо раньше, а именно въ XII и XIII вѣкахъ, жители Аугсбурга, Любека, Гамбурга, Ахена и нѣкоторыхъ другихъ, стали заниматься тѣмъ же дѣломъ на собственной же родинѣ [5]). Въ Англіи Ричардъ Корнваллійскій получаетъ монополію заемнаго дѣла въ XIII вѣкѣ [6]). О появленіи ростовщиковъ въ русскихъ городахъ изъ среды русскаго же населенія, въ XIII вѣкѣ мы узнаемъ изъ сказанія о Щиловѣ монастырѣ. „Бѣ нѣкій посадникъ, говорится тамъ, именемъ Щилъ, имѣя у себя сына единаго, бѣ бо богатъ зѣло, и многимъ даяше сребро свое

---

[1]) Maurer. Einleitung S. 161. Его-же. Geschichte der Städteverf. II, стр. 816.

[2]) Maurer. Einleitung S. 161.

[3]) Maurer. Geschichte der Städteverfassung. II. S. 826.

[4]) Maurer. Geschichte der Städteverf. I. S. 308.

[5]) Loc. cit.

[6]) Roscher. Grundlagen etc. S. 432.

въ лихву: взимаше на годъ по деньгѣ, на новгородскій рубль новгородскую деньгу, и оттого собра много" [1]). Т. е., Щилъ бралъ 20% со ста. Такой же процентъ, отъ 17 до 20, мѣстные русскіе ростовщики брали въ послѣдующіе вѣка, въ XIV, XV и XVI. „Какъ въ людяхъ идетъ, на пять шестой" [2]). При отдачѣ хлѣба въ ссуду въ грамотѣ 1549 года прописывается слѣдующее условіе: „А ростъ намъ давати на четыре пятое зерно". Это соотвѣтствовало ходячему денежному росту, т. е. съ хлѣба брали также 20%" [3]).

Разъ въ жизни утвердилось „лихоиманіе", за нимъ должно было послѣдовать и законодательство. Въ различныхъ странахъ стали дозволять взиманіе роста не только иностранцамъ, но и всякимъ заимодавцамъ [4]). Для того, чтобы обойти каноническія запрещенія относительно взиманія процентовъ было введено въ началѣ XIV вѣка различіе между ростомъ и лихвой—Wucher und Zins [5]). Лефевръ, учитель Людовика XIII, разсказывая объ этомъ нововведеніи, произведенномъ въ его время, прибавляетъ: „C'est là proprement ce qu'on peut appeler l'art de chicaner avec Dieu" [6]). Дозволенный законодательствами ростъ, однако, не соотвѣтствовалъ тому росту, который взимался въ дѣйствительной жизни, не соотвѣтствовалъ ходячему росту. Законы вплоть до новѣйшаго времени только освящали самое существованіе роста, но отнюдь не освящали и не допускали современныхъ имъ размѣровъ роста. Росту все еще отводился весьма ограниченный районъ законодательствомъ, въ то время, какъ въ жизни предѣлы его господства были неограниченны. Дозволявшійся законодательствами ростъ, повторяемъ, отнюдь не можетъ быть показателемъ дѣйствительной цѣны кредита. *Максимумъ* процента, допускавшійся законами, *былъ въ сущности минимумомъ* того процента, который въ дѣйствительной жизни взимался, меньше котораго нельзя было дать за ссуду при наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Законный максимумъ, такъ называемый указный процентъ, свидѣтельствуетъ, слѣдовательно, только о дѣйствительномъ минимумѣ процентовъ въ данномъ обществѣ. Въ Даніи въ 1554 году дозволено взиманіе роста въ 5%. „Хотя такое дѣйствіе, говорится въ упомянутомъ законоположеніи, противно божескимъ повелѣніямъ, тѣмъ не менѣе эта торговля уже не можетъ быть уничтожена" [7]). Въ Англіи, въ царствованіе Генриха VIII, „въ 1546

---

[1]) Аристовъ. Промышленность древней Руси, стр. 217, прим. 678.
[2]) Idem., стр. 217.
[3]) Idem., стр. 218.
[4]) Wachsmuth. Allgemeine Kulturgeschichte. III. S. 293.
[5]) Lecky. Geschichte der Aufkärung. S. 211.
[6]) Idem. S. 211. Anm.
[7]) Roscher. Grundlagen etc. S. 420. Anm. 9.

году былъ изданъ важный парламентскій актъ относительно ростовщичества... озаглавленный „Актъ противъ ростовщичества"; онъ въ дѣйствительности отмѣнялъ всѣ прежніе законы противъ отдачи и взятія денегъ взаймы на проценты и дозволялъ взиманіе 10% въ годъ" [1]). Въ 1624 году высшая законная норма процента была уменьшена съ 10 на 8%. Послѣдняя норма существовала до 1657 года, когда она снова была уменьшена парламентомъ на 6% [2]). При королевѣ Аннѣ указный процентъ снова пониженъ былъ до 5%. Изданный въ ея царствованіе „законъ о лихоимствѣ установилъ, чтобы договоры о займахъ, по которымъ назначенъ ростъ свыше 5%, почитались лихоимными и недѣйствительными [3]). Въ Германіи законное разрѣшеніе брать проценты является въ XVII столѣтіи. Для того, чтобы дать возможность населенію, разоренному 30-лѣтнею войною, доставать деньги въ кредитъ, рѣшеніемъ имперскаго сейма въ 1654 году дозволено было брать не свыше 5% [4]).

Въ Австріи, при Маріи Терезіи, патентомъ 16 апрѣля 1751 года, дозволено было 5%, а въ крайнихъ случаяхъ 6%. Взиманіе болѣе высокаго роста считалось лихоимствомъ, которое подлежало наказанію [5]). При Іосифѣ II въ 1787 году норма процентовъ была понижена до 4%, причемъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволялось брать 5% [6]).

Въ Россіи норма процентовъ устанавливается впервые въ началѣ XVIII вѣка, при Петрѣ II, и притомъ не въ видѣ вознагражденія за пользованіе чужимъ капиталомъ, а въ видѣ *штрафа* за просрочку при уплатѣ долга, т. е., разрѣшается брать по 6% „съ тѣхъ, кто не уплатитъ въ срокъ занятыхъ денегъ" [7]). Но уже въ уставѣ государственныхъ банковъ половины XVIII вѣка, а именно 1754 года, процентъ признается вознагражденіемъ за ссуду. Въ уставѣ этомъ опредѣляется, что банки производятъ ссуды по 6%, причемъ тамъ же разрѣшается и „частнымъ лицамъ условливаться между собою о взиманіи процентовъ, но не свыше тѣхъ же 6% на сто, „дабы во всемъ государствѣ одинъ процентъ стоять могъ." [8]). При Екатеринѣ II въ 1786 году норма процента была понижена

---

[1]) Craik. Hist. of Brit. Comm. I, p. 223. Спенсеръ. Опис. соц., стр. 51, 287.
[2]) Craik., ibid. II p. 66. Спенсеръ, ibid., стр. 287.
[3]) Бэръ. II, стр. 69.
[4]) Lette. Staatslexicon von Rotteck und Welcker. B. XIV. Aufl. 3, подъ словомъ Wucher. S. 691.
[5]) Бэръ. II, стр. 68–69.
[6]) Idem., II, стр. 69.
[7]) А. Л—въ. Вольный процентъ. «Вѣстникъ Европы» 1879. Мартъ, стр. 237.
[8]) Idem., стр. 328.

до 5 и объявлено, что „всякимъ образомъ емлемый ростъ выше пяти процентовъ“ долженъ быть почитаемъ лихвою и наказывается лишеніемъ всего капитала, отданнаго въ лихвенный ростъ“, но при Александрѣ I, въ 1808 году, это постановленіе отмѣнено и возстановленъ первоначальный указный ростъ въ 6% [1]).

На основаніи постановленій „Русской Правды“, въ русской исторической литературѣ допускается существованіе указнаго роста въ Россіи гораздо раньше XVIII, а именно въ XII, XIII и слѣдующіе вѣка. Такимъ указнымъ ростомъ, освященнымъ законодательною властью, считается 20%. Допускать освященіе роста русскимъ законодательствомъ, и притомъ въ достаточно высокой цифрѣ, на весьма раннихъ ступеняхъ культуры, мы считаемъ невозможнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ то время, какъ первобытные памятники законодательства будто бы заключаютъ въ себѣ законодательное дозволеніе и освященіе высокой нормы роста, болѣе поздніе законодательные акты рѣшительно и безусловно воспрещаютъ всякое взиманіе роста. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 года опредѣляется, „что въ случаѣ иска заемныхъ денегъ, должно требовать съ должника одну „истину“ (исто), т. е. капиталъ, а „роста“, т. е. процентовъ, не править, „потому что по правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ росту на заемныя деньги имати не велѣно [2]). И какъ мы видѣли выше, иное отношеніе къ вопросу о взиманіи роста явилось въ Россіи только въ XVIII вѣкѣ. Было бы насмѣшкой надъ теоріей развитія, если бы послѣ нѣсколькихъ вѣковъ законодательнаго освященія роста, и притомъ въ громадномъ 20% размѣрѣ, сразу явилось полное воспрещеніе его безъ всякихъ переходныхъ и промежуточныхъ ступеней развитія. Теорія развитія находитъ полное примѣненіе въ области общественныхъ явленій, точно такъ же, какъ и въ области явленій внѣшней природы. Теорія развитія допускаетъ, конечно, возможность возрожденія старинныхъ, древнихъ институтовъ въ наиболѣе первобытной формѣ на позднихъ ступеняхъ культуры. На основаніи этой теоріи, можно, слѣдовательно, допустить и возрожденіе первобытныхъ постановленій о недозволенности роста въ XVII вѣкѣ послѣ длиннаго, многовѣковаго періода терпимости по отношенію къ этому институту. Но упроченіе возродившагося учрежденія въ жизни возможно, согласно той же теоріи развитія, только тогда, когда вмѣстѣ съ возрожденіемъ постановленій о недозволенности роста, возстановлены были бы и тѣ условія, при которыхъ такія

[1]) Loc. cit.

[2]) Уложеніе. Глава X, ст. 255. А. Л—въ, ibid., стр. 327. Бѣляевъ. Лекціи. стр. 560.

постановленія могутъ имѣть силу. Т. е. произошло бы одновременно возрожденіе общиннаго быта со всѣми его принадлежностями, исчезъ бы торговый оборотъ и т. д., и т. д. Разъ при Алексѣѣ Михайловичѣ такого обновленія не произошло, возрожденіе постановленій о ростѣ могло быть только временной, минутной вспышкой догорающаго огня.

Такое временное возрожденіе стариннаго института, возвращеніе къ первобытному состоянію, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, въ Англіи. Послѣ того, какъ въ 1546 году при Генрихѣ VIII, былъ установленъ указный ростъ, при Эдуардѣ VI воспрещается всякое взиманіе процента, но этотъ запретъ просуществовалъ только до 1571 года, когда снова установленъ былъ въ Англіи уже навсегда указный ростъ [1]). Постановленія о недозволенности роста, заключающіяся въ Уложеніи 1649 года, отнюдь не являются временной вспышкой, общественной реверсіей. Они сохраняютъ свою силу очень долго. Очевидно, такимъ образомъ, что постановленія Уложенія суть не внезапно воскресшія старинныя постановленія, а традиціонный институтъ, переходившій преемственно безъ перерывовъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ вѣка въ вѣкъ и уступившій напору и давленію новыхъ условій впервые лишь въ XVIII вѣкѣ.

На основаніи той же теоріи развитія, законодательное освященіе ходячаго 20% роста въ XII вѣкѣ немыслимо послѣ того, какъ въ XI вѣкѣ возбранялось всякое взиманіе роста. Это тѣмъ болѣе трудно допустить, что голоса противъ взиманія роста не переставали раздаваться еще и въ XV вѣкѣ. Въ посланіи митрополита Фотія къ псковскому духовенству мы читаемъ: „Земледѣлецъ, снявши колосъ, полагаетъ сѣмена опять въ землю; а заимодавецъ получаетъ и плоды, и отданное имъ взаймы; онъ сѣетъ безъ земли и жнетъ, не сѣявши; такъ какой же это плодъ, который самъ собою родится?“ [2]).

Законодательныя постановленія, санкціонируя существованіе роста, санкціонируютъ, какъ мы видѣли выше, минимумъ ходячаго роста, подъ видомъ максимума. Такъ дѣлаетъ и русское законодательство XVIII вѣка, принимая 6% за максимумъ. Ростъ, о которомъ говорится въ пространныхъ редакціяхъ „Русской Правдѣ“ вполнѣ соотвѣтствуетъ существовавшему въ дѣйствительной жизни росту въ 20% (см. выше). Отсюда уже можно заключить, что правила о ростѣ „Русской Правды“ никоимъ образомъ не могутъ считаться законодательными опредѣленіями о нормѣ роста. Ни въ Псковской грамотѣ, ни въ позднѣйшихъ законодательныхъ памят-

---

[1]) Бэръ. II, стр 69. Roscher. Grundlagen S. Anm. 9.

[2]) А. Л—въ, ibid., стр. 336—337.

никахъ о 20% ростѣ не упоминается и никакого максимума въ такомъ или иномъ видѣ не опредѣляется. Въ Псковской судной грамотѣ упоминается только о „гостинцахъ", напоминающихъ, очевидно, обычныя въ Малороссіи „басаринки", т. е. что-то въ родѣ благодарности за заемъ; упоминается также, что эти гостинцы вносились въ долговыя записи, слѣдовательно, были заранѣе условленнымъ обязательныхъ подаркомъ заимодавцу [1]). Само собою понятно, что законодательнаго опредѣленія о стоимости подарка, хотя бы онъ и практиковался при займѣ, быть не могло. Онъ могъ опредѣляться только обычаемъ. Въ статьяхъ пространной Русской Правды о рѣзахъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху, въ свою очередь, упоминается о 20% ростѣ [2]). Но такое опредѣленіе роста, по догадкѣ, кажущейся мнѣ основательною, вызвано было предшествовавшимъ этому факту обираніемъ кіевлянъ поселившимися тамъ евреями [3]). 20% ростъ дозволялся общественною властью, по всей вѣроятности, только иноплеменникамъ, какъ это дѣлалось во всѣхъ европейскихъ странахъ, но не туземцамъ.

Я, впрочемъ, не берусь примирить всѣхъ странныхъ, на мой взглядъ, правилъ пространныхъ редакцій Русской Правды съ выставленнымъ мною положеніемъ, которое я считаю незыблемымъ, такъ какъ оно основано на массѣ однообразныхъ фактовъ изъ жизни другихъ народовъ. Да и помимо опредѣленій о ростѣ, въ Русской Правдѣ есть правила, которыя не только не могутъ считаться законодательными опредѣленіями, но и обычными нормами, такъ какъ онѣ рѣшительно не соотвѣтствовали условіямъ жизни народной массы въ тѣ отдаленныя времена и не совпадаютъ съ тѣми обычными нормами, которыя, какъ наслѣдіе давно минувшихъ временъ, сохранились еще въ настоящее время среди низшихъ классовъ народа. Я не вижу также, признаться, внутренней органической связи между Русской Правдой и судебниками ни по формѣ выраженія, ни по содержанію опредѣленій. А между тѣмъ консервативность наиболѣе раннихъ законодательныхъ памятниковъ есть общепризнанная черта. Трудно думать, чтобъ судебники могли такъ рѣзко отличаться отъ Русской Правды, если бы опредѣленія Русской Правды были когда либо живымъ, дѣйствующимъ правомъ, примѣнялись въ жизни, служили руководствомъ для рѣшенія частныхъ случаевъ. Трудность рѣшенія вопроса о значеніи Русской Правды, о той роли, какую играли въ жизни ея опредѣленія, нисколько не облегчится, если мы признаемъ, что многія изъ этихъ опредѣленій

[1]) Псковская судн. грам., ст. 73, 74.
[2]) Русская Пр. (карамзинскій списокъ), ст. 66, 67.
[3]) Аристовъ, стр. 215. Бѣляевъ, стр. 249.

заимствованы изъ византійскаго права [1]). Фактъ этотъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, но при этомъ все таки остается, въ виду указанныхъ выше соображеній, неразрѣшеннымъ вопросъ, гдѣ, въ какихъ областяхъ Россіи, въ какихъ слояхъ населенія дѣйствовали правила, содержащіяся въ этомъ памятникѣ, и могутъ ли онѣ вообще считаться дѣйствовавшими? Не здѣсь мѣсто развивать эти положенія и если я счелъ нужнымъ ихъ высказать, то лишь для того, чтобы напомнить изслѣдователямъ, считающимъ себя обязанными руководствоваться буквою памятника, что есть нѣчто высшее, чѣмъ памятникъ, а именно условія народной жизни въ данномъ историческомъ періодѣ и что, слѣдовательно, только тогда можно полагаться на показанія, даваемыя памятникомъ, когда онѣ совпадаютъ съ этими условіями. Вопросъ о соотношеніи между Русской Правдой и народной жизнью въ XI, XII и XIII в. и въ частномъ случаѣ между опредѣленіями ея о ростѣ, если не признавать ихъ относящимися къ иноземцамъ, и обычаями, господствовавшими въ то время, во всякомъ случаѣ долженъ считаться открытымъ. Нѣтъ поэтому основанія видѣть въ дозволеніи роста въ XII в. въ Россіи „важной черты для экономической исторіи Россіи", какъ это дѣлаетъ г. Владимірскій-Будановъ [2]). Какъ мы уже указали выше, ростовщичество съ теченіемъ времени становится ремесломъ не только иноплеменниковъ, но и туземцевъ, причемъ они взимаютъ не менѣе и даже болѣе жестокіе проценты, чѣмъ иностранцы. Но массой народной такой образъ дѣйствія соплеменниковъ разсматривается весьма долго, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, какъ злоупотребленіе—abusus, а отнюдь не какъ дозволенный порядокъ вещей—usus. Законодательство всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ поэтому только на очень позднихъ ступеняхъ культуры освящаетъ взиманіе процента и притомъ въ самомъ низшемъ размѣрѣ. Разъ законодательная власть рѣшается освятить взиманіе процентовъ болѣе высшихъ размѣровъ, она вовсе не упоминаетъ въ своихъ постановленіяхъ о высшемъ размѣрѣ роста,—она прямо отмѣняетъ самыя постановленія объ указномъ ростѣ, предоставляя частнымъ лицамъ договариваться о размѣрѣ процентовъ по заключаемымъ ими займамъ. Начиная съ 1854 года, такого рода отмѣна законовъ о ростѣ произошла послѣдовательно впервые въ Англіи, а затѣмъ въ Даніи, Голландіи, Норвергіи, Швеціи, Бельгіи и другихъ странахъ [3]). Въ Пруссіи и Сѣверо-Германскомъ союзѣ отмѣна произведена въ 1867 году [4]). Наконецъ, въ Россіи отмѣна

[1]) Сергѣевичъ. Лекціи по исторіи русскаго права, стр. 176
[2]) Христоматія, выпускъ 1, стр. 52, прим. 75.
[3]) Roscher. Grundlagen. S. 438.
[4]) Loc. cit.

постановленій объ указномъ ростѣ произошла въ мартѣ 1879 года. Въ изданномъ по этому предмету узаконеніи опредѣленіе размѣра роста „предоставляется взаимному соглашенію договаривающихся сторонъ". То есть, въ Россіи, какъ и во всѣхъ европейскихъ странахъ, объявлена „свобода" роста.

Заемныя обязательства впервые возникли между членами различныхъ племенныхъ общинъ,—ростовщичество создано было, благодаря междуплеменнымъ сношеніямъ. Это положеніе мы выставили и иллюстрировали фактическими данными. Послѣдствія займа, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь переходимъ, вполнѣ подтверждаютъ это положеніе. Въ виду солидарности, господствовавшей между всѣми членами первобытной общины, въ виду, того, что интересы отдѣльнаго члена ея не отдѣлялись отъ интересовъ остальныхъ, враждебныя отношенія между отдѣльными членами различныхъ племенныхъ общинъ должны были отражаться на судьбѣ цѣлой общины, неизбѣжно должны были вовлечь, втянуть всѣхъ сообщинниковъ той и другой стороны во взаимныя столкновенія. Мы встрѣчаемъ, поэтому, на первобытныхъ ступеняхъ культуры у всѣхъ народовъ, такъ называемый институтъ солидарной, коллективной отвѣтственности всѣхъ сообщинниковъ, какъ за долги, такъ и за преступленія, т. е. за вредъ, нанесенный какимъ бы то ни было образомъ члену другой общины. Обыкновенно принимаютъ, что солидарная отвѣтственность въ указанныхъ случаяхъ распространялась только на членовъ семьи, что отвѣтственною коллективною группою являлась на первобытныхъ ступеняхъ культуры только семья. Современные изслѣдователи, привыкши видѣть солидарность и тѣсную связь только между родственниками, между лицами, связанными происхожденіемъ отъ одного общаго родоначальника, переносятъ эти представленія на первобытные періоды соціальной жизни, видятъ въ связи семейной, въ родственныхъ узахъ, единственныя узы, могущія объединять цѣлую группу лицъ. Мы увидимъ сейчасъ, что это не такъ,—что данныя, на которыхъ это положеніе будто бы основано, отнюдь не говорятъ въ его пользу, что эти данныя рѣшительно не допускаютъ такого обобщенія и, напротивъ, неизбѣжно приводятъ къ тому заключенію, что первоначальною формою общежитія была племенная община, отнюдь притомъ не разбитая на семьи,—что такимъ образомъ отвѣтственною коллективною группою и за долги была вся община, причемъ о родственной связи не справлялись и не могли справляться.

Разсматривая институтъ коллективной отвѣтственности за долги и преступныя дѣянія у африканскихъ народовъ, Вайцъ, подобно другимъ изслѣдователямъ, объясняетъ его тѣснымъ единеніемъ всѣхъ членовъ семьи и господствомъ *патріархальнаго принципа*, ко-

торый, будто бы, лежитъ у всѣхъ этихъ народовъ въ основѣ всѣхъ общественныхъ отношеній. Только вслѣдствіе того, говоритъ онъ, „что цѣлое племя или *цѣлый народъ* разсматривается, какъ *одно* большое семейство, стало возможнымъ, чтобы кредиторъ, для полученія удовлетворенія, обращался *не только къ родственнику должника, но и къ любому изъ его земляковъ*, могъ бы ограбить и для возмѣщенія нанесенныхъ ему убытковъ отсылать его къ неисправному должнику. Такой образъ дѣйствія употребителенъ у мандинговъ въ Сіерра-Леоне, на мысѣ Лагу на Слоновомъ берегу, въ Конго, на Золотомъ берегу и въ Видахѣ... Весьма легко сообразить, до чего доводитъ это конфискованіе чужой собственности, которое тянется длиннымъ рядомъ, переходя отъ одного на другого. И въ Габунѣ, тотъ, у котораго убѣжала купленная имъ жена, обращаетъ отвѣтственность на любого земляка, за что родственники жены обязаны вознаградить его. При долговыхъ претензіяхъ и даже въ случаѣ убійства совершается то же самое: пострадавшій обращаетъ отвѣтственность на непричастное дѣлу лицо, — этотъ послѣдній, въ свою очередь, отыскиваетъ убытки и вредъ на другихъ и т. д., пока споръ не становится всеобщимъ и не найдется кто нибудь, кто затѣетъ порядкомъ дѣло, созоветъ вѣче (Palaber), предложитъ на его рѣшеніе часто весьма запутанное дѣло и послѣ продолжительныхъ и безцѣльныхъ переговоровъ о безчисленномъ количествѣ возникшихъ претензій на вознагражденіе возстановится, наконецъ, спокойствіе“ [1]).

Уже одно это данное Вайцемъ изображеніе коллективной отвѣтственности, существующей у многихъ африканскихъ народовъ, показываетъ, что „единеніе членовъ семьи“ и „патріархальный принципъ“ тутъ не причемъ. Коллективная отвѣтственность, какъ мы могли видѣть изъ сопоставленныхъ Вайцемъ данныхъ, отнюдь не постигаетъ исключительно членовъ семьи и ихъ однихъ только. Здѣсь очевидно ни члены семьи, ни глава семьи, не играютъ той роли въ дѣлѣ отвѣтственности, которая по недоразумѣнію приписывается имъ Вайцемъ и другими изслѣдователями архаическаго періода жизни человѣчества. Отвѣтственность постигаетъ всякаго *земляка*, вредъ и убытокъ вымѣщается на первомъ попавшемся *землякѣ*. Дѣло идетъ здѣсь, слѣдовательно, вовсе не о родственныхъ связяхъ, а о солидарности цѣлой общественной группы, о солидарности лицъ, отнюдь не связанныхъ кровнымъ родствомъ, что составляетъ существенную черту большой или малой семьи. Такимъ образомъ, тѣ данныя, которыя приведены Вайцемъ, показываютъ, что сдѣланный имъ выводъ о мнимой патріархальности

[1]) Waitz. II. S. 154—155.

отнюдь не обязателенъ для насъ. Онѣ показываютъ, что у африканскихъ народовъ существуетъ конечно, коллективная отвѣтственность, но такимъ *коллективнымъ лицомъ* отнюдь не является та группа лицъ, которая обозначается словомъ „семья".

Извѣстный англійскій юристъ Мэнъ, въ свою очередь, считаетъ семейную группу тѣмъ коллективнымъ лицомъ, которое является отвѣтственнымъ по древнимъ законодательствамъ. Но и у него выводъ вовсе не основанъ на фактахъ, извлеченныхъ имъ изъ древнихъ кодексовъ, какъ это можно видѣть изъ приведеннаго у него перечисленія лицъ, оказывающихся отвѣтственными. Вмѣстѣ съ даннымъ индивидомъ, говоритъ Мэнъ, „и нерѣдко за него терпѣли его дѣти, родственники, *люди, принадлежащіе къ одному колѣну съ нимъ, или даже сограждане*" [1]). Такимъ образомъ, по словамъ самого Мэна, рядомъ съ дѣтьми и родственниками и вмѣстѣ съ ними являются отвѣтственными за преступныя дѣянія „люди одного колѣна и даже сограждане", иначе земляки, какъ это мы видѣли и у Вайца. Ясно опять таки, что коллективно-отвѣтственною вовсе не является одна семейная группа и коллективная отвѣтственность не есть проявленіе семейно-родовой связи, патріархальнаго принципа. Оно есть проявленіе солидарности между членами одной и той же общественной группы, тѣсной связи, существующей между ними, единенія сообщинниковъ, но отнюдь не тѣхъ только, которые связаны кровнымъ родствомъ.

Еще въ XIII вѣкѣ во многихъ нѣмецкихъ городахъ за долгъ горожанина можно было арестовывать и задерживать *земляковъ* (Landsleute) должника, неудовлетворившаго претензіи своего кредитора. Такой образъ дѣйствія, по словамъ Маурера, находитъ свое основаніе и объясненіе въ коллективной отвѣтственности за долги и преступленія, лежавшей съ самыхъ раннихъ временъ на всей общинѣ [2]).

Съ теченіемъ времени, однако, единая и нераздѣльная племенная община, какъ мы уже указали выше, [3]) несомнѣнно распадается на семейныя группы, Коллективная отвѣтственность за долги и преступленія, распространявшаяся первоначально на всѣхъ сообщинниковъ, начинаетъ ограничиваться и съуживаться. Отвѣтственность начинаетъ простираться лишь на членовъ обособленной группы, лишь на тотъ болѣе узкій кругъ лицъ, который связанъ узами родства. Для того, чтобы избавиться отъ послѣдствій междуплеменной вражды, община сама весьма охотно сваливаетъ отвѣтственность съ себя на болѣе тѣсный семейный кругъ.

[1]) Мэнъ. Древнее право. Русск. пер., стр. 100.
[2]) Maurer. Geschichte der Städteverfassung. II. S. 826.
[3]) Стр. 45 и 245.

Если и не у всѣхъ африканскихъ народовъ, какъ думаетъ Вайцъ, то во всякомъ случаѣ у нѣкоторыхъ изъ нихъ, коллективная отвѣтственность ограничивается уже одною только семьею. На Золотомъ берегу, гдѣ общины, благодаря сношеніямъ съ европейцами, потерпѣли значительныя измѣненія, несостоятельный должникъ попадаетъ въ рабство къ кредитору вмѣстѣ съ семействомъ [1]). Должникъ, умершій въ кабалѣ, въ неволѣ, за долгъ, не можетъ быть похороненъ и бросается на съѣденіе животнымъ, для того, чтобы побудить родственниковъ къ выкупу [2]). Точно также солидарная отвѣтственность всей семьи существуетъ и среди жителей малайскаго архипелага. Вмѣстѣ съ несостоятельнымъ должникомъ и за него попадаетъ въ долговое рабство и семейство его [3]).

Остатки коллективной отвѣтственности семьи мы находимъ въ средніе вѣка. По болонскому городскому праву за несостоятельнаго должника отвѣчали и его братья, которые жили съ нимъ до того, какъ стали самостоятельными хозяевами [4]). По флорентинскимъ законамъ, отецъ и дѣдъ безусловно были отвѣтственны за долги сына и внука, если онъ производилъ какой-либо промыселъ съ ихъ согласія [5]).

Въ Россіи еще по уложенію Алексѣя Михайловича за долги мужей и отцовъ отвѣчали жены и дѣти [6]).

Солидарную отвѣтственность всѣхъ членовъ семьи за долги мы встрѣчаемъ и въ настоящее время среди русскаго крестьянскаго населенія. Этотъ институтъ, по которому „долгъ, сдѣланный однимъ изъ членовъ семьи, падаетъ на всю семью", находитъ въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ слѣдующее объясненіе: „Предполагается, если не доказано противное, что заемъ сдѣланъ былъ на общія потребности семьи" [7]).

Дальнѣйшая индивидуализація общества, которая на болѣе позднихъ ступеняхъ культуры совершается у всѣхъ народовъ Европы, приводитъ, наконецъ, къ индивидуальной, личной отвѣтственности за долги.

Такимъ образомъ, ходъ развитія отвѣтственности за долги, между прочимъ, доказываетъ и подтверждаетъ положеніе, выстав-

---

[1]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker. II. S. 154.

[2]) Idem. II. S. 145.

[3]) Waitz. V. Abth. 1. S. 143.

[4]) Roscher. Grundlagen S. 187. Anm. 5.

[5]) Loc. cit.

[6]) Уложеніе 1649 гл. X, ст. 204, 207 и др. Костомаровъ. Историческія монографіи. Спб. 1872. II стр. 220.

[7]) Труды комиссіи о волостныхъ судахъ Т. I, стр. 733, 795, 742. Т. II, стр. 104. Т. III, стр. 37. Оршанскій. Изслѣдованія по обычному и брачному праву. Народный судъ и народное право, стр. 69, 103.

ленное нами выше, а именно: что родовой, патріархальный бытъ отнюдь не предшествовалъ общинно-племенному быту, что община не образовалась изъ союза семей. Напротивъ, въ исторіи человѣчества происходитъ совершенно обратное явленіе. Изъ состава первобытной общины все болѣе и болѣе выдѣляются большія семьи—роды, которые въ свою очередь распадаются, между прочимъ, благодаря *семейнымъ раздѣламъ*, на меньшія семьи. Впослѣдствіи интересы членовъ и этихъ семейныхъ группъ точно также все болѣе обособляются и дробятся. Этотъ процессъ совершается въ европейскихъ обществахъ на нашихъ глазахъ. Это тотъ же путь развитія, какимъ, какъ мы видѣли, шло и развитіе отвѣтственности за долги. На первобытныхъ ступеняхъ культуры коллективно-отвѣтственною группою является община. Впослѣдствіи отвѣтственность за долги падаетъ только на членовъ рода. Еще дальше—и коллективно-отвѣтственною группою становится семья, состоящая изъ обоихъ супруговъ и дѣтей. Наконецъ, въ настоящее время единичное лицо съ его отдѣльнымъ имуществомъ являются тѣми объектами, на которыя можетъ быть направлено взысканіе за долги.

На то, что заемъ возникъ первоначально въ почвѣ междуплеменной, всего болѣе указываетъ характеръ отношеній между кредиторомъ и должникомъ, или такъ называемые способы взысканія долговъ. Это были отношенія враговъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются, конечно, истязанія, производившіяся повсюду надъ должниками въ той или другой формѣ, между прочимъ, заключеніе въ тюрьму и рабство за долги.

Нѣсколько образчиковъ изъ жизни и нравовъ первобытныхъ народовъ будутъ достаточны для того, чтобы объяснить происхожденіе жестокихъ истязаній, которымъ кредиторы подвергаютъ должниковъ, оказавшихся несостоятельными и становящихся, такимъ образомъ, добычей ихъ.

По разсказамъ путешественниковъ, разрубаніе и *разрѣзываніе на куски* враговъ весьма частое явленіе у негровъ [1]). У американскихъ ирокезовъ обычный способъ истязанія иноплеменника, забраннаго въ плѣнъ, заключался въ слѣдующемъ: плѣнника привязывали къ столбу, вокругъ котораго клали хворостъ и разводили огонь. Окружавшая толпа прижигала тѣло плѣнника горячимъ желѣзомъ и *отрывала у него куски мяса,* пока онъ былъ еще въ живыхъ [2]).

Очевидно, послѣ этого, что право, представленное въ Римѣ кредитору: убить должника, а въ случаѣ стеченія нѣсколькихъ

---

[1]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker. II. S. 165.
[2]) Waitz, III. S. 156.

долговыхъ требованій: разрубить его на части—in partes secare, что это право, въ свою очередь, есть не что иное, какъ обычный способъ обращенія съ плѣнникомъ, что оно возникло именно вслѣдствіе того, что кредиторъ и должникъ первоначально были иноплеменниками, т. е. врагами.

Какъ выражается Момзенъ, то, что Шекспировскій герой Шейлокъ требуетъ у своего смертельнаго врага, отчасти серьезно, отчасти въ насмѣшку, то совершенно серьезно предоставляется кредитору первобытнымъ римскимъ законодательствомъ [1]). Право истязанія предоставляютъ кредиторамъ и другія первобытныя законодательства. По первобытному германскому праву, кредиторъ имѣлъ право убить должника—stöcken und blöcken [2]). Норвежскій законъ позволяетъ кредитору, если должникъ не хочетъ отработать своего долга и не будетъ никѣмъ выкупленъ, привести его въ судъ и „отрѣзать, отрубить у него, что̀ захочетъ, сверху или снизу"—von ihm zu hauen, was er will, oben oder unten [3]).

Въ теченіе исторической жизни народовъ характеръ истязаній, которымъ подвергали должниковъ, значительно измѣнился. Вмѣсто убійства и отрубанія кусковъ тѣла, которое вело, конечно, къ тому же результату, появляются муки и истязанія другаго рода, гораздо медленнѣе ведущія къ той же цѣли.

Образчики такихъ истязаній представляетъ намъ римская исторія. Во время консульства Аппія Клавдія (около 449 г. до Р. Х.), по словамъ одного историческаго сказанія, изъ долговой темницы убѣжалъ старикъ. Въ грязныхъ лохмотьяхъ, блѣдный и голодный, обросшій волосами и съ всклокоченной бородой онъ взывалъ о помощи, указывая на кровавые знаки безчеловѣчныхъ истязаній, нанесенныхъ ему кредиторомъ, и прося объ избавленіи отъ тюрьмы и оковъ, которымъ его подвергали изъ-за долговъ [4]). Въ средневѣковыхъ городскихъ обществахъ кредиторы точно также имѣли право держать своихъ должниковъ арестованными до уплаты долга. Съ этою цѣлью каждый кредиторъ имѣлъ право устраивать въ своемъ собственномъ домѣ темницу, гдѣ онъ и содержалъ своихъ узниковъ [5]). Въ Винтертурѣ такое задержаніе должника въ частной тюрьмѣ называлось: принять его въ гости—zu Gast nehmen [6]). Въ другихъ мѣстахъ задержаніе должника носило названія, болѣе

---

[1]) Mommsen. Römische Geschichte. I. S. 153.
[2]) Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer. S. 612 и сл. Sachsenspiegel. III, 39. Roscher. Grundlagen etc. S. 186.
[3]) Dahlmann. Dänische Geschichte. II, 245. 339. Grimm, l. c. Roscher, l. c.
[4]) Titus Livius. II, 23. Mommsen. Römische Geschichte. I. S. 269.
[5]) Maurer. Geschichte der Städteverfassung. III. S. 614. 615.
[6]) Idem., III. S. 613. 616.

соотвѣтствовавшія характеру такихъ дѣйствій, а именно: плѣненіе, нападеніе и т. д. [1]). Въ Моравіи дозволялось запрятать должника въ частную тюрьму, держать его въ цѣпяхъ, причемъ давать ему столько хлѣба, сколько можно было купить за динаръ, и двѣ кружки воды [2]). Такое же право предоставлялось кредитору въ Польшѣ [3]).

Съ теченіемъ времени тюрьмы въ частныхъ домахъ исчезаютъ и появляются тюрьмы какъ общественное учрежденіе. Вмѣстѣ съ этимъ и личное задержаніе въ тюрьмахъ за долги принимаетъ характеръ общественнаго наказанія. Эта форма истязанія должника, временное лишеніе его свободы, просуществовала въ Европѣ до новѣйшаго времени. Во Франціи, Англіи, Австріи оно уничтожено въ 1867 году, въ Сѣверо-Германскомъ союзѣ—въ 1868 году [4]). Въ Россіи оно отмѣнено одновременно съ уничтоженіемъ указнаго роста, въ мартѣ 1879 года.

Въ Россіи излюбленною формою истязанія должника былъ „правежъ", обычай, по которому неоплатнаго должника, въ опредѣленное время, всенародно били палками по ногамъ, чтобы истребовать лежащій на немъ долгъ. „А на которыхъ людяхъ въ мѣсяцъ въ надлежащее правежу время, исцова иска доправити не можно, и тѣхъ людей выдавать головою исцамъ до искупу," говорится въ приговорѣ Іоанна Грознаго отъ 15-го мая 1558 года [5]). Съ должникомъ и въ Россіи, слѣдовательно, обращались, какъ съ забраннымъ въ плѣнъ врагомъ. Его предавали истязанію, а затѣмъ отдавали въ рабство. Еще рѣзче отношенія между кредиторомъ и должникомъ, какъ между врагами, выступаютъ въ Уложеніи Алексѣя Михайловича 1649 года. Уложеніе повелѣваетъ бить должника „на правежѣ безо всякой пощады; *не для того, что на немъ тѣ достальныя деньги взять*, для того, чтобы, на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать" [6]).

Такимъ образомъ, въ Уложеніи на первомъ планѣ вовсе не стоитъ взысканіе долговъ. Правежъ употребляется не для того, чтобы „достальныя деньги взять", а только для того, чтобы помучить человѣка. Долгъ является только необходимымъ и ближайшимъ предлогомъ для производства истязаній. При взысканіи правительственныхъ долговъ—недоимокъ, точно также употреблялся

---

[1]) Idem., III. S. 615.

[2]) Maceiowsky. Slavische Rechtsgeschichte. II. S. 297.

[3]) Idem., IV. S. 535.

[4]) Roscher. Grundlagen. S. 190. Anm. 6.

[5]) Бѣляевъ. Лекціи, стр. 560. См., между прочимъ, и Судебные уставы съ разсужденіями государственной канцеляріи. Прим. къ ст. 1237 уст. гр. судопр.

[6]) Уложеніе 1649 г., глава X. ст. 133.

правежъ. „Въ 1618 году бѣлозерскій воевода, получившій выговоръ за небреженіе къ собранію поборовъ съ посадскихъ людей, *правилъ нещадно и побивалъ на смерть*" [1]). Варіанты правежа при взысканіи долговъ казны мы встрѣчаемъ и въ болѣе позднія времена. Въ 1739 году за то, что недоимки помѣщичьихъ крестьянъ *не были внесены въ срокъ*, повелѣно было приказчиковъ и старостъ „по учиненіи жестокаго наказанія *кнутомъ и вырѣзанія ноздрей*, ссылать въ каторжную работу" [2]). Вообще за какую бы то ни было провинность, ведущую къ неуплатѣ долговъ, указъ этотъ грозитъ жестокимъ наказаніемъ и „разореніемъ" [3]), т. е. сама власть еще относится къ несостоятельному должнику, какъ къ непріятелю, какъ къ врагу, считая возможнымъ заниматься дѣломъ, совершенно нецѣлесообразнымъ для полученія долга: разореніемъ имущества должника.

Остатки наиболѣе первобытныхъ отношеній кредиторовъ къ несостоятельнымъ должникамъ мы встрѣчаемъ, какъ обычай, въ весьма недавнее время, въ 1862 году, въ Малороссіи. „У южноруссовъ, „разсказываетъ одинъ мировой посредникъ," существуетъ обычай „править" и „грабувать". Долгъ правится до тѣхъ поръ, пока должникъ не уплатитъ его деньгами, тою вещью, какую онъ взялъ, или пока онъ не пойдетъ на соглашеніе о замѣнѣ одной вещи другою. Грабуютъ же тогда, когда, за неимѣніемъ у должника денегъ приходится брать у него вещи" [4]). „Грабуваніе" заключается въ томъ, что „самъ кредиторъ беретъ во дворѣ должника или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ его вещь и уноситъ ее къ себѣ" [5]). Въ началѣ XVIII вѣка этотъ способъ взысканія долговъ находилъ освященіе и со стороны мѣстной правительственной власти. „Такъ, гетманъ Мазепа, въ 1703 году, предоставляетъ одному лицу право грабувать своихъ неисправныхъ должниковъ и „грабежей не ворочать до выкупленія ихъ" [6]). Изъ трудовъ коммиссіи о волостныхъ судахъ мы узнаемъ, что въ одной волости въ Малороссіи „еще нѣсколько лѣтъ назадъ существовалъ обычай „грабить", т. е. забирать у неплательщика податей вещи и держать ихъ въ волостномъ управленіи до уплаты податей. За

---

[1]) Костомаровъ. Историческія изслѣдованія. II, стр. 216.

[2]) Полное собраніе законовъ. Т. X, № 7732. Алексѣенко. Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ. Спб., 1879, стр. 7—8.

[3]) Loc. cit.

[4]) «Основа» 1862 г., кн. 2, стр. 26—28. Оршанскій. Изслѣдованія по русскому праву обычному и брачному. Народный судъ и народное право. Спб., 1879 г., стр. 103—104.

[5]) «Основа», l. c. Оршанскій, l. c.

[6]) Loc. cit.

самовольное примѣненіе этого обычая *къ частному дому* виновный наказанъ былъ розгами" [1]). Въ одной только волости, какъ заявили крестьяне членамъ коммиссіи, „обычай этотъ существуетъ до сихъ поръ" [2]). Мировой посредникъ, наблюдавшій и описавшій обычай „грабуванія", сохранившійся до настоящаго времени въ Малороссіи, по весьма понятной причинѣ считаетъ нужнымъ прибавить къ сдѣланному имъ описанію слѣдующее: „Въ названіи этомъ („грабежъ") нѣтъ ничего, оскорбляющаго чувство свободы. И это потому, что названіе и самое дѣйствіе взысканія разсчитаны на высокую честность, кротость и утонченное чувство справедливости, лежащія въ нравахъ южнорусскихъ простолюдиновъ. Въ грабуваніи *нѣтъ физической силы*, противъ которой невозможно сопротивленіе со стороны должника. Напротивъ, самосудъ только потому и возможенъ, что должникъ *всегда сознаетъ неправоту своего дѣла и молча подчиняется во имя нравственнаго закона волѣ своего кредитора*" [3]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, конечно, что правежъ и „грабежъ", какъ формы взысканія долговъ, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, успѣли утратить много изъ своей первоначальной дикости и жестокости, приняли съ теченіемъ времени болѣе мягкую форму. Нѣтъ сомнѣнія также, что должникъ подчиняется въ Малороссіи послѣдствіямъ „грабежа" отчасти изъ внутренняго уваженія къ древности этого обычая. Но при этомъ никоимъ образомъ нельзя утверждать, что въ „грабежѣ" нѣтъ физической силы, что должникъ молча подчиняется посягательству на его собственность, насильственному захвату ея „во имя нравственнаго закона". Подъ понятіе „грабуванія" подходитъ, по разсказу того же наблюдателя, и такой случай, когда „*земская полиція...* угоняетъ скотъ или беретъ какую нибудь движимость изъ имѣнія для продажи на пополненіе долга", когда „*сборщикъ податей* и староста... уводятъ овцу у должника и берутъ у него одежду" [4]). Неужели и въ этихъ случаяхъ малороссійскій крестьянинъ молча подчиняется „во имя нравственнаго закона", какъ это допускаетъ и признаетъ наблюдатель—мировой посредникъ? Здѣсь о „нравственномъ законѣ", о внутренне-принудительной нормѣ, сидящей въ умѣ и чувствѣ крестьянина, конечно, и рѣчи быть не можетъ. Здѣсь есть молчаливое подчиненіе предъ физическою силою, предъ внѣшне-принудительнымъ требованіемъ. Здѣсь проявляется, конечно, и то пресловутое „смиреніе", о которомъ пространно трактовали въ былыя

---

[1]) Труды коммиссіи. Т. V, стр. 216. 217. Оршанскій, ibid, стр. 104.
[2]) Труды коммиссіи. Т. V, стр. 225. Оршанскій, ibid, стр. 104—105.
[3]) «Основа» l. c. Оршанскій, стр. 104.
[4]) Loc. cit.

времена русскіе психологи особаго свойства, но это не что иное, какъ „смиреніе“ предъ непреодолимой силой, предъ force majeure. Что самъ народъ разсматриваетъ обычай „грабежа“, какъ самоуправство, а не какъ нравственно-дозволенное средство, видно изъ того, что за примѣненіе его въ области частныхъ долговыхъ требованій волостные судьи считаютъ нужнымъ наказывать розгами. Примѣненіе „грабежа“ въ другихъ областяхъ народъ „розгами“ не можетъ карать и поэтому только онъ „молча подчиняется“.

Обычай править и „грабувать“ за долги существуетъ въ настоящее время въ весьма первобытной формѣ, между прочимъ, въ Африкѣ, на Золотомъ берегу. Для того, чтобы побудить должника *изъ другаго племени* къ уплатѣ долга, кредиторъ забираетъ у него насильно рабовъ, родственниковъ и *все то, что можно добыть изъ его движимаго имущества*. По разсказамъ путешественниковъ, такой образъ дѣйствія кредитора, весьма нерѣдко приводитъ тамъ ко всеобщей войнѣ [1]). Разница между этимъ обычаемъ и остатками его въ Малороссіи заключается въ томъ, что на Золотомъ берегу онъ порождаетъ всеобщія войны, между тѣмъ какъ въ Малороссіи проявляется молчаливое подчиненіе. Зато на Золотомъ берегу кредиторомъ является иноплеменникъ, съ которымъ воевать слѣдуетъ, между тѣмъ какъ въ Малороссіи онъ оказывается уже односельчаниномъ, съ которымъ воевать не приходится. Малорусскій обычай, разумѣется, значительно мягче африканскаго, но именно поэтому мы и называемъ его только „остаткомъ“ болѣе жестокаго обычая. Самовольное забираніе движимаго имущества должника въ видѣ залога до уплаты, такъ называемое — Pfandnahme, или просто Näma, существовало и въ другихъ европейскихъ странахъ, между прочимъ, и въ средневѣковыхъ городахъ [2]).

Вмѣсто убійства и истязанія, плѣнника на болѣе позднихъ ступеняхъ культуры превращаютъ въ раба, утилизируютъ его силы для производства. Точно также поступаютъ и кредиторы съ своими должниками. Они понуждаютъ ихъ погасить долгъ трудомъ своимъ. Это институтъ временнаго рабства, такъ называемаго, долговаго рабства — Schuldsclaverei. Говоря о коллективной отвѣтственности за долги, мы уже упоминали о рабствѣ, какъ о способѣ взысканія долговъ, у многихъ изъ современныхъ дикихъ народовъ. Весьма сильно развитымъ является этотъ институтъ у классическихъ народовъ Европы. Изъ данныхъ, представляемыхъ жизнью этихъ народовъ, лучше всего можно видѣть, что институтъ долговаго рабства выросъ именно на почвѣ междуплеменныхъ сношеній.

---

[1]) Waitz II, 3, 154.

[2]) Maurer. Geschichte der Städteverfass. III. S. 107.

Такъ въ Афинахъ, должниками, попадавшими въ рабство, занимавшими „подъ залогъ своего тѣла", были діакрійцы, жители плоской возвышенности Діакріи, составлявшей нѣкогда совершенно самостоятельную область въ Аттикѣ [1]). Кредиторами же были педіейцы, жители равнины Педіонъ [2]). Это были, члены различныхъ племенныхъ общинъ и обращеніе въ рабство однихъ другими является, такимъ образомъ, дѣломъ обычнымъ, зауряднымъ при взаимной племенной враждѣ.

Въ другомъ мѣстѣ [3]) я привелъ данныя въ пользу того воззрѣнія, что борьба между плебеями и патриціями была не борьбою классовъ или сословій, не борьбою между привилегированнымъ и подвластнымъ населеніемъ одного и того же общества, а рядъ типическихъ столкновеній между двумя сосѣдними общинами, борющимися за преобладаніе. Это была борьба этрусской и латинской племенныхъ общинъ, борьба, результатомъ которой было сліяніе ихъ. Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ поводовъ къ столкновеніямъ служило обращеніе въ долговое рабство [4]).

Долговое рабство, возникшее на почвѣ междуплеменныхъ сношеній, продолжаетъ, конечно, существовать и послѣ того, какъ племена сливаются и объединяются, но оно все болѣе и болѣе вытѣсняется изъ жизни институтомъ крѣпостничества несостоятельныхъ должниковъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Въ еврейскомъ законодательствѣ, которое имѣло силу среди объединившихся уже еврейскихъ племенныхъ общинъ, мы находимъ институтъ долговаго рабства или отработанія долга въ достаточно мягкой формѣ: „Если братъ твой, гласитъ библейское законодательство, обѣднѣетъ, и продастся тебѣ, то не ставь его въ положеніе раба. Пусть онъ будетъ у тебя, какъ работникъ, какъ гость, пусть онъ служитъ у тебя до субботняго (седьмаго) года. Въ этомъ году онъ долженъ уйти отъ тебя съ своими дѣтьми, вернуться къ своему роду, къ имуществу отцовъ своихъ... Если же ты хочешь пріобрѣтать рабовъ и рабынь, то купи ихъ у язычниковъ, окружающихъ васъ. *Изъ числа чужеземныхъ иноплеменниковъ*, живущихъ среди васъ и изъ ихъ потомства, которое они произвели въ вашей странѣ, ты можешь пріобрѣтать рабовъ" [5]). Мы увидимъ ниже, что и у евреевъ, какъ и у другихъ народовъ, этотъ инсти-

---

[1]) Herzberg. Geschichte von Hellas und Rom. Berlin. 1879. S. 121. Schoemann. Griechische Alterthümer. I. S. 327.

[2]) Herzberg, l. c. Schoemann. I. S. 330.

[3]) Zeitschrift für Ethnologie. 1878. Heft. III. S. 2[illegible]1—222.

[4]) Titus Liv. II, 25, 27 и др. Mommsen. I. S 267. III. (Aufl. 5). S. 520. Roscher. Grundlagen. S. 426. Anm. 3.

[5]) 3 Моис. 25, 39—45.

тутъ временнаго рабства вытѣсненъ былъ крѣпостною зависимостью должника и его имущества, т. е., что должникъ не отдѣльно отъ имущества своихъ отцовъ, отъ поземельнаго участка своего, а вмѣстѣ съ этимъ имуществомъ и сидя на немъ, попадалъ подъ власть кредитора.

О существованіи временнаго рабства за долги въ ранніе періоды среднихъ вѣковъ мы узнаемъ изъ капитулярія 817 года. Тамъ дозволяется несостоятельному должнику отдавать себя въ рабство церкви для погашенія слѣдующаго ей долга и до погашенія его.— „Et qui non habet, говорится тамъ, unde ad ecclesiam persolvat, tradat se in servitium eidem ecclesiae usque dum totum debitum persolvat“ [1]).

Еще раньше, во времена меровинговъ, обѣднѣвшіе люди отдавали себя въ рабство для того, чтобы снискать себѣ хоть какое либо пропитаніе, иными словами, они вступали въ рабство за полученное матеріальное вспомоществованіе, за долгъ. „Subdebant se pauperes, разсказываетъ Григорій Турскій, *servitio*, ut quantulumcumque de alimento porrigerent [2]). Этотъ-то способъ погашенія долга нашелъ, какъ мы только что видѣли, санкцію въ капитуляріяхъ.

Въ Россіи мы встрѣчаемъ институтъ долговаго рабства сначала подъ названіемъ „закупничества“, а впослѣдствіи подъ названіемъ „кабальнаго холопства“. О закупахъ говорятъ пространныя редакціи „Русской Правды“. Закупы получали отъ заимодавцевъ— поземельныхъ владѣльцевъ—деньги, за которыя и обязывались отработать. Если закупъ убѣгалъ отъ заимодавца безъ разсчета, т. е. не расплачивался окончательно съ своимъ кредиторомъ, то онъ становился рабомъ его навсегда, обѣльнымъ холопомъ [3]). Мы уже привели выше мѣсто изъ приговора Іоанна Грознаго, по которому должникъ отдавался головою кредитору „до искупу“. Еще въ уложеніи этотъ институтъ временнаго рабства, кабальнаго холопства является предметомъ длиннаго ряда законодательныхъ нормъ [4]). Наконецъ, весьма значительные остатки такой кабалы, обязанности отработать за деньги, полученныя въ долгъ, мы встрѣчаемъ въ Россіи еще въ настоящее время. Крупные производители хлѣба, разсказываетъ г. Гиляранскій, не отказываютъ крестьянамъ въ выдачѣ ссудъ хлѣбомъ и деньгами, но берутъ съ нихъ *за круговою порукою общества* обязательство въ томъ, „что этотъ долгъ

[1]) Waitz. G. Deutsche Verfassungsgeschichte. IV. S. 287. Anm.

[2]) Sugenheim. Aufhebung der Leibeigenschaft. S. 15. Anm. 1.

[3]) Русская Правда (Карамзинскій сп.), ст. 70, 71. О значеніи ссылокъ на Русскую Правду см. наше замѣчаніе выше, стр. 252.

[4]) Глава X. ст. 204, 206, 264, 275 и др., гл. XX, ст. 39, 40.

есть наемная плата за извѣстное количество десятинъ работы, или просто работы, которую должникъ обязанъ исполнить по первому требованію [1]). Цѣна работы опредѣляется въ такомъ обязательствѣ совершенно произвольно, „т. е. безъ соотношенія съ устанавливающимися лѣтомъ цѣнами на рабочія руки“ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эти заемныя обязательства включаются пункты, которые наглядно показываютъ ихъ историческую связь съ закупничествомъ и кабалою. Вотъ что говорится въ нихъ между прочимъ: „Во все время работы состою въ полномъ распоряженіи и повиновеніи приказчиковъ и не имѣю права отказываться отъ работъ по ночамъ, не только тѣхъ, для которыхъ нанялся, но и всякихъ другихъ, и не имѣю права праздновать воскресныхъ и праздничныхъ дней... Если не исполню одного изъ условій договора въ точности, то взыскать съ меня лично и всего моего имущества неустойку и возвратить мнѣ деньги“ [3]). Г. Гиляранскій указываетъ на широкую распространенность этихъ остатковъ первобытнаго института. Въ такую кабалу, разсказываетъ онъ, заложены въ Самарской губерніи на много лѣтъ „*многія села и даже волости*“ [4]). Самъ народъ, въ свою очередь, называетъ такое состояніе несостоятельныхъ должниковъ состояніемъ *кабалы* [5]).

До тѣхъ поръ, пока заемныя обязательства устанавливались только между лицами, принадлежавшими къ различнымъ племеннымъ общинамъ, послѣдствія неуплаты долга отражались только на лицахъ должниковъ, но не на ихъ недвижимомъ имуществѣ. Поземельные участки были въ общинномъ владѣніи, принадлежали всѣмъ, цѣлой общинѣ, а не отдѣльнымъ лицамъ, и не могли быть выдѣлены въ чью бы то ни было пользу изъ всей совокупности участковъ. Но разъ кредиторами и должниками оказывались лица, принадлежавшія къ одному и тому же политическому цѣлому, разъ независимыя племенныя общины сливались, соединялись въ одно, путемъ ли завоеванія или благодаря добровольному соглашенію, разъ населеніе стало перемѣшиваться, прежніе враги становились внѣшнимъ образомъ друзьями, члены различныхъ племенъ — согражданами, послѣдствія заемныхъ обязательствъ стали отражаться уже не только на лицѣ, но и на поземельномъ имуществѣ должника. То-есть, устанавливалась крѣпостная зависимость должника отъ

[1]) Гиляранскій. Экономическія отношенія въ юго-восточной Россіи. «Слово» 1878, мартъ, стр. 134.
[2]) Idem., стр. 135.
[3]) Idem., стр. 135. 136.
[4]) Idem., стр. 136.
[5]) Idem., стр. 135, 136.

его кредитора. Поземельные участки все еще продолжают считаться неотчуждаемыми, остающимися въ общинномъ владѣніи, но эти отдѣльные участки и ихъ владѣльцы несутъ особыя повинности по отношенію къ кредиторамъ и, такимъ образомъ, общинное владѣніе и пользованіе землею неизбѣжно расшатывается. Этимъ мы отнюдь не намѣрены сказать, что крѣпостная зависимость устанавливается и общинная жизнь расшатывается единственно благодаря долговымъ обязательствамъ. Зависимость должника и его имущества отъ кредитора была не единственнымъ, но однимъ изъ главныхъ средствъ, съ помощью котораго разрушалось общинное землевладѣніе и обогащались церкви, монастыри и отдѣльныя лица.

Изъ современныхъ первобытныхъ народовъ весьма мало такихъ, у которыхъ долговыя обязательства ведутъ къ установленію крѣпостныхъ отношеній, такъ какъ возможность подобныхъ отношеній предполагаетъ сравнительно высшую ступень культуры, чѣмъ та, на которой стоитъ большая часть современныхъ дикарей. Вотъ почему такія отношенія существуютъ лишь у извѣстной части населенія на Золотомъ берегу, въ Африкѣ, и едва зародились у бечуановъ въ той же части свѣта.

На Золотомъ берегу цѣлыя городскія и сельскія общины, по словамъ Круикшанка, подпадаютъ подъ феодальную власть отдѣльныхъ лицъ, за денежную и матеріальную помощь, оказанную имъ во время нужды [1]). Точно также и у бечуановъ обѣднѣвшіе люди попадаютъ въ крѣпостную зависимость отъ состоятельныхъ соотечественниковъ, называя себя „дѣтьми" тѣхъ, подъ властью которыхъ они находятся [2]).

О томъ, что подобнаго рода отношенія установлены были въ Египтѣ, благодаря долгамъ, въ весьма раннія времена, мы узнаемъ изъ библейскихъ сказаній. Разсказъ объ этомъ предметѣ гласитъ: Египтяне, истощивъ всѣ наличныя средства, во время голода, обращаются къ Іосифу со слѣдующими словами: „купи наши земли за хлѣбъ и мы вмѣстѣ съ землею будемъ слугами фараона". Вслѣдствіе этого предложенія, Іосифъ купилъ всѣ поземельные участки, закрѣпилъ ихъ въ собственность фараона и сказалъ египтянамъ: „Вотъ вамъ сѣмя, засѣйте поля, а ко времени сбора хлѣба дайте пятую часть фараону, а четыре части пусть останутся на сѣмя и кормъ для васъ и вашихъ дѣтей и для тѣхъ, которые обрѣтаются въ вашихъ домахъ". Такія отношенія сохра-

---

[1]) Waitz. II. S. 141—142. Bastian. Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern der Erde. S. 77.

[2]) Waitz. II. S. 391.

нились, какъ прибавляетъ библейское сказаніе, и въ позднѣйшія времена [1]).

Изъ библейскихъ же сказаній мы узнаемъ объ аналогичныхъ послѣдствіяхъ займа среди древнихъ евреевъ. „Поднялся, разсказываетъ Неемія, крикъ большой среди народа и среди женъ его противъ *братьевъ* ихъ, евреевъ (по толкованію комментатора Раши—противъ богачей среди евреевъ). Нѣкоторые изъ нихъ говорили: поля, виноградники и дома наши мы вынуждены теперь *закладывать*... А нѣкоторые изъ нихъ говорили: намъ приходилось занимать деньги, для уплаты податей царю, *подъ залогъ нашихъ полей и виноградниковъ*. Наше тѣло вѣдь не хуже тѣлъ нашихъ братьевъ, наши дѣти нисколько не хуже ихъ дѣтей. А между тѣмъ мы вынуждены отдавать сыновей и дочерей нашихъ въ рабство, многія изъ нашихъ дочерей уже и теперь порабощены; нѣтъ у насъ никакихъ средствъ для выкупа ихъ, поля и виноградники наши принадлежатъ другимъ. Преисполнился я гнѣвомъ, разсказываетъ дальше Неемія, когда я слышалъ этотъ крикъ и эти рѣчи. Чувство мое осилило меня, я сталъ *препираться со знатными и съ представителями общинъ* (Vorstehern—старѣйшинами) и сказалъ имъ: *каждый изъ васъ угнетаетъ своего брата долговыми требованіями*.... Не хорошо то, чтò вы дѣлаете. Возвратите имъ немедленно поля, виноградники, дома... На это они отвѣчали: мы возвратимъ все и ничего за это не потребуемъ; мы сдѣлаемъ согласно тому, что ты сказалъ“ [2]). Извѣстная афинская „сейсахѳія“, приписываемая Солону, представляется явленіемъ совершенно тождественнымъ съ только что приведеннымъ изъ жизни евреевъ. Мелкіе поземельные владѣльцы закладывали себя вмѣстѣ съ своими поземельными участками состоятельнымъ соотечественникамъ, у которыхъ они получали ссуды. Эти закрѣпощенные должники отдавали своимъ господамъ пять шестыхъ изъ результатовъ своего труда. Гнетъ, которому подвергалось, такимъ образомъ, земледѣльческое населеніе, привелъ къ жестокимъ столкновеніямъ между притѣсненными и притѣснителями [3]). Къ угнетеннымъ примкнулъ Солонъ и, какъ сообщаетъ о немъ Плутархъ, по данному ему обѣими сторонами полномочію, устранилъ залоговые столбы, выставленные на заложенныхъ участкахъ, и такимъ образомъ уничтожилъ послѣдствія долговыхъ обяза-

---

[1]) 1 Моис. 47. 18—21, 23—26.

[2]) Неемія. V. 1—12

[3]) Schoemann. Griechische Alberthümer. I. 1861. S. 335. Herzberg. Geschichte von Hellas und Rom. I. 1879. S. 121.

тельствъ и зависимость должниковъ и принадлежавшихъ имъ поземельныхъ участковъ отъ кредиторовъ [1]).

Понятно, что какъ у евреевъ, такъ и у грековъ, единовременное уничтоженіе послѣдствій долговыхъ обязательствъ отнюдь не уничтожало возможности ихъ повторенія въ будущемъ, отнюдь не служило препятствіемъ къ тому, чтобы крѣпостная зависимость должниковъ и ихъ имуществъ отъ кредиторовъ не устанавливалась впослѣдствіи.

Въ исторіи Рима мы въ свою очередь встрѣчаемъ переходъ поземельныхъ имуществъ и владѣльцевъ ихъ въ зависимость отъ кредиторовъ—для обезпеченія займа. Столкновеніями, порожденными такимъ порядкомъ дѣлъ,—исчезновеніемъ свободной крестьянской собственности, уничтоженіемъ основы экономическаго благосостоянія страны,—полна римская исторія [2]). Закономъ Петелія (428 г. до Р. X.) освящена была возможность такого режима [3]). Вотъ почему мелкіе собственники уже при Юліѣ Цезарѣ какъ въ Италіи, такъ и въ другихъ римскихъ провинціяхъ, были только мнимыми собственниками своихъ участковъ и должны были отдавать результаты своего труда крупнымъ поземельнымъ владѣльцамъ, въ обязательныхъ отношеніяхъ къ которымъ они находились [4]).

Въ средніе вѣка крѣпостное состояніе населенія точно также порождалось, между прочимъ, заемными обязательствами, необходимостью прибѣгать къ матеріальной поддержкѣ состоятельныхъ людей. Наиболѣе часто такимъ средствомъ обезпеченія долговъ пользовалась церковь и монастыри, вслѣдствіе чего эти учрежденія уже въ очень раннія времена владѣли громаднымъ количествомъ крѣпостныхъ.

Изъ кодекса Лонгобардовъ мы узнаемъ, что, благодаря нуждѣ и бѣдности, свободные крестьяне занимались воздѣлываніемъ церковныхъ земель—per solam necessitatem et paupertatem terram ecclesiasticam colant, благодаря той же нуждѣ и бѣдности—propter paupertatem—они отдавали церквамъ свои имущества, свои поземельные участки—se res suas ecclesiis delegant [5]).

Саксонскій кодексъ точно также допускаетъ передачу поземельной собственности церкви или королю—ad ecclesiam vel regi—

---

[1]) Schoemann. I. S. 341.

[2]) Mommsen. I. S. 267, 268, 301.

[3]) Idem., I. S. 301.

[4]) Mommsen. III. (Aufl. 5.) S. 511—512, 527.

[5]) Lex Longob. III, tit 9, c. 3, 4, 44, c. 2. Maurer. Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf u Stadtgeschichte. München, 1854. S. 211, Anm. 62, 64.

когда собственникъ побуждается къ этому нуждою, голодомъ, необходимостью—forte, famis, necessitate coactus и имѣетъ въ виду получить отъ тѣхъ, кому онъ передалъ имущество свое, матеріальную поддержку, средства къ существованію—ut ab illo qui hoc acceperit sustentur [1]).

Однимъ изъ средствъ, при помощи которыхъ русскіе монастыри, по словамъ англичанина Флетчера, завладѣли значительными *помѣстьями* еще въ XVI вѣкѣ, была отдача денегъ въ ростъ крестьянамъ [2]). О такомъ образѣ дѣйствія русской монашествующей братіи свидѣтельствуетъ монахъ того времени, Вассіанъ Косой. „Мы (т. е. монахи), говоритъ онъ, волнуемые сребролюбіемъ и ненасытимостью, всевозможнымъ способомъ угнетаемъ братій нашихъ, живущихъ въ селахъ" [3]). Ростиславовъ утверждаетъ поэтому, что слова языческаго писателя Зосимы о современныхъ ему монахахъ приложимы и къ старинному русскому монашеству. Монахи, сказалъ Зосима, подъ предлогомъ раздѣлять свои имущества бѣднымъ, привели всѣхъ въ состояніе нищенства. Приблизительно то же производили и старинные русскіе монастыри [4]).

Та же самая судьба, которая постигаетъ на болѣе раннихъ ступеняхъ культуры крестьянскую собственность, благодаря ростовщичеству монастырей и помѣстныхъ владѣльцевъ, становится впослѣдствіи участью самихъ помѣстныхъ владѣльцевъ. Крупные землевладѣльцы, помѣщики, въ свою очередь, становятся добычею кредита, „заѣдаются" долгами и въ концѣ концовъ вынуждены ликвидировать свои хозяйства, отчуждать свои имѣнія.

Когда въ Шотландіи, послѣ битвы при Коллоденѣ, въ 1746 году, были уничтожены феодальныя отношенія, оказалось, что феодальныя имѣнія обременены массою долговъ и что дворянство находится въ весьма критическихъ матеріальныхъ обстоятельствахъ [5]). Одинъ изъ шотландскихъ лордовъ, а именно осужденный на смерть лордъ Ловатъ, утверждалъ, что его имѣніе лучшее и наименѣе обремененное долгами во всей Шотландіи. А между тѣмъ это имѣніе оказалось заложеннымъ на сумму не меньше 30 тысячъ фунтовъ стерлинговъ [6]).

Такія же явленія мы встрѣчаемъ во Франціи до великой рево-

[1]) Lex Saxonum, tit. 15, 17. Waitz. Deutsche Verfassungsgesch. IV. S. 286. Anm. См. также Maurer, ib. S. 206. Anm. 36.

[2]) Ростиславовъ. Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ монастырей. Спб., 1876, стр. 33—34.

[3]) Idem., стр. 33.

[4]) Idem., стр. 36.

[5]) Sugenheim. Aufhebung der Leibeigenschaft. S. 326.

[6]) Loc. cit.

люціи. Герцогъ Орлеанскій, богатѣйшій помѣщикъ Франціи, предъ своею смертью задолжалъ на 74 милліона франковъ. Когда изъ конфискованныхъ имѣній эмигрантовъ приходилось уплачивать кредиторамъ, оказалось, что большая часть громадныхъ помѣстій заложена и перезаложена [1]). Для того, чтобы избавиться отъ долговъ, помѣщики вынуждены были продать куски своихъ имѣній одинъ за другимъ или же распродавать ихъ цѣликомъ [2]).

Англичанинъ Тоунсендъ, посѣтившій Испанію въ 1786 и 1787 одахъ, разсказываетъ, что всѣ крупные землевладѣльцы обременены были большими долгами [3]). Путешественникъ Дальримпль посѣтившій Испанію въ 1784 году, разсказываетъ объ одномъ изъ герцоговъ Медино-Цели, что по смерти своего отца онъ получалъ ежегодно 84 тысячи фунтовъ стерлинговъ дохода и имѣлъ шесть милліоновъ талеровъ наличными. Въ теченіе 25 лѣтъ онъ растратилъ всѣ свои деньги и *заложилъ* все, что онъ могъ, изъ своихъ имѣній [4]). Помѣщичьи имѣнія, задавленныя долгами, должны были, конечно, исчезать съ лица земли. Понятно поэтому, что Артуръ Юнгъ, проѣзжая чрезъ Каталонію въ концѣ прошлаго вѣка, на протяженіи 200 англійскихъ миль не встрѣчалъ ничего похожаго на помѣщичью усадьбу [5]).

Уже въ „Христіанскомъ увѣщаніи", характеризующемъ время, предшествовавшее великому крестьянскому бунту въ Германіи, мы читаемъ: „Благодаря роскоши, дворянство все болѣе и болѣе опускается въ нѣмецкихъ земляхъ; оно хочетъ блистать такъ же, какъ это дѣлаетъ богатое купечество въ городахъ; оно не хочетъ допускать того, чтобы жены и дочери купцовъ были лучше и богаче одѣты, чѣмъ ихъ жены и дочери и они сами. Но они не имѣютъ тѣхъ денегъ, которыя тѣ имѣютъ, и не могутъ получить съ своихъ помѣстій двадцатой части того, что тѣ добываютъ торговымъ мошенничествомъ и страшнымъ ростовщичествомъ. Такимъ образомъ, они обременяютъ себя большими долгами, дѣлаются жертвою ростовщичества жидовъ и христіанскихъ жидовъ, вынуждены продавать свои имѣнія по частямъ или цѣликомъ и становятся нищими вслѣдствіе того, что они хотятъ жить пышно и роскошно и гнушаются простыми нравами предковъ. Я боюсь, что это поведетъ къ большимъ бѣдствіямъ въ нѣмецкихъ земляхъ" [6]). Къ началу

---

[1]) Taine. Origine de la France contemporaine. Ancien regime. Paris, 1876. I, p. 69.

[2]) Idem., p. 50.

[3]) Sugenheim. Aufhebung etc. S. 63. Anm. 6.

[4]) Idem. S. 63. Anm. 1.

[5]) Roscher. Nationaloekonomie des Ackerbaus. S. 189. Anm. 7.

[6]) Janssen. Geschichte des deutschen Volkes. I. 374—375.

настоящаго вѣка оскудѣніе помѣстныхъ владѣльцевъ въ Германіи достигло значительныхъ размѣровъ.

Мекленбургское дворянство только потому и рѣшилось сдѣлать уступку духу времени и приступить къ освобожденію крестьянъ, что большая часть дворянства въ началѣ настоящаго вѣка была въ долгахъ [1]). Между 1800 и 1804 годами дворянскія имѣнія въ Мекленбургѣ оцѣнивались въ 89 милліоновъ талеровъ, причемъ на половину этой суммы онѣ были въ долгахъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ періодъ времени отъ 1810 до 1814 года, эти же имѣнія оцѣнивались только въ 49 милліоновъ. Благодаря такому обезцѣненію имѣній, послѣднія въ громадномъ количествѣ переходили къ купцамъ, адвокатамъ и другимъ лицамъ [2]). Въ томъ же періодѣ и въ Пруссіи имѣнія, во время одного обѣда, какъ разсказываетъ Гакстгаузенъ, по нѣсколько разъ мѣняли своихъ владѣльцевъ [3]). Въ собственной Пруссіи въ 1820 и 1830 годахъ 80 процентовъ дворянскихъ имѣній—Rittersgutbesitze—подлежало секвестру или публичной продажѣ за долги. Въ верхней и нижней Помераніи изъ 1,600 имѣній подлежали продажѣ 1,300 [4]).

Еще хуже оказалось положеніе ирландскихъ землевладѣльцевъ въ срединѣ настоящаго вѣка. Когда, на основаніи законодательнаго акта 1849 года, такъ называемаго „Incumbred Estates Acte“, уничтожены были всѣ препятствія, которыя мѣшали до тѣхъ поръ отчужденію помѣщичьихъ имѣній въ Ирландіи, обремененныхъ долгами, то оказалось, что $3^1/_2$ милліона акровъ были обременены долгомъ въ 36 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. долгомъ, превышавшимъ въ два раза дѣйствительную стоимость этихъ имѣній въ то время. Проценты, уплачивавшіеся по этимъ долгамъ, въ лучшемъ случаѣ поглощали весь чистый доходъ, получавшійся съ этихъ имѣній, въ большинствѣ же случаевъ значительно превосходили [5]). Въ теченіе восьмилѣтняго періода со времени изданія упомянутаго закона было отчуждено болѣе 4 милліоновъ акровъ помѣщичьей земли [6]).

Наконецъ, въ Россіи помѣщичьи имѣнія еще въ концѣ прошлаго вѣка, какъ говоритъ г. Романовичъ-Славатинскій, все болѣе и болѣе „оскудѣвали“. Уже въ манифестѣ отъ 1797 года, объ учрежденіи государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства, говорится: „Съ крайнимъ прискорбіемъ видимъ, что многіе

---

[1]) Sugenheim. S. 433.
[2]) Roscher. Nationaloekonomie etc. S. 441.
[3]) Haxthausen. Ländliche Verfassung der preussischen Provinzen. I. S. 184.
[4]) Roscher. Nationaloeckonomie etc. S. 473.
[5]) Sugenheim, ibid. S. 347.
[6]) Loc. cit.

дворянскіе роды, *стеная подъ бременемъ долговъ*, изъ рода въ родъ наслѣдствомъ влекущихся или небрежливостью нажитыхъ, немногіе изъ нихъ воспользовались сложеніемъ съ себя сего бремени... по большая часть усугубляли свои долги" [1]). Съ теченіемъ времени дѣла помѣщиковъ отнюдь не поправились, какъ свидѣтельствуетъ манифестъ 1841 года: „большая часть дворянскихъ имѣній была заложена и перезаложена въ приказахъ" [2]). Положеніе помѣщичьихъ имѣній, предъ освобожденіемъ крестьянъ, г. Романовичъ-Славатинскій характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Масса долговъ на дворянскихъ имѣніяхъ не переставала накопляться... имѣнія не выходили изъ опекъ за неплатежъ въ приказы, нерѣдко онѣ продавались и съ молотка" [3]).

Такимъ образомъ повсюду въ Европѣ, какъ замѣтилъ уже и г. Кауфманъ, появленію на сценѣ политической жизни „буржуазіи предшествуетъ весьма чувствительное раззореніе привилегированнаго землевладѣнія. И въ числѣ причинъ этого раззоренія весьма крупную роль играютъ долги [4]).

Есть одна дѣтская сказка у евреевъ, которая вошла въ ритуалъ и читается евреями въ первые два вечера Пасхи. Эта сказка представляетъ собою въ картинной формѣ ходъ исторической Немезиды. Содержаніе ея вкратцѣ слѣдующее: „Жилъ былъ отецъ, который купилъ овечку за два серебренника. Пришла собака и разорвала овечку на клочки. Зато палка жестоко избила собаку. Но и палка не остается безнаказанной, ее пожираетъ огонь, который въ свою очередь заливается водою. Воду выпиваетъ быкъ, котораго убиваетъ мясникъ. Месть для мясника заготовлена уже заранѣе—это ангелъ смерти. Съ нимъ можетъ справиться только Богъ, и онъ дѣйствительно спроваживаетъ его со свѣта.

Отчасти въ духѣ и направленіи этой сказочной исторіи совершается дѣйствительная исторія землевладѣнія. Одни поземельные владѣльцы пожираются другими, причемъ и послѣдніе въ свою очередь становятся добычею новыхъ собственниковъ, являющихся имъ на смѣну. Рядъ метаморфозъ и процессовъ, предстоящихъ въ этой области жизни, еще не законченъ, конечно, какъ мы увидимъ, между прочимъ, и изъ слѣдующаго.

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи. Спб. 1870, стр. 235.
[2]) Idem., стр. 326.
[3]) Idem., стр. 337.
[4]) Кауфманъ. Исторія банковъ. I, стр. VIII.

26 ноября 1878 и 16 января 1879 гг., въ прусской палатѣ депутатовъ, а затѣмъ и въ германскомъ рейхстагѣ (31 марта 1879 г.) происходили пренія о мѣрахъ противъ ростовщичества въ Германіи. Въ виду того, что эти пренія могутъ служить дополненіемъ къ сравнительно-историческимъ даннымъ, приведеннымъ до сихъ поръ, и слѣдовательно болѣе точно выяснить тотъ путь, по которому совершается развитіе разсматриваемаго нами явленія общественной жизни, притомъ въ настоящее время, мы считаемъ нужнымъ ознакомить читателей ближе съ сущностью этихъ преній.

Прежде всего необходимо указать на тотъ фактъ, что иниціатива въ дѣлѣ проектированія мѣръ противъ ростовщичества принадлежитъ партіи центра, партіи представителей аристократически-клерикальнаго режима, господствовавшаго въ Германіи до революціи 1848 года. Эту партію, равно какъ и однородныя партіи, существующія въ другихъ странахъ, обыкновенно называютъ „консервативными" и вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно „партіями реакціонными". Съ научной точки зрѣнія консервативныхъ партій и „консерватизма" въ сущности нѣтъ и не было. Никогда и нигдѣ консерваторы не занимались консервированіемъ, „охраненіемъ" чего бы то ни было. Всегда и вездѣ они тянули назадъ, стремились къ разрушенію настоящаго и воскресенію прошлаго, т. е. были, такимъ образомъ, не консервативною, не охраняющею партіею, а реакціонною группою людей, устремляющей свои взоры назадъ, добивающейся возврата къ прошлому. Не настоящее, не существующее въ данное время является идеаломъ консерваторовъ, а то, что уже пройдено и пережито, что составляетъ достояніе прошлаго.

Въ такомъ именно смыслѣ, въ смыслѣ реакціонномъ, а не консервативномъ, дѣйствуетъ партія центра и по отношенію къ области кредита. Идеалами Шорлемера Альста и комп., а также Рейхеншпергера и комп. является возстановленіе указныхъ процентовъ и наказаній за взиманіе лихвенныхъ процентовъ. Необходимость возврата — Umkehr — мотивируется въ предложеніяхъ этой партіи слѣдующимъ образомъ.

Предложеніе это, какъ выразился Шорлемеръ, есть не что иное, какъ „крикъ помощи городовъ и селъ". Уже въ то время, когда дебатировался законъ объ отмѣнѣ узаконеннаго роста, а именно въ 1867 году, депутатъ того же центра—Рейхеншпергеръ высказалъ между прочимъ, что преобладаніе капитала надъ трудомъ достаточно велико и что съ отмѣной законовъ о ростѣ печальное положеніе трудящихся классовъ ухудшится. Эти предсказанія сбылись. Съ Рейна, изъ Вестфаліи, Гессена, Силезіи и Познани раз-

даются жалобы и просьбы о помощи. На конгрессѣ союза ремесленниковъ германскихъ, числящаго 40 тысячъ членовъ и обхватывающаго 47 городовъ, принята резолюція, по которой отмѣна законовъ о ростѣ нанесла и постоянно наноситъ громадный вредъ ремесленному классу. Положеніе сельскаго хозяйства въ свою очередь чрезвычайно печально. Сельскій хозяинъ вынужденъ прибѣгать къ кредиту для поддержки производства и выполненія своихъ обязательствъ. Этотъ классъ въ особенности эксплоатируется ростовщиками. Какъ выразился Клейстъ-Рецовъ въ засѣданіи рейхстага, ростовщики въѣдаются въ хозяйства, какъ червяки въ умирающій древесный стволъ, осаждаютъ ихъ точно такъ же, какъ хищныя птицы осаждаютъ гніющій трупъ. На югѣ Германіи мелкія сельскія хозяева стоятъ лицомъ къ лицу съ опасностью потерять свои владѣнія, благодаря ростовщичеству. Не лучше и положеніе чиновничества. Органъ, издаваемый союзомъ берлинскихъ чиновниковъ, заявляетъ, что бремя долговъ, лежащихъ на однихъ только берлинскихъ чиновникахъ, простирается на 3 милл. марокъ,— сумма, полученная главнымъ образомъ у ростовщиковъ.

При изданіи закона 14 ноября 1867 года объ отмѣнѣ узаконеннаго роста утверждали и надѣялись, что ростовщичество уменьшится и высота процента понизится. Надежды эти не сбылись. Тотъ, кто беретъ 60%, отнюдь не считается еще въ Берлинѣ ростовщикомъ. Таковымъ начинаетъ именоваться тотъ, кто беретъ нѣсколько сотъ процентовъ. Содержатели заемныхъ и ссудныхъ кассъ въ Берлинѣ заявляли депутатамъ, что они никогда не берутъ 200%, въ нѣкоторыхъ только случахъ 100%; средній же размѣръ процентовъ за ссуды, получаемыя у нихъ, колеблется между 60 и 80. Сами они считаютъ этотъ процентъ весьма умѣреннымъ и выгоднымъ для заемщиковъ. Число учрежденій, имѣющихъ, какъ заявляютъ сами содержатели, исключительною цѣлью оказать помощь нуждающимся и неимущимъ, возрастало въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ весьма быстро. Въ одномъ Берлинѣ число этихъ заведеній поднялось съ 40 до 100 и 1,000. Такое же увеличеніе замѣтно и въ провинціи. Для оборотовъ ссудной кассы достаточно имѣть капиталъ въ 5,000 талеровъ. Такъ какъ въ Берлинѣ существуетъ 1,000 такихъ кассъ, то онѣ оборачиваютъ капиталомъ въ 5 милліоновъ талеровъ, который приноситъ 80%. До отмѣны узаконенной нормы роста ссудныя кассы взимали отъ 18—20 процентовъ, т. е., вмѣсто милліона барыша, кассы доставляютъ въ настоящее время больше четырехъ милліоновъ. Такимъ образомъ, со времени отмѣны законовъ о лихвенныхъ процентахъ, бѣднѣйшіе и наиболѣе неимущіе жители Берлина отдаютъ ростовщикамъ тремя милліонами больше изъ своихъ несчастныхъ достат-

ковъ. Должники становятся, слѣдовательно, благодаря лихвеннымъ процентамъ, кабальными холопами, рабами кредиторовъ. Дѣло принимаетъ, очевидно, весьма серьезный оборотъ, и на него должно быть обращено вниманіе. Ибо „кто имѣетъ мало денежныхъ средствъ, тотъ слуга, кто имѣетъ ихъ много, тотъ господинъ, а кто обладаетъ милліонами, какъ Ротшильдъ, тотъ король". Онъ благодаря своимъ средствамъ, имѣетъ возможность порабощать людей. Неправда, что высота процента на капиталъ регулируется существующимъ въ данное время на рынкѣ предложеніемъ и спросомъ капитала. Высота процента обусловливается нуждою, проявляющейся на одной сторонѣ, и подлостью и хищничествомъ, обнаруживаемыми другою стороною.

Въ упомянутомъ уже выше органѣ союза берлинскихъ чиновниковъ, между прочимъ, говорится, что съ отмѣною законовъ о лихвѣ снова ожило средневѣковое кулачное право. Въ рыцарствѣ заключалась, по крайней мѣрѣ, значительная доля поэзіи,—въ данномъ же случаѣ эгоизмъ выступаетъ въ безстыднѣйшей наготѣ. Феодально-крѣпостное состояніе средневѣковаго общества въ сущности основывалось, по словамъ Клейстъ-Рецова, на преданности и взаимномъ довѣріи высшихъ и низшихъ слоевъ населенія. Господство денегъ, напротивъ, лишено всякой нравственной подкладки и является поэтому гораздо болѣе тяжелымъ бременемъ чѣмъ господство феодаловъ. Разница между богатствомъ и бѣдностью нисколько не возбуждаетъ ненависти въ массѣ народа тамъ, гдѣ богатство соединяется съ человѣчнымъ обращеніемъ съ неимущими, но негодованіе несомнѣнно должно проявиться тогда, когда законодательство доставляетъ возможность и средства для порабощенія униженныхъ и оскорбленныхъ.

Эти робкія и застѣнчивыя восхваленія прошлаго насчетъ настоящаго Шорлемера и Клейста дополнилъ депутатъ той же стороны—Мейеръ (Арнсвальде). Основная задача всякаго законодательства, сказалъ онъ, защита слабыхъ противъ сильныхъ, меньшинства противъ большинства. Эту задачу преслѣдовало сословно-полицейское государство, въ которомъ онъ имѣлъ счастье вырости и традиціи котораго онъ хранитъ какъ святыню и понынѣ. Бѣднаго должника оно защищало отъ эксплоатаціи ростовщиковъ посредствомъ строгихъ уголовныхъ каръ за лихву,—преимущественно же тѣмъ, что оно запрещало судьѣ оказывать помощь и взыскивать долги съ неисправныхъ должниковъ въ случаѣ, если въ заемномъ обязательствѣ выговорены были лихвенные проценты; цеховымъ устройствомъ оно охраняло мелкихъ ремесленниковъ отъ эксплоатаціи капитала, и т. д., и т. д. Все это измѣнилось въ современномъ конституціонномъ государствѣ. Оно не защищаетъ слабаго

отъ сильнаго, а напротивъ поддерживаетъ сильныхъ въ борьбѣ со слабыми. Оно налагаетъ на судью позорную обязанность содѣйствовать ростовщику, когда онъ собирается содрать кожу съ доставшейся ему жертвы. „Мы не можемъ издавать законовъ для огражденія дураковъ".—такъ думаетъ и говоритъ современный государственный строй. Всѣ солидные люди желаютъ возстановленія того здороваго, нормальнаго состоянія общественной жизни, какое господствовало при старомъ, сословно-полицейскомъ государствѣ. Безпрепятственная свобода ростовщичества, если и не породила, то во всякомъ случаѣ взлелѣяла и выхолила соціальную демократію. Она каждый разъ доставляетъ новыхъ рекрутовъ въ соціально-демократическій лагерь. Возстановленіе уголовныхъ наказаній за лихвенные проценты является, такимъ образомъ, по мнѣнію Клейстъ-Рецова, однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для борьбы съ соціально-демократической партіей.

Дѣянія ростовщиковъ прямо подходятъ подъ понятіе преступленія, ибо ростовщичество есть наиболѣе утонченное воровство. Законы о лихвѣ могутъ быть обойдены, но вѣдь и воры часто избѣгаютъ кары закона! Эксплуатація нужды и безсовѣстное надувательство, жертвою котораго являются довѣрчивые люди, не могутъ и не должны оставаться безнаказанными. Шульце-Деличевскія и Рейфейзенскія учрежденія для доставленія кредита и взаимной помощи оказались несостоятельными и недѣйствительными для борьбы съ ростовщичествомъ.

Указывая на необходимость возстановленія прошлаго, реакціонная партія при этомъ отнюдь не желаетъ вернуться къ тѣмъ временамъ, когда процентныя ссуды вовсе не допускались, а еще менѣе къ тѣмъ временамъ, кагда возможность вознагражденія за ссуду и не предполагалась. То время, когда не было еще ни ростовщиковъ, ни „джентльменовъ"—Wenn Adam grub und Ewa spann, wo war denn da der Gentleman,—это время которое, въ свою очередь, есть достояніе прошлаго, является мифомъ для защитниковъ и поборниковъ „прошлаго". Лѣтосчисленіе они начинаютъ съ того момента, когда были уже всѣ принадлежности современной общественной жизни, съ процентами включительно, и когда церковь, освящая народившіяся условія соціальной жизни, установила различіе между ростомъ и лихвой.

Мы можемъ теперь вкратцѣ резюмировать все, высказанное представителями реакціи. Всѣ классы населенія стонутъ подъ игомъ ростовщиковъ, подъ господствомъ денегъ. Сословно-полицейское государство оберегало и охраняло неимущихъ отъ эксплуатаціи капитала. Необходимо для охраны индивида возродить институтъ о лихвѣ. Въ противномъ случаѣ будетъ расти и развиваться соці-

альная демократія. Печальнаго будущаго можно избѣгнуть только возрожденіемъ прошлаго, и притомъ не столь отдаленнаго. Средства для борьбы съ ростовщичествомъ, созидавшіяся въ новѣйшее время, совершенно недѣйствительны, по мнѣнію поборниковъ поворота къ прошлому.

Возраженія либеральной партіи должны быть подраздѣлены на двѣ группы. Обѣ эти группы, одинаково отвергая мѣры, предложенныя реакціонною партіею для борьбы съ ростовщичествомъ, весьма сильно расходятся, однако, въ мотивахъ, которыми обусловливается отрицательное отношеніе къ консервативнымъ, или, вѣрнѣе, реакціоннымъ мѣропріятіямъ. Одна группа возраженій можетъ быть сведена къ извѣстной формулѣ: „все идетъ возможно лучшимъ образомъ въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ".

Человѣкъ, который нуждается въ деньгахъ для полезныхъ, производительныхъ цѣлей и обладаетъ при этомъ достаточною энергіею и разсудительностью,—такой человѣкъ вполнѣ застрахованъ отъ опасности очутиться въ рукахъ эксплоататора. Ему должно и слѣдуетъ предоставить платить какіе угодно высокіе проценты. Изъ круга людей такого закала никогда за спинами кредиторовъ и не раздавались жалобы на ростовщичество. Наблюденія, будто бы говорящія въ пользу возстановленія законовъ о ростовщичествѣ, сдѣланы въ сферахъ совершенно противоположнаго свойства, въ кругу людей, экономически слабыхъ и въ хозяйственномъ отношеніи несостоятельныхъ, въ кругу легкомысленныхъ и расточительныхъ субъектовъ, легко попадающихся въ сѣти профессіональныхъ разбойниковъ. Образчиками такого сорта людей являются тѣ изъ землевладѣльцевъ, которые на незначительные капиталы, на 30—40 тысячъ талеровъ, покупаютъ крупныя поземельныя владѣнія, стоющія нѣсколько сотъ тысячъ въ надеждѣ на урожаи. Не имѣя оборотнаго капитала, они тѣмъ не менѣе хотятъ сохранить барскую обстановку: кареты, лошадей, кучеровъ въ ливреяхъ и господскій замокъ. Первый неурожай дѣлаетъ ихъ банкротами. Если такіе субъекты отправляются къ ростовщику, никакой законъ не спасетъ ихъ и не можетъ ихъ спасти отъ когтей его.

Доставить кредитъ всѣмъ тѣмъ, которые въ немъ нуждаются, невозможно. Кто не заслуживаетъ кредита, тотъ при обычномъ теченіи дѣлъ не имѣетъ его, что въ сущности спасительно для него. Уничтоженіе существовавшаго прежде института личнаго задержанія за долги въ конецъ устранило возможность такого кредита. Опасеніе потерять честь заставляло должника продать все до нитки, лишь бы выпутаться изъ бѣды, подбивало его на всякаго рода обманныя дѣйствія для того, чтобы раздобыть денегъ. Угроза личнаго задержанія производила давленіе и на богатыхъ родствен-

никовъ должника. Въ настоящее же время и въ области кредита безпрепятственно господствуетъ законъ предложенія и спроса, который и обусловливаетъ собою во всѣхъ культурныхъ странахъ высоту процента. Законный процентъ, установленный въ какой либо странѣ, дѣлаетъ несвободнымъ капиталъ только въ данномъ мѣстѣ, въ то время, какъ во всѣхъ другихъ странахъ онъ остается свободнымъ. Капиталъ, такимъ образомъ, искусственно изгоняется изъ страны за границу, и притомъ изъ области реальнаго кредита въ область несолидныхъ предпріятій. Гораздо важнѣе вопросъ о томъ, будутъ ли притекать въ достаточной мѣрѣ капиталы въ страну для удовлетворенія потребностей наростающаго населенія посредствомъ расширенія области производства, чѣмъ интересоваться судьбою нѣсколькихъ жалкихъ субъектовъ, пожинающихъ заслуженные плоды своего легкомыслія. Возстановленіемъ законовъ о ростовщичествѣ сковывается и спутывается полезный, производительный кредитъ. Желая уничтожить мелкія злоупотребленія кредита, дѣлаютъ невозможнымъ употребленіе его. Такова въ сущности и была система дѣйствія въ теченіе среднихъ вѣковъ и даже позже. Тогда сожигали тѣла людей со спасительнымъ и благочестивымъ намѣреніемъ спасать ихъ души,—при появленіи скотскаго падежа сожигали невинныхъ женщинъ, какъ вѣдьмъ, для того, чтобы могъ уцѣлѣть скотъ, и т. д., и т. д. Средневѣковой адъ былъ весь устланъ добрыми намѣреніями. Возрождать институты законодательства того времени, значитъ, оживлять гніющее мертвое тѣло, духъ котораго давно уже отошелъ въ вѣчность. Проектированныя консервативною партіею мѣры противъ ростовщичества—это ударъ, направленный противъ всей системы либеральнаго законодательства, создавшаго свободную конкурренцію, это наиболѣе точное выраженіе проявившихся въ послѣднее время реакціонныхъ стремленій. Въ современныхъ бѣдствіяхъ экономическихъ повинна не свободная конкуренція, а тѣ общественныя явленія, которыя представляютъ собою продукты прошлаго: война, которая пожираетъ капиталы и людей, вѣчные государственные займы, которые извлекаютъ изъ оборота необходимые обществу капиталы, и въ большинствѣ случаевъ для совершенно непроизводительныхъ цѣлей и затратъ. Вотъ, гдѣ корень зла, а отнюдь не въ конкурренціи, не въ принципѣ свободы торговли, не въ господствѣ либеральныхъ началъ.

Вторая группа возраженій либеральной партіи допускаетъ возможность и необходимость противодѣйствія ростовщичеству. Зло несомнѣнно существуетъ и съ нимъ необходимо бороться. Вопросъ заключается только въ способахъ и средствахъ борьбы?

Возстановлять указные проценты и уголовныя наказанія за взи-

маніе лихвенныхъ процентовъ, значитъ давать народу камень вмѣсто нужнаго ему хлѣба. Проявившееся въ народѣ движеніе противъ ростовщичества отнюдь не должно находить исходъ въ рутинныхъ способахъ дѣйствія, въ мѣрахъ „пресѣченія" и „обуздыванія". Представителямъ народа не приличествуетъ быть увлеченными безсознательнымъ потокомъ народнаго движенія, а удовлетворять его нуждамъ и требованіямъ, просвѣтливъ ихъ предварительно сознаніемъ.

Установленіе закономъ такого низкаго максимума процентовъ, какой допускался законодательствомъ въ былыя времена, немыслимо въ настоящее время. Существованіе на рынкѣ государственныхъ бумагъ, по которымъ уплачивается гораздо высшій процентъ, служило уже и прежде одною изъ побудительныхъ причинъ къ отмѣнѣ узаконеннаго роста. Этотъ мотивъ устраненія низкой законной нормы процентовъ сохраняетъ, конечно, свою силу и понынѣ.

Но если государство для полученія кредита вынуждено назначить сравнительно большій процентъ, то такое право тѣмъ болѣе необходимо предоставить частнымъ лицамъ, нуждающимся въ капиталахъ. Ничего несправедливаго и предосудительнаго нельзя видѣть въ томъ, что человѣкъ, зарабатывающій 20% на какомъ либо предпріятіи, отдаетъ 15% за полученный имъ капиталъ. Во многихъ случаяхъ ссуда за 12% есть дружеская услуга. Вернуться такимъ образомъ къ прежнему максимуму процентовъ невозможно. Но если опредѣлить высокій максимумъ, допускающій полную свободу движенія и оборота, то постановленіе такого рода по меньшей мѣрѣ окажется излишнимъ, ибо оно не въ состояніи, конечно, ограждать нуждающихся отъ эксплоатаціи.

Наказывать за лихву, карать за ростовщичество вполнѣ возможно и въ настоящее время, когда указная норма процента исчезла изъ кодексовъ всѣхъ культурныхъ европейскихъ народовъ. Эксплоатація нужды, объегориваніе легкомысленныхъ людей вполнѣ подходитъ подъ понятіе обмана и мошенничества. Обманъ и мошенничество, какъ преступленія, подлежатъ карѣ уголовнаго закона, и всякій судья, честно исполняющій свои обязанности, легко и безъ всякой натяжки можетъ наложить эти кары на профессіональное ростовщичество. Либерализмъ, упрочившійся благодаря представительнымъ учрежденіямъ, благодаря конституціонному строю, обвиняютъ теперь въ порчѣ нравовъ, въ уничтоженіи преградъ для надувательства, въ расшатываніи общественной дисциплины. Но тотъ же либерализмъ далъ столь широкое опредѣленіе уголовнаго обмана, что подъ него подходитъ безчисленное количество преступныхъ дѣйствій, которыя, во времена рыцарства и феодальнаго строя, считались дозволеннымъ проказничествомъ, разсматривались

какъ невинныя шутки. Въ настоящее деморализованное время шутки, разъ онѣ наносятъ или могутъ наносить вредъ, считаются безнравственными, даже преступленіями, а какъ обманъ, караются уголовнымъ судомъ. Выдѣлить изъ ряда обманныхъ дѣйствій, караемыхъ закономъ, обманъ посредствомъ ростовщичества, специализировать это преступленіе, окрестить его особымъ именемъ, значило бы только надуть народную массу, съ цѣлью успокоить пробудившееся въ ней движеніе. Это было бы въ свою очередь обманное дѣйствіе, хотя оно и не карается законодательствомъ.

Есть однако довольно широкая область эксплоатаціи, которая подъ понятіе уголовнаго обмана и мошенничества не подходитъ. Но въ этой области отрицательными мѣрами воздѣйствія, полицейской аллебардой ничего и подѣлать нельзя. Программа и девизъ реакціонныхъ партій гласитъ: побольше податей и полицейскаго надзора, и все устроится наилучшимъ образомъ! Здѣсь-то и кроется подвохъ, устраиваемый реакціонерами. Вода мутна, и они принимаются ловить рыбу на свою реакціонную удочку. Какъ только рыба начнетъ клевать, удочка эта окажется весьма ненадежною. Дешеваго кредита нельзя добыть при содѣйствіи прокурорской власти,—экономически слабымъ невозможно помочь увеличеніемъ и усиленіемъ полномочій полицейской власти. Для достиженія этой цѣли необходимы положительныя средства, положительныя учрежденія.

Такими учрежденіями, способными хоть нѣсколько избавить отъ гнета ростовщиковъ, являются Шульце-Деличевскія кредитныя товарищества и ссудосберегательные кассы. 929 кредитныхъ товариществъ, доставившихъ въ 1877 году отчеты о своей дѣятельности Шульце-Деличу, выдали въ одномъ этомъ году ссудъ *на полтора милліарда марокъ* своимъ 468,652 членамъ. Эти учрежденія доставили, такимъ образомъ, дѣйствительную помощь многимъ, которые въ былыя времена неизбѣжно очутились бы въ рукахъ ростовщиковъ.

Именно по этому пути,—по пути устройства кредитныхъ учрежденій для народа, — по мнѣнію прогрессивной части либеральной партіи, необходимо идти дальше. Возстановленіе законовъ о лихвѣ ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ поведетъ только къ тому, что заемщикамъ придется уплачивать ростовщикамъ страховую премію за предстоящій имъ рискъ подвергнуться судебному преслѣдованію. Лихвенные законы именно потому и называются лихвенными, что они поддерживаютъ существованіе лихвы. Народъ, прося о помощи, требуетъ дешеваго кредита, но отнюдь не законовъ, которые могутъ принести пользу весьма сомнительнаго свойства.

Не смотря, однако, на приведенные нами доводы либеральной партіи, на ихъ противодѣйствіе мѣрамъ противъ ростовщичества, вытащеннымъ изъ арсенала исторіи, кое-какія изъ этихъ мѣръ все таки воскресли въ Германіи, хотя бы и временно только.

Развитіе всегда идетъ не по прямой линіи, а зигзагами. Иначе говоря, наслѣдственные инстинкты и стремленія, рутинныя привычки, хотя бы онѣ и не соотвѣтствовали новымъ, измѣнившимся условіямъ, никогда не исчезаютъ окончательно и безслѣдно. Онѣ все еще продолжаютъ тлѣть въ теченіе извѣстнаго времени подъ внѣшнимъ слоемъ прикрывающей ихъ золы и слѣдовательно способны снова разгорѣться, разъ противодѣйствующія имъ условія утратятъ хоть нѣсколько силу своего сопротивленія. Если въ данной сторонѣ жизни произошло какое бы то ни было измѣненіе, то это нисколько не гарантируетъ прочности происшедшаго измѣненія, усвоенной формы, нисколько не обезпечиваетъ отъ возможности возвращенія къ старымъ формамъ. Напротивъ, въ виду наслѣдственной привязанности къ нимъ, возможность возвращенія всегда и вездѣ существуетъ. Переходъ къ новымъ формамъ въ какой бы то ни было сферѣ жизни всегда является результатомъ дѣятельности меньшинства людей, сознательно производящихъ измѣненіе и отдающихъ себѣ ясный отчетъ въ непригодности старыхъ формъ. Большинство общества является при этомъ процессѣ сравнительно инертной массой, подчиняющейся толчку, исходящему отъ меньшинства. А такъ какъ напряженность дѣятельности меньшинства, его энергія неизбѣжно ослабѣваетъ, уже по одному тому, что оно меньшинство, то стремленія, живущія изстари въ большинствѣ общества, все сильнѣе и сильнѣе начинаютъ проявляться и старинныя формы снова оживаютъ.

Институтъ уголовныхъ наказаній за ростовщичество, повсюду, какъ мы видѣли выше, отмѣняется, атрофируется. Уголовныя наказанія, оказываясь безсильными, недѣйствительными для борьбы съ ростомъ вообще, оказываются впослѣдствіи столь же безсильными и для борьбы съ лихвенными процентами. На основаніи историческаго хода развитія уголовно-полицейскихъ мѣръ по отношенію къ росту, мы имѣемъ полную возможность и право предсказывать исчезновеніе такихъ мѣръ, хотя бы онѣ и ожили гдѣ либо. Оживаніе это есть явленіе временное, и преходящее, и все вниманіе публицистики и общественной науки, въ виду этого, должно быть направлено на болѣе цѣлесообразное приспособленіе положительныхъ учрежденій къ потребностямъ населенія.

Въ преніяхъ германскихъ парламентскихъ собраній, только что приведенныхъ, независимо отъ взглядовъ, которыхъ держатся борящіяся стороны по вопросу о мѣрахъ противъ ростовщичества,

обращаетъ на себя вниманіе еще одинъ весьма важный пунктъ. А именно: какъ представители реакціонной партіи, такъ и представители либеральныхъ партій, настаиваютъ на соотношеніи между мѣрами противъ ростовщичества съ общегосударственной политикой, на тѣсной связи, существующей между этой стороной жизни и другими сторонами ея. Коль скоро, говорятъ обѣ партіи, произойдетъ поворотъ къ прошлому въ этой одной области жизни, неизбѣжно произойдетъ и долженъ произойти поворотъ такого же характера и въ другихъ областяхъ жизни. Разница между представителями противоположныхъ партій заключается здѣсь только въ томъ, что однѣ—реакціонныя группы—жаждутъ и алчутъ общаго поворота, между тѣмъ какъ другія—либеральныя группы—всячески мѣшаютъ и противодѣйствуютъ его наступленію.

Очевидно такимъ образомъ, что въ общественной жизни существуетъ извѣстнаго рода соотношеніе между различными сторонами жизни, что, коль скоро совершается реверсія въ одной изъ нихъ, это явленіе сопровождается реверсіей и во всѣхъ остальныхъ. Независимо отъ приведеннаго факта, въ пользу такого положенія говоритъ и слѣдующее соображеніе. Реверсія совершается въ данной области жизни, благодаря преобладающему вліянію тѣхъ, которые представляютъ собою окаменѣлые остатки прошлаго. Понятно, что они, имѣя возможность проявить исповѣдуемые ими принципы, проявятъ ихъ не въ одной только данной узкой сферѣ жизни, а во всѣхъ сферахъ, гдѣ это окажется возможнымъ, и до тѣхъ поръ, пока это окажется возможнымъ, т. е. иными словами, до тѣхъ поръ, пока прогрессирующіе элементы не соберутся съ силами, чтобы снова получить преобладаніе въ общественной жизни.

УКАЗАТЕЛЬ.

Цѣна 2 руб.